

Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск)
Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии
СО РАН (Россия, Омск)
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
(Россия, Омск)
Омский научный центр СО РАН (Россия, Омск)
Тюменский научный центр СО РАН (Россия, Тюмень)
Павлодарский педагогический университет (Казахстан, Павлодар)

Интеграция археологических и этнографических исследований

Сборник научных трудов

Омск, Тюмень
2022

УДК 930.26+39
ББК 63.40+63.50
И73

И73 **Интеграция археологических и этнографических исследований:** сборник научных трудов / гл. ред. Н. А. Томилов ; отв. ред.: М. А. Корусенко, С. Н. Корусенко, С. С. Тихонов. – Омск ; Тюмень : «Издатель–Полиграфист», 2022. – 254 с.

ISBN 978-5-98236-138-2

Сборник подготовлен на основе материалов участников XXIII Международного научного симпозиума «Интеграция археологических и этнографических исследований» (Тюмень, 26–27 октября 2022 г.). Представлены работы археологов, этнографов, антропологов, историков и других специалистов из России, Казахстана, Кыргызстана, Армении, Тайваня, Чехии по следующему кругу проблем: историографические аспекты взаимодействия археологии и этнографии в реконструкции древней, средневековой и новой истории; этноархеологические исследования: теория, методика, источники этноархеологии, исследовательское поле этноархеолога, понятийный аппарат этноархеологии; результаты практических работ в области интеграции исторических дисциплин, в том числе – археологии, этнографии, а также других гуманитарных и естественных наук и исторические реконструкции. Книга рассчитана на специалистов в области археологии, этнографии, этноархеологии, истории, культурологии и других наук.

УДК 930.26+39
ББК 63.40+63.50

Рецензенты:

канд. ист. наук А. В. Полеводов,

канд. ист. наук И. А. Селезнева

Редакционная коллегия:

А. Н. Блинова (Россия, Омск), Ю. В. Герасимов (Россия, Омск), М. А. Корусенко (Россия, Омск, отв. ред.), С. Н. Корусенко (Россия, Омск, отв. ред.), В. И. Молодин (Россия, Новосибирск), Ю. И. Ожередов (Россия, Томск), Т. Н. Смагулов (Казахстан, Павлодар), С. С. Тихонов (Россия, Омск, отв. ред.), К. Н. Тихомиров (Россия, Омск), М. Н. Тихомирова (Россия, Омск), А. А. Тишкин (Россия, Барнаул), Н. А. Томилов (Россия, Омск, гл. ред.), А. В. Харинский (Россия, Иркутск)

ISBN 978-5-98236-138-2

© Омский научный центр СО РАН, 2022
© Институт археологии и этнографии СО РАН, 2022
© Оформление. ООО «Издатель–Полиграфист», 2022

Историографические аспекты взаимодействия археологии и этнографии в реконструкции древней и средневековой истории, в том числе – личности, авторские подходы, исследовательские проблемы

УДК 94(575.2) (04)

Т. К. Арзыбаев

*Кыргызстан, Бишкек, Институт истории, археологии
и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук
Кыргызской Республики*

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДРЕВНИХ КЫРГЫЗОВ

Древние кыргызы (гэгунь, гянгунь древнекитайских источников) обитали в Восточном Притяньшанье. В конце II в. или в III в. часть кыргызов (восточные кыргызы) по каким-то причинам отделилась (или ее отделили) и оказалась на севере и поселилась в междуречье Абакана и Кема (Енисей), в Койбальской степи. Другая же часть древних кыргызов (западные кыргызы) продолжала жить на своих прежних землях. Восточные кыргызы вскоре перешли на левый берег Абакана, т. е. в левобережную часть Минусинской степи, где на горе Изых-тах находился их основной некрополь, усыпальницы вождей восточных кыргызов.

Ключевые слова: кыргыз, Абакан, гэгунь, хунну, восточные кыргызы, Алтай, горы, племена, Азия.

T. K. Arzybaev

*Kyrgyzstan, Bishkek, Institute of History, Archeology
and ethnology B. Jamgerchinov National Academy of Sciences
Kyrgyz Republic*

ETHNIC FOUNDATIONS OF THE ANCIENT KYRGYZ

Ancient Kyrgyzs (gegun, giangun of ancient Chinese sources) lived in the Eastern Pritianshan. At the end of the II AD or in the III AD part of the Kyrgyz (Eastern Kyrgyz) for some reason separated (or was separated) and by the will of fate ended up in the north, and settled in the interfluves of Abakan and Kem (Yenisei), in the Koibal steppe. Another part of the ancient Kyrgyz (Western Kyrgyz) continued to Abakan, to the left bank of the Minusinsk steppes. At first, the center of Kyrgyz nomads was located in the Koibal steppe, where their main necropolis, the tombs of the leaders of the eastern Kyrgyz, was located on Mount Izykh-takh.

Keywords: Kyrgyz, Abakan, Gegun, Hunnu, eastern kyrgyz, center, Altai, mountains, tribes, Asia.

Самое раннее упоминание древних кыргызов в исторических (письменных) источниках относится к концу III в. до н. э. Оно содержится в «Ши-Цзи» («Исторические записки») Сыма Цяня, являющегося самым ранним свидетельством о событиях, относящихся к концу III в. до н. э. Древние кыргызы упоминаются в китайской транскрипции как гэгунь. «Ши-Цзи» сообщает, что после победы над юечжам, хунны «впоследствии на севере» завоевали «владения Хуньюй, Кюеше, Динлин, Гэгунь и Цайли» [Иакинф, 1851, с. 80].

Местонахождение гэгуней (древних кыргызов) по этим данным неопределенно, так же как и расположение динлинов. Правда, Иакинф примечает, что «хуннское поколение Динлин занимало земли от Енисея, на востоке до Байкала, по левую сторону Ангары» [Там же, с. 17]. Такая локализация динлинов очень интересна. Как известно, в «Тан-Шу» («История династии Тан») есть сообщение о смешении кыргызов с динлинами, и оно, по нашим соображениям, могло относиться к населению правобережной части Улуг-Кема (Енисея) и далее распространяться на восток. Именно через эти земли и проходил путь китайского посольства в ставку хагяса (древнекыргызского государства) [Боровкова, 1989, с. 61]. Дело в том, что правобережная часть Улуг-Кема (Енисея), горно-таежные племена этого края, в меньшей мере подвергались чужеземному влиянию с запада, чем левобережная часть населения Минусинской котловины [Супруненко, 1974, с. 237]. Поэтому там, во время прохождения по их

землям китайского посольства, действительно могло преобладать белокурое население, среди которых могли быть незначительными черноволосый и кареглазый элементы.

Следующее известие о кыргызах встречается в «Истории Старших Хань» («Цянь Хань Шу») Бань Гу, в связи с событиями, относящимися примерно к середине I в. до н. э. В 49 г. до н. э. Хуннский Чжи-чжи обосновался в западных пределах хуннских владений, желая объединить силы (усун), отправил посла [Бернштам, 1951, с. 177]. Правитель усунь был союзником Ханьской империи, поэтому он «убил его посла и выставил против Чжи-чжи восьми тысячное войско. Увидев, что усуньских войск много, а посол не вернулся, Чжи-чжи со своим войском атаковал и разгромил их. Затем, на севере от усуньских земель (в которые он вторгся) разбил (племя) уцзе и уцзе сдались (ему). Подняв их (уцзе) войско, (Чжи-чжи) на западе (от уцзе) разгромил Цзянькуней [Иакинф, 1851, с. 69]. К северу (от уцзе и цзянькуней) сдались динлины. Объединив (эти) три владения, (Чжи-чжи) неоднократно направлял свои войска против усуней и всегда побеждал их. В 7000 ли на восток от цзянькуней находится ставка шаньюев, а 5000 ли на юг чеши; Чжи-чжи и обосновался (в землях цзянькуней)» [Там же, с. 97]. Впоследствии в цзянькунь к Чжи-чжи шанью из канцзюя посылали послов, «а затем по их соглашению Чжи-чжи ушел из цзянькунь на запад в канцзюй» [Там же, с. 277].

Согласно данным «Цянь Хань шу» гяньгуни в это время располагались где-то в районах Восточного Казахстана, Горного или Монгольского Алтая. Может быть, такая картина расположения была связана с территорией, занимаемой владением чянь-гунь. Кроме того, мы не учитываем возможности передвижения их от Чжи-чжи, который мог вместе с ними передвинуться к северу и обосноваться там, т. е. в 7000 ли от «шаньюевой орды» на Хангае к западу и в 5000 ли от Чеши на север. Ведь Чжи-чжи шанью опасался и сверх того досадовал на Усунь; почему, когда услышал о намерении кангюйского владетеля, крайне обрадовался, заключил союз с ним и пошел со своим войском на запад Чжи-чжи. В походе потерял много людей, только 3000 человек пришли в Кангюй». По мнению В. В. Бартольда, эти потери «несомненно были причинены им усунями» [Бартольд, 1968, с. 317].

Что же касается динлинов, то согласно «Цянь Хань Шу» (Истории Старших Хань), они были покорены где-то на севере или северо-востоке от гяньгуней. Примечательно, что после того, как Чжи-чжи шанью обосновался от «Шаньюевой орды на запад на 7000 ли, от Чеши на север 5000 ли», Иакинф замечает, что «в обоих местах должно разуметь на северо-запад» [Бартольд, 1963, с. 24]. Ставка хуннских шаньюев находилась у Хунгайских гор. Таким образом, если исходить из вышеуказанных данных о местонахождении ставки шаньюя Чжи-чжи, то она могла располагаться в районах Прииртышья, Западного Алтая или где-то рядом.

Еще А. Н. Бернштам указывал, «что как бы ни были неправильны направления стран света в китайских источниках, но цзянькунь (гяньгунь) не могут по этим данным попасть на Енисей, и локализовать их следует на севере от Джунгарских гор, к западу от западного Алтая, где-то в районе Прибалхашья. Дальнейшее описание его (т. е. Чжи-чжи) походов на динлин не дает данных для уточнения локализации цзянькунь, ибо динлинами назывались вообще северные племена, но, таким образом, племена древних кыргызов для данного времени попадают в районы, тяготеющие к Тянь-Шаню и его отрогам, а не к хребтам Саяно-Алтайского горного узла или к горам Танну-Ола и Хангая» [Бернштам, 1951]. В другой своей работе А. Н. Бернштам называет упоминаемых в «Цянь Хань Шу» («Истории Старших Хань») гяньгуней кыргызами Семиречья. Он писал: «Из Восточного Туркестана Чжи-чжи пошел на север и разбил племена уге, к западу от них племена гяньгунь, а затем, по предложению врезавшись в качестве своеобразного буфера по р. Талас между ними и кангюй. В верховьях Таласа (долина на северо-западе Кыргызстана – Т. А.) была ставка Чжи-чжи шаньюя и здесь он был разбит китайским полководцем Чэнтанем и Ганьяншоу» [Бернштам, 1998, с. 18–19].

Для того, чтобы исчерпать сведения об этническом составе Семиречья в этот период, продолжает А. Н. Бернштам, следует еще отметить племена Уге, жившие к северу от усуней, видимо на Тарбагатае, и западную ветвь гяньгунь кыргызов поблизости от них. Севернее Балхаша китайцы называют племена динлин; термин, как известно, собирательного характера, особенно для этой эпохи.

Другим важным источником для определения мест обитания древних кыргызов в эпоху Хань служат карты. Так, на карте Западного края Старшей Хань (Цян Хань) земли угйе, чэши, эянь расположены на восточном Тянь-Шане или его отрогах, на востоке от усуней. Западная граница хунну (сюнну) расположена от земель угйе, чэши, эянь на северо-восток (тяготея к северу). На юго-западе от западной границы хунну, примерно к северу от угйе, чэши и эянь отмечено местопребывание пяти шаньюев: «хугйе, чэли, уги, сянь-чжень и Чжи-чжи неоднократно жили здесь» [Эсен уулу Кылыч, 1993, с. 23].

Исходя из этого, можно полагать, что место пребывания объектов на карте относилось ко времени раньше 49 г. до н. э. Там, где отмечена Западная граница хуннов, хребтов нет, зато расположена река, тянущаяся в направлении северо-запада, юго-востока.

К северо-востоку и к северо-западу от земель угйе, чэшы и эянь расположены хребты. Однако они с востока, севера и запада окаймлены неизвестной рекой. Местоположение усунь напоминает местность в долине Или (судя по карте), ибо там четко показано место впадения двух рек в одно русло (вероятно, Или), которое течет на северо-запад и север, впадая в озеро (очевидно, Балхаш). К северо-востоку от последнего расположены хребты, которые, возможно, связаны с хребтом, находящимся к северу от государства кангюй. К юго-востоку от усунь расположены горы, вероятно, главный хребет Тянь-Шаня. Переднее государство чэшы расположено между двумя хребтами, с севера и юга окаймляющими его. Южный хребет тянется на северо-запад, а северный – на север и соединяется с главным хребтом Тянь-Шаня.

Западное государство Чэшы расположено на востоке от земель угйе, чэшы и эянь. Причем расстояние между ними равно примерно полутора расстояниям от усунь до земель угйе, Чэшы и эянь. Расстояние от последних до местопребывания пяти шаньюев равно расстоянию от первых до усунь. Расстояние от Кангюй до местопребывания пяти шаньев равно, примерно, расстоянию от последнего до Западной границы хунну.

К северо-западу от озера (Балхаш) отмечены земли пяти малых ванов кангюй. Граница между Кангюй и Ферганой расположена где-то у хребтов Западного Тянь-Шаня. К юго-востоку от границы между кангюй и Ферганой и на северо-востоке (ближе к востоку) от Западного поколения усунь располагалось государство усунь, «управление (столица) в городе Чигу». На юго-востоке от государства усунь расположен хребет, за которым стоит озеро Иссык-Куль.

Правильно указан Памир (Цунлин – Луковый хребет), который тянется далеко на юго-запад от западного государства Чэшы. К юго-западу (тяготея к югу) от переднего государства Чэшы, за хребтом, расположенным к югу от него, отмечено место, где написано: «Если от Двора переднего вана чэшы, следуя рекою Бохэ у горы Бэйшань, ехать на запад в Сулэ, это северная дорога». Расстояние от Переднего чэшы до «места» равно примерно, половине расстояния от местопребывания усуней до земель угйе, чэшы и эянь.

Ворота Юймынь-гуань расположены к юго-востоку от «места». Расстояние между ними равно расстоянию от Переднего чэшы. Государство яньки отмечено за главным хребтом Тянь-Шаня, примерно на юго-восток от местоположения усуней и к югу от земель угйе, чэшы и эянь. К югу от государства яньки, за рекой, протекающей к югу от него, оканчивается хребет, тянущийся на северо-запад, к югу от переднего чэшы. Расстояние от местоположения усуней до государства яньки равно, примерно, расстоянию от последнего до переднего государства чэшы. Государство яньци расположено, примерно, на северо-западе (тяготея к западу) от переднего государства чэшы. Государство Сулэ (Шулэ) расположено по южную сторону хребта Тянь-Шаня.

Река «Бохэ у горы Бэй-Шань» – видимо, в ней можно видеть реку, текущую с гор Тянь-Шаня и тянущуюся вдоль Сулэ (Шулэ), далее – на северо-восток, затем сворачивающую на юго-восток и оканчивающуюся на северо-западе от «места» и к северу от переднего чэшы. Расстояние от окончания реки до переднего государства чэшы равно, примерно, расстоянию от последнего до «места». Тьхянь-Шань (Тянь-Шань – Небесные горы) или Цилян-Шань (Горы Цилян) отмечены рядом с задним государством чэшы, к востоку. Область Дуньхун расположена на восток от ворот Юймынь-гуань. Расстояние между ними равно, примерно, половине расстояния от последнего до «места». Вероятно, расположение объектов на данной карте Западного края относилось к периоду до 49 г. до н. э., когда в степи произошли изменения в расселении племен, в частности у гяньгуней, которые до этого жили в районах, составлявших западные пределы хуннских владений. После известных событий середины I в. до н. э., произошедших в степях, местоположение гяньгуней изменилось. Как выше указывалось, земли угйе на карте Западного края при династии Хань (Цянь Хань) находятся на Восточном Тянь-Шане или в его отрогах, на востоке от усунь. Усуни показаны в долине р. Или. Таким образом, если исходить из того, что отмеченные на карте объекты расположены приблизительно (и даже с ошибками), то места обитания гяньгуней попадают в Джунгарию или Семиречье, или в районы к северу от них.

О том, что древние кыргызы были по своему происхождению и принадлежности кочевниками, видно также из содержания письма Ли Лина, внука знаменитого древнекитайского полководца Ли Гуана, которого великий шаньюй империи Хунну женил на своей дочери, присвоив ему высокий титул западного чжуки, князя хуннской державы. Кроме этого, Ли Лин одновременно являлся наместником у гяньгуней. Гяньгуни тогда обитали в западных пределах хуннских владений. Вот что

он писал в своем письме в Китай: «Весь день не вижу никого, одно отродье лишь чужое. В кафтане кожаном и в юрте войлочной, чтобы защищать себя от ветров и дождей. Вонючая баранина, кумыс – вот чем свой голод и жажду утоляю. Я ночью уже спать не могу и ухо, склонив, слышу где-то вдали переливы свистулек номадов. Здесь кони пасутся и жалобно ржут, так звонко и резко в своих табунах» [Аристов, 2001, с. 79]. Упоминаемые здесь свистульки очень напоминают кыргызские чооры (музыкальный инструмент). Кожаный кафтан – традиционное одеяние кочевников кыргызов, восходящий к кафтанам так называемого скифского или сакского типа. Нет сомнений, что Ли Лин писал о древних кыргызах. Так, еще Л. Р. Кызласов по этому поводу отмечал: «Как бы критически мы не относились к преувеличенным жалобам оторванного от родины представителя военной знати, но все, же весьма вероятно, что именно гянгуней он имел ввиду, когда писал о чужих ему вещах в этой стране» [Кызласов, 1960, с. 97].

Согласно китайской карте Западного края при династии Младшей Хань (Хоухань) Усунь располагалась на западе от Кангюя, вдоль реки, тянувшейся от нее на северо-восток (вероятно Или), и впадающей в большое озеро (очевидно, Балхаш). «Тьянь-Шань (Тянь-Шань), иначе Белые горы (Бай Шань)» расположены далеко на юго-востоке от Канцзюя. Расстояние между ними равно примерно трем расстояниям от Кангюя до Усунь. К западу от «Тьянь-Шань, иначе Белые горы (Бай Шань)» отмечены Правые земли хунну (сюнну). Расстояние между ними равно примерно расстоянию от Усунь до Кангюя. Государство Яньки (Яньци) расположено на юго-восток (ближе к востоку) от Кангюя и на юго-запад от «Тянь-Шань, иначе Белые горы (Бай Шань)».

Уезд Дуньхуань расположен там же, что и на карте, при династии Хань (Цянь Хань). «Переднее поколение (отдел) Чэши (Чэши-Цянбу). Песчаная степь» [Китайская классическая проза, 1958, с. 144] равно примерно расстоянию от государства Яньки (Яньци) до кангюя.

Гянгуняи еще упоминаются в «Вэй-Люэ» («Обзоре Вэй» или «Вэйском обозрении»), составленном Юйхуанем в эпоху Саньго (220–280 гг.). Это сочинение сохранилось в комментариях Пэй Сунчжи к Саньго-чжи, где говорилось об окружающих Срединное государство (т. е. Китай) племенах и владениях, а также путях сообщения с ними. Причем о гянгунях в этих сообщениях говорится как о западных иноземцах. Там указано: «Худэ (находится) к северу от Цунлин, к северо-западу от усунь, к северо-востоку от Канцзюя. Владение гянгунь расположено северо-западнее Канцзюя. Отборное войско 30 тысяч человек. Первая, южная дорога, шла на запад мимо племен жоцян через Цунлин к Большим Юечжи. Вторая, средняя дорога, шла на запад от Цюцы и Цунлина. Новая, северная дорога, шла на северо-запад до области Чэши, а в Гаоче соединялась со средней дорогой в Цюцы. Часть этой северной дороги проходила на запад от владений гянгуней» [Бернштам, 1941, с. 99].

Любопытно, что в «Вэй-Люэ» говорится о динлинах, живущих к югу от Бэй-Хай, которые «по-видимому», «не те (динлины), которые находятся западнее Усунь» [Эсен уулу Кылыч, 1994, с. 277]. Хотя сведения о динлинах тоже запутаны, противоречивы, тем не менее, представляется возможным констатировать наличие самой западной динлинской группы племен к югу от Бэй-Хай (Западного моря). Последнее можно было бы отождествлять, например, с озером Зайсан или каким-либо водным объектом, расположенным в восточной части современного Казахстана. Хотя, по нашему мнению, сведения, содержащиеся в «Вэй-Люэ» о гянгунях и динлинах, могли относиться к эпохе Хань. В частности, очень интересно то, что часть северной дороги, которая «шла на северо-запад от области Чэши, а в Гаоче соединялась со средней дорогой в Цюцы», проходила на запад от владения гянгуней. Это означает, что граница владения гянгунь на западе или на юге доходила вплоть до Восточного Тянь-Шаня, что свидетельствует о том, что гянгуняи в то время обитали в районах Восточного Притяньшанья, т. е. в землях, которые до сер. I в. до н. э. относились к западной части хуннских владений. По-видимому, сведения «Вэй-Люэ» о гянгунях относились к эпохе «Хань», хотя сообщение о том, что часть северной дороги, проложенной в период династии Вэй (220–265 гг.), проходила к западу от владения гянгунь, свидетельствует о проживании в это время гянгуней или какой-то их части в районах Восточного Притяньшанья. И еще – не допущено ли в «Вэй-Люэ» или у Пэй Сунчжи ошибки, где должно было находиться владение гянгунь? Владение Кангюя, по-видимому, не доходило на северо-востоке за пределы озера Балхаш. Сфера влияния Кангюя могла доходить до западного его побережья. Скорее всего, Кангюя или крайние его пределы следует локализовывать на тех землях, на которых по ошибке «Вэй-Люэ» или Пэй Сунчжи расположено владение гянгунь. Такая локализация гянгунь, т. е. есть к северо-востоку от Кангюя, вполне может соответствовать районам их обитания в эпоху Хань.

Таким образом, анализ источников показывает, что древние кыргызы в эпоху Хань обитали в западной части Хуннского государства и обитали в Восточном Тянь-Шане или Притяньшанье, Джунгарии, северо-востоке Семиречья или в степях Восточного Казахстана.

Список источников и литературы

- Аристов Н. А.* Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. – Бишкек : Илим, 2001. – 582 с.
- Бартольд В. В.* Новые исследования об орхонских надписях // Соч. : в 9 т. – М. : Наука, 1968. – Т. V. – С. 312–328.
- Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья // Соч. : в 9 т. – М. : Изд-во вост. лит-ры, 1963. – Т. II. – Ч. 1. – С. 23–106.
- Бернштам А. Н.* Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек : Айбек, 1998. – Т. II. – 704 с. [Электронный ресурс] // Источники и исследования по истории Центральной Азии: [сайт]. – URL: <http://siteistoc.host.nost.kg/bibliotek.htm> (дата обращения: 12.08.2022).
- Бернштам А. Н.* Очерк истории гуннов. – Л. : ЛГУ, 1951. – 256 с.
- Боровкова Л. А.* Запад Центральной Азии во II в. до н. э. – VII в. н. э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). – СПб. : Наука. – 1989. – 181 с.
- Иакинф* (монах). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена : в 3 ч. – СПб. : Тип. военно-учебных заведений, 1851. – Ч. I. – 577 с.
- Китайская классическая проза / в пер. акад. В. М. Алексеева. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 388 с.
- Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н. э. – V в. н. э.). – М. : МГУ, 1960. – 198 с.
- Супруненко Г. П.* Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая : сб. памяти акад. В. П. Васильева. – М. : Наука, 1974. – С. 236–248.
- Эсен уулу Кылыч.* Древние кыргызы. Кыргызы в Средней Азии или кочевники азы. – Бишкек : Илим, 1993. – 87 с.
- Эсен уулу Кылыч.* Хагяс. История енисейских кыргызов (С древнейших времен до начала XVIII века). – Бишкек : Илим, 1994. – 438 с.

Г. С. Вртанесян

*Россия, Москва, Российский государственный гуманитарный университет,
Центр изучения религий*

**ВАРИАЦИИ «ОСНОВНОГО» МИФА ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Светлой памяти Михаила Федоровича Косарева

В работе рассмотрены вариации «основного» мифа (ОМ) индоевропейцев (по С. В. Иванову, В. Н. Топорову) в сибирском нарративе. Исходный вариант мифа описывает борьбу Бога Грозы (Верх) и Змея (Низ). Мотив конфликта – нехватка воды, инициированная Змеем. Однако полная версия ОМ включает и «алгебру родства» основных образов, экологию, описание числовой структуры мифа и т. д., составляющих, по сути, его основу, что редко учитывается исследователями. Известен опыт реконструкции ОМ на материалах андроновской культуры, произведенный И. В. Ковтуном. В них весьма впечатляюще восстанавливается ОМ, с детальными схождениями центральных образов ОМ, – Змея глубин, Триты Аптыи и др., с ведическими текстами. Однако в них не учтены реалии региона – влажность, таежный ландшафт и т. д. Анализ фольклорных текстов обских угров, кетов, селькупов и другого коренного населения Западной и Восточной Сибири (алтайские тюрки, тунгусы) показал инверсии образов и сюжетов, имеющих отношение к ОМ. Доказано, что образ Бога Неба выходит на первый план, а Громовержец становится лишь исполнителем / помощником Бога Неба. Змея как носителя зла в текстах нет; его сменяют людоеды, великаны и др., имеющие отношение к холоду и тьме. Сохранены основные мотивы мифа – предательство жены и сына Громовержца и наказание их в виде изгнания или убийства. Сибирские версии ОМ нашли отражение и в космогонии. Выявлено доминирование растительного кода, что ожидаемо, с учетом реалий (таежный ландшафт).

Ключевые слова: основной миф, календарный миф, Западная Сибирь, Бог Грозы и Неба.

G. S. Vrtanesyan

*Russia, Moscow, Russian State University of the Humanities,
Center for the Study of Religions*

**VARIATIONS OF THE «BASIC» MYTH OF THE INDO-EUROPEANS
IN WESTERN SIBERIA**

The paper considers variations of the basic myth (BM) of the Indo-Europeans (according to S. V. Ivanov, V. N. Toporov), in the Siberian narrative. The original version of the myth describes the struggle of the God of Thunderstorms (Up) and the Snake (Down). The motive of the conflict, the lack of water initiated by the Snake. However, the full version of BM also includes the «algebra of kinship» of the main images, ecology, description of the numerical structure of the myth, etc., which, in fact, form its basis, which is rarely taken into account by researchers. The experience of reconstruction of the BM on the materials of the Andronovo culture made by I. V. Kovtun known. BM very impressively restored in them, with detailed convergence of the central images of BM, – the Serpent of the Depths, Trita Aptya, etc., with Vedic texts. However, they do not take into account the realities of the region – humidity, taiga landscape, etc. The analysis of folklore texts of the Ob Ugrians, Kets, Selkups and other indigenous populations of Western and Eastern Siberia (Altai Turks, Tunguses), showed inversions of images and plots related to BM. Shown, that the image of the god of Heaven comes to the fore, and the Thunderer, becomes only a performer / helper of the God of heaven. There is no snake as a bearer of evil in the texts, it is replaced by cannibals, giants, etc., related to cold and darkness. The main motives of the myth preserved – the betrayal of the wife and son of the Thunderer, and their punishment in the form of exile or murder. Siberian versions of BM also reflected in cosmogony. The dominance of the plant code revealed, which expected, taking into account the realities (taiga landscape).

Keywords: basic myth (BM), calendar myth, Western Siberia, Gods of Thunderstorms and Sky.

Работа базируется на фольклорных и эпических текстах. Согласно древнейшим текстам (хетты, нач. II тыс. до н. э.), ОМ базируется не только (и не столько) на противостоянии Бога Грозы со Змеем глубин (Ажи Дахака), но является, по сути, пересказом годового календарного мифа, центральное событие которого, Ильин день, – это грозные дожди, прерывающие период летней засухи [Ардзинба, 1982, с. 26–27]. Эти тексты, подтверждаются более поздними (др. греч., др. слав. и др.). Основа их – история конфликта Бога Грозы с женой, которая ушла к Змею после первого поражения Бога Грозы, и со своим сыном, который, став зятем Змея, помогает получить отцу, проигранные

Змею в первой схватке части тела, – сердце и глаза [Hoffner, 1991, p. 10–13]. После второй, уже победной схватки со Змеем, Бог Грозы предлагает сыну бросить Змея, но сын отвечает отказом, за что его сжигают вместе со Змеем. Видно, что важной частью сюжета выступают не только эпические схватки (в которых Бог Грозы выглядит достаточно невнятно), а мотивы отношений Бога Грозы с женой (предательство) и с непокорным сыном. Представляют интерес и отношения Бога Грозы с отцом, поскольку в классических вариантах мифа Бог Грозы с помощью матери лишает отца трона и власти [Иванов, 1977, с. 303].

Реконструкции андроновского варианта ОМ сделаны И. В. Ковтуном [Ковтун, 2016, с. 116–131]. Но для признания их убедительными нелишне учесть следующее. По В. А. Хелимскому язык носителей андроновской культуры (четвертая (?) ветвь ариев) уже к концу II тыс. до н. э. был мертв, оставив лишь следы в окружающих уральских (праугры и прапермцы) языках [Хелимский, 2000, с. 502–510]. ОМ в разных (но близких) вариациях известен из «Авесты» и «Ригведы». В. В. Напольских показал, что близость религиозно-культурных традиций создателей «Авесты» (восточные иранцы) и «Ригведы» (индоарии) являлась не общеарийским (!) наследием, а результатом вторичных контактов, где-то на севере современного Афганистана и восточного Ирана в середине II тыс. до н. э. [Напольских, 2010, с. 241].

Рассмотрим инверсии мотивов и образов. В реалиях Западной Сибири (избыточная влажность), мотив засухи и борьбы за источники воды мало актуален. Видимо поэтому функциями верховного наделен Бог Неба (погода, свет и т. д.) – Нуми Торум (обские угры), Есь (кеты), Ном (селькупы) и, соответственно, на них перенесены коллизии Бога Грозы с женой и сыном. «Змей» ОМ принимает разные облики – это лесные чудовища (людоед, менкв, черт, великан Севера и др.). Анализ всех экологических мотивов ОМ в целом и их вариаций в текстах в рамках одной работы невозможен, поэтому выделим два основных мотива: 1. Уничтожение злого начала («змея»). 2. Наказание жены и непокорного сына. В силу ограничений по объему круг рассматриваемых текстов невелик.

Кеты. Кетский Альба (сын или помощник верховного духа Еся) обшаривает небо и землю в поисках Хоседам (персонификация злого начала), бывшей неверной жены (мотив K9, по Ю. Е. Березкину, Е. Н. Дувакину) Еся (благое начало) – хозяина и повелителя неба. Образ Альбы, несомненно, имел отношение и к календарному мифу, поскольку он «прокладывал» Млечный Путь [Анучин, 1914, с. 7], меняющий свое положение на небе в зависимости от сезона года. Хоседам, убегая от преследующего ее Альбы (посланец Еся), оборачивается налимом, скрывается и уходит вниз по течению, то есть – на север. Здесь налим напрямую соотнесен с устьем реки (низ) и зимой, поэтому его преследователь Альба – это символ наступающего летнего сезона. Не догнав Хоседам, он возвращается наверх по течению и превращается в каменную гору на восточной стороне. В другом случае сын, нарушивший указания отца Еся, превращается в собаку. В сюжете о «сыне неба» отец за непослушание обрекает его на смерть, «задув» весенним холодным ветром, а Млечный путь – след его лыж. Хоседам (Хося – дам – букв. «Нижняя мать») была символом севера, холода и имела признаки хтонизма (четырепалость). После потери сына она мстит всем пятипалым, то есть «земным» людям [Алексеенко, 2001, с. 63–64, 74–75, 77; Кетские народные сказки, 2006, с. 46]. В кетских мифах нет образа Змея, сжигание которого завершает логику ОМ. Но есть людоедки / черти или великаны, живущие на северной стороне, которых убивает и сжигает герой – победитель. Эпический герой Дох громом и молнией поражает злых духов – кинзей, укрывающихся в комлях лиственных деревьев. Кетский дух («бог») грома Ек борется с некими карликами «литысь», прячущимися в комлях лиственных деревьев (мотив I57 [Березкин, Дувакин]). Выделение в тексте именно лиственных пород, видимо, неслучайно, поскольку именно лиственные (в первую очередь – береза) символизировали «тепло – юг», и, кроме того, в отличие от хвойных, они гнивали во влажном климате быстрее, становясь тем самым удобной моделью образа «отрицательного (гнилого) начала». Отметим восточную локализацию помощника Еся (Альба), западную – его строптивого сына и северную – его неверной жены (Хоседам).

Селькупы. Несмотря на близость структур и сюжетов селькупских и кетских мифов, мотив преследования неверной жены духа неба здесь почти отсутствует. У селькупов известен Иття (Иче) борец со злом, в роли героя и трикстера одновременно. Он боролся с великаном Пюна Кэса (Пюнегуссе) – «чудовищем (людоедом) севера», квинтэссенцией зла в селькупском героическом мифе. Пюнегуссе в одном из вариантов мифа – муж сестры Итти. В двух первых схватках Иття терпит поражение, и его «съедают» (синоним ранения, так как «убить» – это «съесть целиком»), однако его оживляет жена, намазав волшебной мазью. Но в третий раз Иття уже побеждает, «насадив» Пюнегуссе на «западную» елку, а сестру на «восточную» [Доннер, 1915, с. 41]. Соотнесение убитых Пюнегуссе и его жены (сестра Итти) с западом и востоком, скорее всего, является указанием на время весеннего равноденствия, когда солнце встает точно на востоке и заходит на западе. Посмертная западная локализация злодея Пюнегуссе связывает его финал («закат») со стороной

захода светил. Характерные мотивы в данном сюжете – поражение героя после первой схватки, предательство сестры (брак с его противником – чудовищем). В некоторых вариантах мифа (селькупы, обские угры, ороки, нанайцы, эвенки и др.) побежденного противника расчлениают и затем сжигают, с появлением мошки и гнуса из пепла сожженного чудовища (мотив Н28, Н28А [Березкин, Дувакин]). Известен единичный сюжет, с Ылынты кота, бывшей женой Нома, которая, поссорившись с ним, ушла жить глубоко под землю, а ее две дочери с огненными лицами стали небесным и подземным солнцем [Пелих, 1998, с. 29]. Дух неба Ном преследуя лесного духа (мачиль лоз), прячущегося в толстых деревьях, разбивает их, послав молнию (мотив I57 [Березкин, Дувакин]).

Обские угры. Главным эпическим героем – Мир суснэ хум, последний «сын» бога и рожден женой изменницей (Калташ), от духа Низа – Куль отыра. Торум (небо) имеет много эпитетов, однако наиболее важно его соотнесение с югом и светом, в целом дающее положительную коннотацию этого образа. Торум (ханты) приказывает сжечь за непослушание сына, однако вместо головешек образуется озеро, в котором плавает его сын в виде гусенка. У южных хантов Торум сажает в яму на 40 лет непослушного сына [Патканов, 1999, с. 346–349]. Торум посылает молнию в то дерево, где прячется злой дух. Гром – стрела Торума, радуга – его лук [Кулемзин, 2004, с. 43]. Кроме Торума в мифах известен Дядя Гром; весной ездит на север, воевать с 7 сыновьями женщины Кир нюлуп ими (ведьма), которыми являются менгки (лесные чудовища) и великаны. Еще один враг – лыхамет. Это умершие души людей, бродящие по земле в человеческом облике, хотя в грозу они прячутся внутри деревьев [Каксина, Бурькин, 2015, с. 51–52].

Побежденное «Зло» (условно – «Змей» ОМ) наказывается распадом. Первое – образование из тела убитого великана, людоеда, менква и др. частей ландшафта: рек, островов, перекатов и т. д., фактически калька «творения» мира из тела первочеловека Пуруши, Имира и др. (мотив F2 по [Березкин, Дувакин]). Второе – сжигание великана, колдуньи, чертовки и др., пепел которых превращается в комаров, мошкору и т. п., демонстрируя бессмертие зла (мотив Н28, Н28А) и превращая, тем самым, эти сюжеты в календарные, повторяющиеся.

Для выявления влияния экологии и хозяйственно-культурного типа (ХКТ) на инверсии образов и мотивов, сравним приведенные тексты с тунгусскими (Восточная Сибирь, Приморье). В одном из вариантов мифа небесной погони (зейские эвенки), который Г. М. Василевич считала древнейшим, Хэглин – это сын охотника Манги. Во время охоты на лося с собакой Хэглин, не желая смерти Лосю, ловит собаку и, проклятый отцом, превращается в Небесного Лося. В этом сюжете вполне узнаваем «основной миф» – противодействие отцу или прямой конфликт с ним, в виде помощи его противнику (Змею, или в нашем случае – Лосю, «уносящему» солнце), и наказание – превращение в свою противоположность. Космогонический сюжет принял охотничью «окраску». В другом сюжете – история незадачливого Чакиптылана, которого Экшэри (дух Верха) за промах (попадание в ногу, а не в сердце лося) обрек на неподвижность (и гниение), расположив его между ногами Небесного Лося и Млечным путем. Разрывает на куски Небесного лося (похитителя Солнца, тьма = людоед, зап. эвенки) медведь, в роли героя, создавая, таким образом, созвездия [Василевич, 1959, с. 162–163]. Если полагать, что Небесный Лось в сюжете отрицательно «окрашен» (похищение солнца = Зло), тогда промах Чакиптылана можно трактовать как первую неудачную схватку борца (Чакиптылан) со Злом (Небесный Лось), после которой борец «лишается» ног (неподвижность). Здесь ОМ приобрел и космогонический «флер», и форму основного хозяйственного занятия – охоты на копытных.

В мотиве I57 [Березкин, Дувакин] Гром преследует противника (черт; животное, обитающее в норе; рептилия). Этот мотив широко распространен в Евразии. В шаманской мифологии ороцкий (Приморье) хозяин гор и творец Кынга (< Канда) преследовал и стрелял в подземного демона Бучукэна, похитившего дочь Солнца. Под зооморфной ипостасью Канда – Канги подразумевался лось или олень [Цит. по: Вртанесян, 2020, с. 233]. Енисейские эвенки, маньчжуры, чукчи и коряки были знакомы с представлением об огне – мэлкен (чукотско-корякское мелгин), который жил в пнях и был вреден для человека. Поэтому Экшэри – дух хозяин верхнего мира насылал на него молнию, которая убивала «мэлкена» [Василевич, 1969, с. 222]. Что касается выбора пня как символа Низа и прошлого, то прослеживаются весьма прозрачные параллели: мугдэкэн – 1. Пень, комель. 2. предок (эвенк.) [ССТМЯ, 1975, с. 549]. В языках северных тунгусов (эвенки, негидальцы) и южных тунгусов (нанайцы, ороки, ульчи) корень (комель) дерева всегда соотносился с понятием «предок». Дагачан – корень, комель (П-т, А, Алд, Е. И. Н, Нрч, С, Сх, Урм, Учр). Предок (Брг) [Там же, с. 188]. Да – корень, комель, основание (негид. Н). Орок. дамул. – основание челюсти; данинггучи – старейший в роде дата (и) – корень дерева, зуба. 2. Основание. Ульчское дача – корень, комель, пень, основание. дама (да + ама) дедушка. Да (нан.) – корень, комель, пень. Начало, основа, происхождение) да+ама дедушка. Да дубэ – начало и конец, причина и следствие. Да мафа – прапрадед (маньч.) [Там же, с. 189].

В мифах народов Саяно-Алтая Бог Грозы занимал важное место. У хакасов благое божество Курай боролось с подземными существами, поражая их громовыми стрелами [Иванов, 1955, с. 190]. Ах Худай метал молнии в чертей, прячущихся в комле лиственницы. Особое место занимает история неясных взаимоотношений Громовника Улы Кайракана (божий посланник) с бурундуком и летягой. Он их преследовал якобы за то, что бурундук украл корову у Тенгри (дух неба), или же ослепил его младшего сына. Белка летяга также провинилась перед духом неба, поэтому пойманную летягу сжигали как ведьму или змея [Подробнее об этом в: Потанин, 1883, с. 139, 141, 181].

Возвращаясь к истокам ОМ, – известный в новогодней обрядности балканских народов «бадньак», – дубовое полено или комель, сжигаемое в Новый год, стегали и били, стараясь получить как можно больше искр. Полено являлось персонификацией Змея глубин, хтонического образа, олицетворением мирового зла и старого года. Оно было из корневой части дерева (пень), у которого этот Змей располагался, становясь, таким образом, его символом. Пепел бадньака имел целительные свойства и способствовал увеличению плодородия [Топоров, 2007, с. 29–37].

Подведем итоги наблюдений. «Змей» ОМ в западно- и восточно-сибирских фольклорных текстах не упомянут. В Западной Сибири Бог Грозы, основной образ ОМ, ушел на второй план, главную роль играет дух неба (Есь, Торум, Нум, Тэнгри), а Бог Грозы является лишь исполнителем его воли. Мотив наказания сына за непослушание выражен в разных формах – сжигание (ханты), замораживание (кеты), изоляция в яме и др. Образы зла (неверная жена духа Верха) соотносятся с севером (Хоседам, Кир нюлуп ими и др.) и Низом (Хоседам, Илынты ката). Добро соотнесено с югом, светом. «Змей» трансформировался в плохого «предка» и персонифицирован в растительном коде (комель дерева). При этом он мог принимать и вид особого огня (эвенки, чукчи, коряки). Однако сюжетов сжигания опального сына верховного бога почти нет. Части убитого противника (персонификация зла), в лице лесного великана (обычно с северной стороны), могут идти на сотворение мира, либо сжигаются, давая жизнь кровососущим насекомым (обские угры, кеты) [Вртанесян, 2019, с. 11].

Судя по приведенным текстам, наибольшее отражение нашел мотив борьбы благого начала (Небо, Бог Грозы) с его противником, (прячущимся внизу), выраженный в растительном коде (комель, пень, корни), что логично увязывается с реалиями – доминантой таежного ландшафта. Несколько обособлен цикл мифов обских угров, которые и композиционно, и по числовому облику (четыре поколения героев мифа), довольно близки к индоевропейским мифам [Там же, с. 7].

Сделанный весьма сжато, в силу реалий, обзор, тем не менее, показывает направление инверсий сюжетов ОМ. Это доминирование образа бога Неба, с понижением статуса Бога Грозы; замена образа Змея; доминанта растительного кода, увязанная с реалиями (таежный ландшафт); появление кровососущих и т. д. В сибирских вариациях ОМ особое место занимает космогонический пласт в деяниях героев мифа (создание созвездий, Млечного Пути и др.), чего нет в малоазиатских сюжетах ОМ. Особый интерес представляет соотнесение животворящего женского начала с Низом и севером; последнее особенно интересно соотнести с положением летнего солнца в северных широтах.

Список источников и литературы

- Алексеевко Е. А. Мифы, предания, сказки кетов. – М. : Издательская фирма «Вост. Лит» РАН, 2001. – 343 с.
- Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских остяков : (доложено в заседании Историко-филологического отделения 11 мая 1911 г.). – СПб. : Тип. Императорской Акад. наук, 1914. – 89 с. (Сб. МАЭ при ИАН ; т. 2, вып. 2).
- Арджинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. – М. : Наука, 1982. – 252 с.
- Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам : Аналитический каталог [Электронный ресурс] // Ruthenia: [сайт]. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 16.03.2022).
- Василевич Г. М. Ранние представления о мире у эвенков (материалы) // Исслед. и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. – М., 1959. – С. 157–192. – (ТИЭ. Новая серия ; т. 51).
- Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л. : Наука, 1969. – 305 с.
- Вртанесян Г. С. Трикстеры, герои и людоеды в текстах Северной Пасифики. Календарные аспекты образов // Диалог культур тихоокеанской России и сопредельных стран: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации : сб. материалов III Нац. науч. конф. с междунар. участием. – Владивосток, 2020. – С. 228–238.
- Вртанесян Г. С. Эпические герои и трикстеры в аспекте календарного мифа // Вестн. Сев.-Вост. федерального ун-та им. М. К. Аммосова. – Сер.: «Эпосоведение». – 2019. – № 1 (13). – С. 5–23.
- Доннер К. Самоедский эпос // Тр. Том. ов-а изучения Сибири. – Томск, 1915. – Т. III. – Вып. 1. – С. 38–53.
- Иванов В. В. Луна, упавшая с неба. – М. : Худ. лит., 1977. – 317 с.

- Иванов С. В.* К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сб. Музея антропологии и этнографии – М. ; Л., 1955. – С. 165–264. – (Сб. МАЭ ; т. 16).
- Каксина Е. Д., Бурыйкин А. А.* Представления о Громе и грозе в культуре казымских ханты // Вестн. угроведения. – 2015. – № 2 (21). – С. 46–52.
- Кетские народные сказки / сост. Г. Х. Николаева. – Красноярск : Полицор, 2006. – 240 с.
- Ковтун И. В.* Андроновский орнамент (морфология и мифология). – Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. – 547 с.
- Кулемзин В. М.* О хантыйских шаманах. – Тарту : ЭЛМ. – 2004. – 210 с.
- Напольских В. В.* Уральско-арийские взаимоотношения: история исследований, новые решения и проблемы // Индоевропейская история в свете новых исследований : сб. тр. памяти В. А. Сафронова. – М. : Изд-во МГОУ 2010. – С. 229–242.
- Патканов С. К.* Соч. : в 2 т. – Тюмень : Изд. Ю. Мандрики, 1999. – Т. 1. Остяцкая молитва. – 399 с.
- Пелих Г. И.* Селькупская мифология. – Томск : Изд-во НТЛ, 1998. – 79 с.
- Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии: результаты путешествия, исполн. в 1876–1877 гг. по поручению ИРГО чл. сотр. оною Г. Н. Потаниным. – СПб. : Тип. В. Киришбаума, 1883. – Вып. 4. Материалы этнографические. – 1025 с.
- ССТМЯ. Материалы к этимологическому словарю. – Л. : Наука, 1975. – Т. 1: А–НГ. – 672 с.
- Топоров В. Н.* Пифон, Бундния, Бадньак и др. // Имя. Семантическая аура. – М. : Языки славянских культур 2007. – С. 28–42. – (ИМЕНОСЛОВ / ИМЯ: Филология имени собственного).
- Хелимский В. А.* Южные соседи финно-угров: иранцы или исчезнувшая ветвь индоариев («арии-андроновцы») // Компаративистика, уралистика: лекции и статьи. – М. : Языки славянских культур 2000. – С. 502–510.
- Hoffner H. A.* Hittite myths. Writings from the Ancient world 2. – Atlanta : Scholars press, 1990. – 137 p. (на англ. яз.).

Вртанесян Г. С. <https://orcid.org/0000-0002-1044-9587>

А. В. Жук

Россия, Омск, Омское отделение Русского географического общества

**С. У. РЕМЕЗОВ: ПЕРВЫЕ В РОССИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА**

Статья посвящена С. У. Ремезову как пионеру отечественной археологии и этнографии и, прежде всего, – Сибири. Цель научного исследования – изучение основных способов и средств формирования, приемов предельно раннего изучения этнокультурных ситуаций.

Ключевые слова: С. У. Ремезов, Сибирь, чудь, калмыки, археология, Тобольск.

A. V. Zhuk

Russia, Omsk, Omsk Branch of the Russian Geographical Society

**S. U. REMEZOV: THE FIRST IN RUSSIA INTERPRETATIONS OF ETHNOGRAPHICAL
AND ARCHAEOLOGICAL MATERIAL**

The article is devoted to S. U. Remezov as a pioneer of Russian archeology and ethnography, and above all, Siberia. The purpose of the research is to study the main ways and means of forming techniques and methods of extremely early study of ethno-cultural situations.

Keywords: S. U. Remezov, Siberia, Chud, Kalmyks, Archeology, Tobolsk.

На рубеже XVII–XVIII вв. стараниями скромного сибирского подвижника С. У. Ремезова совершилось важное событие. В России были основаны археология и этнография. Хотя время то было архаичное, и не скоро ещё узнают в стране такие слова, как археология и этнография... Но – обо всём по порядку.

Для начала следует сделать небольшое уточнение по имени, а вернее – по отчеству рассматриваемого ученого. Грамотное именование С. У. Ремезова – *Юлианович* (имя *Ульян* – это всего лишь разговорный дериват от имени *Юлиан*). Но, учитывая, что *Ульянович* прочно устоялся, применительно к С. У. Ремезову, в нашей историографической традиции употребление этого нестроного варианта представляется вполне допустимым – разумеется, при сохранении памяти о том, что это вариант нестрогий.

Среди современников, так или иначе отметившихся на поприще археолого-этнографических изысканий в Сибири, имя С. У. Ремезова стоит особняком. В отличие от таких исследователей, как Н. К. Витзен и Г. И. Новицкий, С. У. Ремезов – единственный собственно сибиряк, точнее – коренной сибиряк, и даже ещё более того – сибиряк в третьем поколении. А началось всё с того, что дед его, Моисей Лукианович, начал государеву службу, по окончании Смутного времени, как дворовый сын боярский при Патриархе Московском и всея Руси Филарете.

Исторически *дети боярские* – это бывшие дружинники крупных вотчинников, которых, начиная с Ивана III, отнимали у бояр и давали им поместья на землях, изъятых у новгородских и тверских аристократов. К исходу правления Ивана IV дети боярские уже вполне оформились как служивый чин. В декабре 1628 г. М. Л. Ремезов перебирается в Тобольск; вся последующая служба как самого Моисея Лукиановича, так и его потомков будет теснейшим образом связана с Сибирью вообще и Тобольском в особенности. В частности, сын его Юлиан, также сын боярский, на момент рождения у последнего сына Семена, состоял стрелецким сотником.

В таком контексте служебное положение С. У. Ремезова – *сын боярский* – смотрится более чем скромно. Сложившаяся к его времени разрядная лестница Государства Российского, предшественница *Табели о Рангах* Петровской эпохи, выглядела, по нисходящей, следующим образом:

Чины думские:

1. Бояре;
2. Окольничие;
3. Думные дворяне;
4. Думные дьяки.

Чины Московские:

1. Стольники;
2. Стряпчие;
3. Дворяне Московские;
4. Жильцы.

Чины городовые:

1. Дети боярские;
2. Городовые дворяне.

Таким образом, С. У. Ремезов занимал в тогдашней Российской иерархии скромное предпоследнее место – он не принадлежал даже к низшим чинам по Московскому списку – т. е. к жильцам или дворянам Московским.

В общегосударственном формате это было, пожалуй, не так уж мрачно – в конце концов, дети боярские составляли основу поместного войска, почитались *служилыми людьми по отечеству*. Однако в Сибири последнее обстоятельство особой роли не играло, что хорошо видно на личном примере С. У. Ремезова. А именно – в *дети боярские* он определяется лишь в 1682 г., то есть сорока лет от роду; для служивого человека – уже предпенсионный возраст. Это всё равно, как 40-летнему мужчине присвоить первичное офицерское звание. Такое будет в русской армии в XVIII-XIX вв. с офицерами, которые выслуживались где-то к 40–45-ти годам из нижних чинов. Нечто подобное произошло и с С. У. Ремезовым, который, несмотря на свое происхождение, начал службу в 1668 г., т. е. двадцати шести лет от роду, рядовым казаком в Ишимском остроге.

В своих историко-культурных построениях С. У. Ремезов опирался на информацию по местным древностям, которую на протяжении десятилетий собирали его предшественники и современники. Здесь в качестве примера можно отметить отца Семена Юлиановича, Юлиана Моисеевича, который еще с 1660-х гг. хорошо знал древности по Ишиму [*Гольденберг*, 1965, с. 16]. Но такой пример персональной идентификации, к сожалению, является скорее исключением, чем правилом. Имена коллег, чьи наработки стали основой для изысканий С. У. Ремезова, в массе своей остаются неизвестными.

Но дело не ограничивалось собственно Сибирскими знакомствами. Известно, что значительную часть 1690-х гг. С. У. Ремезов и его сын Семён провели в Москве. Здесь Семён Ульянович получил возможность, в числе прочего, ознакомиться в Сибирском Приказе с богатейшей коллекцией картографического материала, полученного к этому времени из Сибири. Значительную часть этого материала он использовал для разработки своих знаменитых атласов: «Хорографическая чертежная книга», посвященная государю Петру Алексеевичу; «Чертежная книга Сибири» и оставшаяся в состоянии рабочих материалов «Книга служебная чертежная». Последнюю выявил и доставил в Санкт-Петербург, вместе с Ремезовской летописью, Г. Ф. Миллер.

К настоящему времени все три атласа С. У. Ремезова изданы. «Чертежная книга Сибири» дважды: в 1882 и 2003 гг. «Служебная чертежная книга Сибири» – в 2006 г., а «Хорографическая чертежная книга» также дважды: в 1958 и 2011 гг. Однако, при всей фундаментальности этих изданий, информации по исходным источникам мы здесь не найдем [Чертежная книга Сибири..., 2003; Служебная чертежная книга Сибири..., 2006; Хорографическая чертежная книга Сибири..., 2011].

Истолкование сибирских древностей у С. У. Ремезова весьма оригинально. Весь комплекс известных ему памятников Семен Юлианович разделяет на древние и более новые. Древнейшие памятники принадлежат, по его мнению, «чудскому народу». «Чудь», согласно С. У. Ремезову, – это язычники; соответственно, более поздние памятники принадлежат магометанам. «Егда переменился древний чудский народ босурманством, прежде кланялися и жряху жертвы кровавыя кумиром, пришед же Кучум от Казачьи орды и дал им закон Магомета» [Цит. по: *Гольденберг*, 1965, с. 125]. «Во всех улусах начали пахать хлеб и сеяли овес, полбу и ячмень, что перешло к ним от Казачьей орды; при том же приняли и закон магометанской и грамоте обучились. До сего времени все роды сии чудь слыла, а сего времени стали называться бусурманы» [Там же, с. 122].

Утверждение Кучума в Сибири состоялось во второй половине XVI в. Следовательно, это и есть, согласно Ремезову, время преобразования археологически известной «чуди» в этнографически известных «бусурман».

Еще одну разработку такого рода С. У. Ремезов выполнил по калмыкам.

Вообще-то, материал для этой разработки набирался уже давно. Еще дед Семена Ульяновича, Моисей Лукианович, возглавлял в 1640–1641 гг. русское посольство в Джунгарию; дипломатическую службу у джунгар исполнял в 1660 г. и его сын Юлиан. Наконец, в 1698 г. последовало

ответное посольство калмык в Тобольск; С. У. Ремезов использовал и материалы, полученные через это посольство.

Кстати, именно 1698 г. И. Л. Черепанов использует в качестве датировки утраченного теперь «Описания о Сибирских народах и граней их земель» С. У. Ремезова.

Культурно-хронологическая ситуация с калмыками была несколько иной, нежели с «басурманами». По калмыкам у С. У. Ремезова обозначились целых два надежных по времени репера. Начало исторического бытия калмык (в то время еще «уйряты») С. У. Ремезов возводит к походу Александра Македонского, воспроизводя анекдотическое предание о том, как уйрята угнали из войска Александра коней. Второй историко-хронологический репер, который прилагает к калмыкам С. У. Ремезов, – это времена Чингисхана и, как он выразился, взятия им Сибири.

А теперь – что же мы видим на уровне если не понятий, то, по крайней мере, восприятия рубежа XVII–XVIII вв.? Перед нами – народы, обитавшие в известной части Сибири до прихода русских и продолжающие обитать в этой части после оного. И у этих народов есть своя история, отмеченная где памятниками древности, где преданиями древности и, во всяком случае, очень важными переменами. А именно – эти народы меняют имя. Из древности в современность меняется имя народа. Чудь становится басурманами; уйрята становятся калмыками. С народами явно что-то происходит. Меняя имя, они меняют этнокультурную сущность. Так, чудь-басурманы со сменой имени переменили вероисповедную принадлежность. Для уйрят-калмык смена имени происходит, судя по С. У. Ремезову, несколько иначе – вследствие их размножения, разделения на множество (24) поколений (родов), причем каждое существует под собственным именем [Там же, с. 231–232].

Можно ли сделать вывод, что перед нами – начало процесса интерпретации археологического и этнографического материала Сибири? Думаю, что можно. Отныне правомерно говорить не просто о накоплении соответствующего материала (материал накапливался, как мы заметили, уже давно), но о начале его истолкования, т. е. о начале становления наших наук. Ибо совершенно прав был И. Е. Забелин, когда подчеркивал, что «археология уже не факт, а наука, то есть понимание факта; а понимание бывает нередко и даже часто весьма далеко от той правды, которую носит в себе факт или памятник» [Сибирские летописи, 1987, с. 81]. И вот С. У. Ремезов понимает факты... И он их, в общем-то, понимает, вполне на уровне человека рубежа XVII–XVIII вв, с учётом условий того времени.

Другое важное обстоятельство (и теперь уже безотносительно к терминологии трехсотлетней давности): с самого начала, т. е. уже на рубеже XVII–XVIII вв. исследователям стало ясно, что здесь, в Сибири, археологические и этнографические явления соприкасаются очень тесно; причем соприкасаются они не только территориально, но и хронологически. Археолого-этнографическая сопряженность у нас есть объективная исследовательская потребность, которая вытекает из специфики источниковой базы. Сибирская археология невозможна без этнографии – и точно так же справедливо обратное утверждение. Но это уже, опять-таки, – в терминах нашего времени.

И вот, к большому сожалению, случилось так, что первым по времени интерпретациям археолого-этнографического материала Сибири суждено было остаться под спудом. Труд С. У. Ремезова «Описание о сибирских народах и граней их земель», составленный в 1697–1698 гг., который, собственно, и содержит предлагаемые им истолкования местного археолого-этнографического материала, не увидел свет сразу после своего создания. Он вообще не был издан.

Его извлек из архивного небытия И. Л. Черепанов, закончивший свой летописный свод в 1782 г. При этом сам труд С. У. Ремезова к настоящему времени утрачен, он известен лишь по цитатам, которые успел сделать И. Л. Черепанов. В свою очередь, «Черепановская Летопись», содержащая полный текст этих цитат, до сих пор не опубликована и вращается в научном обороте опять-таки лишь в виде цитат [Андреев, 1960, с. 186–190; Гольденберг, 1965, с. 120–127]. Примечательно, что в 1987 г. Институт истории АН СССР официально отказался помещать «Черепановскую Летопись» в академический Сибирский летописный свод, не дав при этом каких бы то ни было объяснений [Сибирские летописи..., 1987, с. 4]. Решение это, судя по всему, и по сей день сохраняется в силе.

Таким образом, размышления и выводы С. У. Ремезова так и остались его личным достоянием, в лучшем случае – достоянием очень узкого круга читателей и специалистов. Неудивительно поэтому, что они не оказали должного, прямого влияния на развитие научной мысли той эпохи. Грустный, но понятный расклад: Ф. И. Штраленберг, Д. Г. Мессершмидт, Г. В. де Геннин (как, впрочем, и В. Н. Татищев, и Г. Ф. Миллер, и И. Г. Гмелин) не интересовались С. У. Ремезовым (поскольку они его не читали и даже не заглядывали в его атласы). Семеном Юлиановичем вообще никто не интересовался и в дальнейшем (по той же причине). А когда рассмотренные в этой

статье интерпретации стали, наконец, доходить до печатного станка, они, давно уже отработав свое, вполне обратились в памятники исторической мысли.

Список источников и литературы

- Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. – М. ; Л. : Наука, 1960. – Вып. 1. XVII век. – 280 с.
- Гольденберг Л. А.* Семен Ульянович Ремезов. Сибирский картограф и географ. : 1642 – после 1720 гг. – М. : Наука, 1965. – 263 с.
- Гольденберг Л. А.* Статья С. У. Ремезова «О калмыках как весьма известном в Сибири народе» // Страны и народы Востока. – М. : Наука, 1976. – Вып. XVIII. – С. 228–233.
- Забелин И. Е.* Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи. – М. : Тип. Грачева и К⁰., 1873. – Ч. II. – 507 с.
- Сибирские летописи. – М. : Наука, 1987. – Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – 383 с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 36).
- Службная чертежная книга Сибири 1697–1701 гг. : в 2 т. – Tobольск : Общественный благотворительный фонд «Возрождение Tobольска», 2006. – Т. 1. – 338 с.
- Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. – Tobольск : Общественный благотворительный фонд «Возрождение Tobольска», 2011. – Т. 1. – 690 с.
- Чертежная книга Сибири, составленная tobольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Факсимильное издание : в 2 т. – М. : ФГУП «ПКО “Картография”», 2003. – Т. 1. – 104 с.

М. А. Корусенко^{1,2}, С. С. Тихонов²

*Россия, Омск, ¹Омский научный центр СО РАН
Россия, Омск, ²Институт археологии и этнографии СО РАН*

XXII СИМПОЗИУМ «ИНТЕГРАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ» В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН (СЕНТЯБРЬ 2018 г.)

В статье рассматриваются результаты проведения XXII международного научного симпозиума «Интеграция археологических и этнографических исследований» в республике Казахстан в сентябре 2018 г. Представлены направления работы. Описан подготовительный этап и ход симпозиума. Научный форум проходил в формате пленарного заседания, все дни проведения симпозиума сопровождались разнообразными культурными мероприятиями. В рамках этой программы участники симпозиума познакомились со структурой и направлениями деятельности «Маргулан центра (Margulan Center)», совершили выезды на серию археологических памятников, сакральных мест, посетили несколько тематических выставок и экспозиций.

Ключевые слова: археология, этнография, интеграция, международный научный симпозиум, Республика Казахстан, подготовка, проведение.

M. A. Korusenko^{1,2}, S. S. Tikhonov²

*Russia, Omsk, ¹Omsk Scientific Center SB RAS
Russia, Omsk, ²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS*

XXII SYMPOSIUM «INTEGRATION OF ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC RESEARCH» IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN (SEPTEMBER 2018)

The article discusses the results of the XXII International Scientific Symposium «Integration of Archaeological and Ethnographic Research» in the Republic of Kazakhstan in September 2018. The directions of work are presented. The preparatory stage and the course of the symposium are described. The scientific forum was held in the format of a plenary session, all days of the symposium were accompanied by a variety of cultural events. Within the framework of this program, the participants of the symposium got acquainted with the structure and areas of activity of the Margulan Center, traveled to a series of archaeological sites, sacred places, visited several thematic exhibitions and expositions.

Keywords: archeology, ethnography, integration, international scientific symposium, Republic of Kazakhstan, preparation, holding.

XXII международный научный симпозиум «Интеграция археологических и этнографических исследований» (далее – международный научный симпозиум, симпозиум), прошел в г. Павлодар (Республика Казахстан) 18–21 сентября 2018 г. на базе Павлодарского государственного педагогического университета и его структурного подразделения – «Маргулан центра (Margulan Center)»¹ благодаря согласию наших казахстанских коллег на его проведение. С российской стороны организаторами научного мероприятия стали Институт археологии и этнографии СО РАН в лице Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения, Омский научный центр СО РАН, Омский государственный университета им. Ф. М. Достоевского.

Председателями оргкомитета международного научного симпозиума стали: с российской стороны – доктор исторических наук Н. А. Томилов, заведующий кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, с казахстанской стороны – доктор химических наук Алтынбек Нухулы, ректор Павлодарского государственного педагогического университета.

Говоря о подготовительном этапе международного научного симпозиума нужно отметить то, что работа омской части организационного комитета была существенно облегчена благодаря интернет-представительству – сайту международного научного симпозиума, размещенному на сетевом ресурсе Института вычислительных технологий СО РАН (г. Новосибирск), с которым омскую научно-исследовательскую группу связывают давние партнерские отношения. Ресурс информационной системы «Конференции» (<http://www.conf.nsc.ru>) содержит удобные и развитые средства для информационной поддержки работы организационного комитета научного мероприятия.

Сбор заявок, статей, их редактирование, подготовку сборника научных работ и его издание (в электронной форме) взяли на себя омские ученые (сопредседатель оргкомитета – кандидат исторических наук М. А. Корусенко, заместители председателя оргкомитета – кандидат исторических наук С. С. Тихонов, кандидат исторических наук С. Н. Корусенко, ученый секретарь – кандидат исторических наук Ю. В. Герасимов, секретарь Е. А. Коптяева). Сборник научных трудов международного научного симпозиума увидел свет уже после завершения научного мероприятия, благодаря финансовой поддержке лаборатории историко-культурных экспертиз Омского научного центра СО РАН (руководитель – кандидат исторических наук М. А. Корусенко) [Интеграция археологических и этнографических исследований..., 2018].

Рис. 1. Программа международного симпозиума

Рис. 2. Пленарное заседание симпозиума. За трибуной, выступает С. С. Тихонов (Россия, Омск); сидят в президиуме (слева направо): К. Алтынбеков (Алматы, Казахстан), В. А. Прищепова (Санкт-Петербург, Россия), Т. Н. Смагулов (Павлодар, Казахстан)

Все мероприятия, связанные с фактическим проведением симпозиума, взяла на себя казахстанская часть организационного комитета (заместитель председателя – Т. Н. Смагулов, директор «Маргулан центра», ученый секретарь Е. К. Абеуова, секретарь Г. Т. Джалдоксимова и другие сотрудники «Маргулан центра»). Это очень ответственная работа по приему и размещению гостей, организации пленарного заседаний, а также выездных секционных заседаний, культурной программы. Все участники прошедшего научного мероприятия высоко оценили их работу и выражают нашим коллегам и партнерам искреннюю признательности и благодарность.

Всего на симпозиум было подано 70 заявок ученых из России, Казахстана, Кыргызстана, Италии. В программу научного мероприятия вошли 59 докладов. Научная программа была сформирована вокруг больших проблемных блоков:

1) *Историографические аспекты взаимодействия археологии и этнографии, в том числе: личности, авторские подходы, исследовательские проблемы;*

2) *Этноархеологические исследования: теория, методика, источники, в том числе: объект и предмет, исследовательское поле, понятийный аппарат этноархеологии;*

3) *Научные результаты практических работ в области интеграции археологии, этнографии, других гуманитарных и естественных наук, в том числе: этноархеологические исследования поселений и жилищ, погребений и некрополей; пространство, вещь, ритуал (структура и процесс) в русле этноархеологических работ;*

4) *Сакральный ландшафт Казахстана и сопредельных территорий Северной и Центральной Азии: сакральные объекты и пространства первобытных обществ в памятниках кочевой цивилизации, древней и средневековой городской культуры, сакральные объекты и пространства в традиционной культуре, формирование сакральных пространств и ландшафтов как объект этноархеологического исследования.*

Первые три направления работы и проблематика, если можно так сказать, уже устоялись на протяжении последних трех международных научных симпозиумов (2013, 2015, 2018 гг.). А вот четвертый блок научной проблематики – это новый, неожиданный взгляд на интеграцию археологических и этнографических исследований со стороны наших казахстанских коллег.

Пленарное заседание международного научного симпозиума состоялось в актовом зале Павлодарского государственного педагогического университета (ПГПУ) 19 сентября 2018 г.

Открыл пленарное заседание приветственным словом и пожеланием успехов в работе участникам симпозиума ректор ПГПУ Алтынбек Нухулы.

Далее, с методологическим докладом «*Проблема формирования основания для проведения этно / этнографо-археологических исследований*» выступил С. С. Тихонов (Россия, Омск, Институт археологии и этнографии СО РАН).

Суть доклада заключается в рассмотрении вопроса «Почему этноархеологические работы не развиваются интенсивно?». Исследователь считает, что одной из причин такой ситуации является «заданность» ученого на получение результатов в определенном научном жанре. В российской археологии – это выявление и изучение археологических культур, их локальных вариантов, типов керамики, и т. д., являющихся, по мнению авторитетных ученых, «диссертабельными». На выполнение этой задачи направлены и алгоритмы исследований, что и было проиллюстрировано автором на примере «исследовательской пирамиды» с треугольным основанием, по углам которого находятся «источники», «исследователь», «методика». При любой маршрутизации по граням пирамиды можно прийти только к археологической культуре и ее составляющим. Для получения иного результата нужно менять параметры основания.

Продолжил пленарное заседание Крым Алтынбеков (Республика Казахстан, Алматы, научно-исследовательская лаборатория «Остров Крым») с докладом «*Возрождение древних сокровищ Казахстана: из опыта работы лаборатории “Остров Крым”*».

Он продемонстрировал методику изучения погребений, основанную на взятии монолита археологического объекта и его неразрушающего исследования в лабораторных условиях. Подобный исследовательский приём позволяет использовать современную технику и получать сведения, которые практически всегда утрачиваются в поле. Например, информацию о злаках, растениях, находившихся в могилах, и о невидимом человеческому глазу орнаменте на кожаных изделиях и т. д.

Докладчик отметил, что в заполнении могилы встречаются болезнетворные микробы, о которых археологи даже не имеют представления, поэтому при работе по вскрытию погребений нужно соблюдать технику безопасности. Что касается монолита, то он (благодаря неразрушающим методам) может «навечно» остаться у исследователя, и его можно исследовать в дальнейшем с применением новейших методик. Доклад был проиллюстрирован великолепной презентацией.

В контексте интеграции археологических и этнографических методов исследований древних и средневековых обществ содержательным было выступление исследователя-краеведа В. А. Сирика (Республика Казахстан, Павлодар, «*К вопросу о локализации ставки Султанбет-Султана – политического деятеля Казахского ханства XVIII века*»), о поиске места расположения ставки Султанбет-Султана – чингизида, двоюродного брата Абылай-хана, претендента на трон на курултае 1771 г. Как понятно многим исследователям, локализация кочевий – довольно сложная задача, тем более если речь идет о кочевье XVIII в. На помощь исследователю пришел блок дополнительных источников – переписка, связанная с делопроизводством, между представителями царской администрации и двором Султанбет-Султана. Исходя из анализа такой документации, В. А. Сирику удалось локализовать несколько предполагаемых мест ставки, которые в дальнейшем были обследованы археологами «Маргулан центра» ПГПУ.

Сходной проблематике был посвящен доклад Т. Н. Смагулова (Республика Казахстан, Павлодар, «Маргулан центр» ПГПУ, «*Этнографо-археологические исследования Margulan centre по программе “Рухани жаңғыру,»*»).

Характеристике личности известного общественного деятеля Мусы Шорманова посвятил свое выступление Е. К. Рахимов (Республика Казахстан, Павлодар, «*Муса Шорманов и передовая интеллигенция XIX века: история дружбы и сотрудничества*»). Его управленческая, просветительская, научная деятельность стала предметом изучения докладчика. Особо он отметил взаимоотношения Мусы Шорманова и русской и казахской интеллигенции во второй половине XIX в., а также этих отношений для развития науки и просвещения среди кочевых казахов Сары-Арки.

В заключение серии пленарных докладов В. А. Прищепова (Россия, Санкт-Петербург, Кунсткамера РАН) представила доклад «*Научное наследие С. М. Дудина и его вклад в развитие визуальной антропологии*». Автор атрибутировала коллекцию фотографий, сделанную этим этнографом,

художником, фотографом в Казахстане в 1880-х годах, в рамках работы по программе В. В. Радлова. Это одна из первых коллекций подобного рода, и она имеет непосредственное отношение к визуальной антропологии, бурно развивающейся в наши дни.

Исследовательница определила места проведения фотосъемок и сопоставила объекты фотосессий с современными реалиями. Представители одного из казахских родов – рода Чормановых – узнали на ряде фотографий фотоизображения своих предков, что с такой неожиданной стороны подтвердило достоверность работ автора доклада. Формат статьи не позволяет проанализировать все выступления на симпозиуме, но мы выложили расширенный вариант статьи на сайт, созданный для проведения симпозиума [Корусенко, Тихонов].

Всего на симпозиуме было заслушано 28 докладов, по которым были заданы вопросы (70), проведены дискуссии. Если обратиться к сборнику трудов симпозиума, то из тематики публикаций видно, что преобладают исследования конкретных сюжетов. Мы это связываем с тем, что по теоретико-методологическим проблемам мнения были высказаны на предыдущих симпозиумах, а теперь идет накопление новых материалов для подтверждения своих позиций и критике точки зрения оппонентов.

Но программа симпозиума не была исчерпана только докладами. Участникам форума была предоставлена возможность осмотреть древние и средневековые памятники, святые места, которые были включены в программу «Рухани жаңғыру» (Духовная модернизация), а также природные объекты в районе с. Баянаул, посетить ряд экспозиций и выставок². Само по себе это было весьма познавательно и значительно обогатило представления ученых о возможностях работ с объектами, которые местное население считает священными и которые включены в общественную жизнь современного Казахстана.

В заключение симпозиума была отмечена плодотворная работа всех участников и высказана благодарность нашим казахстанским коллегам за гостеприимство и высокий уровень организации работы мероприятия.

Следующий, XXIII международный научный симпозиум решено провести в Тюмени на базе Тюменского научного центра СО РАН.

Список источников и литературы

Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. / гл. ред. Н. А. Томилов ; отв. ред. М. А. Корусенко, С. Н. Корусенко, С. С. Тихонов. – Омск : Издательский дом «Наука», 2018. – 208 с. [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека eLibrary.ru: [сайт]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36466001> (дата обращения: 31.03.2022).

Корусенко М. А. Тихонов С. С. XXII симпозиум «Интеграция археологических и этнографических исследований» в Республике Казахстан (сентябрь 2018 г.) [Электронный ресурс] // Конференции СО РАН: [сайт]. – URL: http://conf.nsc.ru:http://conf.nsc.ru/files/conferences/integr2022/696705/22%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%83%D0%BC_%D0%BD%D0%B0_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 31.03.2022).

Тихонов С. С. <https://orcid.org/0000-0001-6909-0727>

Корусенко М. А. <https://orcid.org/0000-0001-7004-1287>

Примечания

1. Все наименования организаций, должности, ученые звания участников и организаторов указаны по состоянию на 2018 г.

2. Материалы М. А. Корусенко (фотохроника XX международного научного симпозиума «Интеграция археологических и этнографических исследований», г. Павлодар, Республика Казахстан, 18–21 сентября 2018 г.) [Электронный ресурс] // Яндекс-диск: [сайт]. – URL: <https://disk.yandex.ru/d/BdunZcKpV43CMQ> (дата обращения: 30.03.2022); Материалы Л. В. Татауровой (фотохроника XX международного научного симпозиума «Интеграция археологических и этнографических исследований», г. Павлодар, Республика Казахстан, 18–21 сентября 2018 г.) [Электронный ресурс] // Яндекс-диск: [сайт]. – URL: https://disk.yandex.ru/d/fbE82_iMto7kXQ (дата обращения: 30.03.2022).

Л. С. Марсадолов

Россия, Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж

**ПРИЗНАКИ САКРАЛЬНОСТИ НА ДРЕВНИХ СВЯТИЛИЩАХ
(ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОДХОД)**

За последние пять десятилетий в Сибири археологи не только производили поиск и раскопки новых памятников, но также разрабатывали новые подходы к ранее исследованным археологическим объектам – к курганам, выкладкам, поселениям, каменным изваяниям и петроглифам. В это время на горах Саяно-Алтая были обнаружены новые типы древних объектов – святилища, мегалиты, наблюдательные астропункты и гигантская «зооантропоморфная скульптура».

Сакральные признаки на археологических объектах и святилищах можно выявить изучая: 1) окружающий ландшафт; 2) ориентировку и разметку сакральных объектов и путей к ним; 3) изобразительные образы на камнях, скалах, предметах (главные и второстепенные композиции); 4) наиболее почитаемые объекты – алтари, кострища, изображения, сооружения из камней и стел, водные источники, вершины гор, важные для понимания основного назначения древнего святилища; 5) древние знания по астрономии, математике, геометрии, заложенные в крупные и мелкие объекты. Интегральный подход позволяет объединить древние знания в единое целое.

Ключевые слова: археология, астрономия, этнография, интеграция, методы, признаки, святилище, сакральность, ландшафт, алтарь.

L. S. Marsadolov

Russia, St. Petersburg, The State Hermitage Museum

**SIGNS OF SACREDITY IN ANCIENT SACREDITIES
(INTEGRAL APPROACH)**

Over the past five decades, in Siberia archaeologists have not only searched for and excavated new sites, but also developed new approaches to previously explored archaeological sites – mounds, calculations, settlements, stone sculptures and petroglyphs. At that time, new types of ancient objects were discovered on the Sayano-Altai mountains – sanctuaries, megaliths, observational astro-points and a giant «zoo-anthropomorphic sculpture». Sacred signs at archaeological sites and sanctuaries can be identified by studying: 1) the surrounding landscape; 2) orientation and marking of sacred objects and paths to them; 3) pictorial images on stones, rocks, objects (main and secondary compositions); 4) the most revered objects – altars, bonfires, images, structures made of stones and steles, water sources, mountain peaks, important for understanding the main purpose of the ancient sanctuary; 5) ancient knowledge of astronomy, mathematics, geometry embedded in large and small objects. An integral approach allows you to combine ancient knowledge into a single whole.

Keywords: archaeology, astronomy, ethnography, integration, methods, signs, sanctuary, sacredness, landscape, altar.

Для этнографов и археологов при описании жизнедеятельности современных и древних народов одной из главных задач является как можно более полная реконструкция уровней реальных и сакральных традиционных Знаний об окружающем их Мироздании. Интегральные исследования школы омских этноархеологов, под общим руководством Н. А. Томилова, начиная с 1993 г., имеют большое значение для разработки методических, информационных и практических приемов обработки многогранных данных разных научных направлений [*Корусенко, Тихонов, 2020*].

Древние святилища – это сакральные центры взаимодействия божества, человека и природного ландшафта. Необходимость поклонения разным божествам Неба и Земли, в том числе и небесным объектам – Солнцу, Луне, созвездиям, а также Первопредкам и Воинам-Героям, для согласования ежегодных хозяйственных и социальных циклов кочевников с природными и небесными явлениями, неизбежно приводила к идее создания святилища и его центральной части – Алтаря.

Сакральное – это приобщение к Божеству / божествам, прикосновение к божественным и культовым тайнам. Это высокий уровень обобщения наблюдаемого явления, с одной стороны, связанный с тайной божественного вдохновения, озарения, откровения, созерцания и обожествления, а с другой стороны, имеющий важное значение для практической деятельности человека. Многое из того, что для нас сейчас самоочевидно и обыденно, долгое время имело сакральный смысл: *Гора* (мировая,

родовая, индикатор погоды), *Древо* (мировое, жизни, познания, родовое), *Вода* (живая и мертвая), *Огонь* (священный и адский), *Небо* (сакральное, твердое, воздушное, доброе и грозное) и т. д. На святилищах объекты приобретают сакрально-природно-культурные функции и взаимодействуют с сакральным ландшафтом и Космосом. При интерпретации вышеуказанных сакральных функций большое значение имеют этнографические и семантические параллели.

Научное выявление признаков сакральности предполагает интеграцию многих дисциплин и направлений. Сакральные аспекты также можно выявить при изучении: 1) культовых функций и формы объектов, сооруженных в определенное время, в специально выбранных точках ландшафта; 2) широкого использования «опозиций» при сооружении объектов: верх – низ, восток – запад, гора – западина и пр.; 3) сложной сакральной системы разметки между разными типами объектов, на основе этнографии, астрономии, метрологии и других научных отраслей; 4) наличия своеобразных «дорог», соединяющих объекты и часто уходящих за границы исследуемого памятника; своеобразной древней «геодезической сети».

Древние святилища – это преимущественно сложный комплекс разновременных сакральных объектов, в который входят необходимыми составными частями алтари, наскальные рисунки, вертикальные каменные объекты («оленные» камни, стелы, менгиры, мегалиты), разнообразные горизонтальные керексуры, выкладки, «кольца» и другие сооружения [Кубарев, 1979; Марсадолов, 2001; 2007 и др.]. При сооружении новых грандиозных сакральных объектов из камня (например, таких как, керексуры), с большим числом выкладок вокруг них, особенно был необходим коллективный посильный труд большого числа рядовых кочевников.

В целом святилища были одной из главных частей общей сакральной «модели Мира» древних народов, и именно на святилищах они по мере возможности старались воспроизвести ее основные элементы [Марсадолов, 1998; 2005; 2007; 2009; 2010а; 2013; 2019; 2020].

Выбор места для сооружения культового объекта в окружающем ландшафте. Ландшафтное окружение культовых памятников Сибири и Евразии, а также причины сакрализации природных объектов в древности пока еще слабо изучены. Термин «сакральный ландшафт» применяется во многих научных дисциплинах – географии, культурологии, этнологии, археологии, политологии, но очень часто при использовании этого термина не учитывается *один из самых важных компонентов «сакральности» – одухотворенность*, как конкретное место в окружающем природном ландшафте для связи / контакта с различными божествами.

В зависимости от доминирующего окружающего ландшафта святилища могли сооружаться, как на горных склонах, так и в широких степных и межгорных долинах. Следует отметить, что многие культовые объекты находятся в открытых степных районах или на окружающих их горных склонах.

При выборе места для сооружения святилища в древности предъявлялись довольно строгие требования к топографии и планиграфии объектов, их связям с определенными формами горного рельефа. В древности объекты закладывали в специально выбранных точках и в определенное время. Ныне уже представляется возможным выявить ряд общих закономерностей для культовых местонахождений Саяно-Алтая II–I тыс. до н. э.:

1) сначала (в зависимости от сакральных потребностей) определяли назначение святилища и его основных объектов, важных для проведения необходимых ритуалов;

2) среди горных ландшафтов выбирали подходящую долину или межгорное урочище с сакральной доминантой – горой, огромным камнем, источником, красивыми скальными плоскостями для рисунков и т. п.;

3) определяли центр комплекса;

4) намечали места для основных объектов и для проведения ритуальных действий;

5) со временем большие святилища дополняли новыми объектами или использовали уже имеющиеся [Марсадолов, 2001; 2007; 2012].

Как правило, для ритуальных целей выбирались только межгорные долины, в которых на востоке и западе были низкие горы-визирьы, а на севере и юге – более высокие горы (Аржан-1, Саглы – Улуг-Хорум-1, Юстыд, Адыр-Кан, Тархата, Туру-Алты, Семисарт, Ак-Баур, Бийке, Салбык и др.). Особенно поразительна близость форм ландшафта на святилищах в Адыр-Кане и Бийке (рис. 1/ 1–4). В северной части, наиболее близкой к центру комплексов этих объектов, находятся почти вертикальные скальные выходы-бомы, удобные для нанесения петроглифов. В южной части, за рекой – удаленные, покрытые лесом, горы; на востоке – понижающиеся склоны нескольких гор, почти сходящиеся в одну точку [Марсадолов, 2007, с. 215–216 и др.].

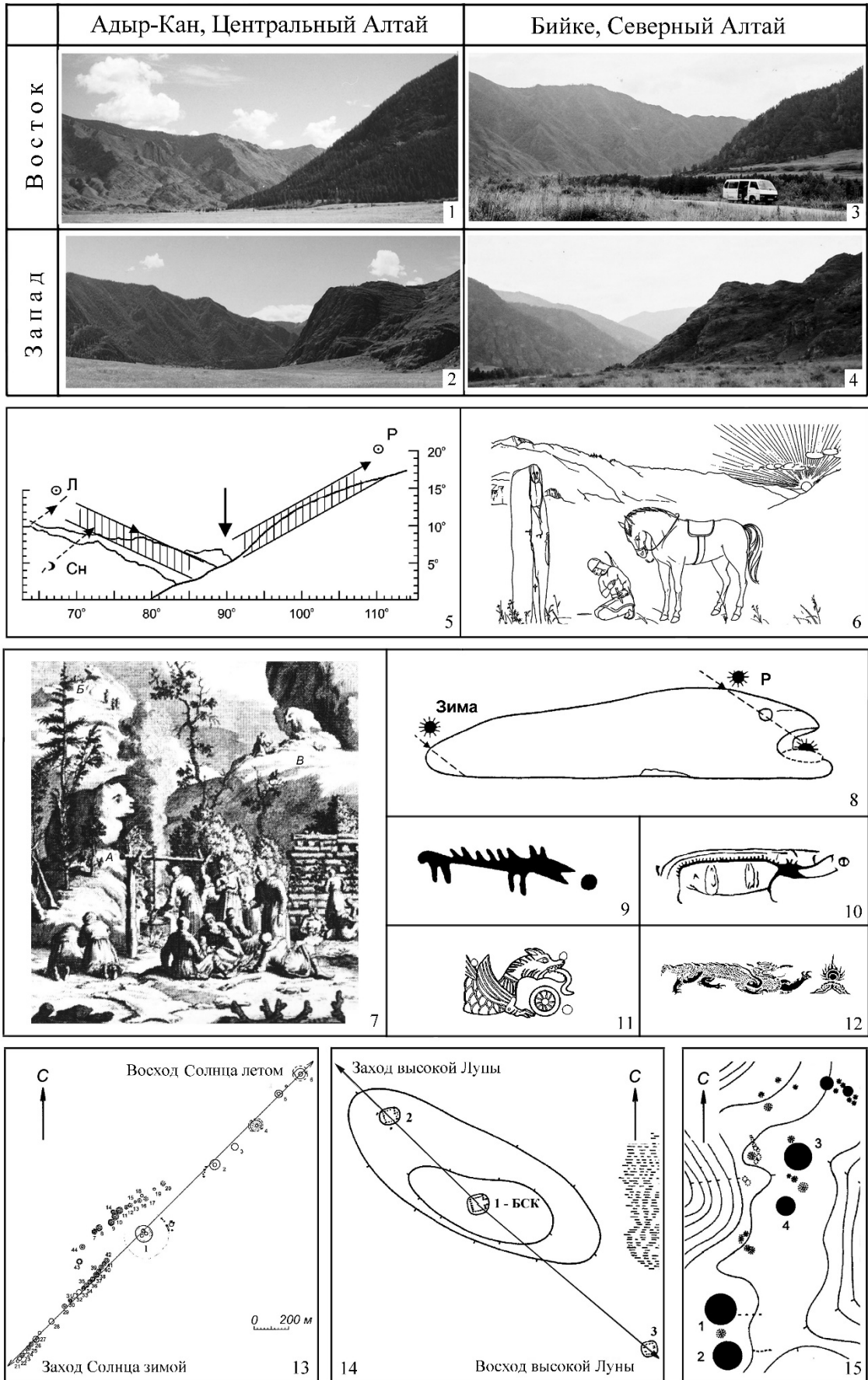

Рис. 1. Сакральные особенности на древних святилищах и могильниках

1-4 – общие ландшафтные закономерности при выборе места для святилищ на Алтае (низкие горы на востоке и западе): 1-2 – Адыр-Кан; 3-4 – Бийке; 5 – астрономические расчеты из места

установки Чуйского камня на восточную часть урочища Адыр-Кан, на точку схождения трех горных склонов, что показано стрелкой (*условные обозначения*: Р – восход солнца в дни весеннего и осеннего равноденствий, Л – в день летнего солнцестояния, Сн – восход низкой северной луны); 6 – реконструкция поклонения Чуйскому изваянию в дни равноденствия; 7 – рисунок обряда и поклонения «зооморфным» горным останцам (А, Б, В) у саамов; 8 – Западный Алтай, гора Очаровательная, рисунок-реконструкция скалы в виде широко раскрытой «пасти рыбы / зверя», через которую заходит солнце в дни равноденствий (Р) и зимнего солнцестояния (З); 9–12 – образы глотающего солнце зверя или мифологического животного: 9 – Арби, 10 – Шишкино, 11 – Китай, 12 – Новгород; 13–15 – региональные различия в ориентации курганов: 13 – Тува, курганный могильник Аржан-IV (ориентация по Солнцу «цепочки» курганов, по линии восхода летнего высокого солнца на СВ и захода низкого зимнего солнца на ЮЗ); 14 – Хакасия, часть курганного поля в Салбыке (ориентация по Луне углов кургана и «цепочки» объектов по линии ЮВ–СЗ); 15 – Алтай, план курганов в Пазырыке (ориентация по линии Ю–С, с теплого юга в вечное холодное безмолвие на севере).

Рис. 1–8, 11, 13–14 выполнены по материалам Л. С. Марсадолова; рис. 9 – по материалам А. И. Мазина; рис. 10, 12 – по А. П. Окладникову; рис. 15 – по С. И. Руденко.

Комплекс объектов в урочище Адыр-Кан находился ранее недалеко от древней кочевой тропы, сейчас – Чуйского тракта – одной из главных и жизненно необходимых транспортных дорог, соединяющей Алтай с Кузнецкой котловиной, Хакасией, Тувой, Монголией и Китаем. Каменное изваяние стоит в центре межгорной долины, вытянутой с востока на запад. При первоначальной установке каменного изваяния для него долго выбирали место в обширной межгорной долине, так как лицевой частью его ориентировали на точку схода трех природных объектов – покрытую лесом восточную гору, перекрывающую уходящую также на восток северную гору и выступающую вершину третьей, весьма удаленной горы, находящейся точно на востоке, по азимуту около 90 градусов (рис. 1/ 5). Судя по астрономическим расчетам, в дни, близкие к равноденствию, солнце восходило в точке пересечения трех гор, что могло осознаваться древними кочевниками и служить одной из причин для поклонения каменному изваянию, установленному в сакрально важной точке (рис. 1/ 6). Интересно отметить, что в дни приближения к летнему солнцестоянию солнце поднималось вверх по склону северо-восточной горы, а в дни после зимнего солнцестояния опускалось вниз по склону юго-восточной горы (рис. 1/ 5).

Если на Чуйском святилище центральное каменное изваяние было ориентировано лицом на восток, то на могильнике Бийке астрономически значимой стороной горизонта являлся запад. Возможно, это связано с тем, что Чуйское святилище служило для ритуалов живым людям и ассоциировалось с восходом Солнца, а урочище Бийке, в первую очередь, использовалось для погребения умерших, поэтому здесь и преобладала западная сторона, где заходило / умирало Солнце [*Тишкин, Марсадолов, 2010; Марсадолов, 2007*].

Всем хорошо известны «сады камней» в Японии, гораздо меньше известны их аналоги в Китае, Корее, а о том, что такие же, но, вероятно, значительно более ранние по времени объекты есть на Алтае в Семисарте, в Ленинградской области [*Марсадолов, 2001; 2004; 2013*] и в других регионах, почти никто ранее и не предполагал. Отдельно лежащие, разные по цвету камни, отличающиеся по форме и назначению выкладки, курганы, каменные изваяния, наскальные изображения, астрономические пункты наблюдений часто образовывали на святилищах определенную, сложно организованную систему, отражающую сакральные взаимоотношения человека с окружающей его природной средой и Космосом. Иногда сложная разметка между разными по размерам объектами позволяет видеть в них своеобразных предшественников ныне широко известных азиатских «садов камней» [*Марсадолов, 2004, с. 72–73*].

На святилище в Семисарте дорожки из камней последовательно вели от одного объекта до другого: от священного источника-родника «Аржан» с кристально чистой и целебной водой *на юге* – к подквадратному очагу в центре урочища – далее до алтарного комплекса с наскальными рисунками на вершине горы на севере. Горы, с трех сторон окружающие этот заповедный участок, чем-то напоминают стены оград в монастырях или парках, где находились подобные уголки для религиозно-философско-научных размышлений, ритуалов и обучения. Часто стены в монастырях имели разную высоту, наклон, цвет и кладку, что корреспондирует с разнообразными по облику горами. На святилищах велась «постоянная работа» для поиска все более глубоких связей объектов с окружающим сакральным ландшафтом.

Одним из главных требований при выборе местоположения для святилища, особенно на горах или их склонах, было наличие на вершине скального выступа с гладкой поверхностью для нанесения наскальных рисунков, а также наличие удобных подходов к ним для проведения ритуальных действий

[Марсадолов, 1989; 2001; 2012; 2013]. Следует отметить, что изобразительные образы на камнях, скалах, предметах хорошо изучены в научных работах многих археологов, но пока среди многочисленных и разнообразных петроглифов недостаточно проанализированы главные и второстепенные рисунки в сложных сакральных композициях.

Природные гигантские прототипы «глотающего солнце зверя» из камня были найдены Саяно-Алтайской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа (далее – СААЭ ГЭ) в 1993 г. на горе Очаровательной [Марсадолов, 1998]. Северный конец самого массивного скального выхода на вершине горы Очаровательной напоминает голову рыбы, зверя или птицы с раскрытой пастью / клювом и даже выделенным «глазом»-выступом. При наблюдении из центра округлой ямы на вершине одного из горных останцев было установлено, что самая нижняя точка захода зимнего солнца находилась на «крупе зверя» (рис. 1/ 8). После зимнего солнцестояния (22–23 декабря) траектории захода солнца постепенно смещались к северу, все выше по туловищу зверя. В день весеннего равноденствия (22 марта) солнце проходило через «пасть зверя». «Рыба или зверь глотало солнце», и после этого быстро наступала темнота. Позднее эта гипотеза подтвердилась, как при изучении двух других святилищ – Ак-Баур и Монастыри на Западном Алтае, так и изобразительных (рис. 1/ 9–12), фольклорных и этнографических (рис. 1/ 7) материалов из разных регионов Евразии [Марсадолов, 2010б; Окладников, 1959; Окладников, Мазин, 1976].

Ориентировка объектов. При рассмотрении социальных, мировоззренческих и хронологических проблем важно установить не только время функционирования отдельных курганов, курганов-храмов и могильника в целом, но также и определить направление формирования в пространстве «цепочки» из ряда курганов, что может дать новые данные по микрохронологии объектов и найденных в них вещей, а также более обоснованные выводы по социальной организации древних кочевников и «моделям мира» в разных регионах. Ранее археологи почти не пытались объяснить первоначальную ориентировку линий «цепочек» объектов.

На Салбыкском курганном поле прослеживается несколько «цепочек» курганов, ориентированных по линиям ЮВ–СЗ. В ходе детальных палеоастрономических исследований СААЭ ГЭ в 1990-е годы на больших курганах Саяно-Алтая была предпринята попытка объяснить особенности ориентировки этих объектов. Расположение курганов в Салбыке принципиально отличается от планиграфии объектов за Саянским хребтом. Если в Салбыке «цепочка» курганов ориентирована по линии ЮВ – СЗ – линии восхода и захода Луны (рис. 1/ 14), то в Туве около поселка Аржан большие курганы (VI–V вв. до н. э.) ориентированы по Солнцу, в противоположную сторону – по линии ЮЗ – СВ – на высокую точку восхода в день летнего солнцестояния и низкую точку захода солнца в день зимнего солнцестояния (рис. 1/ 13). Курганы пазырыкской культуры Алтая, как правило, расположены «цепочкой», ориентированной по линии юг – север, и южный курган является наиболее ранним (рис. 1/ 15; Пазырык-2, Туэкта-1 и др.) [Руденко, 1953; Марсадолов, 2000; 2019]. Если курганы Тувы и Алтая имеют круглую форму каменной насыпи и крепиды, то в Хакасии – подквадратную ограду из горизонтальных плит и вертикальных стел.

Разметка сакральных объектов и подходов / путей к ним. У древних кочевников Евразии были временные и постоянные визиры, которые дополнительно можно еще подразделить на: *естественные* (вершины и западины гор, скальные выступы, углубления и т. п.) и *искусственные* (стелы, изваяния, валуны, плиты), которые служили указателями сакральных путей.

Большую роль играли и широко используемые меры длины, связанные с пропорциями тела человека, являющиеся частью древних сакральных знаний, что нашло отражение на многих археологических памятниках Южной Сибири и Казахстана [Марсадолов, 1998; 2001; 2005; 2007; 2010а; 2016].

В святилищах на горах несколько линий объектов «веерообразно» сходились в одну точку – на главный «алтарь». В широких долинах таких сакральных линий было гораздо больше. Они не только указывали путь к главному «алтарю», изваянию или стеле, но и уходили за пределы святилища, образуя сложные связи и древние «сакральные геодезические сетки» с другими культовыми центрами и окружающей природой (Юстыд, Саглы, Тархата, Туру-Алты, Семисарт, Ак-Баур и др.) [Марсадолов, 2001; 2007; 2010а].

Заключение. Общая интеграция археологии, этнографии и астроархеологии с другими научными дисциплинами будет способствовать более глубокому изучению памятников и объектов мирового и регионального культурного наследия. На многих культовых памятниках Южной Сибири выявлена довольно четкая корреляция центров объектов с наиболее значимыми астрономическими направлениями, связанными с восходами или заходами Солнца и Луны с окружающими горами. Сложность расположения различных объектов на древних святилищах свидетельствует о большой сумме планиграфических, метрологических и астрономических Знаний, вложенных в разметку и сооружение разных типов объектов. Выявить «сакральную одухотворенность» и основные функции

святилищ, связанные с Небом, Светилами, Горой, Водой, Огнем на археологических памятниках ныне можно по оставшимся материализованным следам древних культов, интеграционно привлекая комплекс современных методов смежных научных отраслей – этнографии, астрономии, культурологии, географии, геофизики, геометрии, топонимики, остеологии, семиотики и других направлений. Сумма полученных знаний о функционировании и обновлении культовых центров будет способствовать изучению общей «картины мира» древних кочевников Евразии.

Список источников и литературы

Корусенко М. А., Тихонов С. С. Тенденции в интеграции археологии и этнографии в конце XX – начале XXI века (на примере деятельности омской группы этноархеологов) // Вестн. Алт. гос. пед. ун-та. – 2020. – № 4 (45). – С. 108–114.

Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). – Новосибирск : Наука, 1979. – 120 с.

Марсадалов Л. С. «Сад камней» и святилище в Семисарте // Алтай – сокровище культуры : сб. ст. – СПб., 2004. – Вып. 4. – С. 71–73.

Марсадалов Л. С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. – Абакан : Хакас. кн. изд-во, 2010а. – 128 с.

Марсадалов Л. С. Древние астропункты Саяно-Алтая как предшественники астрономических обсерваторий и их ландшафтный контекст // Наследие и современность. Международный научно-методический журнал о культурном наследии. – Казань, 2020. – Т. 3. – № 4. – С. 93–108.

Марсадалов Л. С. Исследования на Западном Алтае (около поселка Кольвань) : материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. – СПб. : Тип. «Эльбрус», 1998. – Вып. 2. – 48 с. – (Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа).

Марсадалов Л. С. К вопросу о семантике кургана Аржан // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения) : тез. Всесоюз. археологической конф. : в 3 ч. – Кемерово, 1989. – Ч. 2. – С. 33–35.

Марсадалов Л. С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае : материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. – СПб. : Изд-во «Копи-Р», 2001. – Вып. 4. – 65 с. – (Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа).

Марсадалов Л. С. Методические аспекты изучения древних святилищ Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований : сб. науч. тр., посвящ. 60-летию Ю. Ф. Кирюшина. – Барнаул, 2005. – Вып. 1. – С. 34–42.

Марсадалов Л. С. Отражение древних мер длины и объема в археологических памятниках Южной Сибири и Казахстана // Алтай в кругу евразийских древностей. – Новосибирск, 2016. – С. 168–185.

Марсадалов Л. С. Отчет об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах : материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. – СПб. : ГЭ, 2007. – Вып. 5. – 278 с.

Марсадалов Л. С. Палеоастрономические, метрологические и религиозные аспекты больших курганов и святилищ Южной Сибири в I тыс. до н. э. // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии : сб. науч. ст. – Красноярск, 2009. – С. 59–72.

Марсадалов Л. С. Планиграфия могильников Горного Алтая VI–IV вв. до н. э. // Пятые исторические чтения памяти М. П. Грязнова : тез. докл. Всерос. науч. конф. – Омск, 2000. – С. 69–72.

Марсадалов Л. С. Противостояние святилищ на горах Очаровательной и Синей: легенды и реальность // Алтай сакральный: культовые и археоастрономические смыслы святилищ : сб. ст. – Барнаул, 2010б. – С. 43–49. – (Алтай на перекрестке времен и смыслов ; вып. 1).

Марсадалов Л. С. Сакральная ориентировка «цепочек» курганов кочевников Саяно-Алтая I-го тыс. до н. э. как этнокультурный признак // SCYTHIA et SARMATIA : сб. ст. – М., 2019. – С. 135–145.

Марсадалов Л. С. Сакральный ландшафт в культуре древних кочевников Сибири (II–I тыс. до н. э.) // Современная культурология: научная школа профессора Л. М. Мосоловой : учеб. пособие для магистрантов и аспирантов. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. – С. 481–493.

Марсадалов Л. С. Сакральный ландшафт на культовых объектах Казахстана и Саяно-Алтая (II–I тыс. до н. э.) // «Кадырбаевские чтения – 2012» : материалы III Междунар. науч. конф. – Актобе, 2012. – С. 181–193.

Окладников А. П. Шишкинские писаницы. – Иркутск : Иркутское кн. изд-во, 1959. – 212 с.

Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы р. Олекмы и Верхнего Приамурья. – Новосибирск : Наука, 1976. – 189 с.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М. ; Л. : АН СССР, 1953. – 403 с.

Тишкин А. А., Марсадалов Л. С. Святилище в урочище Бийке // Алтай сакральный: культовые и археоастрономические смыслы святилищ : сб. ст. – Барнаул, 2010. – С. 95–103. – (Алтай на перекрестке времен и смыслов ; вып. 1).

Марсадалов Л. С. <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>

В. Е. Медведев

Россия, Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

**ОТ ПЕРВОГО ЗНАКОМСТВА – ДО ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ ЖИЗНИ:
К 40-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ
АЛЕКСЕЯ ПАВЛОВИЧА ОКЛАДНИКОВА (1908–1981)***

После ухода из жизни сорок лет назад крупнейшего археолога, этнографа, историка, искусствоведа, академика АН СССР А. П. Окладникова, работавший долгое время рядом с ним во второй половине прошлого века автор данной статьи воссоздает картину тесного сотрудничества с ним. Показаны отдельные эпизоды моих взаимоотношений с Учителем за 18 лет, начиная с момента поступления в университет и вплоть до кончины этого корифея науки. Рассматриваются результаты совместных раскопок многочисленных археологических памятников широкого хронологического диапазона на территории Дальнего Востока, Центральной Азии. Подчеркивается ценный исследовательский опыт, полученный мной при общении с академиком в экспедициях и в стенах Института истории, филологии и философии (ныне ИАЭТ СО РАН), в котором он был директором. Отмечается роль А. П. Окладникова как широко известного в мире ученого в создании в Сибири научно-исследовательского очага гуманитариев. Высоко оценен также вклад его в строительство институтского производственного здания, полученного исследователями в 1980-х гг.

Ключевые слова: Алексей Павлович Окладников, археология, Приамурье, Приморье, неолит, Средневековье, поселение, могильник.

V. Y. Medvedev

Russia, Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

**FROM THE FIRST ACQUAINTANCE TO THE LAST DAYS OF LIFE:
THE 40TH DEATH ANNIVERSARY OF
ALEXEY PAVLOVICH OKLADNIKOV (1908–1981)**

There are forty years on since the great archaeologist, ethnographer, historian, art specialist, academician of the Soviet Academy of Sciences A. P. Okladnikov passed away. The author of this article who spent a lot of time working next to him in the second half of the XXth century, concisely recreates a picture of this close cooperation. There are some individual episodes of my relationship with the Teacher during 18 years being shown, starting from the moment I entered the university and till the last days of this Giant of Science. The results of joint excavations on numerous archaeological sites of a wide chronological range from the Russian Far East and Central Asia are being considered. The article emphasizes the value of the research experience that I gained from communication with the Academician during expeditions and within the walls of the Institute of History, Philology and Philosophy (now Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS), where he was a director. The author highlights the leading role of A. P. Okladnikov, a world-famous scientist, in the creation of a research center for the humanities in Siberia. His contribution to the construction of the institute's building, obtained by researchers in 1980, is also being highly appreciated.

Keywords: Alexey Pavlovich Okladnikov, archeology, Amur region, Primorye, neolithic, Middle ages, settlement, burial ground.

Рис. 1. Алексей Павлович Окладников (1970-е гг.)

18 ноября 2021 г. исполнилось 40 лет со дня ухода в мир иной академика Алексея Павловича Окладникова (рис. 1). Прошедшие после этого десятилетия сохранили в моей памяти, полагаю, лишь малую часть моментов и периодов общения со своим учителем, происходивших на протяжении последних 18 лет жизни, вплоть до кончины «Великана науки», как порой называли современники этого гуманитария-энциклопедиста и, прежде всего, археолога, а также этнографа, историка, искусствоведа. В заметках, в дневниковых записях автора данных строк сохранилось многое. В данном случае предлагаются отдельные эпизоды моих взаимоотношений с Алексеем Павловичем теперь уже далеких лет второй половины прошлого века.

Первое мое знакомство с А. П. Окладниковым произошло летом 1963 г. при поступлении на гуманитарный факультет Новосибирского госуниверситета. Проходило собеседование с группой абитуриентов,

не добравших одного балла. Комиссию по собеседованию возглавлял приветливый профессор, всесторонне интересовался, спросил, кем бы я хотел быть. Ответ мой был конкретный – археологом. Несколько позже узнал, что председателем комиссии был профессор Окладников. Он через своего секретаря передал поразительные для меня слова: если не будет зачислен в университет, то может поступить в другой вуз, например, Томский госуниверситет, а на будущий год вернем его к себе. Так оно и произошло. После года учебы на историко-филологическом факультете в ТГУ, в 1964 г. я был принят на второй курс отделения истории гумфака НГУ.

Следующая моя встреча с А. П. Окладниковым произошла осенью 1965 г. после лекции по первобытному искусству, которую он читал на третьем курсе. Неожиданно Алексей Павлович подошел ко мне и, улыбнувшись, без предисловий одобрительно сказал: «Хорошо, что вернулся к нам». В тот момент он меня больше всего поразил своей удивительной памятью, «вычислил» студента спустя два года после собеседования. Не могу также не отметить, что данный случай вызвал у меня прилив воодушевления. Добавилось уверенности в правильности избранного мной пути.

Мой первый экспедиционный сезон на Дальнем Востоке в 1966 г. получился ярким и полезным, в составе Дальневосточной археологической экспедиции СО АН СССР довелось участвовать в исследованиях различных памятников древности. В августе к нам на раскопки поселения раннего железного века Польце-1 приехал А. П. Окладников. Осмотрев раскоп и добытый материал, он в дождливый день, как всегда, отправился в разведку – проверить окрестные возвышения, релки, рывины. Собрал керамические фрагменты, каменные орудия и, передав их мне, попросил все это описать и упаковать. Добавив при этом, что данный опыт может мне пригодиться. Не знаю, что имел в виду Алексей Павлович, но спустя несколько лет я начал на данной территории проводить самостоятельные работы, которые продолжались в общей сложности около десяти полевых сезонов. Осенью 1966 г. раскопки и разведки после Амурской области и Хабаровского края проводились на юге Приморья, куда группу в основном студентов-добровольцев, включая автора этих строк, пригласил Алексей Павлович. Были обследованы и частично раскопаны пещеры Спящая Красавица, Летучая Мышь, Географическое Общество, памятники в долине р. Партизанской и другие. Во время работ у с. Многоудобное мне довелось стать свидетелем яркого и запоминающегося момента – сельский почтальон вручил Алексею Павловичу телеграмму с сообщением о подписании в Москве документов о создании в новосибирском Академгородке Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Директором Института был назначен А. П. Окладников. Это стало большим событием для всех гуманитариев Сибири и Дальнего Востока – был образован первый Институт подобного профиля на территории страны к востоку от Урала. В конце того же года меня приняли на должность старшего лаборанта на 0,5 ставки в только что официально оформленный Институт (с 1990 г. – ИАЭТ СО РАН), в котором тружусь до настоящего времени.

Сразу после защиты дипломной работы в июне 1968 г. меня командировали в уже знакомый мне Хабаровский край, в с. Елабугу, где следовало подготовиться для похода вниз по Амуру на арендованном речном судне. Прибывший туда А. П. Окладников возглавил экспедиционный отряд с целью обследования уже известных и открытия новых археологических объектов. Были изучены многочисленные, преимущественно неолитические, поселения, скопированы в нескольких пунктах наскальные рисунки. Впервые удалось на Нижнем Амуре частично раскопать могильник чжурчжэней XI в. вблизи оз. Болонь [Окладников, Медведев, 1970], а также обследовать их городище XII – первой половины XIII в. у с. Джари, на котором, к слову сказать, академик предложил мне заняться изучением в Приамурье не исследованного до этого чжурчжэньского средневековья [Медведев, 1971; 1977, с. 24–31; 1986а, с. 192]. Раскопки 1970–80-х годов продемонстрировали исключительную многочисленность и разнообразие, богатейшую информативность залежавших в земле материальных остатков амурских тунгусов-чжурчжэней [Медведев, 1986б].

С 1966-го по 1980-й г. автор данных строк ежегодно, преимущественно в осеннее время, работал в экспедициях вместе с А. П. Окладниковым. С 1970 г. это происходило в Амуро-Уссурийском отряде, в котором я был назначен начальником. С самого начала своего участия в исследованиях моя работа во многом складывалась по двум культурно-хронологическим направлениям: средневековье и период неолита. Назову некоторые наиболее важные объекты археологии, на которых автор вел раскопки совместно с А. П. Окладниковым.

В 1971 / 1972 гг. наш отряд заканчивал раскопки значительной части неолитического поселения Кондон-Почта в низовьях Амура. Полученный богатый материал в серии исследованных жилищ кондонской и вознесенской культур позже вошел в две опубликованные монографии академика. По инициативе А. П. Окладникова определенное время в 1970-х гг. велись раскопочные исследования в районе с. Сакачи-Алян, хорошо известного в археологии благодаря уникальным петроглифам. Наши

поиски увенчались важнейшим сенсационным успехом – в 1980 г. на поселении Гася в слое осиповской, считавшейся в то время мезолитической, культуры была найдена керамика, в т. ч. раздавленный сосуд, датируемый по радиоуглероду $12\ 960 \pm 120$ л. н. (калиброванная – 16 110–14 480 л. н.). В археологии начала 1980-х гг. этот глиняный сосуд был древнейшим в мире [Окладников, Медведев, 1983; Деревянко, Медведев, 1993].

Также, в начале 1970-х гг., А. П. Окладниковым были инициированы широкие раскопки одного их ценнейших неолитических памятников Дальнего Востока и всей Северо-Восточной Азии – Острова Сучу. Позже исследования были нами продолжены. Добытые и опубликованные многочисленные вещественные источники по нескольким культурам неолита высоко оценены научным сообществом [Окладников, 1973; Деревянко, Медведев, 2002].

Важными и востребованными являются материалы начатых в 1968 г. А. П. Окладниковым и продолженных тогда же мной раскопок позднеплейстоценового поселения Устиновка-1 в Приморье. Основные наши исследования в Приморском крае на протяжении полевых сезонов с 1970 по 1978 г. были связаны с древними, преимущественно неолитическими, поселениями неподалеку от с. Владимиро-Александровского. Это многослойный памятник Перевал с жилищами зайсановской культуры и артефактами ранней устиновской, а также руднинской культур. Оригинальные результаты принесли исследования сезонных жилищ земледельцев зайсановской культуры позднего неолита на Сопке Большой, а также поселения-хутора Под липами и памятника У дороги [Окладников, Медведев, 1995]. В Приморье осуществлены раскопки редкого в России объекта – буддийского храма бохайской культуры у с. Борисовка [Медведев, 1998].

За указанный период второй половины прошлого века мне посчастливилось заниматься раскопками и разведками рядом с А. П. Окладниковым также на других территориях, в т. ч. в Монголии (1968 / 1969 гг.).

Со временем приходило понимание, что, находясь рядом с таким мудрым учителем, как А. П. Окладников (не только в полевых условиях, но и в стенах института, в общении), ты получал неоценимый опыт исследователя и опыт человеческих взаимоотношений. Уместно сказать и о том внимании, которое Алексей Павлович обычно проявлял к младшим коллегам. Помню, после автомобильной аварии в 1976 г. в Приморье, меня привезли травмированного в Академгородок и положили в больницу. Алексей Павлович выкраивал время навестить и пожелать мне скорейшего выздоровления.

Трудно переоценить роль академика А. П. Окладникова в создании в Сибири научно-исследовательского очага не только как директора Института (1966–1981 гг.), но и как широко известного в мире ученого, получившего в 1978 г. высшее признание в стране, став Героем Социалистического Труда. Поэтому горестно осознавать, что Алексей Павлович проработал в новом, построенном во многом благодаря ему, здании менее полутора лет. Он ушел из жизни 18 ноября 1981 г. в Москве, где около месяца находился на лечении. Мне довелось участвовать в гражданской панихиде, состоявшейся в Институте археологии АН СССР и в отправке Алексея Павловича самолетом в Новосибирск. В новосибирском Академгородке с А. П. Окладниковым многие тысячи людей прощались в Доме ученых. Он похоронен на Южном кладбище (рис. 2–4).

Рис. 2. Прощание с А. П. Окладниковым в Институте археологии АН СССР, г. Москва. Гражданская панихида: выступает Председатель СО АН СССР академик В. А. Коптюг, на заднем плане (слева направо): директор Государственного Эрмитажа академик Б. Б. Пиотровский, заведующий кафедрой археологии МГУ академик В. Л. Янин, директор Института археологии АН СССР академик Б. А. Рыбаков и др. 19 ноября 1981 г.

Рис. 3. Дом Ученых новосибирского Академгородка. Почетный караул у гроба А. П. Окладникова. 20 ноября 1981 г. Фото В. Мыльникова

Рис. 4. Проводы А. П. Окладникова в последний путь в новосибирском Академ городке. 20 ноября 1981 г.

Список источников и литературы

Деревянко А. П., Медведев В. Е. Исследование поселения Гася: предварительные результаты, 1980 год. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. – 109 с.

Деревянко А. П., Медведев В. Е. К тридцатилетию начала стационарных исследований на острове Сучу (некоторые итоги) // История и культура Востока Азии : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. В. Е. Ларичева (Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.). : в 2 т. – Новосибирск, 2002. – Т. 2. – С. 53–66.

Медведев В. Е. Бохайская кумирня в Приморье. – Сеул : Изд-во Хакъёнмунхваса, 1998. – 477 с. (на рус. и кор. яз.).

Медведев В. Е. Городища Приамурья // Археологические открытия 1984 года. – М. : АН СССР, 1986а. – С. 192–193.

Медведев В. Е. Культура амурских чжурчжэней. Конец X–XI в. – Новосибирск : Наука, 1977. – 224 с.

Медведев В. Е. Приамурье в конце I – начале II тысячелетия (чжурчжэньская эпоха). – Новосибирск : Наука, 1986б. – 208 с.

Медведев В. Е. Раскопки чжурчжэньских могильников // Археологические открытия 1970 года. – М. : АН СССР, 1971. – С. 216–217.

Окладников А. П. Новые данные по неолиту Нижнего Амура // Археологические открытия 1972 года. – М. : АН СССР, 1973. – С. 232–233.

Окладников А. П., Медведев В. Е. Древний могильник на озере Болонь – памятник чжурчжэньской культуры на Нижнем Амуре // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1970. – Вып. 3. – № 11 – С. 112–115.

Окладников А. П., Медведев В. Е. Исследование многослойного поселения Гася на Нижнем Амуре // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1983. – Вып. 1. – № 1. – С. 93–97.

Окладников А. П., Медведев В. Е. Неолит Южного Приморья (по материалам раскопок поселений) // Асеагомунхуа (Древняя культура Азии). – Сеул : Хакён, 1995. – С. 601–619.

Медведев В. Е. <https://orcid.org/0000-0002-4087-0364>

Примечания

*Работа выполнена в рамках проекта НИР F WZG-2022-0004 – «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в Дальневосточном и Тихоокеанском регионах Евразии».

В. И. Молодин

Россия, Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

**ОПЫТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ ПЕРИОДА
ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ – НОВОГО ВРЕМЕНИ В ОБЬ-ИРТЫШСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ***

Вторая половина XX в. была ознаменована бурным развитием археологии в стране и в Сибири. Исследования коснулись в том числе памятников периода позднего Средневековья и Нового времени. Постепенно от эпизодических раскопок данных объектов в разных районах Обь-Иртышья научное сообщество, осознав значимость системного изучения данных объектов, перешло к их планомерному исследованию. В результате сложились особые центры, где такая тематика целенаправленно культивировалась. К числу наиболее удачных реализаций проекта, связанного с этноархеологией, следует указать Омский центр, возглавляемый профессором Н. А. Томиловым. Кроме того, интенсивное изучение памятников Нового времени означенной территории проводилось специалистами Томского государственного университета, Новосибирского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН.

Ключевые слова: археология, этноархеология, позднее Средневековье, Новое время.

V. I. Molodin

Russia, Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

**ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE LATE MIDDLE AGES – MODERN HISTORY
PERIOD IN THE OB-IRTYSH FOREST-STEPPE: A STUDYING EXPERIENCE**

The second half of the 20th century was marked by the rapid development of archeological science in the country and in Siberia in particular. The researches were also conducted on the archaeological sites of the late Middle Ages and Modern History periods. Gradually, from episodic excavations in the different regions of the Ob-Irtysh, the scientific community moved on to their systematic study. As a result, special centers were formed where such topics were purposefully sown. Among the most successful implementation of the ethno-archaeology project, one should point out the Omsk Center, headed by Professor N. A. Tomilov. Also, an intensive study of the sites of the Modern History period of the designated territory was carried out by specialists from Tomsk State University, Novosibirsk State University and the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.

Keywords: archeology, ethnoarchaeology, late Middle Ages, Modern history.

Вторая половина прошлого столетия была отмечена бурным развитием археологии в стране в целом и в Сибири в частности. Археологи академических институтов Москвы, Ленинграда, Новосибирска и Свердловска в тесном сотрудничестве со специалистами университетов, вузов и музеев вели активные полевые исследования, разведки и раскопки археологических объектов самых различных эпох и культур от периода палеолита до позднего Средневековья и Нового времени. В рамках заявленной темы конференции я остановлюсь на проблемах, связанных с изучением позднего Средневековья и Нового времени. Актуальность разработки данной проблематики связана с получением источников материальной и духовной культуры аборигенного и русского населения, что дополняло, а порой и исправляло дошедшие до историков письменные и летописные источники. Использование ретроспективного метода [Седов, 1979; Молодин, 1983] позволяет при аккумуляции данных по археологии памятников позднего Средневековья и Нового времени провести исследование проблем этногенеза обитателей региона, обоснованно и доказательно «спуститься» вглубь эпох, реконструируя сложные процессы этногенеза и этнической истории.

Возникновение и первые серьезные успехи изучения археологических памятников периода позднего Средневековья и Нового времени следует связывать с именем А. П. Дульзона – выдающегося языковеда, а также историка, этнографа и археолога, профессора Томского государственного педагогического института, а затем Томского государственного университета [Гришина, Молодин, 2009, с. 505]. В 40–50-е гг. А. П. Дульзон провел масштабные исследования позднесредневековых памятников – поселений и могильников аборигенного населения Томского Приобья, обоснованно определив их этническую привязку и хронологию. Чрезвычайно важно, что результаты исследований были опубликованы в ряде объемных статей, сопровождаемых подробным описанием материалов и иллюстрациями [Дульзон, 1952; 1953; 1955; 1957].

В послевоенные годы, эпизодически, к изучению позднесредневековых памятников не раз обращались археологи-сибиреведы. В качестве примеров таких раскопок (или публикаций ранее полученных материалов) следует указать на работы В. П. Левашовой на Вознесенском городище барабинских татар [Левашова, 1950] или на публикацию материалов Тоянова городка из раскопок М. П. Грязнова [Грязнов, 1976; Плетнева, 1976].

Вместе с тем были и те, чей вклад в обозначенную проблему являлся системным и по сути определяющим. Прежде всего, я должен назвать имя профессора Н. А. Томилова, работы которого в 70–80-е гг. были посвящены изучению тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в XVI – начале XIX вв. [Томилов, 1981; 1983]. Именно Николай Аркадьевич является организатором масштабных этно-археологических исследований в Прииртышье, в орбиту которых были вовлечены его многочисленные ученики. Помимо широкомасштабных раскопок поселений и могильников периода позднего Средневековья и Нового времени [См., напр.: Корусенко, 2003; Корусенко, Татауров, 1997; Татауров, Тихонов, 1996а; 1996б; 2002; Тихомиров, Тихомирова, 2021; и др.], по инициативе Омского центра регулярно проводятся международные конференции (настоящая конференция уже двадцать третья по счету!), объединенные общей идеей интеграции археологических и этнографических исследований в Евразии. Н. А. Томилову также принадлежит идея и успешная реализация периодического многотомного издания, направленного как на публикацию новейших источников по этноархеологической проблематике, так и на обсуждение и обобщение полученных научных результатов. На сегодняшний день выпущено более десятка таких томов серии [См., напр.: Этнографо-археологические комплексы..., 1996; 2016]. Крайне важно, что омские коллеги не только вводят в научный оборот принципиально новые источники, но и занимаются теоретической разработкой проблем, связанных с этноархеологией [См., напр.: Томилов, 1999; 2003; Тихонов, 2007; 2010; 2013; Татаурова, 2010; Корусенко, 2003; Корусенко, Полеводов, 2010; Корусенко, Смирнова, 2001; и др.].

Кроме омской группы специалистов, до настоящего времени работающей под руководством Н. А. Томилова, активные исследования памятников периода позднего Средневековья и Нового времени проводили и другие ученые, прежде всего из сибирских центров. Так изучением памятников барабинских татар занимался новосибирский археолог В. И. Соболев. Итогом его труда стала успешно защищенная докторская диссертация [Соболев, 1994], а затем монография «История сибирских ханств (по археологическим материалам)» [Соболев, 2008], к сожалению, увидевшая свет после безвременной кончины ученого.

Изучению населения Томского Приобья, которое составляли, вероятно, селькупы и томские татары, посвящены ряд статей и монография Л. М. Плетневой [Плетнева, 1990].

Масштабные исследования позднесредневековых памятников в Обь-Иртышье были проведены коллективом исследователей Института археологии и этнографии СО РАН. Исследования касались преимущественно северной, северо-западной части региона, фактически предтаежной зоны, а также лесостепной части Приомья. Раскопки позднесредневековых могильников Кыштовка-2 [Молодин, 1979] и Кыштовка-1 [Молодин, Мыльникова, 1980] позволили выявить так называемую кыштовскую археологическую культуру [Молодин, 1987] и связать ее носителей с южной группой хантов [Там же]. Позднее, с существенным увеличением корпуса источников, была выявлена специфика культуры, разработана ее периодизация [Молодин, Соловьев, 2012], а также, в ряде пунктов, исследованы культовые комплексы ее носителей [Молодин, 1990; Соловьев, 1997; 2020]. К числу уникальных святилищ относится полностью раскопанный и недавно монографически изученный комплекс Сопка-2, материалы которого введены в научный оборот [Молодин, Ефремова, Соловьев, 2021].

Очевидно, что носители культуры южных хантов по речным системам типа Тартаса проникали на юг, в лесостепь [Молодин, 2017], где вступали в контакты с барабинскими татарами, а на северо-западе – с тарскими татарами. К слову, один из некрополей тарских татар был полностью исследован в среднем течении р. Тара, являясь, по-видимому, наиболее восточной (юго-восточной) территорией распространения данной этнической группы [Молодин и др., 2012].

Определенным достижением в области изучения позднесредневековых памятников в регионе следует отметить монографию «Бараба в эпоху позднего средневековья» [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990], в которой аккумулированы материалы раскопок этих авторов, полученные в конце XX в. Кроме того, было опубликовано и несколько аналитических исследований, посвященных не только кыштовской культуре [Молодин, Соловьев, 2019], но и другим этническим группам (прежде всего, барабинским татарам), памятники которых были изучены творческим коллективом новосибирских ученых [См., напр.: Соловьев, Зудова, 1997; Кобелева и др., 2015].

Наконец, особое место в исследовании памятников археологии периода позднего Средневековья и Нового времени занимает тематика, связанная с изучением памятников, оставленных русскими

землепроходцами, осваивающими, в том числе, районы Западно-Сибирских лесостепей и степей и, в частности, Обь-Иртышья [Татаурова, 2021]. В предельно конспективном изложении на сегодняшний день можно выделять два таких направления. Во-первых, это раскопки крупных населенных пунктов – городов и острогов, которых в рассматриваемом регионе обозначено несколько.

Прежде всего, это изучение города Томска, где, благодаря раскопкам профессора Томского государственного университета М. П. Черной, получены уникальные данные по архитектуре и градостроительству этого города [Черная, 2015].

Не менее замечательные успехи достигнуты творческим коллективом омских и томских археологов при изучении города Тара на Иртыше – чрезвычайно важного пункта русского освоения Сибири [См., напр.: Татауров, Тихонов, Черная, 2021; Черная, Татауров, Борило, 2018].

На территории Новосибирской области серьезные достижения были получены по изучению Умревинского острога на р. Оби, проводимые под руководством профессора А. П. Бородовского [См., напр.: Бородовский, 2002; Бородовский, Горохов, 2008; 2009; 2020]. Кроме многолетних раскопок, по инициативе исследователя была проведена реконструкция и музеефикация этого интереснейшего памятника.

Следует отметить эпизодические исследования, проводимые на Усть-Тартасском остроге (форпосте), расположенном в месте слияния р. Омь и Тартас [Новиков, 1990].

Вторым направлением, связанным с археологическими исследованиями русских деревень и поселений, успешно занимается группа омских этноархеологов во главе с Л. В. Татауровой. Из ряда населенных пунктов, оставленных русским населением преимущественно в первые годы освоения этих территорий, получены массовые материалы, касающиеся архитектуры, материальной и духовной культуры первопроходцев [Татаурова, 2020; Татаурова, Сопова, 2021].

Таким образом, можно сделать однозначный вывод, что научное направление, связанное с археологическими исследованиями в означенном регионе Сибири, не только имеет богатые традиции, но и ярко свидетельствует (полученными результатами) о существенном научном вкладе в изучение истории Сибири и ее освоения, как периода позднего Средневековья, так и Нового времени.

Список источников и литературы

Бородовский А. П. Археологические исследования Умревинского острога // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2002. – Т. VIII. – С. 258–265.

Бородовский А. П., Горохов С. В. Современное историко-культурное значение Умревинского острога // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2008. – С. 142–148.

Бородовский А. П., Горохов С. В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 244 с.

Бородовский А. П., Горохов С. В. Умревинский острог. Результаты археологических исследований 2010–2017 гг. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – 220 с.

Гришина Н. М., Молодин В. И., Дульзон А. П. // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. – Новосибирск, 2009. – Том I (А–К). – С. 505.

Грязнов М. П. Дневник раскопок Тоянова городка, произведенных в 1924 г. // Из истории Сибири. – Томск, 1976. – Вып. 19. – С. 73–89.

Дульзон А. П. Остяцкий курганный могильник XVII века у села Молчаново на Оби // Ученые зап. ТГПИ. – Томск. – 1957. – Т. 16. – С. 443–488.

Дульзон А. П. Пачангский курганный могильник // Ученые зап. ТГПИ. – Томск. – 1955. – Т. 14. – С. 230–250.

Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблемы происхождения чулымских татар // Ученые зап. ТГПИ. – Томск. – 1953. – Т. 10. – С. 127–334.

Дульзон А. П. Чулымские татары и их язык // Ученые зап. ТГПИ. – Томск. – 1952. – Т. 9. – С. 76–211.

Кобелева Л. С., Дураков И. А., Молодин В. И., Демахина М. С. Комплексные исследования городища Сергино-2 на реке Оми // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2015. – Т. XXI. – С. 267–271.

Корусенко М. А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: опыт анализа структуры и содержания. – Новосибирск : Наука, 2003. – 192 с. – (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума ; т. 7).

Корусенко М. А., Полеводов А. В. Этноархеологический подход к исследованию погребального обряда: к вопросу создания адекватного понятийного аппарата (теоретический этюд) // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний : материалы XV Междунар. Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. – Томск, 2010. – С. 425–426.

Корусенко М. А., Смирнова Е. Ю. О соотношении «теория – конкретный метод – частная методика» в рамках методологии ЭАК // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Нальчик ; Омск, 2001. – С. 28–31.

- Корусенко М. А., Татауров С. Ф.* Планиграфия и ориентация татарских поселений и могильников в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск : Наука, 1997. – Т. 2. Культура тарских татар. – С. 117–148.
- Левашиова В. П.* О городищах Сибирского юрта // Советская археология. – 1950. – № 3. – С. 341–350.
- Молодин В. И.* Культурные памятники угорского населения лесостепного Обь-Иртышья (по данным археологии) // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск, 1990. – С. 128–140.
- Молодин В. И.* Кыштовская культура – южный анклав угров в эпоху Средневековья (Иртышское правобережье) // I Междунар. конф. «Археология Арктики». – Екатеринбург, 2017. – С. 94–97.
- Молодин В. И.* Кыштовский могильник. – Новосибирск : Наука, 1979. – 181 с.
- Молодин В. И.* Ретроспективный метод и опыт его применения: (к вопросу о возможности этнической интерпретации археологических памятников) // Методологические и философские проблемы истории. – Новосибирск, 1983. – С. 275–286.
- Молодин В. И.* Угорские памятники эпохи позднего средневековья в Обь-Иртышской лесостепи: кыштовская культура // XVII Всесоюз. финно-угорская конф. – Устинов, 1987. – С. 54–56.
- Молодин В. И., Ефремова Н. С., Соловьев А. И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 6. Ритуальные комплексы эпохи Средневековья. – 143 с.
- Молодин В. И., Мыльникова Л. Н.* Исследования памятника Кыштовка-1 // Источники по археологии Северной Азии, 1935–1976 гг. – Новосибирск, 1980. – С. 172–198.
- Молодин В. И., Новиков А. В., Поздняков Д. В., Соловьев А. И.* Позднесредневековые комплексы на озере Крючное (Средняя Тара) – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2012. – 162 с.
- Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск : Наука, 1990. – 261 с.
- Молодин В. И., Соловьев А. И.* Кыштовская культура // История Сибири. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 2. Железный век и средневековье. – С. 381–384.
- Молодин В. И., Соловьев А. И.* Кыштовская культура: вариативность погребальной практики и обрядов // Вестн. НГУ. – Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 3. Археология и этнография. – С. 97–110.
- Новиков А. В.* Гончарное производство Усть-Тартасского форпоста // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика : сб. ст. – Новосибирск, 1990. – С. 177–181.
- Плетнева Л. М.* Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. – 130 с.
- Плетнева Л. М.* Тоянов городок (по раскопкам М. П. Грязнова) в 1924 г. // Из истории Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1976. – Вып. 19. – С. 65–72.
- Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. – М. : Наука, 1979. – 157 с.
- Соболев В. И.* История сибирских ханств (по археологическим материалам) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1994. – 50 с.
- Соболев В. И.* История сибирских ханств (по археологическим материалам). – Новосибирск : Наука, 2008. – 360 с. – (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума ; т. 10).
- Соловьев А. И.* Культурные места Усть-Изеса: вопросы реконструкции // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2020. – Т. XXVI. – С. 611–620.
- Соловьев А. И.* Некоторые итоги исследования курганных насыпей у села Усть-Изес // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1997. – Т. III. – С. 281–288.
- Соловьев А. И., Зудова М. В.* Раскопки позднесредневекового могильника Малый Чуланкуль-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1997. – Т. III. – С. 289–295.
- Татауров С. Ф., Тихонов С. С.* Археологические источники для этнографо-археологических исследований в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996а. – Т. 1. Культура тарских татар. – С. 91–106.
- Татауров С. Ф., Тихонов С. С.* Могильник Бергамак II // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996б. – Т. 1. Культура тарских татар. – С. 58–83.
- Татауров С. Ф., Тихонов С. С.* Тарское Прииртышье в XIV–XVI вв. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 2002. – Т. 5. – С. 122–133.
- Татауров С. Ф., Тихонов С. С., Черная М. П.* Исследования в историческом центре города Тары в 2021 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2021. – Т. XXVII. – С. 674–677.
- Татаурова Л. В.* Археологические исследования русского поселения XVII–XVIII веков Ананьино-1 (Тарский район Омской области) в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2020. – Т. XXVI. – С. 658–663.
- Татаурова Л. В.* От редактора // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России : в 2 т. – Омск ; Сургут, 2021. – Т. 1. – С. 10.
- Татаурова Л. В.* Этноархеологический источник // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск, 2010. – С. 60–64.

Татаурова Л. В., Сонова К.О. Русская деревня Ананьино: археологические хронологии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2021. – Т. XXVII. – С. 678–684.

Тихомиров К. Н., Тихомирова М. Н. Освоение территории Среднего Прииртышья татарами в XVIII – начале XX века (по материалам археологических исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2021. – Т. XXVII. – С. 685–689.

Тихонов С. С. «Анатомия» этнографо-археологического комплекса // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Одесса ; Омск, 2007. – С. 9–19.

Тихонов С. С. Об археолого-этнографической интеграции и ее методологическом обеспечении // Культурологические исследования в Сибири. – 2013. – № 1 (40). – С. 45–50.

Тихонов С. С. Об этнографо-археологическом источнике и его исследовании // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 2010. – С. 69–72.

Томилов Н. А. Археолого-этнографическое направление в российской науке конца XVII – XX вв. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 2003. – Т. 6. – С. 10–17.

Томилов Н. А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. – 216 с.

Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. – 275 с.

Томилов Н. А. Этноархеология как научное направление. – Омск : Изд-во ОмГУ, 1999. – 12 с.

Черная М. П. Воеводская усадьба в Томске. – Томск : Д-Принт, 2015. – 276 с.

Черная М. П., Татауров С. Ф., Борило Б. С. Продовольственное обеспечение и хранилища для припасов в историко-археологическом контексте Тары // Вестн. Том. гос. ун-та. – Сер.: История. – 2018. – № 56. – С. 177–185.

Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: могилы, могильники, погребальный обряд и мир мертвых в свете этноархеологических работ. – Омск : Издательский дом «Наука», 2016. – 294 с. – (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума ; т. 14).

Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск : Наука, 1996. – Т. 1. Культура тарских татар. – 220 с.

Молодин В. И. <http://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

Примечания

*Исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

А. Н. Павлова

Россия, Йошкар-Ола, Поволжский государственный технологический университет

**РАБОТЫ Т. А. КРЮКОВОЙ ПО ЭТНОГРАФИИ ФИННО-УГРОВ КАК ОСНОВА
ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ СЕМАНТИКИ ДРЕВНЕГО КОСТЮМА**

На протяжении долгого времени в отечественной этнографии костюм рассматривался как часть материальной культуры. Вопросы семантики народного костюма оказались в центре внимания лишь в конце XX в., что затрудняет использование ретроспективного подхода при изучении археологического костюма в контексте духовной культуры этноса. В исследование материальной культуры и искусства марийского и мордовского народов значительный вклад внесла Т. А. Крюкова. Системный подход позволил исследовательнице не только описать традиционный костюм финно-угорского населения Поволжья, способы его декорирования, но и указать на социальные и ритуальные аспекты его бытования. Собранный Т. А. Крюковой этнографический материал раскрывает место костюма в погребальной обрядности, является одним из ключей к дешифровке кодовой системы костюма финно-угров Поволжья.

Ключевые слова: археология, этнография, костюм, семантика, финно-угры Поволжья, интерпретация.

A. N. Pavlova

Russia, Yoshkar-Ola, Povolzhskiy State Technical University

**T. A. KRYUKOVA'S ETHNOGRAPHIC RESEARCH AS A BASIS FOR THE
RECONSTRUCTION OF THE SEMANTICS OF THE ANCIENT FINNO-UGRIC COSTUME**

In Russian ethnography the costume was considered as a part of material culture for a long time. The issues of the semantics of folk costume became the focus of attention only at the end of the XX century, which creates difficulties for applying a retrospective approach to the study of archaeological costume in the context of the spiritual culture of an ethnic group. T. A. Kryukova made a significant contribution to the study of material culture and art of the Mari and Mordovian peoples. The researcher used a systematic approach, which allowed only to describe the traditional costume of the Finno-Ugric population of the Volga region, the ways of its decoration, but also to point out the social and ritual aspects of its existence. The ethnographic material collected by T.A. Kryukova reveals the place of the costume in the funeral rites, is one of the keys to deciphering the code system of the costume of the Finno-Ugrians of the Volga region.

Keywords: archaeology, ethnography, costume, semantics, Finno-Ugrians of the Volga region, interpretation.

Костюм как важная часть этнической культуры традиционно находится в сфере интересов археологов и этнографов. Изучение костюма финно-угорского населения Поволжья имеет длительную историю: первые этнографические материалы были собраны в XVIII в. среди марийского и мордовского населения в ходе экспедиций П. С. Палласом [*Паллас*, 1773], Г. Ф. Миллером [*Миллер*, 1791] и др.; позднее эту работу продолжили А. Ф. Риттих [*Риттих*, 1870] и др. Большое внимание этой проблеме уделяли и советские этнографы Н. И. Гаген-Торн [*Гаген-Торн*, 1960], В. Н. Белицер [*Белицер*, 1972], Т. А. Крюкова [*Крюкова*, 1951; 1956; 1968] и др., благодаря чему были накоплены сведения о региональных особенностях костюма, материалах и технологиях изготовления предметов одежды.

В XIX в. начинаются раскопки памятников финно-угорского населения Поволжья, что позволило создать первые реконструкции костюма, например, выполненные А. А. Спицыным [*Спицын*, 1901]. Специфика археологических источников определила направление исследования – состав, технологические особенности изготовления и территория распространения металлических украшений [*Голубева*, 1979; *Горюнова*, 1961; *Леонтьев*, 1991; *Рябинин*, 1981], так как предметы одежды, обувь и прочие части костюма, изготовленные из органических материалов, либо не прослеживались в захоронениях, либо сохранились фрагментарно. Применительно к древнему костюму финно-угров Поволжья даже гипотетическая реконструкция, по определению З. В. Доде [*Доде*, 2005, с. 306], невозможна без привлечения этнографических материалов, позволяющих проследить способы ношения одежды, особенности кроя и пр.

Традиционный подход к костюму в археологии, как и в этнографии, предполагает, что это важная часть материальной культуры этноса, свидетельствующая об уровне развития ремесла, культурных и экономических связях. С развитием семиотического подхода к традиционной культуре

в этнологии в последние десятилетия XX в. [Байбурин, 1981; 1995; Корнишина, 2001] костюм, как этнографический, так и археологический, начинает интерпретироваться как образно-семантическая система [Крыласова, 2001; Яценко, 2002].

Семиотический подход к изучению древнего костюма базируется на представлении об устойчивости традиционной культуры. Предполагается, что на протяжении значительной части своей истории костюм сохраняет основные символические акценты, которые прослеживаются как археологически, так и этнографически. Например, Н. Б. Крыласова, исходя из раннего появления в этнографическом костюме большинства финно-угорских народов нагрудников и набедренников, считает их характерными элементами [Крыласова, 2001, с. 20]. С точки зрения создания силуэта костюма, формирования образа, соответствующего этнической эстетике, а также акцентирования семантически значимых частей тела человека, нагрудники и набедренники могут относиться к элементам, создающим доминанты в системе финно-угорского костюма, которые можно выделить и на археологическом материале.

Выделение доминантных элементов в костюме и обусловивших их факторов предполагает выявление связи с мифологической картиной мира. Финно-угорские народы Поволжья, не имевшие письменности, транслировали религиозно-мифологическую картину мира и связанный с ней комплекс представлений, в том числе, через знаково-символические системы костюма, так как вещи, кроме практических функций, имеют способность вбирать в себя духовный опыт человека, отражая тем самым целое мировоззрение [Бодрийяр, 2001, с. 32]. В этой знаково-символической системе использовалось несколько кодов (цветовой, материала, образный и др.), сохранившихся, хотя и не в полном объеме, до начала XX в., что предполагает возможность их дешифровки и экстраполяции на более древние костюмные комплексы.

Опора на этнографические материалы в процессе дешифровки семантики древнего костюма финно-угров Поволжья позволяет представить костюм как систему, развивающуюся в пространстве этнической культуры и отражающую происходящие в ней изменения. Среди этнографических исследований особо следует выделить работы Т. А. Крюковой, посвященные марийскому и мордовскому искусству и народному костюму. В центре внимания Т. А. Крюковой была материальная культура финно-угорских народов Поволжья и Приуралья, важной частью которой являлся костюм. Подобный подход к народному костюму был традиционным для советской этнографии: Т. А. Крюкова исследовала, например, особенности одежды локальных групп марийского населения, но при этом указывала на связь декоративного убранства одежды (прежде всего, вышивки) с «первобытной идеологией» [Крюкова, 1951, с. 14].

Изучая названия элементов народной марийской вышивки, она отметила, что они не всегда связаны с техникой выполнения, а отражают социальный статус человека, как, например, нагрудная вышивка женских рубаш [Там же, с. 14]. Таким образом, нагрудная вышивка стала трактоваться как оберег с глубоким символическим смыслом, что позволило лучше понять семантику нагрудных украшений в женском костюме, как этнографическом, так и археологическом, сопоставить парность металлических нагрудных украшений в археологическом костюме предков мари и мордвы с расположением вышивки.

Работа с коллекциями Музея антропологии и этнографии АН СССР позволяла Т. А. Крюковой проследить детали оформления предметов одежды, имевшие символическое значение. В статье «Коллекция П. С. Палласа по народам Поволжья», вышедшей в 1949 г., рассматривая особенности мордовских тканей, исследователь сопоставила этнографические и археологические источники, а также обратила внимание на цветовую гамму, соответствующую вышивке более позднего периода [Крюкова, 1949, с. 142–144]. На протяжении XVIII–XX вв. цветовая гамма одежды, (прежде всего, вышивки) у мордвы не изменилась, что позволяет предполагать наличие устойчивого цветового кода; подтверждением этому является и цветовая гамма головного убора, описанного в той же статье [Там же, с. 144–145]. На примере рубаш из коллекции Палласа Т. А. Крюкова отметила исторически сложившиеся традиции расположения орнамента и использование зооморфного мотива в композиции «предстоящие у дерева» по сторонам разреза на подоле [Там же], что позволяет провести сравнение с фрагментами одежды из могильников древней мордвы и рязано-окского населения с точки зрения семантики как отдельных композиций, так и расположения декора.

Т. А. Крюкова обратила внимание на широкое использование бисера в свадебных, поминальных и жертвенных обрядах мордвы, в том числе – нанизанного на проволоку или нить бисера, который вешали на священную березу, а также использовали в традиционной вышивке наряду с цепочками и блестками [Крюкова, 1968, с. 63]. Оловянный бисер широко применялся для декорирования различных предметов одежды у древней мордвы и рязано-окского населения. У мари была записана

легенда о возникновении искусства вышивки, согласно которой богиня Мланде ава создала первый узор, бросив зерна на ткань [Маркелов, 1994, с. 139], но в древнемарийских могильниках зафиксирована вышивка серебряной нитью [Никитина, 2012, с. 12–13]. Семантика бисера и украшений из него в костюме финно-угров Поволжья требует дальнейшего исследования, так же, как и семантика цепочек, которые широко использовались на рубеже I–II тыс. н. э. в декоре головных уборов, например, головных цепочек и подвесок к ним у древнемарийских племен. Цепочки с шумящими подвесками и сходные с ними шумящие подвески на шнурах сохранились как неотъемлемая часть марийского и мордовского костюма, например, «каркс пуло», набедренного украшения мордвы эрзи [Крюкова, 1968, с. 49]. Использование цепочек и сходных с ними шнуров с пронизками для декорирования головных уборов и набедренников позволяет предположить, что они связаны с идеей плодородия, и так же, как все шумящие украшения, имели еще и значение оберега.

В описании головного убора из коллекции П. С. Палласа Т. А. Крюкова отметила «ряд мелких деталей», представляющих интерес с точки зрения семантики костюма финно-угров Поволжья: пучок суровых ниток, кусочек сыромятного ремня, фрагменты шкурки животного, кусочки бересты и металлическую пластину [Крюкова, 1949, с. 150]. Эти предметы она предложила рассматривать как обереги, тесно связанные с ритуалами, в том числе погребальными. Благодаря таким деталям можно расширить представления о символике бересты, различных видов меха и кожи в костюме финно-угорского населения Поволжья, использование которых в древнем костюме обусловлено не только спецификой хозяйства эпохи, но и семантикой, сохранявшейся в этнической культуре на протяжении столетий [Лавлова, 2017]. Преимуществом цветового кода и кода материала в костюме финно-угров Поволжья позволяет поставить вопрос об архетипах, существующих в данной области, или очень древних истоках, которые прослеживаются у финно-угорского и индоевропейского населения.

Описание головного убора из коллекции П. С. Палласа, приведенное Т. А. Крюковой [Крюкова, 1949, с. 149], указывает на древние истоки не только формы, но и технологических приемов: в материалах Безводнинского могильника встречается головной жгут в форме дуги, являющийся основой для женского головного убора с лопастью [Краснов, 1982, с. 55–56], что позволяет предполагать определенный символический смысл, так как в системе костюма головной убор связан с небесной сферой. Судя по металлической пластине, закрытой тканью, налобные украшения выполняли не только эстетическую функцию. В XIX в. головные уборы мари и мордвы декорировались вышивкой, позументом и пр.; металлический декор составляли монеты, но в древности типичным убором были венчики из металлических пластин, имевших, вероятно, символическое значение, поскольку у финно-угорского населения региона они известны с ананьинской эпохи [Патрушев, 2011, рис. 41, 42].

Семантическая система костюма финно-угорского населения Поволжья формировалась на протяжении длительного времени, сохраняя основные коды и доминанты, выявить которые позволяет сопоставление этнографических и археологических материалов. Многие проблемы в этом когнитивном пространстве были поставлены советскими учеными-этнографами, в том числе Т. А. Крюковой, обращавшейся в своих работах к глубинным пластам традиционной финно-угорской культуры.

Список источников и литературы

- Байбурин А. К. Семиотические аспекты функционирования традиционной культуры восточных славян : дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. докл. – СПб., 1995. – 46 с.
- Байбурин А. К. Семиотический статус вещей в мифологии // Материальная культура и мифология. – М. ; Л. : Наука, 1981. – С. 215–226. – (Сб. МАЭ ; т. 37).
- Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. – М. : Наука, 1972. – 196 с. – (ТИЭ ; т. 101: Тр. Мордовской этнографической экспедиции ; вып. III).
- Бодрийяр Ж. Система вещей. – М. : Рудомино, 2001. – 328 с.
- Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1960. – 228 с.
- Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров. – М. : Наука, 1979. – 112 с. – (САИ ; вып. Е1-59).
- Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 267 с. – (МИА ; № 94).
- Доде З. В. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности: к вопросу о методе исследования // Структурно-семиотические исследования в археологии : сб. ст. – Донецк, 2005. – Т. 2. – С. 305–329.
- Корнишина Г. А. Традиционная обрядовая культура в системе мордовского этноса: структура, субъекты, состав, компоненты : дис. ... д-ра ист. наук. – Саранск, 2001. – 496 с.
- Краснов Ю. А. Женская одежда по материалам Безводнинского могильника // Железный век. – М., 1982. – С. 51–58. – (КСИА ; вып. 170).

- Крыласова Н. Б.* История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. – Пермь : ПГПУ, 2001. – 259 с.
- Крюкова Т. А.* Коллекция П. С. Палласа по народам Поволжья // Сб. Музея антропологии и этнографии. – М. ; Л., 1949. – С. 139–159. – (Сб. МАЭ ; т. XII).
- Крюкова Т. А.* Марийская вышивка. – Л. : Гос. музей этнографии, 1951. – 194 с.
- Крюкова Т. А.* Материальная культура марийцев XIX века. – Йошкар-Ола : Марийское кн. изд-во, 1956. – 160 с.
- Крюкова Т. А.* Мордовское народное изобразительное искусство. – Саранск : Мордовское кн. изд-во, 1968. – 210 с.
- Леонтьев А. Е.* Археология мери (к предыстории Северо-Восточной Руси) : дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1991. – 468 с.
- Маркелов М. Т.* Вышивание у марийцев // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 6. – С. 138–143.
- Миллер Г. Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. – СПб. : ИАН, 1791. – 99 с.
- Никитина Т. Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. – Казань, 2012. – 408 с. – (Археология Евразийских степей ; вып. 14).
- Павлова А. Н.* К проблеме семантики цвета и материала в статье Т. А. Крюковой «Коллекции П. С. Палласа по народам Поволжья» // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 5. – С. 178–187.
- Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. – СПб. : ИАН, 1773. – Ч. 1. – 657 с.
- Патрушев В. С.* Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени. – Казань : ООО «Фолиант», 2011. – 276 с. – (Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования ; вып. 2).
- Риттих А. Ф.* Казанская губерния. – Казань : Тип. Имп. Казанского ун-та, 1870. – Т. 2. – 225 с. – (Материалы для этнографии России ; № 14).
- Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. – М. : Наука, 1981. – 123 с. – (САИ ; вып. У-1-60).
- Спицын А. А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы. – СПб. : Т-во Художественной Печати, 1901. – Вып. 1. – 120 с. – (МАР, издаваемые Императорской археологической комиссией ; № 25).
- Яценко С. А.* Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2002. – 55 с.

Павлова А. Н. <http://orcid.org/0000-0002-1446-9390>

К. А. Руденко

Россия, Казань, Государственный институт культуры

**ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРОФЕССОРА Б. Ф. АДЛЕРА (КАЗАНСКИЙ ПЕРИОД: 1911–1922)**

В статье рассматривается научная и педагогическая деятельность казанского этнографа, географа и музейного работника Бруно Федоровича Адлера в контексте интеграции археологического и этнографического знания. Автор считает, что с приездом в 1911 г. Б. Ф. Адлера в Казань, здесь начинается новое качественное осмысление задач археологии и этнографии как предметов, оставляющих основу глобальной науки о человеке. Это идея была продолжена его учениками. В вопросе об интеграции археологии и этнографии Б. Ф. Адлер делал акцент на «расширении этнографии вглубь», используя для этого археологические источники. Он считал, что музейная экспозиция по культуре народов мира должна отражать не только предметный этнографический ряд артефактов, но и раскрывать их «археологические» истоки. В университете он привлекал студентов для практических археологических и этнографических занятий, организуя довольно дальние экспедиции даже на Урал и в Западную Сибирь.

Ключевые слова: Б. Ф. Адлер, археология, этнография, интеграция, комплексные исследования, музейная деятельность, Казанский университет, Казанский городской музей, Общество археологии, истории и этнографии.

K. A. Rudenko

Russia, Kazan, State Institute of Culture

**EXPERIENCE OF INTERACTION OF ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY IN THE
ACTIVITIES OF PROFESSOR B. F. ADLER (KAZAN PERIOD: 1911–1922)**

The article deals with the scientific and pedagogical activity of the Kazan ethnographer, geographer and museum worker B. F. Adler in the context of the integration of archaeological and ethnographic knowledge. The author believes that with the arrival of B. F. Adler in Kazan in 1911, a new qualitative understanding of the tasks of archeology and ethnography begins here, as subjects that form the basis of the global science of man. This idea was continued by his students. On the issue of the integration of archeology and ethnography, B.F. Adler emphasized the «expansion of ethnography in depth», using archaeological sources for this. He believed that museum expositions on the culture of the peoples of the world should reflect not only the substantive ethnographic range of artifacts, but also reveal their «archaeological» origins. At the university, he attracted students for practical archaeological and ethnographic studies, organizing fairly long-distance expeditions even to the Urals and Western Siberia.

Keywords: B. F. Adler, archeology, ethnography, integration, complex research, museum activity, Kazan University, Kazan City Museum, Society of Archeology, History and Ethnography.

Жизнь и деятельность Бруно Федоровича Адлера (1874–1942), профессора Казанского университета, достаточно подробно освещена в публикациях [Зорин, 2001; Бусыгин, Зорин, 2002, с. 53–75; Зорин, Решетов, 2004, с. 27–33; Руденко, 2021, с. 138]. Наиболее плодотворным в его биографии был казанский период (1911–1922) когда ярко проявились способности и таланты ученого [Руденко, 2013, с. 326–328]. Он заявил о себе как педагог, исследователь, музейный и общественный деятель. Бруно Федорович имел прекрасную подготовку: выпускник Московского университета по естественному отделению физико-математического факультета, он в 1899–1901 гг. стажировался в Германии (при посредничестве Д. Н. Анучина, его учителя в университете) у известного географа и этнографа Ф. Ратцеля, обратив особое внимание на музейную деятельность [Зорин, 2001, с. 3–4].

К своему приезду в Казань, он, защитив магистерскую диссертацию (1911) и получив степень магистра географических наук, уже имел опыт как педагогической, так и музейной работы в Этнографическом музее им. Петра I в Санкт-Петербурге и Русском музее, что и было отмечено рекомендовавшим его кандидатуру профессором Казанского университета П. И. Кротовым [Кротов, 1911]. Именно музейная практика Б. Ф. Адлера особенно импонировала казанской научной и краеведческой общественности, что явствует из переписки казанских ученых С. И. Порфирьева и Н. М. Петровского тех лет [Переписка Н. М. Петровского и С. И. Порфирьева..., 2012]. Археологическое и этнографическое собрание музеев Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском университете, учебные кабинеты университета с предметами истории, археологии, этнографии и искусства, а также

нумизматики, фонды Казанского городского музея с единым фондом коллекционера А. Ф. Лихачева (предметы искусства, библиотека, коллекции археологических и этнографических артефактов) были, по сути, научно не обработанными, частью законсервированными и недоступными для обозрения (кроме губернского музея). Быстрое избрание Б. Ф. Адлера в члены ОАИЭ и значительная поддержка в начале преподавательской деятельности во многом были связаны с этими надеждами. Ученый их полностью оправдал [Руденко, 2015, с. 29–35; 2020, с. 173–177].

При всей широте взглядов, приоритетными в его исследованиях были география и этнография [Руденко, 2021, с. 138]. С археологией же Бруно Федорович столкнулся при написании диссертации под руководством Ф. Ратцеля о стрелах и луке народов Северной Азии во время стажировки в Германии [Зорин, 2001, с. 4]. О значении археологических материалов он мог услышать от своего учителя Д. Н. Анучина. Знал исследователь и об археологических открытиях в Крыму от своего непосредственного начальника – декана физико-математического факультета, на котором Б. Ф. Адлер исполнял обязанности заведующего кафедрой географии и этнографии, – экстраординарного профессора К. С. Мережковского [Тихонов, 2003, с. 101–102]. Таким образом, еще до приезда в Казань и в первые годы пребывания в этом городе, Адлеру приходилось сталкиваться с археологической тематикой. Правда, в его понимании, речь должна была идти не об отдельных дисциплинах в рамках народоведения [Адлер, 1920, с. 465–495]. Такую позицию разделял и ряд других российских этнографов [Богораз-Тан, 1928]. Стоит добавить и то, что с начала своего пребывания в Казани Бруно Федорович включился в практику коллекционирования, в том числе и археологических предметов, что было своего рода традицией среди университетских профессоров. Приволжского (Казанского) федерального университета – часть его собрания, правда не археологическая, сохранилась в коллекциях этнографического музея П(К)ФУ [Антропология перемен..., 2017, с. 17–21].

Однако непосредственное взаимодействие теоретических знаний об археологии и археологической практики произошло в 1914 г., когда Адлер был избран товарищем председателя ОАИЭ. Ему поручили заведование археологическим музеем Общества. Тогда же ученый становится постоянным членом Булгарской комиссии по охране архитектурных средневековых сооружений Булгарского городища, неоднократно выезжая туда для проверки их состояния и объективности финансовой отчетности. Он же содействует и организации первых стационарных раскопок на этом памятнике в 1914–1916 гг., как и рекогносцировочных исследований под руководством П. А. Пономарева, на Билярском городище, в рамках подготовки в 1922 г. празднования 1000-летия принятия ислама волжскими булгарами [Зорин, 2001, с. 17].

Однако сама идея некоего симбиоза этнографии и археологии была реализована Б. Ф. Адлером в двух других направлениях. Это музейные занятия и педагогическая деятельность. Благодаря своей энергии, признанию в научном сообществе Казанской губернии и Казани (прежде всего, в университете), ему удалось добиться объединения в одном университетском музее (на основе университетского географического кабинета) археологических и этнографических коллекций, причем сюда попали и материалы из музеев ОАИЭ, и экспонаты из учебных кабинетов университета. Уже в конце марта 1914 г. музей, обозначенный как этнографический, был открыт и впоследствии признан лучшим университетским музеем России [Бусыгин, Зорин, 2002, с. 61].

Музейная практика, связанная с археологией, была продолжена Б. Ф. Адлером в Казанском городском музее, директором которого он был назначен в 1919 г. Отказавшись от принципа неделимой коллекции А. Ф. Лихачева, он начал систематическую реорганизацию фондов и учета материалов, которая имела существенное значение в деятельности музея [Руденко, 2019, с. 39–40]. Кроме того, по его инициативе в музее впервые был организован отдел археологии, который возглавил его протеже, выпускник университета и участник нескольких археологических экспедиций, еще в бытность студентом, в Болгары и в Билярск в 1914 и 1916 гг., – М. Г. Худяков. Последний находился под сильнейшим влиянием своего наставника, пока тот жил и работал в Казани. Это касалось публикаций М. Г. Худякова этнографического и археологического содержания. В последних им весьма часто использовались археологические параллели. В концептуальном плане, следуя идее единой науки о человеке, – народоведению, Б. Ф. Адлер считал, что в музее археологические материалы должны расширять содержательную сторону этнографии, так сказать, углубляя научное знание [Зорин, 2001, с. 9]. Видимо, он следовал принятой во второй половине XIX в. практике отнесения археологии к разряду естественнонаучных дисциплин. Впрочем, в этой концепции свое место нашли и антропология, и геология, и география, точнее – этногеография, в той же роли «помощников» этнографическому ядру [Адлер, 1920, с. 465–495].

Эти идеи Бруно Федорович прививал и своим ученикам, например, С. А. Теплоухову, который стал археологом-сибиреведом. Последнего причисляют к палеоэтнологическому направлению в советской и российской археологии [Платонова, 2010, с. 178–179].

Роль археологии особенно была заметна в занятиях Б. Ф. Адлера со студентами в университете и в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте (с 1917 г.). Здесь им сочетались как кружковая, так и исследовательская работа; особенно активно такие занятия велись в 1915–1916 гг., вкуче с теоретическими штудиями [Бусыгин, Зорин, 2002, с. 62]. В Казанском университете Бруно Федорович, используя свое членство в университетском Обществе естествоиспытателей, организовывал наиболее способным студентам дальние командировки, в том числе на Урал и в Зауралье, где, помимо этнографических коллекций, собирались и археологические материалы. Такую экспедицию в 1912 г. совершил и С. А. Теплоухов [Антропология перемен..., 2017, с. 40–49]. В 1917 и 1918 гг. Б. Ф. Адлер организовал небольшие учебные раскопки на Займищенских стоянках под Казанью эпохи позднего неолита и бронзы [Бусыгин, Зорин, 2002, с. 59]. Для учебных целей он выписывал из-за рубежа муляжи археологических предметов разных эпох, например, со свайных поселений на Цюрихском озере в Швейцарии в 1854 г., отнесенных к эпохе неолита и бронзовому веку.

Таким образом, в своей научной и педагогической деятельности Б. Ф. Адлер проводил линию на комплексный подход к осмыслению археологических и этнографических материалов в рамках единой, в его видении, исследовательской сферы – науки о человеке. Примечательно, что это воплощалось в полевой практике – формировании коллекций по археологии и этнографии во время археологических экспедиций и экскурсий, а также в музейных экспозициях. Им была разработана и теоретическая основа представления артефактов из области археологического и этнографического знания в музейном пространстве.

Список источников и литературы

Адлер Б. Ф. Всероссийский Центральный Этнографический Музей в Москве // ИОАИЭ. – 1920. – Т. XXX. – Вып. 4. – С. 465–495.

Антропология перемен: судьбы этнографов Казанского университета на рубеже эпох. Каталог выставки. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2017. – 96 с.

Богораз-Ган В. Г. Распространение культуры на земле. Основы этногеографии. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. – 311 с.

Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Этнография в Казанском университете. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2002. – 220 с.

Зорин Н. В. Бруно Фридрихович Адлер (1874 – не ранее 1932 г.). – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2001. – 36 с.

Зорин Н. В., Решетов А. М. Бруно Фридрихович Адлер: Основные этапы жизни и деятельности учёного // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Этнографические исследования : сб. науч. докл. и сообщ. : в 3 ч. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2004. – Ч. III. – С. 27–33.

Кротов П. И. Б. Ф. Адлер и его ученые труды по географии и этнографии. – Казань : Тип. Имп. ун-та, 1911. – 8 с.

Переписка Н. М. Петровского и С. И. Порфирьева как исторический источник // И это все пройдет... Судьба и время: русские интеллигенты в начале XX в. Переписка Нестора Мемноновича Петровского и Сергея Ивановича Порфирьева (1899–1921 гг.) / науч. ред. К. А. Руденко. – Казань, 2012. – С. 13–63.

Платонова Н. И. История археологической мысли в России: вторая половина XIX – первая треть XX века. – СПб. : Нестор-История, 2010. – 316 с.

Руденко К. А. Б. Ф. Адлер: реконструкция биографии (1911–1917 гг.) // Историк в историческом и историографическом времени : материалы Междунар. форума, посвящ. 100-летию со дня рождения проф. А. С. Шофмана, Казань 13–15 ноября 2013 г. – Казань, 2013. – С. 326–328.

Руденко К. А. Вопросы музейной работы в научном наследии Б. Ф. Адлера // XIII Бусыгинские чтения. Казанская этнографическая школа: память истории и антропологические повороты : материалы Междунар. науч.-практической конф. – Казань, 2020. – С. 173–177.

Руденко К. А. Музейная деятельность Б. Ф. Адлера (казанский период) // Вестн. КазГУКИ. – 2015. – № 3. – С. 29–35.

Руденко К. А. Научное наследие профессора Б. Ф. Адлера и развитие этнографии и географии в Казани в 1911–1922 гг.: вопросы историографии // XIV Конгресс антропологов и этнологов России. – М. ; Томск, 2021. – С. 138.

Руденко К. А. Реформы Б. Ф. Адлера в Казанском городском музее в 1917–1922 годах: археологические коллекции – инновация или уничтожение? // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях: материалы Междунар. науч. конф. – М., 2019. – С. 39–40.

Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: историографические очерки. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. – 332 с.

Руденко К. А. <https://orcid.org/0000-0002-4067-9287>

В. И. Семенова*Россия, Тюмень, Тюменский государственный институт культуры***ТЮМЕНЬ НА ЧЕРТЕЖАХ С. У. РЕМЕЗОВА**

Первый русский город в Сибири, Тюмень, до нашего времени сохраняет свою историческую планировку, которая складывалась с момента его основания в 1586 г. Тем более интересно посмотреть на этот процесс, продолжавшийся на протяжении XVII в. и отраженный в чертежах С. У. Ремезова, которые, как считается, условно воспроизводят структуру города и его географическое положение. В данной статье продемонстрировано, что чертежи создавались с 1697 по 1730 и запечатлели три состояния, три образа города – в начале, середине и конце XVII в. В статье прослежено развитие двух его главных элементов – крепости и острога (без слобод). В этот период упорядочивается структура посада – от хаотичной застройки до появления основных улиц, меняется конструкция оборонительных сооружений. На чертежах можно проследить ценную информацию об облике первых построек административного, культового и жилого назначения. В статье это показано на примере соборной Рождественской церкви, поставленной в городе в конце XVI в.

Ключевые слова: С. У. Ремезов, картография, Сибирь, Тюмень, город, посад, крепость, острог, оборонительные сооружения, городская застройка.

V. I. Semenova*Russia, Tyumen, Tyumen State Institute of Culture***TYUMEN ON THE DRAWINGS BY S. U. REMEZOV**

Tyumen, the first Russian town in Siberia, has kept its historical planning, which started to develop since its founding in 1586, to our time. That is why it is interesting to look at this process, reflected during the 17th century in the drawings by S. U. Remezov; they are considered to conventionally represent the town's structure and its geographical location. This article shows that the drawings were created from 1697 to 1730, having captured the town's three states, three images – at the beginning, in the middle and the end of the 17th century. The article traces the development of its two main elements, the fortress and the burg (without settlements). During this period the suburb's structure was being arranged from chaotic development to the appearance of major streets; the construction of defensive fortifications was also being changed. In the drawings it is possible to trace some valuable information on the look of the first administrative, sacral and residential constructions. The article illustrates it on the example of collegiate Nativity church, built in the town at the end of the 16th century.

Keywords: S. U. Remezov, cartography, Siberia, Tyumen, town, suburb, fortress, burg, defensive fortifications, town development.

Изобразительные материалы являются важными источниками по истории формирования и развития городов. Первоначальные виды Тюмени представлены в трех атласах С. У. Ремезова: «Хорографической чертежной книге» (1697–1711), «Чертежной книге Сибири» (1697–1701), «Служебной чертежной книге Сибири» (1702–1730) [Гольденберг, 1965, с. 82, 89, 100]. Все изображения неоднократно воспроизводились в разных изданиях, использовались в сопоставлении с письменными источниками, для анализа местоположения и развития структуры города, оборонительных сооружений, атрибуции отдельных построек и пр. В данной статье проводится сравнительный анализ трех чертежей Тюмени как образов города в разные хронологические периоды.

Долгое время графические материалы С. У. Ремезова не были оценены исследователями. Г. Ф. Миллер назвал иллюстрации к ремезовской летописи «плохими рисунками» [Миллер, 1937, с. 189]. Карты С. У. Ремезова считали примитивными по сравнению с уровнем картографии того времени за их излишнюю изобразительность и перегруженность деталями, что впоследствии, однако, стало основанием для признания их ценными источниками.

На первом по времени чертеже Тюмени в «Хорографической чертежной книге» зафиксированы два основных района города – крепость (собственно, город) и посад (острог) [Хорографическая чертежная книга...]. Крепость изображена в виде правильного квадрата с 7 башнями (рис. 1/ 2). Стены, видимо, рубленые, так как нет вертикальных штрихов, указывающих на тын. Башни с шатровыми завершениями находятся по четырем углам крепости, две башни проездные (Спасская и Егорьевская) находятся на противоположных сторонах по продольной оси мыса, седьмая расположена посередине стены со стороны реки Туры. Внутри есть 4 постройки – 2 больших дома

(приказная изба и воеводский дом), 1 поменьше и церковь с двумя куполами. Посад, ограниченный острожной стеной с двумя шатровыми башнями, передан схематически с почти квартальной планировкой. Две продольные линии (дороги), расходящиеся от проездной Спасской башни, делят посад на три части. Центральная часть поделена на 5 участков. Три участка сформированы вокруг церквей (Спасской, неизвестной, Знаменской), четвертый и пятый – ближе к острожной стене без построек и отделены двойными линиями. Со стороны рек Тюменки и Туры изображены по 3 «квартала» – по одному крупному и двум небольшим. Вдоль Туры на большом участке у городской стены есть церковь (Ильинская), и обозначено огороженное двойной линией пространство в виде каре. На малом участке нанесена одна церковь (Успенская?). На берегу Тюменки на крупном участке изображена церковь (Архангельская), два малых у острожной стены пустые. На границе большого участка с центральной частью есть изображение башни с шатровой крышей (караульная башня). Сведения о ней есть в «Дозорной книге 1624 года» [Тюмень в XVII столетии..., 2004, с. 33].

Описанный чертеж похож на план Тюмени конца XVII в. из портфелей Г. Ф. Миллера, опубликованный П. М. Головачевым [Там же]. Крепость на миллеровском плане в форме неправильного четырехугольника обнесена острогом, а не рублеными стенами (рис. 1/ 4). В городе на обоих чертежах определяется единственная церковь (подпись под ней на плане Г. Ф. Миллера утрачена), на посаде – квартальная планировка с церквями. На миллеровском плане все посадские церкви подписаны (Спасская, Ильинская, Архангельская, Знаменская), есть девичий монастырь, тогда как на ремезовском плане 6 церквей и караульная башня ближе к городским стенам.

В «Чертежной книге Сибири», законченной к 1701 г., вид Тюмени условен и не похож на реальное отображение – квадратная крепость без башен с двумя проездными воротами, с несколькими домами около нее и церковью на берегу Тюменки (?) у ворот [Чертежная книга Сибири ...]. Чертеж крепости, видимо, перевернут на 180 градусов, так как у городской стены со стороны посада находилась только Спасская церковь. Если его разместить в правильном положении на мысу между Тюменкой и Турой, то есть совпадения с предыдущим ремезовским чертежом (рис. 1/ 3). Со стороны Туры из-за частотола видны одна крупная постройка (приказная изба), а из-за нее виднеется еще одна с куполом (Рождественская), третья постройка, возможно, воеводский дом. Единственная башня с шатровой крышей за стеной города сопоставима с караульной башней на предыдущем плане (рис. 1/ 2). Это изображение Тюмени можно соотнести с городом после пожара 1687 г., когда появился городской острог с двумя проездными воротами и не были отстроены башни [Тюмень в XVII столетии..., 2004, с. 81]; так же он выглядел и после пожара 1695 г.

На эту ошибку в ориентировании рисунка обратили внимание А. И. Андреев и Л. А. Гольденберг, который считал, что ее можно объяснить большим объемом работ, спешкой при загруженности другими поручениями, из-за которых не удалось выверить чертежи [Гольденберг, 1965, с. 99].

«Служебная чертежная книга Сибири» создавалась последней по времени (1702–1730) и вобрала в себя все накопленные знания С. У. Ремезова о Сибири и опыт картографии [Дергачёва-Скоп, Алексеев, 2006]. Чертеж Тюмени выглядит также очень условным, но он гораздо подробнее предыдущего (рис. 1/ 1). На нем тоже есть крепость и острог, расположенные правильно относительно рек Тюменки и Туры. Крепость в плане почти круглая (!), хорошо читаются острожные стены, семь башен с шатровыми завершениями, две из которых проездные, три постройки – одна крупная (приказная изба), две малых и церковь (Рождественская). Посад также огражден с напольной стороны острожной стеной с двумя башнями. Внутри посада есть 4 церкви (Спасская, Ильинская, Архангельская, Знаменская) и другие постройки, которые могут быть интерпретированы как жилые дома, дворы и торговые лавки.

На наш взгляд, на ремезовских чертежах передан образ Тюмени трех периодов. Первый чертеж, совпадающий с планом из портфелей Г. Ф. Миллера, создан на основании личных наблюдений С. У. Ремезова во время осмотра Тюмени с целью постройки каменной крепости вместо деревянной в 1697 г. [Гольденберг, 1965, с. 41]. В октябре 1695 г. в Тюмени случился пожар, в результате которого посад выгорел почти полностью. Сгорели митрополичий двор, девичий монастырь, Спасская, Троицкая, Архангельская, Ильинская церкви, 24 лавки, таможенная изба, кружечный двор, богадельня, 604 двора [Тюмень в XVII столетии..., 2004, с. 87–88]. На карте из портфелей Г. Ф. Миллера есть восстановленные церкви Спасская и Архангельская, Ильинская, но нет Троицкой (возможно, именно она отмечена на плане С. У. Ремезова в среднем секторе на втором участке от крепости). Форма крепости на планах не совпадает. На ремезовском чертеже крепость квадратная с рублеными стенами и башнями, а на карте из портфелей Г. Ф. Миллера в виде неправильного прямоугольника с тыновой стеной с проездными воротами. На посаде на карте С. У. Ремезова есть караульная башня, и девичий монастырь в углу посада обозначен изображением церкви. Несмотря на эти отличия,

на обоих планах есть комплекс построек на берегу Туры у Спасской церкви (на ремезовской карте он нанесен в виде каре), который можно связать с Софийским двором, место которому было отведено в 1667 г. [Кочадамов, 1963, с. 90]. Не исключено, что С. У. Ремезов видел Тюмень и раньше (например, в 1690 г., во время своей первой поездки в Москву) [Гольденберг, 1965, с. 34]. Можно предположить, что ремезовский чертеж из «Хорографической книги» с городом с рублеными стенами и 7 башнями, созданный после пожара 1695 г., когда этого уже не существовало, передает обобщенный образ города в середине XVII в.

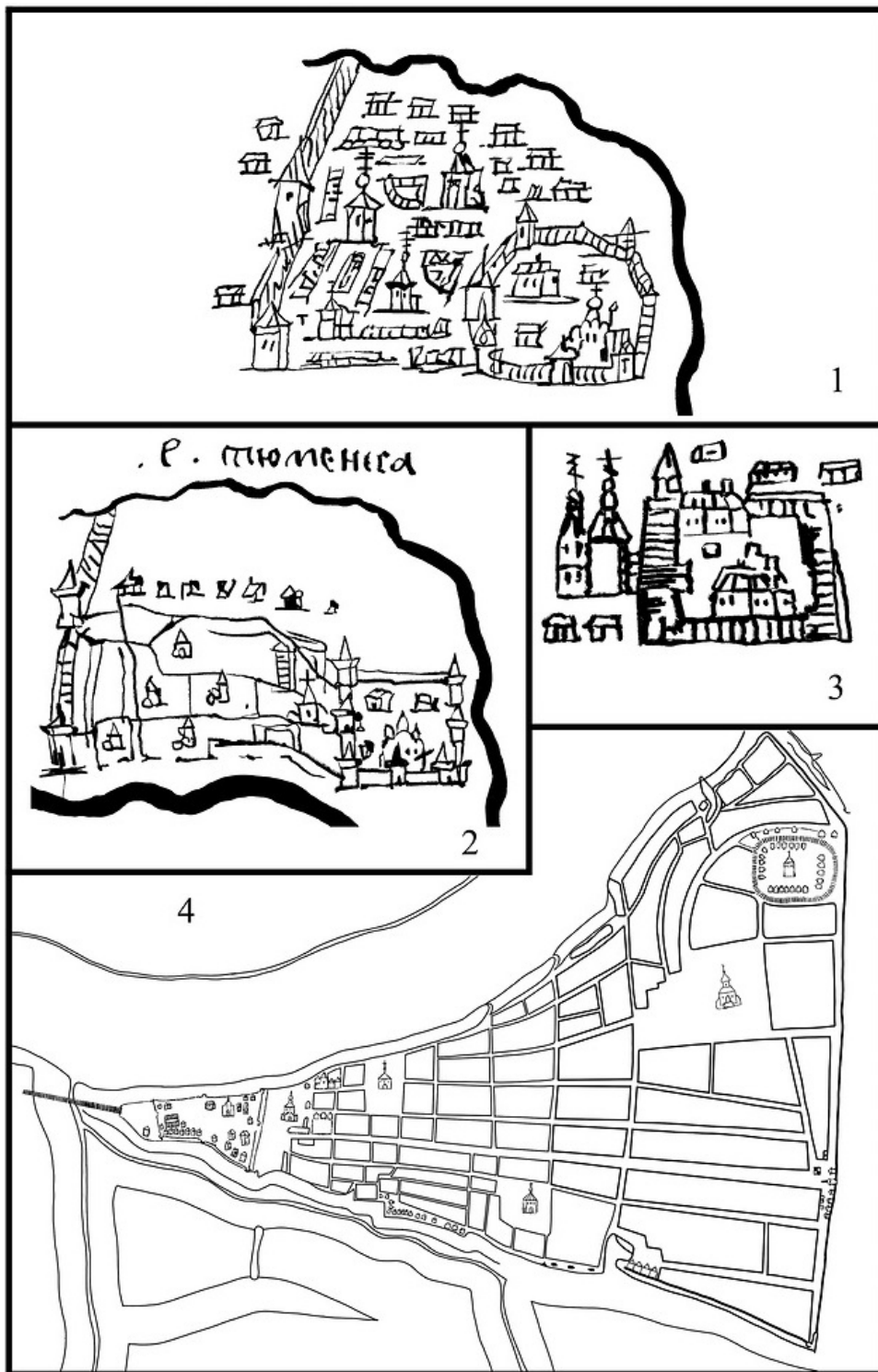

Рис. 1. Чертежи Тюмени

1 – из «Служебной чертежной книги»; 2 – из «Хорографической чертежной книги Сибири»; 3 – из «Чертежной книги Сибири»; 4 – на плане 1697 г. из портфелей Г. Ф. Миллера [Тюмень в XVII столетии..., 2004, вклейка]

На плане Тюмени (последнем по времени) в «Служебной чертежной книге» есть крепость с башнями с тыновой стеной, посад без квартальной структуры, ограниченный острожной стеной между Турой и Тюменкой (рис. 1/ 1). Возможно, С. У. Ремезов пытался изобразить город в его раннем виде, близком к дате основания. Этот чертеж не совпадает с двумя предыдущими. Сведения о раннем облике Тюмени он мог получить от живых свидетелей. План соответствует описанию города в 1624 г. – церкви, лавки, подворья. Расположение построек хаотичное. Видны два подтреугольных подворья. Возможно, одно из них принадлежало второму воеводе, который жил на посаде двора [Леонтьева, 1989, с. 64; Тюмень в XVII столетии..., 2004, с. 37]; второе подворье могло принадлежать представителю тюменской верхушки. О том, что это раннее условное изображение Тюмени отмечено Н. А. Миненко [Миненко, 2004, с. 96]. Под иллюстрацией в книге дана ошибочная подпись, что она из «Краткой сибирской летописи».

Привлекает внимание изображение на всех ремезовских чертежах церкви в городе. Силуэт ее везде узнаваем – из-за острожной стены со стороны реки Туры видно трехчастное сооружение. Центральная часть увенчана шатром с луковичным куполом. Слева и справа два пристроя, один из которых завершен крестом, второй – куполом с крестом. На плане 1697 г. из портфелей Г. Ф. Миллера изображен тот же трехчастный силуэт с западной стороны. Нет сомнений, что это соборная Рождественская церковь с двумя приделами – Николая Чудотворца и Федора Стратилата (рис. 1/ 4). Интересно, что на гравюре Н. Я. Саблина с рисунка И. Б. Люрсениуса Рождественская церковь изображена с тремя луковичными маковками на двускатной крыше [Миненко, 2004, с. 140–141]. Это объясняется тем, что в 1699 г. церковь сгорела, и на ее место была привезена из Ямской слободы новая часовня, которая, видимо, и была запечатлена на гравюре [Леонтьева, 1989, с. 62].

Таким образом, вывод Л. А. Гольденберга о том, что «сохранившиеся чертежи Ремезова ... отразили и донесли до наших дней такое обилие детальных и в большинстве случаев достоверных историко-географических сведений о Сибири XVII в., что заслуженно приобрели мировую основу и известность как выдающийся памятник русской науки и культуры» [2011, с. 601], справедлив, но не менее важно и то, что Ремезов был художником, который сумел сохранить образы сибирских городов.

Список источников и литературы

Гольденберг Л. А. С. У. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII – начала XVIII в. // Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. – Тобольск : Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2011. – Т. 2. – С. 287–691.

Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов. Сибирский картограф и географ : (1642 – после 1720 гг.). – М. : Наука, 1965. – 263 с.

Дергачёва-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья: текст рукоп. Российской нац. б-ки (Санкт-Петербург): коммент. – Тобольск : Возрождение Тобольска, 2006. – 167 с.

Кочедамов В. И. Строительство Тюмени в XVI–XVII вв. // Ежегодник Тюменского обл. краеведческого музея. – Тюмень, 1963. – Вып. 3. – С. 83–106.

Леонтьева Г. А. Застройка Тюмени и ее государственное обеспечение в конце XV – начале XVIII в. // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири : сб. науч. тр. – Новосибирск, 1989. – С. 54–69.

Миллер Г. Ф. История Сибири. – М. ; Л. : АН СССР, 1937. – Т. 1. – 664 с.

Миненко Н. А. Тюмень: летопись четырех столетий. – СПб : Изд-во «Русь», 2004. – С. 512.

Тюмень в XVII столетии: Собрание материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьей прив.-доц. П. М. Головачева: «Состав населения и экономический быт в XVII в.», с приложением плана старинной Тюмени и 2 видов Благовещенского собора начала XVII в. – Тюмень : Мандр. и К^а, 2004. – 200 с.

Хорографическая чертежная книга Сибири Ремезова С. У. [Электронный ресурс] // Гарвардская университетская библиотека: [сайт]. – URL: [https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155\\$1i](https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155$1i) (дата обращения: 26.02.2022).

Чертежная книга Сибири Ремезова С. У. <Атлас Сибири Семена Ремезова = Чертежная книга учинися по указу Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича всей великой и малой и белой России самодержца всей Сибири и городов и земель налично описанием с прилежащими жительство. В лето от создания света 7209 от Рождества Христова 1701 году, января в 1-й день> [Электронный ресурс] // НЭБ: [сайт]. – URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/atlas-sibiri-semena-remezova> (дата обращения: 26.02.2022).

Семенова В. И. <https://orcid.org/0000-0001-8258-799X>

Т. Н. Собољникова, А. В. Кузина

Россия, Ханты-Мансийск, Музей Природы и Человека

**МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИЙ С. К. ПАТКАНОВА К ЮЖНЫМ ХАНТАМ КАК
ИСТОЧНИК ДЛЯ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Археологические открытия С. К. Патканова, сделанные во время поездок по Западной Сибири в 1887–1888 гг., остались неизвестными последующим поколениям ученых. Документы, связанные с ними, не так давно были выявлены в архиве Института истории материальной культуры (ИИМК РАН).

Целью данного исследования являлось сопоставление материалов экспедиций С. К. Патканова, проведенных в устье – низовьях Иртыша и бассейне р. Конды, с современной археологической картой, результатами полевых работ авторов.

В заключении сделаны выводы об актуальности и ценности трудов С. К. Патканова как источника для археологических и этнографических исследований. Для первых – поскольку до сих пор не выявлено более 1/3 открытых им памятников. Что касается вторых, то собранные Паткановым сведения о почитании этих «памятников древности» южными хантами, связанные с ними предания, культы являются уникальными.

Ключевые слова: С. К. Патканов, южные ханты, Нижнее Прииртышье, Конда, археология, средневековье, «угорские городки».

T. N. Sobol'nikova, A. V. Kuzina

Russia, Khanty-Mansiysk, Museum of Nature and Man

**MATERIALS OF THE EXPEDITIONS OF S. K. PATKANOV TO THE SOUTHERN KHANTS AS
A SOURCE FOR ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC RESEARCH**

S. K. Patkanov's archaeological discoveries made during his travel to Western Siberia in 1887–1888 was remained unknown to subsequent generations of scientists. Documents associated with them were recently revealed in the archives of the Institute for the History of Material Culture (IIMK) of the Russian Academy of Sciences.

The purpose of this research is comparison of materials of the expeditions of S. K. Patkanov, conducted in the lower Irtysh river and the Konda river basin, with a modern archaeological map, the results of the field work of the authors.

At the end, there were drawn conclusions about the relevance and value of the works of S. K. Patkanov as a source for archaeological and ethnographic research. It is important for the archaeologist because more than 1/3 of monuments discovered by them still not found. The information he collected about the veneration of these «monuments antiquity» by the southern Khanty associated with their traditions, cults are unique for the ethnographers.

Keywords: S. K. Patkanov, southern khants, Lower Priirtyshye, Konda, archeology, middle ages, «ugric towns».

Труды Серафима Кероповича Патканова по истории, этнографии Западной Сибири были написаны по материалам длительных поездок по Тобольскому северу (1886–1888 гг.). Одним из его главных открытий стал героический эпос южных хантов [*Патканов*, 1891; 1999]. Материальными свидетельствами, подтверждающими историческую основу богатырских сказаний, он считал укрепленные остяцкие крепости, остатки которых сохранились по берегам Оби, Иртыша, Конды [*Патканов*, 1999, с. 223]. В одной из своих книг С. К. Патканов приводит более конкретные данные: «...мне удалось в бытность мою в Тобольском округе насчитать не менее 63 таких городков...», указывая в примечании, что карта представлена им в Императорскую археологическую комиссию (ИАК) [*Патканов*, 1891, с. 13].

В рукописном отделе научного архива ИИМК РАН, в фонде ИАК, хранится дело «О раскопках г. Патканова в Тобольском округе» [Дело..., 1888]. Оно включает в себя: оттиски официальных писем и документов (в том числе – открытый лист № 265 от 28 апреля 1888 г.), предварительный отчет, рисунки находок, справки об их принятии в Эрмитаж и сложенную в несколько раз «Карту Тобольского округа с указанием некоторых памятников древности».

Так сложилось, что результаты археологических исследований С. К. Патканова до недавнего времени были неизвестны научному сообществу. В статье представлены итоги сопоставительного анализа материалов экспедиций С. К. Патканова по северной части Тобольского округа с современными картами и данными об археологических памятниках. В пространственном

плане это устье – нижнее течение Иртыша, нижнее и среднее течение р. Конды. В этническом плане эта территория большей частью относится к ареалу расселения южной группы хантов.

На археологической карте С. К. Патканова зафиксировано 120 «памятников древности», 48 из них – на севере Тобольского округа (по Оби, Иртышу и Конде) и еще 2 на границе с Туринским округом (на Конде). Система условных обозначений, использованная им на археологической карте, отражает данные: во-первых, по типологии археологических памятников (городища, стоянки, курганы, кладбища); во-вторых, о том, какие из них были обследованы лично, а какие нанесены на карту по информации местных жителей. В последнем случае – ученый подробно опрашивал их о памятнике, «касаемо его месторасположения, его величины, формы и т. д.» [Там же, л. 15–15 об.].

Преобладающим типом памятников археологии для северных территорий округа являются городища – 37 (из 50). Кроме них отмечено 12 кладбищ и 1 стоянка. Для сравнения: на юге Тобольского округа: 41 городище, 15 курганов, 8 кладбищ и 6 стоянок. В целом, ситуация похожая, за исключением того, что на севере нет такого типа памятников, как «курганы». В своем отчете С. К. Патканов обращает внимание на то, что местные жители нередко ошибочно курганами называют городища или естественные возвышенности [Там же, л. 15 об.]. Под стоянками он понимал, прежде всего, места, «где в множестве найдены черепки глиняной посуды и кости животных, бронзовые и серебряные изделия» [Там же, л. 16–16 об.]. При этом Патканов не исключал, что это могли быть разрушенные городища или курганы, утратившие из-за этого характерные внешние признаки. Стоянка в устье Иртыша была картографирована им со слов женщины, у которой он приобрел найденные там археологические предметы [Там же, л. 19 об.].

Что касается обследования, то вполне закономерен тот факт, что на севере округа исследователю удалось посетить менее половины памятников, указанных им на карте: 17 из 50 (для сравнения: в южной части 31 из 70). Эти территории и сейчас труднодоступны. Заболоченность, обилие озер, колебания водного режима рек затрудняют передвижение по ним. Так, к примеру, С. К. Патканов из-за малой воды и образовавшихся мелей не смог осмотреть легендарный городок Карыпоспат-урдат-вош [Там же, л. 18 об.].

Только 3 памятника из тех, что С. К. Патканов нанес на карту, были известны до него на севере Тобольского округа. Городок остяцкого князя Самара упоминается в дневнике Николая Спафария (1675 г.) [Путешествие через Сибирь..., 1882, с. 40]. Самаровское городище, так же, как и Цингалинское, являлись, своего рода местными достопримечательностями. Во всяком случае, их описания есть у многих ученых, совершивших поездки по Иртышу в XVIII–XIX вв. [Миллер, 1998, с. 128–129; Кастрен, 1999, с. 35; Поляков, 2002, с. 21–22]. У Г. Ф. Миллера (1740 г.) достаточно подробно описано расположение «бывшего остяцкого укрепления» на реке Вош-ега в нижнем течении Конды [Известия..., 1996, с. 285].

В начале XX в. по северным маршрутам С. К. Патканова было проведено несколько научных и краеведческих экспедиций, участники которых, судя по всему, были знакомы с его работами [Корсунский, 2005, с. 272, 277, 287; Археологический отдел..., 1890, с. 13]. Так или иначе, в их материалах фигурируют отдельные «памятники древности» с археологической карты Патканова. В работе финского этнографа А. Каннисто, изучавшего фольклор кондинских вогулов (1904–1906 гг.), приводятся сведения о двух таких городках: 1) на р. Унь-ега (современная р. Вынгтя, не найден до сих пор); 2) ниже юрт Камовых (Карыпоспат-урдат-вош) [Kannisto, 1958, р. 190, 243]. Краеведческая экспедиция политссыльных из с. Самарово (1908 г.) обследовала и сняла план Красноярского городища [Корсунский, 2005, с. 273]. Группа Тобольского губернского музея во главе с В. Н. Пигнатти (1910 г.) провела раскопки трех городков (Карыпоспат-урдат-вош, Пугольского и одного из городищ в с. Болчары) [Пигнатти, 1910, с. 3].

Во второй половине XX – начале XXI вв. в низовьях Иртыша и на Конде полевые исследования осуществляются археологами как из столичных, так и региональных научных центров. В результате ими были выявлены некоторые памятники, открытые в свое время С. К. Паткановым. В широкий научный оборот они вошли уже под новыми названиями. Так, городок напротив юрт Заводинских, который иртышские ханты в 1888 г. называли «Хут-вош», в современных источниках известен как «городище Гришкино 2».

В 2017–2021 гг. авторами статьи проводились комплексные археолого-этнографические экспедиции в низовьях р. Конды, в рамках которых уже целенаправленно проводились поиски городков, известных по материалам С. К. Патканова. В последнем полевом сезоне – уже с учетом карты, что значительно упростило весь процесс. Судя по всему, Патканов прекрасно разбирался в географии. Топографическую основу для своей карты он разрабатывает на основе нескольких источников,

дополняя ее необходимой графической и текстовой информацией [Дело..., 1888, л. 25]. На практике мы убедились в том, насколько точно ученый картографировал памятники, находящиеся на удалении от магистральных рек, на верховых озерах, опираясь при этом на сведения информантов. В общей сложности, за это время нам удалось локализовать на местности 12 городищ, отмеченных на карте С. К. Патканова, включая легендарные городки Карыпоспат-урдат-вош и Вош-ега-вош [Собольникова, Кузина, 2018; 2020]. Они отличаются по своим параметрам, планировке, культурно-хронологической принадлежности.

В целом, из 48 памятников, открытых и картографированных исследователем в северной части Тобольского округа, к настоящему времени выявлено 24. Сводные данные по соотношению памятников с археологической карты С. К. Патканова с современными объектами археологического наследия представлены в таблице 1. Идентификация некоторых объектов пока имеет предварительный характер. Основная сложность заключается в том, что в указанных местах выявлено несколько археологических памятников. В таких случаях могут помочь данные топонимики, этнографии, однако с этим тоже есть трудности, о которых подробнее пойдет речь ниже.

Вероятно, отдельные памятники из тех, что не найдены до сих пор, уничтожены к настоящему времени. Такие данные есть по Обскому городку в устье Иртыша [Ермоленко, 2004, с. 16–18]. Кондинские городища в пгт Кондинское (с. Нахрачи) и с. Болчары, видимо, тоже. Во всяком случае, эти участки сейчас находятся в зоне застройки. Скорее всего, по этим же причинам (природные и антропогенные разрушения) до сих пор не идентифицировано ни одного кладбища с карты Патканова. Сведения об этом есть и в отчете ученого [Дело..., 1888, л. 8 об.]. На Конде целенаправленные поиски этих объектов пока не предпринимались. В 2021 г. авторами на р. Конде было осмотрено кладбище около юрт Ермаковских. Оказалось, что оно функционировало вплоть до конца XX в., что затрудняет проведение археологического обследования.

Памятники, открытые С. К. Паткановым, в большинстве своем одновременно могут являться предметом изучения и для археологии, и для этнографии. Остатки древних крепостей для иртышских и кондинских хантов имели особое, сакральное значение и, как правило, были связаны с почитанием духов-покровителей территории, культом предков, в роли которых выступали легендарные герои, князья и т. д. В своих археологических изысканиях С. К. Патканов использовал эту специфику. Картографируя памятники древности, он одновременно фиксировал этнографические сведения или наоборот. Так, при осмотре городища напротив юрт Заводинских на Иртыше, он записал местные предания о нем, а также о том, что «местные остяки употребляют в качестве грузил для рыболовных снарядов» железную руду, которую находят на городке и считают, что раньше там была кузница [Там же, л. 9 об.]. Эти данные являются уникальными, поскольку к настоящему времени традиционная культура и язык (диалект) южных хантов не сохранились. Старожилы Нижней Конды, к примеру, уже не знают ничего ни о богатырях, ни об их городках. Память о них сохранилась в ряде случаев в микротопонимах. Так мыс, на котором находится былинный городок Карыпоспат-урдат-вош, среди жителей д. Кама известен как «Бор Карабас». Жители с. Алтай небольшую безымянную (на картах) протоку, огибающую Красноярское городище, называют «Городищенская», однако, никаких сведений об этом месте более не знают. Чаще всего для урочищ, где располагаются археологические объекты (особенно с хорошо выраженными в рельефе признаками), используются такие общие названия, как «завороженные», «шайтанские», «шаманские» и т. п.

В заключении к предварительному отчету С. К. Патканов пишет о планах по составлению полного отчета о своих археологических исследованиях в Тобольском округе и дополнении карты этнографической информацией [Там же, л. 25]. На данный момент неизвестно, были ли они реализованы ученым. К сожалению, не выявлены пока и полевые материалы археологических изысканий Патканова. Некоторые этнографические сведения по отдельным памятникам археологии (названия городков, священных мест, имена богатырей, духов-покровителей и т. д.) содержатся в его публикациях по фольклору иртышских хантов, предварительном отчете и составленном им словаре [Патканов, 1891, 1999; Дело..., 1888; Patkanov, 1902].

Таким образом, материалы экспедиций С. К. Патканова как источник для археологического и этнографического изучения Нижнего Прииртышья на сегодняшний день сохраняют свою актуальность.

Таблица 1. Соответствие городищ, открытых С. К. Паткановым на севере Тобольского округа современным археологическим данным

№ п/п	Памятник на карте Патканова (хантыйское название городка)	№ на карте/+ – обследован лично	Современное название памятника археологии	Исследователь, выявивший памятник, год
1.	Городище около юрт Цингалинских (Тяпар-вош)	42/+	Городище Цингалинское	М. Ф. Косарев, 1978
2.	Городище напротив юрт Заводинских (Хут-вош)	44/+	Городище Гришкино 2	Л. М. Терехова, 1985
3.	Городище у с. Самарово (Тунк-пох-вош)	46/+	Городище Самаров городок	Д. О. Стародумов, 2000
4.	Городище в устье Иртыша	47	Городище Обской городок (разрушен)	А. В. Ермоленко, 2003
5.	Городище около юрт Тренькиных	48	Городище Усть-Иртышское	В. М. Морозов, 1982
6.	Городище у с. Селиярово	51/+	Городище Селияровское X (?)	Л. П. Хлобыстин, Л. Г. Шорикова, 1966
7.	Городище на Больше-Кондинском сору (Карышпат-урдат-вош)	53	Городище Алёшкин Мыс	А. В. Кузина, 2018
8.	Городище напротив юрт Красноярских	54/+	Красноярское городище	Т. Н. Собољникова, 2020
9.	Городище около юрт Сиглинских	55	Поселение Мордъега 1	Т. Н. Собољникова, 2017
10.	Городище напротив юрт Богдановских	56/+	Городище Пугольский городок	Т. Н. Собољникова, 2017–2018
11.	Городище к северу от с. Болчары (дальний)	57	Городище Алексеевский Чум 1 или 3 (?)	А. В. Кузина, 2021
12.	Городище у с. Болчары	58/+	Городище Магатка 4 (?)	А. В. Кузина, 2020
13.	Городище на р. Болчарка	60/+	Городище Болчары II	С. И. Шумайлов, 1985
14.	Городище к северу от юрт Зимних Пуштинских (Ям-вош)	62/+	Городище Зимняя Пушта 1	Т. Н. Собољникова, 2019
15.	Городище около юрт Зимних Пуштинских	63/+	Городище Усть-Пуштинское (?)	Т. Н. Собољникова, 2019
16.	Городище у истока р. Эбытьего (Вош-ега-вош, Хунду-вожь)	64	Городище Вош-ега-вош	Т. Н. Собољникова, 2019
17.	Городище около юрт Ермаковских (Тонх-хот)	65	Городище Ермаковское	А. В. Кузина, 2021
18.	Городище в верховьях р. Киндалинской, на восточном берегу озера	66	Городище Циплох 4 (?)	А. В. Кузина, 2021
19.	Городище в верховьях р. Киндалинской на западном берегу озера	67	Городище Циплох 1 или Циплох 3	А. В. Кузина, 2021
20.	Городище около юрт Сотниковских	72/+	Городище Сотник 1	В. М. Коноркин, 1980
21.	Городище около юрт Запорских	73	Городище Устье-Аха 3	В. М. Коноркин, 1979
22.	Городище около юрт Аминских	74	Курган Амынья 1 (?)	Н. К. Стефанова, 1981
23.	Городок на оз. Кватля-талхтур	77	Городище Лошкуртово 1	А. В. Кузина, 2021
24.	Городок около юрт Карымских	78	Городище Карым 1 (Ус-Толт)	В. М. Чернецов, 1933

Список источников и литературы

- Археологический отдел Тобольского Губернского Музея / сост. Н. А. Лыткин. – Тобольск : Тип. Тобольского губ. правления, 1890. – 17 с.
- Дело Императорской археологической комиссии «О раскопках г. Патканова в Тобольском округе» // Архив ИИМК РАН. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 67. – 1888 г. – 54 с.
- Ермоленко А. В.* Отчет о разведках в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области в 2003 г. – Екатеринбург, 2004 // Архив АУ ЦОКН. – Инв. № 4711. – Д. 83. – 38 с.
- Известия о реке Конде из устных рассказов различных остяков и вогулов, живущих на этой реке. 1740 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. – С. 284–288. – (История Сибири. Первоисточники ; вып. VI).
- Кастрен М. А.* Соч. : в 2 т. – Тюмень : Изд. Ю. Мандрики, 1999. – Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849). – 352 с.
- Корсунский М. Г.* Очерк экскурсии на Конду летом 1908 года // Подорожник : краеведческий альм. – Тюмень, 2005. – Вып. 5. – С. 232–318.
- Миллер Г. Ф.* Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. – М. : Либерия, 1998. – Кн. 1. – 416 с.
- Патканов С. К.* Соч. : в 2 т. – Тюмень : Изд. Ю. Мандрики, 1999. – Т. 1. Остяцкая молитва. – 399 с.
- Патканов С. К.* Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. – СПб : Тип. С. Н. Худекова, 1891. – 74 с.
- Пигнатти В. Н.* Краткое сообщение о поездке на реку Конду (М. Кондинская волость, Тобольского уезда) летом 1910 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск, 1912. – Вып. XX: 1910 год. – С. 1–15.
- Поляков И. С.* Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук. – Тюмень : Изд. Ю. Мандрики, 2002. – 200 с.
- Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария / введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева. – СПб. : Тип. В. Киришбаума, 1882. – 215 с.
- Собольникова Т. Н., Кузина А. В.* Легендарные «городки» Нижней Конды: источники по их локализации и археологический поиск (по материалам экспедиции 2018 г.) // Вестн. угроведения. – Ханты-Мансийск. – 2018. – Т. 8. – № 4. – С. 755–766.
- Собольникова Т. Н., Кузина А. В.* Легендарные городки Нижней Конды: продолжение археологических поисков // Вестн. угроведения. – Ханты-Мансийск. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 369–379.
- Kannisto A.* Materialien zur Mythologie der Wogulen. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne). – Vol. 113. – Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1958. – 443 p.
- Patkanov S.* Irtisi-Osztják szójegyzék (vocabulary of dialects of the Ostyak region of the river Irtysh). – Budapest : Kiadja a Magyar Tudományos Akadémia, 1902. – 254 p.

Собольникова Т. Н. <https://orcid.org/0000-0001-6871-2504>

Кузина А. В. <https://orcid.org/0000-0002-7240-5504>

О. Г. Старков

Россия, Тюмень, Западно-Сибирский филиал Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А. А. Трофимука СО РАН

**К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ ПИСЬМЕННОГО ИСТОЧНИКА
НА ПРИМЕРЕ КРАТКОЙ СИБИРСКОЙ ЛЕТОПИСИ (КУНГУРСКОЙ)**

Работа посвящена оценке достоверности Краткой Сибирской летописи юридическими методами. Многие историки считают этот документ, авторства Ремезова, недостоверным. Для исследования был взят эпизод перегораживания реки Тобол железными цепями. Таким образом, татары хотели преградить путь Ермаку в столицу Сибирского ханства. Автором статьи проведено несколько экспедиций на исторические места. Удалось найти свидетельства местных жителей и место расположения цепей. Установлены причины и период их изготовления. Высказаны предположения о наличии подобных караульных застав на других сибирских реках. На реке Вагай, связанной с последними днями Ермака, обнаружены две железные цепи, возрастом несколько столетий. Будущие исследования позволят установить их точный возраст. Автор считает, что летопись Ремезова может считаться источником достоверной исторической информации.

Ключевые слова: Ремезов, Краткая Сибирская летопись, Ермак, железные цепи, Сибирское ханство, Тобол, Вагай.

O. G. Starkov

*Russia, Tyumen, West Siberian Branch of the A. A. Trofimuk
Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RA*

**ON THE ISSUE OF ASSESSING THE RELIABILITY OF A WRITTEN SOURCE
ON THE EXAMPLE OF A BRIEF SIBERIAN CHRONICLE (KUNGURSKAYA)**

The work is devoted to the assessment of the reliability of the Brief Siberian Chronicle by legal methods. Many historians consider this document, the authorship of Remezov, unreliable. For the study, an episode of blocking the Tobol River with iron chains was taken. Thus, the Tatars wanted to block Ermak's way to the capital of the Siberian Khanate. The author of the article conducted several expeditions to historical sites. It was possible to find evidence of local residents and the location of the chains. The reasons and the period of their manufacture are established. Assumptions are made about the presence of similar guard posts on other Siberian rivers. On the Vagai River, associated with the last days of Ermak, two iron chains, several centuries old, were discovered. Future studies will determine their exact age. The author believes that the chronicle of Remezov can be considered a source of reliable historical information.

Keywords: Remezov, Brief Siberian Chronicle, Ermak, iron chains, Siberian Khanate, Tobol, Vagai.

В истории России поход Ермака Тимофеевича в Сибирское ханство является одним из ключевых событий. После него история Московского государства резко изменила свой вектор на восток.

Этот военный поход до сих пор поражает своей необычностью, дерзостью и итогами. Основные этапы операции нам известны из немногочисленных документов и летописных источников.

В их ряду на особом положении находится Краткая Сибирская летопись (Кунгурская), авторство которой приписывают Семену Ульяновичу Ремезову. Именно его рисунками проиллюстрирован этот документ.

Советские и некоторые современные историки с осторожностью относятся к информации, содержащейся в этом источнике. Они считают его вымыслом и фантазией, дополненными субъективными взглядами сына боярского. Так С. В. Бахрушин называет Ремезова «*тобольским грамотеем*», а его труд сравнивает с «*исторической повестью, выполненной в законченной литературной форме*», основанной на «*русских и магометанских легендах*» [Бахрушин, 1955, с. 49–51].

С другой стороны, «Хорографическая» и «Чертежная» книги этого же автора считаются шедеврами средневековой картографии.

Историков настораживает и то, что труд С. Ремезова содержит подробное описание событий, географические названия, даты, численность дружины, а также мотивацию решений сторон. Особенно интересно рассматривать иллюстрации, в которых даже мелкая деталь имеет смысл.

В пуле гуманитарных наук достоверностью текстов, как доказательств, занимается юриспруденция. В ней разработаны принципы и методики процесса доказывания, поиска истины.

Один из постулатов, в частности, гласит: «Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, если они не доказаны в установленном порядке». Иными словами, любой факт должен быть доказан.

Для подтверждения событий вековой давности могут быть использованы только вещественные и письменные доказательства. Понятно, что никаких свидетелей того времени в живых уже не осталось.

Письменные доказательства могут быть как прямыми, так и косвенными.

К прямым письменным доказательствам можно отнести документы, написанные непосредственно во времена исследуемого события. Например, письмо П. Стравинского из Могилева польскому королю от 27 июня 1581 г., где среди воевод русской армии значится «*Jermak Czimofieiwicz, ottoman kozaczki*» [Дневники последнего похода..., 1867, с. 253]. Из него мы точно знаем, что атаман Ермак был на Ливонской войне, и его поход начался не ранее осени 1581 г.

К косвенным письменным доказательствам 1-го уровня относятся мемуары, воспоминания непосредственных участников событий. Они отражают сведения об исторических эпизодах через призму собственного восприятия, т. е. уже имеют элемент субъективизма.

Косвенные доказательства последующих уровней искажены еще больше. К ним относятся все летописные источники. Чаще всего они составлены значительно позже описываемых событий, а за основу взяты более ранние письменные документы и воспоминания.

Самые ранние летописные источники, рассказывающие про поход Ермака, связаны с именем митрополита Киприана и дьяка Саввы Есипова. Они записаны через 45 лет после исторического события. Понятно, что немногие выжившие участники похода были довольно старыми людьми, и это могло сильно повлиять на точность их воспоминаний.

Достоверность документа можно оценить путем выборочной проверки отдельных событий, в т. ч. числе – заранее невероятных.

В Краткой Сибирской летописи к таким событиям можно отнести эпизод битвы Ермака при Караульном Яре на Тоболе, где путь казакам по реке был прегражден железными цепями (рис. 1).

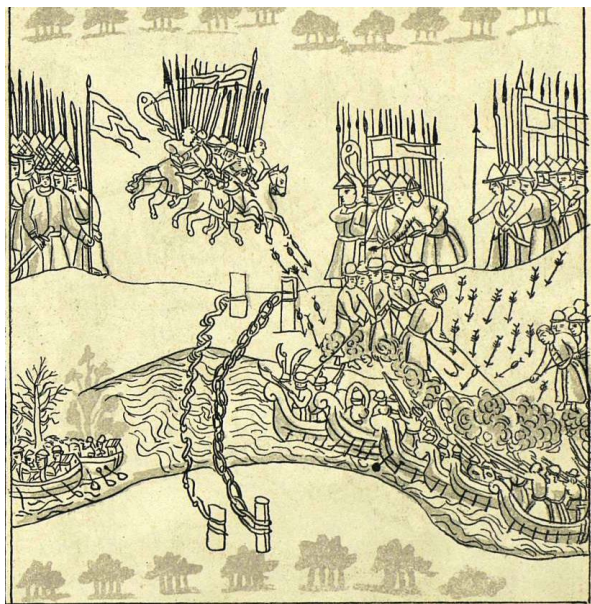

Рис. 1. Битва Ермака при Караульном

Вряд ли даже сейчас кто-то решится перегородить толстой железной цепью большую сибирскую реку. А ведь речь идет о таяжно-степном Сибирском ханстве 440-летней давности.

С практической точки зрения цепь длиной в сотни метров должна быть очень тяжелой. Она должна быть надежно закреплена в песчано-глинистом грунте.

Для натягивания длинной цепи необходимы мощные устройства, подобные вороту для подъема якоря или крепостных ворот. Такая конструкция должна быть построена основательно, с применением инженерной мысли.

«Оттоле поплыша вниз по Тоболу, июня въ 29 день, и доплы до урочища Караулного Яру; ту бе на Тоболе место уское. Кучюмляне же оградиша чрезъ цепи железными, яко да удержитъ вся струги и казаковъ убють. Бе же тутъ городъ опасной Кучюмовъ есаула Алышая, и ту бишась 3 дни, день и ночь, нещадне. Казацы жь одолеша и цепи розломаша и проплыша съ кусты таловыми» [Сибирские летописи, 1907, с. 322–323].

«Выдумка» Ремезова усиливается ещё и тем, что данный эпизод нигде из исторических источников больше не упоминается.

Широко известен только один подобный пример – при взятии Царьграда войсками киевского князя Олега в 907 г. И больше, пожалуй, ничего.

Профессиональный историк на данный эпизод скажет: «Этого не может быть». Юрист скажет по-другому: «Допустим это было. Дайте аргументы и доказательства».

Эти цепи были частью фортификационного сооружения, вокруг которого располагалась крепость – «*городъ опасной Кучюмовъ*». Она выполняла функции охраны караванов и таможенного поста, взимавшего плату с пеших и речных караванов.

По мнению автора, цепи изготовлены в Казанском ханстве, имевшем хорошо развитую металлургию.

Из Казанского железа были и Сибирские пушки: «*У Бегиша же 2 пушки железные, изъ Казани привезены*» [Краткая Сибирская летопись..., 1880, с. 26].

Два соседних ханства имели давние экономические, политические и династические отношения.

Так, Казанский царь Ибак убил своего зятя, Тюменского князя Мара, захватив его престол. В 1495 г. Мамет, внук Мара, убил Ибака и вернул власть своему роду.

Для обеспечения своей безопасности новый правитель перенес столицу из Тюмени в Кашлык (Сибир) на р. Иртыш, подальше от границ Степи. Добраться до новой столицы теперь можно было либо водой, либо редкими сухопутными маршрутами.

В местах, где сухопутные маршруты вплотную подходили к рекам, устанавливались караульные заставы, одновременно выполнявшие роль таможенных постов. Блокирование рек цепями исключало незаметное прохождение любого судна мимо охраны.

Можно предположить, что такие посты были на всех основных реках, впадающих в Иртыш – Тобол, Вагай, Ишим.

Именно мимо одной из таких застав летом 1582 г. проходила дружина Ермака.

Очевидно, что до переноса столицы ханства на Иртыш устанавливать заставы на других реках не имело смысла. Поэтому время появления железных цепей у Караульного Яра можно отнести к периоду с 1495 по 1555 г.

Последняя дата названа условно. Она связана с началом противостояния за Сибирский трон между ханом Едигером и шибанидом Кучумом, внуком Ибака.

После захвата престола Кучум в своей безопасности уже не сомневался. Караульные заставы стали таможенными постами.

Группа исследователей из тюменского клуба «Наследие» решила проверить «вымысел» Ремезова про железные цепи.

Сейчас село Караульнояр расположено в 2 км западнее русла Тобола. Хотя рядом сохранились следы старого русла шириной не менее 250 м.

Со слов старожилков, новое русло реки появилось в конце 1930-х гг. Оно было пробито искусственно в результате взрывных работ, т. к. напротив села ежегодного появлялись мели. Никакие дноуглубительные работы результата не приносили. Здесь постоянно скапливалось большое количество речных судов, навигация останавливалась досрочно. Проблему решили радикально – проложили новое русло.

Постоянное обмеление можно объяснить наличием на дне реки каких-то препятствий. Например, это деревянные сваи, на которых лежали цепи.

На низком берегу можно легко установить листовенные сваи, но в районе фарватера их установка проблематична. Поэтому ворот для натягивания стоял на крутояре под защитой.

Сейчас старица Старый Тобол представляет собой узкое озеро, которое в районе села пересыхает полностью. Это подсказывает место поиска старых конструкций и цепей.

В результате опроса старожилков села удалось установить людей, которые помнят местоположение железных цепей, уходящих глубоко в грунт. В планах клуба «Наследие» провести исследование данного участка георадарной съемкой. Привлечение металлодетектора результатов не дало ввиду большой засоренности берега.

Однажды тюменский краевед П. Ситников рассказал, что им были обнаружены аналогичные цепи, уходящие в высокий берег реки Вагай.

Это сообщение вызвало наш интерес, так как река Вагай не является судоходной и цепей там не должно быть.

Кроме того, с рекой Вагай связаны последние дни жизни атамана Ермака. Тогда, в августе 1585 г., он с дружиной поднялся вверх по реке в поисках задержанных татарами бухарских купцов.

Река Вагай протекает с юга на север через обширные труднопроходимые болота, которые начинаются от северной границы Степи. По ней идет единственный путь в столицу ханства.

Если бухарские купцы пошли водой, то их караван мог быть задержан только на Вагайской таможенной заставе.

Нами на крутом повороте реки Вагай обнаружены две железные цепи, уходящие вглубь высокого берега. Толщина нетронутого грунта над ними составляет около 2 м. Значит, эти цепи лежат в земле не одну сотню лет.

Звено цепи представляет собой замкнутый эллипс толщиной 30 мм, длиной 128 мм, шириной 95 мм, весом около 1300 г. Таким образом, цепь длиной 100 м состоит из 1250 звеньев, весит 1625 кг.

По характеру звука можно определить, что в окончании цепи находится полость. Возможно, там располагался натяжной ворот. Предполагаемые органические остатки позволяют нам установить возраст этой конструкции.

Для изучения найденного объекта приглашены археологи Тюменского государственного университета (Н. П. Матвеева).

Таким образом, нам удалось подтвердить «возможность» одного из эпизодов похода Ермака, описанного в летописи. Представлены историческое обоснование и вещественные доказательства.

Получается, что Краткая Сибирская летопись Ремезова содержит важную историческую информацию и может рассматриваться как достоверный письменный источник.

В этой статье автор показал пример кооперации юриспруденции и исторической науки. Методология юридического доказывания может быть использована при анализе «сомнительных» фактов и источников.

Список источников и литературы

Бахрушин С. В. Научные труды : в 4 т., в 5 кн. – М. : АН СССР, 1955. – Т. 3. Избранные работы по истории Сибири XVI– XVII вв. – Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. – 375 с.

Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира (1581–1582 г.) / издал по поручению ИАН М. Коялович. – СПб : Тип. ИАН, 1867. – 839 с.

Краткая сибирская летопись (Кунгурская): со 154 рисунками. – СПб : Тип. Ф. Г. Елеонского и К^о, 1880. – 108 с.

Сибирские летописи. – СПб : Императорская археографическая комиссия, 1907. – 464 с.

Старков О. Г. <https://orcid.org/0000-0001-5748-6855>

О. Б. Степанова

*Россия, Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН*

**ВЕРА ПАВЛОВНА ДЪЯКОНОВА –
СОТРУДНИК ОТДЕЛА СИБИРИ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН**

В статье, которая выполнена как литературный этюд, автор делится личными впечатлениями о личности Веры Павловны Дьяконовой. Краткие и общеизвестные сведения о научной биографии она дополнила яркими сюжетами о личности своей старшей коллеги по отделу (сектору) Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН. Необычные ракурсы этих воспоминаний «оживляют» официальную биографию известного этнографа, исследовательницы этнографии народов Сибири В. П. Дьяконовой.

Ключевые слова: В. П. Дьяконова, научная биография, отдел (сектор) Сибири, личность, воспоминания.

O. B. Stepanova

*Russia, St. Petersburg,
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS*

**VERA PAVLOVNA DYAKONOVA –
RESEARCHER OF THE DEPARTMENT OF SIBERIA OF THE PETER THE GREAT
MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY
(THE KUNSTKAMERA) OF THE RAS**

In the article, which is made as a literary sketch, the author shares his personal impressions of the personality of Vera Pavlovna Dyakonova. Brief and well-known information about the scientific biography of Vera Pavlovna is supplemented by vivid stories about the personality of a senior colleague in the department (sector) of Siberia of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences. Unusual angles of these memories «revive» the official biography of the famous ethnographer, researcher of the ethnography of the peoples of Siberia V. P. Dyakonova.

Keywords: V. P. Dyakonova, scientific biography, department (sector) of Siberia, personality, memories.

Вера Павловна Дьяконова проработала в отделе (секторе) Сибири Музея антропологии и этнографии с 1953-го по 2002-ой гг. – без малого 50 лет. Она поступила на работу в музей молодой девушкой с дипломом археолога исторического факультета Ленинградского университета и сразу попала в коллектив ученых, трудившихся на переднем крае этнографической науки. Сотрудники отдела Сибири – представители знаменитой ленинградской этнографической школы, ученики Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза – Л. П. Потапов, С. В. Иванов, А. А. Попов, Г. М. Василевич, В. В. Антропова, Е. Д. Прокофьева, Н. Ф. Прыткова – занимались подготовкой объемного тома энциклопедии «Народы Сибири» из серии «Народы мира». Вера Павловна была подключена к составлению указателя к нему. Параллельно В. П. Дьяконова регистрировала музейные коллекции, набиралась опыта в этнографии, публиковала свои первые статьи. В 1957 г. она стала постоянным и активным участником Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции (ТКАЭЭ), ближайшим помощником начальника экспедиции Л. П. Потапова. Экспедиция продолжалась до 1966 г., ее результаты были опубликованы в «Трудах Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции» [Дьяконова, 1960; 1966; 1970а; 1970б], а также в «Истории Тувы» [1964], и Вера Павловна вошла в состав авторов обоих изданий. В 1970 г. В. П. Дьяконова защитила диссертацию по теме «Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник» (научный руководитель – Л. П. Потапов), ей была присуждена ученая степень кандидата исторических наук. В 1975 г. диссертационное исследование В. П. Дьяконовой, обобщающее огромный оригинальный полевой материал, было издано в качестве монографии и вскоре принесло ей широкую известность в среде археологов и этнографов, превратившись в хрестоматийную работу в своей области. С начала 1970-х гг. Вера Павловна переключилась на работу по этнографической тематике. В ряде сборников Музея

антропологии и этнографии (МАЭ) и отдела Сибири МАЭ вышли статьи В. П. Дьяконовой, посвященные мировоззрению тувинцев.

Молодые и зрелые годы Веры Павловны прошли в активной и плодотворной деятельности, ей удалось достигнуть значительных высот в науке. Однако здесь мне бы хотелось вспомнить «позднюю» Веру Павловну. Веру Павловну как сотрудницу того отдела, в который я пришла работать в 1994 г. Каждый из сотрудников сектора Сибири 1990-х гг. был незаурядной личностью, но В. П. Дьяконова заметно выделялась на общем фоне.

Точнее, коллектив как раз и был ее стихией – она в нем чувствовала себя хозяйкой. Вера Павловна отдыхала от научных трудов и целиком отдавалась занятию быть неформальным лидером отдела, что, как было заметно, доставляло ей удовольствие. По-видимому, эта перемена в ее жизни произошла естественно и произвольно. Свою роль тут сыграло всеобщее признание ее научных заслуг, уважение за блокадное детство, ее дружба со знаменитыми коллегами старшего поколения, ну и, конечно же, возраст, жизненный опыт (рис. 1–2).

Рис. 1. Сотрудники сектора Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН. Стоят (слева направо): Степанова Ольга Борисовна, Дьяченко Владимир Иванович, Хасанова Марина Мансуровна. Сидят (слева направо): Михайлова Елена Алексеевна, Федорова Елена Геннадьевна, Дьяконова Вера Павловна. 2003 (?) г.

Рис. 2. В минуты праздника в стенах музея. Стоят (слева направо): Хасанова Марина Мансуровна, Иванова Валентина Селиверстовна, Алексеенко Евгения Алексеевна, Булатова Надежда Яковлевна. Сидят (слева направо): Купина Юлия Аркадьевна, Федорова Елена Геннадьевна, Степанова Ольга Борисовна с дочерью Анной, Дьяконова Вера Павловна, Решетов Александр Михайлович. 2003 г.

Вера Павловна имела большой опыт общения с людьми и обладала редким свойством притягивать их к себе. Каждый рабочий день в 12 часов в отделе устраивались общие чаепития, т. н. обед, на который, кроме сотрудников отдела со своими бутербродами, являлись античник и американист Р. В. Кинжалов, американист А. Д. Дридзо, синолог В. Н. Кисляков, иногда еще и другие коллеги. Говорили о науке, культуре, особенно часто о русской культуре XIX в., поскольку все три названных товарища обладали энциклопедическими знаниями именно по данной теме. «Затравщиком» и «регулирующим» беседы, как правило, выступала Вера Павловна.

«Ведущей» она была и на всех других сборищах отдела, застольях по случаю всяческих праздников; они проходили у нас часто, на них всегда собиралось много коллег из других отделов нашего музея, из других музеев, университета. К нам регулярно приезжали коллеги – этнографы, археологи, антропологи, лингвисты, занимавшиеся Сибирью, – из различных уголков страны и мира. Все, кто раньше знал Веру Павловну, формально ехали в Петербург по делам – в музей, в архив, на конференцию, а неформально – «к Вере Павловне»; кто не знал, то знакомился с ней и в следующий раз приезжал уже «адресно». Люди будто бы испытывали к Вере Павловне особое доверие, желали ее моральной поддержки, искали одобрения. Вера Павловна обязательно расспрашивала каждого о жизни и работе, проявляла участливость, неприменную доброжелательность. Может быть, в этом и был секрет ее притягательности. Она была как бы лишена собственных проблем, а концентрировала внимание на своем визави. Теперь о таких, как она, людях говорят: «Человек, который умеет слушать». Благодаря Вере Павловне наш отдел имел огромное количество друзей.

Вера Павловна никогда не лезла за словом в карман. На заседаниях отдела Сибири по рабочим вопросам, не будучи знакомой с деталями проблемы, она умела без подготовки выступить интеллигентно, глубокомысленно, «хорошо сказать», красиво сформулировать. В этом ей помогал ее научный опыт. На обсуждениях диссертационных исследований она никого не громила, умела мягко указать на недочеты, увидеть и назвать положительные стороны, выразить понимание того, какой трудный путь прошел «неофит», когда писал научную работу.

В. П. Дьяконова была горячо любима своими аспирантами: ее требования к ним должно называть не строгими, но справедливыми; в случае необходимости она стояла за своих учеников горой, не давая их обидеть особо ретивым оппонентам. После защиты диссертаций она, как могла, участвовала в судьбе своих бывших подопечных. По натуре своей она была наставником. И не только для аспирантов, и не только в науке.

Все знают, что Вера Павловна была остра на язык. Чаще это проявлялось в шутовском виде, в форме подтрунивания. Помню, что она мне сказала, глядя на то, как я осваивала обязанности секретаря отдела, терзая печатную машинку: «Оленька, вы не просто медленно печатаете, вы о-чень медленно печатаете», – и мне ее слова не были обидны, так как все решала интонация и общий фон отношений. Но Вера Павловна умела так же быстро, короткой фразой, поставить на место того, кто покушался на ее авторитет. Иногда она была несправедливо резка, например, со своей самой близкой подругой, Евгенией Алексеевной Алексеенко, с которой они работали вместе еще с аспирантской «скамьи», и Евгения Алексеевна на нее обижалась. Но, во-первых, обидные колкости в отношении близких людей вылетали из Веры Павловны случайно, и все это понимали, а, во-вторых, подобные ситуации быстро заканчивались примирением.

Евгении Алексеевне, которая, выйдя на пенсию, жила в Доме ветеранов науки, Вера Павловна, уехавшая к сыну в Америку, помогала, чем могла: переправляла ей деньги на лечение, часто звонила, поддерживала морально. Вера Павловна никого из «своих» в беде не бросала и старалась оказывать им посильную помощь: когда в голодные 1990-е гг. бедствовал ее бывший муж, она сшила ему теплое одеяло; для бессемейного коллеги А. М. Решетова каждую осень солила капусту и т. д.

Вере Павловне выпало в жизни немало испытаний (рассказ о некоторых из них нельзя доверить бумаге). Испытания закалили характер, но не озлобили, не замкнули ее, а, наоборот, сделали открытой, идущей навстречу людям и легкой в общении. Мне казалось, что она вполне могла бы среди коллег из музея иметь врагов, но не имела их и жила с внутренним умиротворением.

С упомянутой выше активностью, общительностью в Вере Павловне сочеталась созерцательность – та же наблюдательность, но не деятельная, а с оттенком смирения, понимания тщетности жизни, принятия жизни такой, какая она есть. Помню, как она часто делилась с нами забавными рассказами о бомжах и голубях Ситного рынка, на задворки которого выходили окна ее кухни на Торжковской; эти «товарищи» очень занимали ее, когда она по утрам пила свой кофе. В Вере Павловне не было страха, нервозности, а было спокойствие, которое передавалось окружающим. Например, она курила и не думала бросать, и не беспокоилась о своем здоровье. Здесь уместно вспомнить еще одну рассказанную ей историю: перед отъездом в длительную экспедицию на обязательном медосмотре врачи обнаружили у нее опухоль, которая требовала немедленного удаления, но Вера Павловна проигнорировала их требования, и когда она вернулась через полгода, опухоль исчезла, ее не нашли.

Когда Вера Павловна присутствовала на работе, у меня было ощущение, что «все в сборе». Когда они с Евгенией Алексеевной перестали ходить на работу, я стала ощущать, что «ушла эпоха».

Вера Павловна играла роль хранителя истории отдела, на чаепитиях она много рассказывала о людях, с которыми когда-то работала, в том числе – людях-легендах, и я очень сожалею, что тогда не записывала ее рассказы.

Она позволяла себе быть естественной, и делать в жизни то, что хочет. Я бы сказала, что она полностью соответствовала человеку советской формации. Это особенно начинаешь понимать сейчас, когда всё и все вокруг изменились. В советское время намного большее число людей умело по-настоящему дружить, проявлять душевность, не ставить карьеру выше отношений с окружающими.

Вера Павловна очень любила своего сына Сашу. Интересно, что на время длительных экспедиций она отдавала его в детский дом, и никакими обидами с его стороны это не сопровождалось. Когда он, окончив школу, подал документы в университет, она приняла в его поступлении самое деятельное участие, «подключив» к процессу все свои многочисленные связи. В старости Саша окружил ее теплом и заботой. После отъезда к Саше в Америку Вера Павловна в письмах и звонках подробно рассказывала о своей жизни на новом месте – о том, как внучка учила ее пользоваться компьютером, как Саша возил их в соседний городок на концерт тувинского горлового пения, как они ездили с ним на экскурсию в Мексику, какие теплые отношения сложились у Веры Павловны со сватьей, которая также жила с ними, как росла и какие успехи делала ее внучка и т. д. (рис. 3).

Рис. 3. Вера Павловна Дьяконова с сыном, Александром Дранковым, во время поездки в Мексику, 2005 (?) г.

Вера Павловна умерла в 2011 г. в День музеев, 18 мая. По-видимому, не случайно судьба определила ей для смерти этот день – такой же красивый и радостный, какой сейчас воспринимается ее жизнь.

Список источников и литературы

Дьяконова В. П. Археологические раскопки на могильнике Кокэль в 1966 г. // Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. – М. ; Л., : Наука, 1970а. – С. 210–236. – (Тр. ТКАЭЭ ; т. III).

Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. – М. ; Л., : Наука, 1970б. – С. 80–209. – (Тр. ТКАЭЭ ; т. III).

Дьяконова В. П. О погребальном обряде тувинцев // Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. – М. ; Л., : Наука, 1966. – С. 56–80. – (Тр. ТКАЭЭ ; т. II).

Дьяконова В. П. Поздние археологические памятники на территории западной Тувы // Материалы по археологии и этнографии западной Тувы. – М. ; Л., : Изд-во АН СССР, 1960. – С. 151–170. – (Тр. ТКАЭЭ ; т. I).

История Тувы : в 2 т. – М. : Наука, 1964. –Т. I. – 412 с.

Степанова О. Б. <https://orcid.org/0000-0002-2130-2695>

Н. А. Томилов

*Россия, Омск, Институт археологии и этнографии СО РАН
Россия, Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского*

**А. В. ЖУК КАК ИСТОРИОГРАФ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ, ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
И ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Приводятся сведения о деятельности российского историка, историографа, этноархеолога и культуролога Александра Владиленивича Жука – выпускника Омского государственного университета, доцента, кандидата исторических наук, автора более 250 научных трудов. Отмечен его значительный вклад в изучение жизни и научной деятельности российских и отчасти зарубежных ученых гуманитарной сферы знаний, о которых А. В. Жук опубликовано около ста статей, монографий и учебных пособий.

Ключевые слова: история науки, историография, археология, этнография, А. В. Жук, омский этноархеологический центр.

N. A. Tomilov

*Russia, Omsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Russia, Omsk, Dostoevsky Omsk State University*

**A. V. ZHUK AS A HISTORIOGRAPHER OF ARCHAEOLOGICAL, ETHNOGRAPHIC
AND ETHNOARCHEOLOGICAL RESEARCH**

Information is provided on the activities of the Russian historian, historiographer, ethnoarchaeologist and culturologist Alexander Vladilenovich Zhuk – a graduate of Omsk State University, associate professor, candidate of historical sciences, author of more than 250 scientific papers. His significant contribution to the study of the life and scientific activities of Russian and, to some extent, foreign scientists in the humanities sphere of knowledge, about which A. V. Zhuk published about a hundred articles, monographs and textbooks, was noted.

Keywords: history of science, historiography, archeology, ethnography, A. V. Zhuk, Omsk ethnoarchaeological center.

6 апреля 2022 г. в Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН состоялась церемония поздравления с 60-летием со дня рождения российского ученого, доцента, кандидата исторических наук Александра Владиленивича Жука (рис. 1).

Рис. 1. А. В. Жук. 2001 г.

В гуманитарных сферах отечественной науки он известен своими исследованиями, прежде всего, в области археологии, этноархеологии, историографии, а также истории вышеназванных и смежных

с ними наук. А прославился Александр Владиленович как создатель большой галереи портретов – десятков очерков о жизни и деятельности российских и отчасти зарубежных ученых. В своем поздравительном адресе мы, его омские коллеги, так и написали; «Ваш вклад в изучение историографических аспектов археологии, этнографии поистине неопределим. В данных исследованиях, несомненно, проявился Ваш талант вдумчивого, кропотливого и высокоинтеллектуального ученого».

Основная трудовая деятельность А. В. Жука связана с Омским государственным университетом имени Ф. М. Достоевского (ОмГУ), выпускником которого он является и в котором, в ходе преподавательской работы, внес заметный вклад в разработку оригинальных учебных курсов и в издание учебных пособий. С этим вузом на протяжении уже более 40 лет связаны все основные периоды его взрослой жизни – учеба на историческом факультете, аспирантура, научная, преподавательская и общественная деятельность. Именно в стенах ОмГУ произошло становление Александра Владиленовича как исследователя и постепенный переход его в ранг крупных российских ученых. А среди ученых, которые оказали наибольшее влияние на формирование его научного мировоззрения и профессионализма, он сам называет историков и археологов: омича В. И. Матющенко, ленинградца М. П. Грязнова и москвича М. Ф. Косарева.

А. В. Жук родился 5 апреля 1962 г. в Хабаровске. Отец, Владилен Борисович (1938 г. р.), и мать, Людмила Павловна (1939 г. р., урожденная Зеленина), являются специалистами по системам автоматики, телемеханики и связи, работали сотрудниками Дальневосточного проектно-исследовательского института транспортного строительства (Дальгипротранс). В 1964 г. они переехали в Омск. Здесь в 1979 г. А. В. Жук окончил среднюю школу № 15 и поступил учиться в ОмГУ на исторический факультет.

Здесь он стал заниматься археологией и проводить исследования в составе студенческого археологического кружка, которым руководил профессор, доктор исторических наук Владимир Иванович Матющенко. В 1984 г. А. В. Жук блестяще защитил дипломную работу «Понимание археологии как науки в дореволюционной России» (научный руководитель – В. И. Матющенко, рецензент – И. Г. Глушков). Работа была апробирована его докладами и на заседаниях археологического кружка, и на студенческих научных конференциях ОмГУ. А 1 декабря 1983 г. А. В. Жук выступил с докладом «Формирование этнологического направления в отечественной археологической науке» на пленарном заседании Республиканской этнографической научной студенческой конференции, которую проводили в Омске Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова, МГУ имени М. В. Ломоносова и ОмГУ; руководителями оргкомитета были Р. Ф. Итс, Г. Е. Марков и Н. А. Томилов. Тема доклада А. В. Жука свидетельствует о его возникшем еще в студенческие годы интересе к теме археолого-этнографических исследований в российской науке. И на протяжении прошедших уже 40 лет его интерес к этой теме только возрастал.

После окончания университета А. В. Жук в 1984–1987 гг. работал преподавателем истории и обществоведения в средней школе в совхозе «Элита» Москаленского района Омской области. Отработав там по распределению, он вернулся в Омск и в качестве младшего научного сотрудника в 1987–1991 гг. трудился хранителем отдела фондов по археологии в Омском государственном объединенном историческом и литературном музее (сегодня – это Омский государственный историко-краеведческий музей).

В 1991 г. А. В. Жук стал целенаправленно заниматься исследованиями в области археологии, поступив в аспирантуру ОмГУ. И еще 29 ноября 1988 г. выступил с докладом «История или типология? (По работам А. В. Селиванова)» на Омской областной научной конференции «История, краеведение и музееведение Западной Сибири». И далее фактически ежегодно А. В. Жук принимал участие в работе многих международных и российских научных форумов в разных городах России, а также в Казахстане и на Украине. Названный выше доклад включал в объект исследования его автора методологические и историографические аспекты археологии и истории [Жук, 1988]. Из приведенного ниже в списке основных научных трудов А. В. Жука видно, что его первые, изданные в 1987 г., статьи посвящены: одна – археологу М. П. Грязнову и другая – соотношению археологической и исторической наук. Так и определились два основных направления научных исследований А. В. Жука – археология и историография, что и было зафиксировано в опубликованной в 1999 г. биографии этого ученого [Жук Александр..., 1999, с. 72–73]. Фактически и в наши дни направления научной работы А. В. Жука определяются как археология и историография [Коников, 2016, с. 120]. В середине 1990-х гг. А. В. Жук включился в работу созданной в 1993 г. поисковой группы омских этноархеологов и стал заниматься изучением истории археолого-этнографических исследований. Но об этом направлении его работы будет сказано немного ниже.

В периоды студенчества, работы в музее и аспирантуры А. В. Жук участвовал в деятельности разных археологических экспедиций омских, екатеринбургских и новосибирских учреждений.

Территориально его работы в археологическом поле – это памятники на Алтае, в Омской и Тюменской областях.

В 1995 г. А. В. Жук окончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию «Организация археологических исследований в Западной Сибири. 1860–1920-е годы» в диссертационном совете в Алтайском государственном университете. Научным руководителем был археолог В. И. Матюшенко, соруководителем – историограф В. П. Корзун, официальными оппонентами – Т. Н. Троицкая и М. А. Демин, ведущим учреждением – Омский государственный педагогический университет.

В 1995–1997 гг. А. В. Жук работал сначала ассистентом, затем старшим преподавателем и далее доцентом кафедры первобытной истории ОмГУ. Во время пребывания в аспирантуре и работы на историческом факультете он вел учебные курсы «История археологии Сибири», «История первобытной культуры», «Историческая метрология и хронология». Затем в 1997 г. он перешел на работу доцентом в созданный новый факультет теологии и мировых культур ОмГУ на кафедру истории и теории религии (она, как и факультет, периодически меняла свое название). Здесь Александр Владиленич проработал по 2020 г., читая курсы лекций «История Русской церкви», «История Православной церкви», «Библейская археология», «Христианская хронология». Им были подготовлены и рабочие учебные программы по данным курсам. А в опубликованной в 1996 г. программе «История мировой культуры» им был написан раздел «История первобытной культуры» [Балакин, Жук, Порохин, 1996]. В 2007 г. свет увидело учебное пособие по истории православия и ислама в Сибири [Данилов, Жук, Шульга, 2007]. Но наиболее важным представляется участие А. В. Жука в разработке программы спецкурса «Введение в этноархеологию», опубликованной впервые в 2000 г. [Томилов, Жук, Тихонов, 2000], и в новаторской работе по написанию первого в России учебника по этноархеологии [Жук, Тихонов, Томилов, 2003].

Последняя работа имела не только учебную, но и монографическую направленность. Это было напрямую связано с созданной в Омске в 1993 г. поисковой группой по этноархеологии, которая функционирует и сегодня [Томилов, 2018]. Первоначально в группу вошли археологи Б. В. Мельников, С. Ф. Татауров, С. С. Тихонов и этнографы В. Б. Богомолов, М. А. Корусенко, С. Н. Корусенко, А. Г. Селезнев и автор данной статьи. Буквально в течение пары лет «поисковая группа расширилась за счет того, что в неё вошли этнографы М. Л. Бережнова, Л. М. Кадырова и археологи А. В. Жук, Л. В. Татаурова» [Там же, с. 13]. В последующие годы группу пополнили археолог К. Н. Тихомиров и этнографы А. В. Матвеев и М. Н. Тихомирова. Научная судьба А. В. Жука связана с этими учеными и по сей день. По проекту этноархеологических исследований он в 1997–1998 гг. работал научным сотрудником в Сибирском филиале Российского института культурологии.

В 1996 г. Александр Владиленич впервые принял участие с докладом в работе Всероссийского научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований», который ведет свое начало с 1993 г., проводится сегодня уже в двадцать третий раз и в статусе Международного научного симпозиума. А. В. Жук регулярно принимает участие в работе этого научного форума и, соответственно, общается с сотнями его участников. По просьбе организаторов он пишет для каждого симпозиума статьи об ученых, которым, в связи с их юбилейными датами, были посвящены эти форумы (рис. 2–3).

Направленность научных занятий А. В. Жука достаточно разнообразна и не может быть, естественно, полномерно рассмотрена в данной статье. Он является автором более 250 научных работ. Из приложенного к статье списка его основных трудов видно, что их значительная часть (четверть) охватывает археологическую тематику: вопросы методологии, источников, методов, в том числе – конкретные работы по периодизации истории археологии, об археологических культурах, археологических микрорайонах, об обмене и торговле в древности, о некротифе в погребальной обрядности, о протоархеологическом сознании, об археологических работах в Сибири и др. Несколько работ освещают темы соотношения объектно-предметных сфер и в целом сопряженности археологии с историей, антропологией, этнографией. Наиболее существенный вклад А. В. Жука виден в изучении истории археолого-этнографических исследований в российской науке, формирования и развития в последние десятилетия этноархеологии как междисциплинарного научного направления.

Часть работ А. В. Жука относится к исторической тематике. Среди них – статьи и разделы монографий об истории Омского Прииртышья, об истории высшего образования в Омске, в том числе – об омском университете, о праздничных днях в Российской империи, об участии ученых в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны, об истории разных учреждений и их археологических работах, о религиозных организациях Омска и др. Отдельные работы А. В. Жука освещают историю духовного просвещения и образования в Сибири, историю православной церкви: о предстоятелях Омской епархии и др.

Рис. 2. На заседании IX Международного научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований» (слева направо): А. Г. Селезнев, А. В. Жук, А. А. Тишкин, М. А. Корусенко. Нальчик, 21 сентября 2001 г.

Рис. 3. А. В. Жук с участниками XII Международного научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований» (слева направо): В. С. Томилова, Н. А. Томилов, А. В. Жук, Г. Г. Тасмагмбет, М. Н. Тихомирова, А. В. Матвеев, С. Н. Корусенко, М. А. Жигунова, И. В. Белич, К. Н. Тихомиров, М. Ю. Здор. Алматы, 26 сентября 2004 г.

И все же наиболее значительную часть работ А. В. Жука составляют его историографические труды – это примерно около половины всего научного багажа ученого. И среди них – целая галерея очерков об ученых: археологах, этнографях, антропологах, историках, языковедах и др., их научных концепциях и достижениях. Конечно, основным фундаментальным трудом в этой научной серии является монография А. В. Жука о выдающемся русском и советском археологе В. А. Городцове [Жук, 2005].

Статьи об ученых у А. В. Жука связаны главным образом с тематикой междисциплинарных исследований, прежде всего – истории археолого-этнографических работ, с характеристикой вклада ученых в ту или иную область научного знания. Поскольку подавляющая часть такого рода статей включена в приложенный к данной работе библиографический список трудов А. В. Жука, то здесь справочный аппарат не приводится. И все же назовем ряд ученых, о которых написаны А. В. Жуком статьи, снабженные не только биографическими сведениями, но и тонким, глубоко интеллектуальным разбором и оценками результатов и выводов в исследованиях этих ученых.

Большой блок статей А. В. Жука посвящен ученым XVIII – первых десятилетий XX в. Ниже приводится список большей части этих ученых с указанием в скобках даты публикации каждой статьи. Это английские ученые Д. Леббок (2020) и Э. Б. Тайлор (2007), российские ученые Д. Н. Анучин (2003); Б. Ф. Адлер (2013); В. Н. Берх (1989); А. А. Бобринский (1990); И. А. Борисов – архиепископ Иннокентий (2007); Ч. Ч. Валиханов (2005); Ф. К. Волков (2007); Г. В. Геннин (1999); М. А. Кастрен (2003; 2013; 2015); А. Ф. Миддендорф (2015); Г. Ф. Миллер (2018); Н. Н. Пантусов (2010); Э. Ю. Петри (2013); И. С. Поляков (1993); Г. Н. Потанин (2010); И. Т. Савенков (2006); А. С. Уваров (1994); В. М. Флоринский (1992; 2013; 2015); Н. М. Ядринцев (1997) и др.

Еще один блок – это статьи А. В. Жука, фактически историографические портреты ученых, работавших сначала в Российской империи и затем в СССР, ученых советского и постсоветского времени. Статьи освещают жизнь и деятельность таких ученых, как Ю. В. Балакин (2017); В. В. Бартольд (2010); Н. Н. Бортвин (2007; 2009); В. А. Городцов (2017); М. П. Грязнов (1987; 2012); П. Л. Драверт (2020); В. А. Кореняко (2017); В. П. Левашова (2001; 2009; 2012; 2014; 2016); В. И. Матющенко (2014); Ф. В. Мелехин (2016); В. А. Могильников (2017); А. Ф. Палашенков (1995; 2011; 2016); Б. Э. Петри (2004); А. Д. Столяр (2017); К. М. Тахтарев (1997); А. Е. Теплоухов (1989; 1998); С. А. Теплоухов (1994; 2008); Н. А. Томилов (2011); В. Н. Чернецов (2005); И. Н. Шухов (1995; 2013) и др.

С А. В. Жуком всегда интересно и полезно общаться, так как он много читает научных и не только научных книг и всегда готов в разговорах, в докладах и дискуссиях передавать полученные знания собеседникам и слушателям. При этом выступает всегда ярко, убежденно и доказательно. Как замечают некоторые коллеги: «Жука слушают все». Видно, что главные увлечения его – это наука и книги, отчасти нумизматика.

Опора в его делах и в целом по жизни – это его супруга Наталья Витальевна Муравицкая (1958 г. р.) – выпускница ОмГУ, успешно работавшая в Омске сначала хранителем в краеведческом музее, затем заместителем директора Центра документации новейшей истории Омской области. Исследовательские интересы ее – изучение архивных материалов – совпадали в этой части с занятиями супруга. У них есть и совместная публикация о роде омичей Яшеровых [Жук, Муравицкая, 1993].

В общественной деятельности А. В. Жука заметна его работа в качестве члена Русского географического общества и его Омского регионального отделения. Вот так об этом пишет Б. А. Конилов: «Значительный вклад в изучение роли археологии в деятельности Отдела внес его член Александр Владиленич Жук, педагог, музейный работник и исследователь. Им рассмотрена деятельность “Археологической комиссии ЗСОИРГО / ЗСО РГО», дана характеристика вклада членов Отдела (Н. М. Ядринцева, А. П. Плахова, С. А. Ковлера, А. В. Попова, П. Л. Драверта и мн. др.). Александр Владиленич рассмотрел многие стороны формирования археологической части музея при Отделе ИРГО / РГО. Несомненное достоинство его работ – это привлечение широкого круга архивных материалов» [Конилов, 2021, с. 123]. А. В. Жук принимал участие в редактировании нескольких научных сборников, популярных книг, является научным редактором фундаментальной работы Б. А. Конилова по археологии Омска [Конилов, 2016]. Еще одно направление общественной деятельности А. В. Жука – его сотрудничество с руководством Омской епархии, участие в мероприятиях этой религиозной организации.

Казалось бы, все основные направления научных исследований А. В. Жука определены. Но вот в книге Б. А. Конилова встречается такая формулировка об ученом: «создатель периодизации истории археологической науки» [Конилов, 2016, с. 120]. Это, действительно, так. Но ведь и в разработке периодизации этноархеологии в российской науке он принял участие. И эта тема была

доложена нами на III Всероссийском археологическом съезде в 2011 г. Далее читаем в капитальном труде В. И. Матющенко о сибирской археологии: «На примере истории археологических работ во второй половине XIX века в Сибири можно наблюдать отмеченное культурологами и историками науки формирование так называемых “культурных гнезд”. Исследование таких “гнезд”, фактически начал А. В. Жук в своей диссертации (1995)» [Матющенко, 2009, с. 61]. Таким образом, и культурология вошла в состав научной орбиты Александра Владиленовича. Настолько многообразна деятельность этого ученого в науке – тематически и концептуально, – что в пору о нем самом уже писать солидную монографию. А пока творческая деятельность А. В. Жука продолжается, и мы ждем от него новых научных трудов.

**Список основных научных трудов
доцента, кандидата исторических наук
Александра Владиленовича Жука**

Монографии, учебные пособия, справочники

Балакин Ю. В., Жук А. В., Порохин Г. М. История мировой культуры : прогр. курса. – Омск : ОмГУ, 1996. – 6 с.

Большаник П. В., Жук А. В., Матющенко В. И. [и др.]. Нижнетарский археологический микрорайон / отв. ред. В. И. Матющенко. – Новосибирск : Наука, 2001 – 255 с.

Жигунова М. А., Жук А. В., Шарапова М. А. [и др.]. Религиозные организации города Омска : информ. справочные материалы. – Омск, 2019. – 152 с.

Жук А. В. Василий Алексеевич Городцев в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. – 535 с.

Жук А. В. [и др.]. Сила Сибири. История Омского края. – Омск : Издательский отд. Тарской Епархии, 2016. – 294 с.

Жук А. В. Организация археологических исследований в Западной Сибири. 1860 – 1920-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1995. – 29 с.

Жук А. В. Праздничные и неprisутственные дни Российской Империи конца XIX – начала XX веков : учеб. пособие. – Омск : [б. и.], 2008. – 92 с.

Жук А. В. Предстоятели Омской епархии Русской Православной Церкви : биографический справ. – Омск : [б. и.], 2007. – 193 с.

Жук А. В. Русские археологи во Святой Земле : учеб. пособие. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2015. – 100 с.

Жук А. В., Матющенко В. И., Татаурова Л. В. [и др.]. Очерки истории обмена и торговли в древности на территории Западной Сибири. – Омск : ОмГУ, 1995. – Ч. I–II. – 215 с.

Жук А. В., Тихонов С. С., Томилов Н. А. Введение в этноархеологию : учеб. пособие для студентов ист. фак. высш. учеб. заведений. – Омск : Издательский дом «Наука», 2003. – 72 с.

Жук А. В., Томилов Н. А. Очерк истории этноархеологического направления // История. Антропология. Культурология : прогр. и избранные лекции. – Омск : Издательский дом «Наука», 2004. – Ч. II. Избранные лекции. – С. 110–131.

Томилов Н. А., Жук А. В., Тихонов С. С. Этноархеология : прогр. курса для магистрантов ист. фак. высш. учеб. заведений. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2009. – 16 с.

Статьи

Бережнова М. Л., Жук А. В. Идентификационные признаки погребального обряда как «научная» мифология // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск, 2010. – С. 41–45.

Жук А. В. «По умертвии моем не погребешь тела моего...». К проблеме уничиженного погребения в православной традиции // Актуальная теология. Религиозная идентичность в региональных социокультурных процессах : материалы II Всерос. молодежной науч.-практич. конф. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2015. – С. 136–143.

Жук А. В. «Художественная техника для археологов» Н. К. Рериха // Сб. науч. Тр. Ом. музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля. – Омск : ООМИН, 1997. – С. 78–102.

Жук А. В. Curriculum vitae Федора Васильевича Мелехина, составленное им самим // Вестн. Ом. ун-та. – Сер.: «Исторические науки». – 2016. – № 1 (9). – С. 97–108.

Жук А. В. Pro memoria // Культурологические исследования в Сибири. – 2014. – № 1 (42). – С. 19–26.

Жук А. В. Pro memoria: Бруно Фридрихович Адлер // Декабрьские диалоги: материалы Всерос. науч. конф. – Омск : ООМИИ, 2013. – Вып. 16. – С. 81–88.

Жук А. В. Абрам Давидович Столяр на пороге науки. Ленинградская археология 2-й половины 1930-х – начала 1940-х гг. глазами молодого человека // Вестн. Ом. ун-та. – Сер.: «Исторические науки». – 2017. – № 2 (14). – С. 97–109.

Жук А. В. Агриков меч (к проблеме прото-археологического сознания) // Интеграция археологических и этнографических исследований : материалы IV Всерос. науч. семинара. – Новосибирск ; Омск, 1996. – Ч. I. – С. 96–98.

Жук А. В. Александр Федорович Миддендорф как исследователь «первобытного состояния народов» (к 200-летию со дня рождения) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Барнаул ; Омск, 2015. – С. 21–24.

Жук А. В. Аллегорические фигуры Омской железной дороги и их создатели // AVD Revue. – R. MMXIV. – Č. 2. – Praha, 2014. – S. 7–9.

Жук А. В. Ананьинский могильник: первые раскопки и первые впечатления // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 2019. – Т. 39. – № 4. – С. 6–41.

Жук А. В. Андрей Федорович Палашенков как церковный археолог. Ляпин-Сосьвинская экспедиция 1939 г. // Вестн. Ом. ун-та. – Сер.: «Исторические науки». – 2016. – № 3 (11). – С. 116–134.

Жук А. В. Андроновская культура на берегах Урала под лопатой М. П. Грязнова: июнь 1926 г. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб. : ИИМК РАН; «Периферия», 2012. – Кн. 1. – С. 32–37.

Жук А. В. Археологи Русского музея в Сибири: 1920-е годы // Третьи ист. чтения памяти М. П. Грязнова : докл. Всерос. науч. конф. – Омск : ОмГУ, 1995. – Ч. 1. – С. 35–38.

Жук А. В. Археологические изыскания И. Н. Шухова. I Нижне-Обская экспедиция 1911 года // Средневековые древности Западной Сибири : сб. науч. ст. – Омск : ОмГУ, 1995. – С. 4–16.

Жук А. В. Археологические изыскания Н. Н. Бортвина на Верхнем Иртыше в 1915 г. // Памятники археологии и художественное творчество : материалы V осеннего коллоквиума. – Омск, 2009. – Вып. V. – С. 31–39.

Жук А. В. Археологический источник и полевая методика (по материалам В. Н. Берха) // Актуальные проблемы методики Западно-Сибирской археологии : тез. докл. региональной науч. конф. – Новосибирск : Наука, 1989. – С. 20–23.

Жук А. В. Археология как этнология (по работам В. М. Флоринского в Семипалатинской и Семиреченской областях) // Маргулановские чтения : тез. – Петропавловск [б. и.], 1992. – С. 133–136.

Жук А. В. Аскетическая традиция уничиженного погребения. // Verbum. – СПб., 2000. – Вып. 3. – С. 192–196.

Жук А. В. Б. Э. Петри как палеоэтнолог // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Алматы ; Омск, 2004. – С. 7–8.

Жук А. В. Бабы Омского музея // Вестн. Ом. ун-та. – Сер.: «Исторические науки». – 2014. – № 3 (3). – С. 77–89.

Жук А. В. Батени под лопатой С.А. Теплоухова: археологический микрорайон? // Археологические микрорайоны Западной Сибири: межведомственный сб. науч. тр. – Омск : [б. и.], 1994. – Ч. 1. – С. 29–33.

Жук А. В. Бугровщики «степи Калмыцкой» в конце XVII – начале XVIII веков // Проблемы этнической истории самодийских народов : сб. докл. Всерос. науч. конф. – Омск : [б. и.], 1993. – Ч. I. – С. 23–27.

Жук А. В. В. Н. Чернецов и Тарская коллекция древностей // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск : Издательский дом «Наука», 2005. – С. 12–14.

Жук А. В. В. П. Левашева в доминусинский период ее деятельности. I. Семья. Университет // Вестн. Ом. ун-та. – 2001. – Вып. 3 (21). – С. 9–62.

Жук А. В. Варвара Павловна Левашева в начале ее научной деятельности // Петровский сборник : сб. воспоминаний и науч. работ, посвящ. памяти Александра Ивановича Петрова (1953–2000). – Омск : ОмГУ, 2012. – С. 111–138.

Жук А. В. Варвара Павловна Левашева и Вознесенское городище – первая публикация // Декабрьские диалоги : материалы Всерос. науч. конф. – Омск : [б. и.], 2017. – Вып. 20. – С. 17–23.

Жук А. В. Варвара Павловна Левашева на Вознесенском городище. Первые впечатления // Декабрьские диалоги : материалы Всерос. науч. конф. – Омск : [б. и.], 2016. – Вып. 19. – С. 53–62.

Жук А. В. Василий Алексеевич Городцов как мемуарист (по случаю выхода в свет личных дневников русского археолога) // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 2018. – Т. 38. – № 2. – С. 132–171.

Жук А. В. Василий Владимирович Бартольд (1869–1930) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск, 2010. – С. 8–11.

Жук А. В. Василий Маркович Флоринский как археолог // Ab Origine. – Тюмень, 2013. – Вып. 5. – С. 5–22.

Жук А. В. Василий Маркович Флоринский, его место и значение в отечественной археологии // Вестн. Ом. ун-та. – Сер.: «Исторические науки». – 2015. – № 1 (5). – С. 100–115.

Жук А. В. Вознесенское городище до Варвары Павловны Левашевой (из истории отечественной археологии) // Декабрьские диалоги : матер. Всерос. науч. конф. – Омск, 2014. – Вып. 17. – С. 69–80.

Жук А. В. Г. Ф. Миллер как археолог // Миллеровские чтения – 2018. Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы Междунар. науч. конф. – СПб. : «Резюме», 2018. – С. 33–41.

- Жук А. В. Граф А. С. Уваров – ополченец // Уваровские чтения – II. – М., 1994. – С. 58–60.
- Жук А. В. Григорий Николаевич Потанин: между наукой и политикой (к 175-летию со дня рождения) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Казань ; Омск, 2010. – Ч. 1. – С. 3–5.
- Жук А. В. Д. Н. Анучин как антрополог // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск, 2003. – С. 8–10.
- Жук А. В. Дебют ИКСа // Четвертые исторические чтения памяти М. П. Грязнова : материалы науч. конф. – Омск : ОмГУ, 1997. – С. 53–56.
- Жук А. В. Джон Леббок как историк первобытной культуры // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Новосибирск ; Омск, 2008. – С. 7–10.
- Жук А. В. Доистория и антропология. Заметки о концепции Э. Ю. Петри // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск : Наука, 2003. – Т. 6. – С. 17–32.
- Жук А. В. Духовное образование в военно-учебных заведениях Российской Империи: опыт и некоторые уроки // История народного образования Западной Сибири. – Омск : Амфора, 2005. – С. 68–81.
- Жук А. В. Духовное просвещение в военно-учебных заведениях Российской Империи, его проблемы и современные перспективы // Петровский сборник: сб. воспоминаний и науч. работ, посвящ. памяти Александра Ивановича Петрова (1953–2000). – Омск : ОмГУ, 2012. – С. 178–201.
- Жук А. В. Е. И. Малахов как археолог // Таре – 400 лет : материалы науч.-практич. конф. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 1994. – Ч. 2. – С. 14–23.
- Жук А. В. Евхаристический хлеб в русской богослужебной традиции // Экология древних и традиционных обществ: материалы VI Междунар. науч. конф. – Тюмень : ТюмНЦ СО РАН, 2020. – Вып. 6. – С. 317–321.
- Жук А. В. Иван Тимофеевич Савенков (1846–1914) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Красноярск ; Омск, 2006. – С. 8–12.
- Жук А. В. Изыскания Н. Н. Бортвина 1913–1914 гг. в Прииртышье // Памятники археологии и художественное творчество : материалы осеннего коллоквиума. – Омск : Издательский дом «Наука», 2007. – Вып. 4. – С. 21–30.
- Жук А. В. Иннокентий Николаевич Шухов в первый период его научной деятельности (1910-е – начало 1920-х годов) // Культурологические исследования в Сибири. – 2013. – № 2 (41). – С. 60–67.
- Жук А. В. Исследование Ляпинской крепости А. Ф. Палашенковым // Археология Сибири: историография. : в 2 ч. – Омск : ОмГУ, 1995. – Ч. 2. – С. 68–92.
- Жук А. В. Исследователи Сибири первой половины XVIII века о проблеме археологического времени // История культуры советского общества : тез. докл. Всесоюз. науч. конф. – Омск : ОмГУ, 1990. – С. 34–47.
- Жук А. В. Исследователь древней керамики А. Е. Теплоухов // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: теория, методология, практика. – Томск : Изд-во Том ун-та, 1998. – С. 178–181.
- Жук А. В. История археологического изучения территории Омской области в ее нынешних границах до начала 1960-х гг. // Новое в археологии Среднего Прииртышья. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2007. – С. 4–18.
- Жук А. В. Источники этнографо-археологического комплекса (взгляд археолога) // Интеграция археологических и этнографических исследований : материалы VI Междунар. науч. семинара. – Омск ; СПб. : ОмГУ, 1998. – Ч. I. – С. 71–75.
- Жук А. В. К проблеме конфессиональной принадлежности погребений // Народная культура Сибири : материалы VIII науч.-практич. семинара. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 1999. – С. 20–24.
- Жук А. В. Керамика как археологический источник в работах А. Е. Теплоухова // Памятники истории и культуры Омской области : тез. обл. науч.-практич. конф. – Омск : [б. и.], 1989. – Вып. 2. – С. 33–36.
- Жук А. В. Константин Михайлович Тахтарев (1871–1925) // Традиции отечественной палеоэтнологии : тез. докл. Междунар. науч. конф. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997. – С. 45–48.
- Жук А. В. Культура – материальная культура – археологическая культура // История и культура Сибири. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2001. – С. 135–140.
- Жук А. В. Курганные жители и путешествия к ним (по отчетам графа А. А. Бобринского 1901–1912 гг.) // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель : сб. науч. тр. – Л., 1990. – С. 62–65.
- Жук А. В. Лимес как ойкумена: опыт Империй // Социальные и культурные процессы в Российском приграничье : сб. науч. ст. – Екатеринбург, 2017. – С. 33–50.
- Жук А. В. Люди нашей науки на фронтах Великой Отечественной войны // Этническая история и культура тюркских народов Евразии : сб. науч. тр. – Омск : Издатель-Полиграфист, 2011. – С. 38–42.
- Жук А. В. М. А. Кастрен в русской археологии и этнографии (к 200-летию со дня рождения) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Иркутск ; Омск, 2019. – Т. 1. – С. 42–45.
- Жук А. В. М. А. Кастрен и А. Ф. Миддендорф: из истории русской науки 1840-х гг. // Вестн. Ом. ун-та. – Сер.: «Исторические науки». – 2015. – № 2 (6). – С. 148–167.
- Жук А. В. Меч Еруслана Лазаревича (к проблеме прото-археологического сознания) // Вещь в контексте культуры : материалы науч. конф. – СПб. : Ин-т истории материальной культуры, 1994. – С. 94–95.
- Жук А. В. Н. М. Ядринцев как археолог // Интеграция археологических и этнографических исследований: материалы V Всерос. науч. семинара. – Омск ; Уфа, 1997. – С. 50–55.

- Жук А. В. Начало типологии керамики в России // Памятники археологии и художественное творчество : материалы осеннего коллоквиума. – Омск : Наука, 2011. – Вып. 6. – С. 34–42.
- Жук А. В. Некросфера. Комментарий к одной терминологической инициативе // Вестн. Ом. ун-та. – Сер.: «Исторические науки». – 2015. – № 3 (7). – С. 46–56.
- Жук А. В. Николай Николаевич Пантусов (1849–1909) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск, 2010. – С. 11–15.
- Жук А. В. Норматив Православной Церкви (комментарий для археологов) // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. : в 2 т. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Изд-во Магеллан, 2014. – Т. 1. – С. 154–157.
- Жук А. В. Норматив Православной Церкви: комментарий для археологов. Часть II. Преступление нормы // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. тр. – Омск : Издательский дом «Наука», 2017. – С. 97–101.
- Жук А. В. Омская стоянка: открытие, первые коллекции и первые впечатления // Творчество в археологическом и этнографическом измерении : сб. науч. тр. – Омск : Наука, 2013. – С. 5–33.
- Жук А. В. Омский дебют: экспедиция 1961 г. // Vita scientificus, или археолог В. И. Матюшенко : сб. науч. тр. – Омск : Полиграфический центр КАН, 2014. – С. 42–67.
- Жук А. В. Организация археологических исследований в Семипалатинске в 1870–1920-е гг. // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Алматы ; Омск, 2004. – С. 9–10.
- Жук А. В. Организация археологических исследований в Тобольском крае в 1850–1920-е годы // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск : ООО «Издательский дом «Наука,», 2006. – Т. 9. – С. 119–141.
- Жук А. В. Оружие мертвых (к проблеме прото-археологического сознания) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск : Издательский дом «Наука», 2009. – Т. 11. – С. 9–31.
- Жук А. В. Отечественная полевая археология в конце XIX-го века // Археология Евразийских степей. – Казань, 2021. – № 5. – С. 42–56.
- Жук А. В. Отсутствие археологического интереса в средневековой культуре (на примере Западной Сибири) // История археологических исследований Сибири : межведомственный тематический сб. науч. тр. – Омск : ОмГУ, 1990. – С. 32–41.
- Жук А. В. Очерк истории археологического изучения территории Омской области в ее нынешних границах до начала 1960-х годов // Источники по археологии Западной Сибири : сб. науч. тр. – Сургут : СурГПУ, 2005. – С. 5–14.
- Жук А. В. П. Л. Драверт как член Омского отдела Русского географического общества // Вторые Дравертские чтения: материалы Всерос. науч.-практич. конф. (Омск, 19–20 ноября 2019 г.). – Омск : ОГОНБ им. А. С. Пушкина, 2020. – С. 7–14.
- Жук А. В. Палеоэтнологи Санкт-Петербурга – Петрограда. Из предыстории научного становления М. П. Грязнова // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова : тез. докл. науч. конф. – Омск : ОмГУ, 1987. – Ч. 1. – С. 18–21.
- Жук А. В. Памятники древности в средневековом историческом сознании (к проблеме возникновения археологии) // Гуманитарные исследования. Ежегодник. – Омск, 1998. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 5–13.
- Жук А. В. Первые интерпретации археологического и этнографического материала Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Казань ; Омск, 2010. – С. 5–8.
- Жук А. В. Первые опыты толкования археологического материала Сибири. Часть II. Георг-Вильгельм де Геннин (1665–1750) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Павлодар ; Омск, 2018. – С. 7–11.
- Жук А. В. Периодизация истории отечественной археологии // Современные проблемы археологии России : материалы Всерос. археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 417–419.
- Жук А. В. Периодизация истории отечественной археологии. Краткий очерк. Часть I // Вестн. Ом. ун-та. – Сер.: «Исторические науки». – 2016. – № 4 (12). – С. 128–136.
- Жук А. В. Пильтдаунский Человек в первобытной археологии 1-й половины XX в. как опыт преднамеренного искажения информации в источнике // VII Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова : материалы науч. конф. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2008. – С. 53–60.
- Жук А. В. Почему погиб Беовульф? (к проблеме прото-археологического сознания) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск : Наука, 2012. – Т. 12. – С. 68–87.
- Жук А. В. Проблема археологической культуры в России (конец XIX – начало XX веков) // Вопросы истории исследования и историографии археологии Западной Сибири : межвузовский сб. науч. тр. – Омск, 1992. – С. 5–24.
- Жук А. В. Проблема идентификации христианских погребений // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. тр. – Омск : Апельсин, 2008. – С. 185–191.

Жук А. В. Проблема соотношения исторической и археологической наук на III Всероссийском археологическом съезде в Киеве в 1984 г. // Источники по истории Западной Сибири: история и археология : межведомственный сб. науч. тр. – Омск : ОмГУ, 1987. – С. 96–102.

Жук А. В. Проблема уничиженного погребения в православной традиции // Петровский сборник : сб. воспоминаний и науч. работ, посвящ. памяти Александра Ивановича Петрова (1953–2000). – Омск : ОмГУ, 2012. – С. 246–256.

Жук А. В. Проблемы духовного просвещения в военно-учебных заведениях Российской Империи и его современные перспективы // I Сильвестровские педагогические чтения. – Тара, 2009. – Ч. 1. Духовно-нравственные ценности в образовательном пространстве. – С. 37–60.

Жук А. В. Ранние палеоэтнологические опыты в России: идеи и методы (по материалам Сибирских экспедиций И. С. Полякова 1876–1877 гг.) // Проблемы истории науки и культуры России : межведомственный сб. науч. тр. – Омск : ОмГУ, 1993. – С. 41–57.

Жук А. В. Ранние этапы интеграции археологических и этнографических исследований в России // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск : Наука, 1999. – Т. 4. – С. 9–17.

Жук А. В. Рец. на кн.: Томилов Н. А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск, 1993, 222 с. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск : Наука, 1998. – Т. 3. – С. 258–260.

Жук А. В. Русская система питейных мер (из опыта исторической метрологии) // Рыцарь сибирской археологии : сб., посвящ. памяти В. И. Матющенко. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2007. – С. 148–167.

Жук А. В. Русская типология керамики: debuto // Игорь Геннадьевич Глушков : сб. науч. ст. – Ханты-Мансийск, 2012. – Ч. III. – С. 11–18.

Жук А. В. Русские люди в Югорской земле X–XIII вв. (к 85-летию В. А. Могильникова) // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь : ПГПУ, 2017. – Вып. XIII. – С. 148–183.

Жук А. В. Святитель Иннокентий (Борисов) как археолог // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Одесса ; Омск, 2007. – С. 13–17.

Жук А. В. Сергей Александрович Теплоухов (1888–1933/4) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Новосибирск ; Омск, 2008. – С. 10–21.

Жук А. В. Скифо-сибирский стиль под рукой В. А. Коренько // «И музою его была наука» : сб. памяти В. А. Коренько (1952–2016). – Азов : Изд-во Азовского музея-заповед., 2017. – С. 82–86.

Жук А. В. Создание Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества // Локальные культурно-исторические исследования: теория и практика. – Омск : ОмГУ, 1998. – С. 177–187.

Жук А. В. Старое кладбище на Битой Горке под лопатой В. П. Левашевой // Сибирский сборник – 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. – СПб., 2009. – Кн. I. – С. 209–215.

Жук А. В. Танки Русской Церкви // Петровский сборник : сб. воспоминаний и науч. работ, посвящ. памяти Александра Ивановича Петрова (1953–2000). – Омск : ОмГУ, 2012. – С. 229–244.

Жук А. В. Урало-сибирский звериный стиль под рукой Ю. В. Балакина // Вестн. Ом. ун-та. – Сер.: «Исторические науки». – 2017. – № 1 (13). – С. 150–155.

Жук А. В. Учебные заведения Омска накануне 1-й мировой войны (материалы к справочнику) // История педагогического образования Западной Сибири : сб. науч. тр. и материалов. – Омск, 2002. – С. 33–43.

Жук А. В. Церковно-археологические изыскания А. Ф. Палашенкова в Березове по ходу Ляпин-Сосьвинской экспедиции 1939 г. // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии : сб. науч. ст. – Омск : Ом. ин-т (филиал) РГТЭУ, 2011. – С. 98–107.

Жук А. В. Ч. Ч. Валиханов как археолог // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск, 2005. – С. 8–11.

Жук А. В. Э. Б. Тайлор и Ф. К. Волков как классики мировой палеоэтнологии // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Одесса ; Омск, 2007. – С. 9–12.

Жук А. В., Прищепко С. В. Бескорыстие как атрибут гробокопателя (к проблеме прото-археологического сознания) // Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции : тез. Междунар. науч. конф. – Якутск : ЯГУ им. М. К. Аммосова, 1992. – С. 25–26.

Жук А. В., Тихонов С. С., Томилов Н. А. Введение в этноархеологию. Учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск : Наука, 2009. – Т. 11. – С. 79–125.

Жук А. В., Тихонов С. С., Томилов Н. А. Материалы к истории археолого-этнографических исследований в Сибири в XX в. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск : Наука, 2003. – Т. 6. – С. 32–48.

Жук А. В., Томилов Н. А. Периодизация истории этно-археологического направления отечественной науки // Тр. III (XIX) Всерос. археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. – СПб. ; М. ; Великий Новгород : ИИМК РАН, 2011. – Т. II. – С. 326–327.

Жук А. В., Томилов Н. А. Этноархеологическое направление отечественной науки: периодизация процесса развития // Этническая история и культура тюркских народов Евразии : сб. науч. тр. – Омск : Издатель-Полиграфист, 2011. – С. 321–324.

Список источников и литературы

- Балакин Ю. В., Жук А. В., Порохин Г. М.* История мировой культуры : прогр. курса. – Омск : ОмГУ, 1996. – 6 с.
- Данилов В. Л., Жук А. В., Шульга Р. Б.* Краткая история православия и ислама на территории Западной Сибири : учеб. пособие. – Омск : ОмГУ, 2007. – 33 с.
- Жук А. В.* Василий Алексеевич Городцов в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. – 535 с.
- Жук А. В.* История или типология? (По работам А. В. Селиванова) // Археология Западной Сибири : материалы областной науч. конф. «История, краеведение и музееведение Западной Сибири» : тез. докл. – Омск : ОмГУ, 1988. – С. 3–5.
- Жук А. В., Муравицкая Н. В.* Семейство Ящеровых (по материалам научного архива Омского краеведческого музея) // Памятники истории и культуры Омской области: проблемы выявления, изучения и использования : тез. докл. и сообщ. обл. науч. конф. – Омск, 1993. – С. 93–96.
- Жук А. В., Тихонов С. С., Томилов Н. А.* Введение в этноархеологию : учеб. пособие для студентов ист. фак. высш. учеб. заведений. – Омск : Издательский дом «Наука», 2003. – 72 с.
- Жук Александр Владиленович // Корзун В. П., Кузнецова О. В., Осадченко Б. А. [и др.]* Современная историческая наука Западной Сибири в лицах. Историки Омска: биобиблиографический словарь. – Омск : ОмГУ, 1999. – С. 72–73.
- Конилов Б. А.* Археология в деятельности Западно-Сибирского императорского отдела – Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (1877–2020 гг.). – Омск : Издательский дом «Наука», 2021. – 168 с.
- Конилов Б. А.* Иллюстрированная энциклопедия. Археология Омска. – Омск : Омскбланкиздат, 2016. – 408 с.
- Матющенко В. И.* 300 лет истории сибирской археологии. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2009. – 550 с.
- Томилов Н. А.* Исследования российских этноархеологов в конце XX – 10-х годах XXI века (к 25-летию Омского этноархеологического центра) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Павлодар ; Омск, 2018. – С. 11–20.
- Томилов Н. А., Жук А. В., Тихонов С. С.* Введение в этноархеологию : прогр. спецкурса для студентов высш. учеб. заведений. – Омск : ОмГУ, 2000. – 15 с.

Томилов Н. А. <https://orcid.org/0000-0002-8105-0573>

Н. А. Томилов

*Россия, Омск, Институт археологии и этнографии СО РАН
Россия, Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского*

**ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЭТНОАРХЕОЛОГИИ В СЕРИИ «ИНТЕГРАЦИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»**

Российская серия сборников научных трудов «Интеграция археологических и этнографических исследований» издается поисковой группой омских этноархеологов с 1994 г. и включает материалы сначала семинара и затем Международного научного симпозиума под таким же названием, что и серия. Тематические направления серии – это теоретико-методологические, историографические, источниковедческие, методические и эмпирические исследования в сфере археолого-этнографических изысканий. В данной статье приведены сведения о статьях серии, освещающих историю археолого-этнографических исследований, процессы становления и развития российской этноархеологии, концепции российских и отчасти зарубежных ученых о комплексных археолого-этнографических и этноархеологических работах, конкретные результаты этих работ в историографическом плане. Отмечен вклад в изучение истории российской археологии, этнографии и этноархеологии своими статьями в данной серии петербургских, кемеровских, новосибирских и омских ученых. Высказано мнение о необходимости создания обобщающих трудов по истории российской этноархеологии.

Ключевые слова: археология, этнография, этноархеология, история археолого-этнографических исследований, историография, омская группа этноархеологов.

N. A. Tomilov

*Russia, Omsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Russia, Omsk, Dostoevsky Omsk State University*

**HISTORIOGRAPHY AND HISTORIOGRAPHY OF ETHNOARCHEOLOGY IN THE
SERIES «INTEGRATION OF ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC RESEARCH»**

The Russian series of collections of scientific papers «Integration of Archaeological and Ethnographic Research» has been published by a search group of Omsk ethnoarchaeologists since 1994 and includes materials from the first seminar and a loan from the International Scientific Symposium under the same title as the series. The thematic areas of the series are theoretical and methodological, historiographic, source studies, methodological and empirical research in the field of archaeological and ethnographic research. This article provides information about the articles of the series covering the history of archaeological and ethnographic research, the processes of formation and development of Russian ethnoarchaeology, the concept of Russian and, to some extent, foreign scientists about complex archaeological and ethnographic and complex ethnoarchaeological works, the specific results of these works in historiographical terms. The contribution to the study of the history of Russian archeology, ethnography and ethnoarchaeology by their articles in this series of St. Petersburg, Kemerovo, Novosibirsk and Omsk scientists is noted. An opinion was expressed about the need to create generalizing works on the history of Russian ethnoarchaeology.

Keywords: archeology, ethnography, ethnoarchaeology, history of archaeological and ethnographic research, historiography, Omsk group of ethnoarchaeologists.

Изучение истории комплексных археолого-этнографических и – на более высоком уровне – интеграционных этноархеологических исследований раскрывает возможности получения новых исторических знаний о народах России, их сообществах и культуре – знаний, которые не только пополняют науку, но и служат формированию мировоззрения россиян. В этой статье приводятся данные о работах российских ученых по истории археолого-этнографических исследований и по историографии этого направления, которые опубликованы в сборниках научных трудов серии «Интеграция археологических и этнографических исследований».

Эта серия насчитывает на сегодня 24 сборника, издается с 1994 г. группой омских этноархеологов и включает материалы Международного научного симпозиума (ранее – семинара) «Интеграция археологических и этнографических исследований». В определенной степени ее и еще одну, также издающуюся в Омске, российскую научную серию «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума» можно считать энциклопедически значимыми в изучении этноархеологических исследований [Корусенко, Томилов, Томилова, 2014].

Основными организаторами проведенных уже 23 симпозиумов / семинаров по этноархеологии в разных городах России, а также в Казахстане и на Украине и, соответственно, издания серии «Интеграция археологических и этнографических исследований» являются Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (ИАЭТ СО РАН) – с 1991 г. это был Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО АН СССР и затем РАН, и с 2006 г. по 2018 г. – Омский филиал ИАЭТ СО РАН; и Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского с его научно-исследовательской лабораторией этноархеологии. В издании отдельных томов серии в разные годы приняли участие Алтайский государственный университет, Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Иркутский государственный технический университет, Новосибирский государственный педагогический университет, Павлодарский государственный педагогический университет, Сибирский филиал Российского института культурологии (Омск).

Почти в каждой статье данной серии приводятся краткие сведения об истории исследования предложенной темы и нередко о степени ее изученности предшественниками. Но из почти двух с половиной тысяч статей серии 132 статьи целенаправленно являются работами по истории и историографии археолого-этнографических и, в том числе, этноархеологических исследований. Заметный вклад в изучение этой тематики внесли ученые Барнаула, Казани, Кемерово, Москвы, Новосибирска, Омска, Санкт-Петербурга и, прежде всего, по количеству статей – это: А. В. Жук, Л. Ю. Китова, А. М. Решетов, А. А. Тишкин, Ю. С. Худяков (часто совместно с А. Ю. Борисенко), автор данной статьи и др. Ряд работ этого направления и стал источником для рассмотрения в данной статье некоторых тем по изучению истории археолого-этнографических исследований, формирования этноархеологии в российской науке, научных концепций отдельных ученых, формирования научных школ и направлений.

Список ученых, статьи о которых опубликованы в данной серии, довольно большой. И, чтобы не увеличивать объем приложенного к статье «Списка источников и литературы», после фамилии ученого в скобках приводятся фамилии авторов статей и годы изданных сборников научных трудов «Интеграция археологических и этнографических исследований».

Подавляющая часть статей этого блока посвящена российским и советским ученым. И все же есть статьи и о зарубежных ученых. В их число вошли такие исследователи, как: финский филолог К. Ф. Карьялайнен (Н. В. Лукина, 1996); английский антрополог, археолог и биолог Д. Леббок (А. В. Жук, 2008) и английский этнолог, антрополог, культуролог и религиовед Э. Б. Тайлор (А. В. Жук, 2007).

Совсем немного статей есть о российских исследователях XVIII в. И среди них – военный инженер, исследователь археологических древностей Г. В. Геннин (А. В. Жук, 1999; 2018) и географ, этнограф, ботаник С. П. Крашенинников (А. В. Артемьев, 2002; Н. А. Томилов, 2002).

В XIX – первых десятилетиях XX в. в археолого-этнографических исследованиях более-менее прочное место заняли методы формальной типологии, системного подхода к тематике этногенеза, социокультурных явлений и процессов в древних и средневековых обществах. Со второй половины XIX в. внимание ученых повернулось в сторону комплексных исследований в археолого-этнографическом направлении. Полученные научные результаты тех лет активно изучаются современниками.

И в вышеназванной серии опубликовано достаточно много статей об ученых того времени. Среди тех, кому посвящены очерки: антрополог, этнограф, археолог, географ, музеевед Д. Н. Анучин (А. В. Жук, 2003; С. П. Щавелев, 1998); историк, археолог, богослов И. А. Борисов – Святитель Иннокентий (А. В. Жук, 2007); этнограф, археолог Ч. Ч. Валиханов (А. В. Жук, 1999); антрополог, археолог, этнограф Ф. К. Волков – Вовк (А. В. Жук, 2007; Г. А. Станицына, 2007); этнограф, историк А. Г. Ибрагимов (Ф. Т.-А. Валеев, 1998); историк, этнограф, филолог К. Д. Кавелин (В. П. Понамарева, 1995); филолог, этнограф М. А. Кастрен (Г. А. Аксянова, 2013; А. Ю. Борисенко и Ю. С. Худяков, 2012; А. В. Жук, 2003; 2013); историк, этнограф, правовед, социолог М. М. Ковалевский (Е. Г. Битова, 2001; К. Ф. Дзамихов, 2001); географ, натуралист, путешественник А. Ф. Миддендорф (А. В. Жук, 2015); востоковед, археолог, этнограф, филолог Н. Н. Пантусов (А. В. Жук, 2010); антрополог, этнограф, археолог, зоолог И. С. Поляков (М. В. Константинов, Т. А. Константинова, 2013); этнограф, фольклорист, географ, ботаник Г. Н. Потанин (А. В. Жук, 2010); антрополог, этнограф, археолог П. А. Путятин (В. С. Мельников, 2003); востоковед, археолог, этнограф, языковед В. В. Радлов (Д. О. Плахута, 2010); археолог, педагог, архивовед Д. Я. Самошилов (С. П. Щавелев, 1998); археолог, этнограф, писатель Н. М. Ядринцев (А. В. Жук, 1997).

В последующие советские и постсоветские времена существенно возросли комплексные археолого-этнографические и затем (где-то с 1980-х гг.) интеграционного плана этноархеологические исследова-

дования. Отсюда возникло еще большее количество статей в серии, которые освещают деятельность и вклад в науку таких ученых, как: этнограф, музыковед А. В. Анохин (А. А. Чернова, 2015); востоковед, историк, архивовед, филолог В. В. Бартольд (А. В. Жук, 2010; А. М. Решетов, 2010); историк, археолог З. Я. Бояршинова (А. Н. Жеравина, 1999); этнограф, археолог, востоковед С. И. Вайнштейн (Н. А. Томилов, 2018); этнограф, географ Н. И. Воробьев (Р. Н. Мусина, С. В. Сулова, 2007); археолог, антрополог, историк М. П. Грязнов (М. Ю. Здор, В. В. Михалев, Т. В. Михалева, 2004); востоковед, археолог, этнограф, историк, географ Л. Н. Гумилев (Д. В. Зацепин, 2000); этнограф, историк И. С. Гурвич (Е. П. Батьянова, Т. В. Лукьянченко, 1999; Н. А. Томилов, В. С. Томилова, 1999); антрополог Г. Ф. Дебец (А. М. Решетов, 2005); лингвист, археолог А. П. Дульзон (Т. В. Галкина, 2000; Л. А. Чиндина, 2000); археолог, этнограф В. П. Дьяконова (Н. А. Томилов, 2018); археолог, этнограф Б. С. Жуков (А. М. Решетов, 1999); археолог, историк А. В. Збруева (Т. И. Оконникова, 2007); этнограф В. И. Иохельсон [С. Б. Слободин, 2004]; востоковед, историк С. Г. Кляшторный (П. К. Дашковский, 2015); этнограф, историк Р. Г. Кузеев (Е. Е. Нечвалода, 2013; И. Г. Петров, 2013; В. Г. Сафин, А. И. Фатхутдинова, 2013; Н. А. Томилов, 2013); археолог, этнограф Б. А. Куфтин (А. М. Решетов, 2000); археолог В. П. Левашова (В. В. Гайко, 2008); антрополог, этнограф, археолог М. Г. Левин (А. М. Решетов, 2004); археолог, историк Б. А. Литвинский (Л. А. Чвырь, 2013); археолог, этнограф, музеевед А. А. Миллер (А. М. Решетов, 2001); археолог, историк В. И. Молодин (Н. А. Томилов, 2018); этнограф, географ В. П. Налимов (А. И. Терюков, 1998); востоковед, филолог М. И. Никитина (Д. Л. Бродянский, 2000); археолог, историк, этнограф А. П. Окладников (Н. А. Томилов, 2008); этнограф, антрополог Б. Э. Петри (А. В. Жук, 2004; Л. Ю. Китова, 2004); археолог, этнограф, антрополог, географ С. И. Руденко (Г. Н. Гарустович, 2015; Т. Н. Глушкова, А. Р. Мухьяров, 2015; С. М. Киреев, 2015; Л. С. Марсадолов, 2015; В. И. Матющенко, 1995; А. Р. Мухьярова, 2015; А. А. Тишкин, 2015; А. А. Тишкин, О. Г. Лыжникова, 2000; А. А. Тишкин, О. Г. Шмидт, 2001; О. Г. Филиппова, 2015); археолог, историк А. П. Смирнов (А. В. Овчинников, 2010); археолог, историк В. И. Соболев (С. Н. Корусенко, Н. А. Томилов, 1999; Т. Н. Троицкая, 2008); археолог, историк, этнограф, востоковед С. А. Теплоухов (А. В. Жук, 2008; О. В. Игнатьева, 2008; Л. Ю. Китова, 2007; 2019; Д. О. Плахута, 2002); археолог и историк А. П. Уманский (М. А. Демин, 2015); археолог, историк Г. А. Федоров-Давыдов (И. Р. Нигаматзянов, 2013); археолог, историк А. Х. Халиков (В. В. Напольских, 2010); археолог, этнограф В. Н. Чернецов (В. В. Гайко, 2010; А. В. Головнев, 1996; А. В. Жук, 2005; О. В. Игнатьева, 2005; Д. О. Плахута, 2002); востоковед, этнограф, антрополог С. М. Широкогоров (С. С. Гаврилов, 2015; Е. М. Данченко, 2000; Н. В. Кочешков, 2000; А. М. Решетов, 2000; А. М. Певцов, 2000); этнограф, искусствовед Д. М. Щербаковский (Г. А. Станицына, 2008).

Обращает на себя внимание, что в приведенных списках ученых XX – первых десятилетий XXI в. треть из них были специалистами одновременно в археологии и этнографии, а некоторые еще и в антропологии или филологии. И эти ученые качественно проводили комплексные археолого-этнографические и, позднее, интеграционные этноархеологические исследования.

Ряд статей в серии имеет теоретико-методологический характер с историографической интерпретацией – например, о концепции Л. С. Клейна в определении статуса археологии в системе научного знания [Крепачков, 2002]; об историографическом осмыслении новых научных направлений [Герасимов, Горбунова, 2002]; об этнологическом направлении в советской археологии [Кениг, 1998]; о междисциплинарных исследованиях отечественных этнографов [Комарова, 2010] и др. В названной работе Г. А. Комаровой дается характеристика разработок междисциплинарных исследовательских подходов в 1960-е – 1990-е гг. в трудах московских, ленинградских / петербургских и казанских этнографов и антропологов. Отметим исследователь и интеграционные этноархеологические труды омских ученых, подчеркнув, что «...особенно важной и крайне необходимой представляется та большая и многогранная работа по сохранению и развитию междисциплинарного подхода в современной этнографической науке, которую постоянно ведут наши омские коллеги – известный российский этнограф Н. А. Томилов и его ученики» [Там же, с. 15].

Еще один блок составляют статьи по истории археологии и этнографии. Среди них: работы об археологии Сибири в трудах XVIII–XIX вв. [Эрлих, 1996]; о вкладе немецких ученых XVIII–XIX вв. в изучение археологии и этнографии Сибири [Борисенко, Худяков, 1996; 1999; 2002]; об изучении поздних археологических памятников на острове Врангеля с историографическим подходом [Бурыкин, 2004]; об археологических исследованиях семипалатинскими учеными и краеведами в 1870-е – 1920-е гг. [Жук, 2004]; об истории археологических работ на территории Томской области [Боброва, 1999]; об изучении археологических памятников нового времени на Среднем Енисее [Худяков, 1996]; об истории археологических исследований сибирских татар [Татауров, 2010]; об этноэкологических работах в районах

российского Севера с историографическими комментариями [Калабанов, 2004]; о становлении истории отечественной этнохореографии [Левочкина, 1997] и др.

В данном комплексе статей по истории науки и историографии в сферах археологии, этнографии и в целом истории есть несколько работ о научных центрах и школах. Сюда относятся статьи о функционализме в американской антропологии и этнографии XX в. [Просекова, 1996], об археологических и этнографических исследованиях в рамках киевской школы историков [Михальченко, 1995], о казанской этнографической научной школе [Зорин и др., 2010].

Ряд статей освещает становление и деятельность омского этноархеологического центра в 1990-е – 2010-е гг. [Томилов, 1996; 2018; Томилов и др., 2006; и др.], а также в целом направления исследований в российской этноархеологии [Корусенко, Тихонов, 2013]. Почти в каждом сборнике серии помещены статьи о предыдущих семинарах / симпозиумах «Интеграция археологических и этнографических исследований», но были и обзорные статьи об этих научных форумах за несколько лет [См., напр.: Томилов, 2008].

Часть опубликованных в серии докладов напрямую освещает темы по истории археолого-этнографических исследований, интеграции археологических и этнографических исследований и формированию этноархеологии. Есть статьи о первых интерпретациях археологических и этнографических материалов и сопряженности их друг с другом в XVI–XVIII вв. [Жук, 2010; 2018], об археолого-этнографических исследованиях в XIX – первых десятилетиях XX в. в Казахстане [Шалгынбай, 2007], о становлении и деятельности Кемеровского этноархеологического центра в 1980-е – 1990-е гг. [Илюшин, 2005], о проведении междисциплинарных исследований в этноархеологии и культурологии традиционных сообществ омскими учеными [Корусенко, Томилов, 2005] и др.

Непосредственно истории и историографии этноархеологии посвящены статьи об англо-американской этноархеологии [Кениг, 1997], об истории интеграции археологических и этнографических исследований в российской науке [Решетов, 1996], о развитии этноархеологии в российской науке в 1990-х – 2010-х гг. [Томилов, 2018] и др. Разработанная нами периодизация истории археолого-этнографических исследований в отечественной науке впервые была озвучена на IX Международном научном семинаре «Интеграция археологических и этнографических исследований», который работал в рамках IV Конгресса этнографов и антропологов России в сентябре 2001 г. в Нальчике, и опубликована в материалах этих двух форумов [Томилов, 2001а, с. 195; 2001б, с. 20–23].

Хронологически указанная периодизация охватывает эпоху российской науки от конца XVII в. до настоящего времени. Ее основные сущностные определения выделенных периодов археолого-этнографических исследований в самом обобщенном виде – это первоначально прямые сравнения археологических и этнографических материалов и соотнесение их с определенными народами, затем это выработка комплексного изучения археологических и этнографических источников и далее, вкупе с антропологическими и лингвистическими материалами в изучении этнической истории, – прежде всего этногенеза, а также культуры, социальных явлений и структур, – переход к уровню интеграционных исследований в сопряжении археологических и этнографических источников, методов и научных интерпретаций и создания нового научного направления – этноархеологии. Выступив на одном из наших симпозиумов, фактически постоянный их участник, петербургский этнограф и историограф А. М. Решетов высказал мнение, что этноархеология в нашей стране сложилась уже к 1920-м гг., т. к. в те годы российские ученые-энциклопедисты проводили междисциплинарные археолого-этнографические исследования и порой вкупе с антропологическими работами. И все же представляется, что необходимые условия – а это возрастание социальной потребности в этноархеологических знаниях с целью расширения и углубления исторических и культурологических познаний общества, накопление необходимого объема научных наработок этноархеологического плана, достижение определенного уровня дисциплинарной организованности в сложении сообщества этноархеологов и появлении первых этноархеологических научных центров, поиски путей подготовки этноархеологов в вузовской системе, – стали складываться в отечественной науке с 1970-х гг. и привели к середине 1990-х гг. к появлению этноархеологии как самостоятельного научного направления [Томилов, 2018, с. 17].

В завершение данного информационного обзора работ по истории и историографии археолого-этнографических исследований в отечественной науке по материалам вышеназванной серии отметим, что объем их достаточно значителен для подготовки обобщающих трудов по этой тематике и даже шире. С учетом публикаций о результатах конкретных исследований по этноархеологии в данной серии научных трудов, в серии томов «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума», в тематических сборниках научных статей разных российских научных цен-

тров, в монографиях и учебных пособиях можно ставить задачу подготовки обобщающего труда «Российская этноархеология».

Список источников и литературы

Боброва А. И. К истории исследования памятников II тыс. н. э. Томско-Нарымского Приобья и Причумылья // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – М. ; Омск, 1999. – С. 71–74.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Археологические и этнографические материалы о енисейских кыргызах в трудах немецких ученых XVIII–XIX вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований : материала IV Всерос. науч. семинара : в 2 ч. – Новосибирск ; Омск, 1996. – Ч. I. – С. 103–107.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение научного наследия немецких ученых XVIII–XIX вв. – исследователей сибирских древностей в Новосибирском государственном университете // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск ; Ханты-Мансийск, 2002. – С. 32–34.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение немецкими учеными XVIII–XIX вв. памятников культуры древних тюрков // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – М. ; Омск, 1999. – С. 66–68.

Бурькин А. А. Этноархеология острова Врангеля (вопросы историографии) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Алматы ; Омск, 2004. – С. 14–15.

Герасимов Ю. В., Горбунова Т. А. Историография и новые научные направления // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск ; Ханты-Мансийск, 2002. – С. 41–42.

Жук А. В. Организация археологических исследований в Семипалатинске в 1870 – 1920-е гг. // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Алматы ; Омск, 2004. – С. 9–10.

Жук А. В. Первые интерпретации археологического и этнографического материала Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Казань ; Омск, 2010. – С. 5–8.

Жук А. В. Первые опыты толкования археологического материала Сибири. Часть II. Георг-Вильгельм де Геннин (1665–1750) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Павлодар ; Омск, 2018. – С. 7–11.

Зорин А. Н., Рычкова В. Н., Столярова Г. Р., Яковлев В. И. Традиции и новации казанской этнографической школы (памяти Н. В. Зорина) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Казань ; Омск, 2010. – С. 8–10.

Илюшин А. М. Кемеровский центр этноархеологических исследований в конце 1980-х – середине 1990-х годов // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск, 2005. – С. 26–28.

Калабанов А. Н. Этноэкологическая проблематика в исследовании культуры аборигенов российского Крайнего Севера Сибири и Дальнего Востока (конец XX – начало XXI вв.): к историографии вопроса // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Алматы ; Омск, 2004. – С. 18–20.

Кениг А. В. Из истории становления англо-американской этноархеологии // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск ; Уфа, 1997. – С. 64–69.

Кениг А. В. Этногенетическое направление в советской археологии // Интеграция археологических и этнографических исследований : материалы IV Междунар. науч. семинара. – Омск ; СПб, 1998. – Ч. I. – С. 90–91.

Комарова Г. А. Междисциплинарные исследования в отечественной этнографии: грани интеграции // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Казань ; Омск, 2010. – С. 14–17.

Корусенко М. А., Тихонов С. С. Современная российская этноархеология // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. : в 2 т. – Иркутск ; Омск, 2013. – Т. 1. – С. 106–111.

Корусенко М. А., Томилов Н. А., Томилова В. С. Серийные издания Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского по археологии, этноархеологии, этнографии и культурологии // Библиографический указатель трудов ученых Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского. – Омск : ОмГУ, 2014. – Вып. 3. 1994–1998 гг. – С. 6–23.

Корусенко С. Н., Томилов Н. А. Этноархеология и культурология традиционных сообществ: Междисциплинарный подход (на материалах культур населения юга Западной Сибири) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск, 2005. – С. 18–22.

Крепаков Э. А. К вопросу о статусе археологии и ее положения в системе научного знания (критический анализ концепции Л. С. Клейна) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск ; Ханты-Мансийск, 2002. – С. 52–55.

Левочкина Н. А. К вопросу о становлении отечественной этнохореографии // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск ; Уфа, 1997. – С. 88–90.

Михальченко С. И. Этнографические и археологические исследования в деятельности киевской школы историков // Интеграция археологических и этнографических исследований : материалы III Всерос. науч. семинара. – Омск, 1995. – Ч. 2. – С. 62–64.

Просекова М. Н. Функциональный метод в американской философской антропологии и этнографии XX века // Интеграция археологических и этнографических исследований : материалы IV Всерос. науч. семинара. – Новосибирск ; Омск, 1996. – Ч. I. – С. 93–96.

Решетов А. М. Проблема интеграции этнографических и археологических исследований в свете истории науки // Интеграция археологических и этнографических исследований : материалы IV Всерос. науч. семинара. – Новосибирск ; Омск, 1996. – Ч. I. – С. 85–88.

Татауров С. Ф. История археологических исследований сибирских татар и проблемы этнической интерпретации // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск, 2010. – С. 27–31.

Томилов Н. А. Археолого-этнографическое направление в российской науке // IV конгресс этнографов и антропологов России. – М. : Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2001а. – С. 195.

Томилов Н. А. Археолого-этнографическое течение в российской науке // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Нальчик ; Омск, 2001б. – С. 20–23.

Томилов Н. А. Исследования российских этноархеологов в конце XX–XXI века (к 25-летию Омского этноархеологического центра) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Павлодар ; Омск, 2018. – С. 11–20.

Томилов Н. А. Международный научный симпозиум (семинар) «Интеграция археологических и этнографических исследований» (к 15-летию со дня основания) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Новосибирск ; Омск, 2008. – С. 35–60.

Томилов Н. А. Становление омского этноархеологического направления // Интеграция археологических и этнографических исследований : материалы IV Всерос. науч. семинара. – Новосибирск ; Омск, 1996. – С. 12–19.

Томилов Н. А., Бережнова М. Л., Корусенко М. А., Корусенко С. Н., Матвеев А. В., Смирнова Е. Ю., Татауров С. Ф., Татаурова Л. В., Тихомиров К. Н., Тихомирова М. Н., Тихонов С. С. Этноархеологические исследования русских и татар Тарского Прииртышья // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Красноярск ; Омск, 2006. – С. 13–28.

Худяков Ю. С. Изучение археологических памятников XVIII–XIX вв. на Среднем Енисее // Интеграция археологических и этнографических исследований : материалы IV Всерос. науч. семинара. – Новосибирск ; Омск, 1996. – Ч. I. – С. 100–103.

Шалгынбай Ж. Ж. Археолого-этнографические исследования в дореволюционном Казахстане (ретробибlioграфический обзор) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Одесса ; Омск, 2007. – С. 32–34.

Эрлих В. А. Археология Сибири в отечественных изданиях XVIII–XIX вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований : материалы IV Всерос. науч. семинара. – Новосибирск ; Омск, 1996. – Ч. I. – С. 107–111.

Томилов Н. А. <https://orcid.org/0000-0002-8105-0573>

Н. А. Томилов

*Россия, Омск, Институт археологии и этнографии СО РАН
Россия, Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского*

**25 ЛЕТ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ДЕЛУ И. А. КОЛЬЦА И МАСШТАБУ ИЗДАНИЙ ОМСКИХ
АРХЕОЛОГОВ И ЭТНОГРАФОВ**

В статье содержится характеристика деятельности омских издательств – Издательства Омского государственного педагогического университета, «Издатель-Полиграфист» и Издательского дома «Наука», руководителем которых на протяжении 25 лет является известный издатель И. А. Кольц. Приведены данные об изданиях по археологии и этнографии омских вузов и научно-исследовательских учреждений, в том числе список наиболее значимых монографий.

Ключевые слова: издательское дело, И. А. Кольц, археология, этнография, история.

N. A. Tomilov

*Russia, Omsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Russia, Omsk, Dostoevsky Omsk State University*

**25 YEARS OF THE PUBLISHING BUSINESS OF I. A. KOLTZ AND THE SCALE
OF EDITIONS OF OMSK ARCHAEOLOGISTS AND ETHNOGRAPHERS**

The article contains a description of the activities of Omsk publishing houses – the Publishing House of the Omsk State Pedagogical University, «Publisher-Polygraphist» and the Publishing House «Nauka», which have been headed by the well-known publisher I. A. Koltz for 25 years. Data on publications on archeology and ethnography of Omsk universities and research institutions, including a list of the most significant monographs, are given.

Keywords: publishing, I. A. Koltz, archeology, ethnography, history.

В 1997 г. в омском издательском деле произошли два важных события – приход на пост директора издательства Омского государственного педагогического университета историка Ивана Александровича Кольца [Маслов, 2011, с. 557] и создание им в июле нового учреждения «Издатель-Полиграфист». И позднее, а именно – в 2003 г., им был открыт (в том числе и по просьбе археологов и этнографов) еще и Издательский дом «Наука». И эти издательства за последние 25 лет внесли существенный вклад в выпуск научных и научно-популярных книг омских историков, в том числе археологов и этнографов, а также краеведов, культурологов и музееведов.

Содружество И. А. Кольца и его издательских учреждений с учеными Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (ИАЭТ СО РАН, до 2018 г. – Омского филиала ИАЭТ СО РАН и до 2006 г. – Омского филиала Объединенного Института истории, филологии и философии СО РАН) – заведующая лабораторией С. Н. Корусенко; Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (до 2014 г. – Сибирского филиала Российского института культурологии) – директор филиала И. А. Селезнева, и кафедры этнологии, антропологии, археологии и музееведения Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (ОмГУ) – заведующая кафедрой С. Н. Корусенко, было и остается существенно плодотворным и для науки, и для книжного дела Сибири.

Большим достижением учреждений И. А. Кольца является выпуск фундаментальных изданий, таких, как, например, «Энциклопедия города Омска» в четырех книгах в 2009–2011 гг.; «Красная книга Омской области» в 2005 и 2015 гг. (посвящена охране животного и растительного мира Омского Прииртышья); тома научной серии «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума» (2006–2016 гг.); номера журнала «Культурологические исследования в Сибири» (1999–2015 гг.); каталоги коллекций Музея археологии и этнографии ОмГУ в серии «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев» (2003–2010 гг.). Работа сотрудников издательств осуществляется на высоком профессиональном уровне как в научном редактировании, так и в техническом исполнении книг. Уместно упомянуть здесь и поблагодарить за такую прекрасную работу следующих сотрудников: редактора Людмилу Владимировну Новоселову, переплетчицу

Татьяну Владимировну Михееву и, как называет его директор издательства, «мастера на все руки» Дмитрия Игоревича Пермикина. И вот как тепло в 2007 г. написал об этом издательском коллективе журналист из Исилькуля Петр Репин: «Создается здесь атмосфера приветливости и доброжелательности. Во всяком случае для меня... Именно Иван Александрович и есть само издательство. Нет, конечно, я общаюсь и с другими работниками и знаю Светлану Иващенко, Юлию Неукрытую, Таню Михееву, Диму Пермикина, но все-таки главные вопросы мы решаем именно с Иваном Александровичем, сидя за чашечкой кофе, и решаем, как мне кажется, неплохо» [*Лейфер*, 2007, с. 14].

Первыми, изданными в 1997 г. издательством И. А. Кольца, книгами наших ученых были: работа Б. А. Конилова «Основы археологии Западной Сибири»; сборники научных трудов «Городская культура Сибири: история и современность» и «Проблемы культуры городов России». А всего вышеназванными издательствами в свет были выпущены подготовленные учеными трех вышеназванных учреждений 140 сборников научных трудов и около 40 монографий.

Рис. 1. И. А. Кольц (справа) с руководителем омской поисковой группы этноархеологов. Омск, 15 сентября 2021 г.

Известный и любимый омичами (в том числе и нами) писатель Александр Эрахмиэлович Лейфер опубликовал в нашем журнале «Культурологические исследования в Сибири» в 2007 г. статью «Издательство на ниве культуры», в связи с 10-летием издательского дела И. А. Кольца. И там он отметил: «Академик Н. А. Томилов, этнограф ... подсказал одну из капитальных и актуальных тем – освещение жизни народов, населяющих многонациональную Омскую область... Разве не нужная и благородная задача – хотя бы раз в год выпускать по одной книге, посвященной культуре, быту и истории того или иного прииртышского этноса?» [*Лейфер*, 2007, с. 12]. А на деле получилось так, что в издательствах И. А. Кольца мы ежегодно в среднем выпускаем в свет по 5–6 сборников и по 1–2 монографии (рис. 1).

Часть сборников – это материалы научных форумов, которые обеспечивали работу международного конгресса «Этническая история и культура тюркских народов Евразии», международных конференций «Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий», «Культура русских в археологических исследованиях», «Немцы Сибири: история и современность», «Творчество в археологическом и этнографическом измерении», международного симпозиума «Интеграция археологических и этнографических исследований», всероссийских конференций «Русский вопрос: история и современность», «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне», «Сибирское казачество: история и современность», «Катанаевские чтения», «Аношинские чтения» и др.

Из монографий по археологии и этнографии привожу (лишь в качестве примеров) следующие:

- Алисов Д. А., Бережнова М. Л., Жигунова М. А. [и др.] Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX веков (2003);
- Блинова А. Н., Чернова И. Н. Этнография семьи и детства немецкого населения Западной Сибири в XX – начале XXI века (2009);
- Жигунова М. А. Этнокультурные процессы и контакты русских Среднего Прииртышья во второй половине XX века (2004);
- Жук А. В., Тихонов С. С., Томилов Н. А. Введение в этноархеологию (2003);
- Золотова Т. Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX–XX вв.) (2002);
- Казанник А. И., Татауров С. Ф., Тихомиров К. Н., Томилов Н. А. Традиционно-бытовая природно-средовая культура народов Сибири, ее место в этнологии и этнической экологии (2008);
- Конииков Б. А. Археология в деятельности Западно-Сибирского Императорского отдела – Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (1877–2020 гг.) / отв. ред. Н. А. Томилов (2021);
- Корусенко М. А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв. (2007);
- Корусенко М. А., Смирнова Е. Ю., Татауров С. Ф. [и др.] Культура населения XVI–XIX веков как основа формирования современного облика народов Сибири (2005);
- Корусенко С. Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века (2011);
- Корусенко С. Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках (2007);
- Крих А. А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVI–XX века) (2012);
- Матвеев А. В. Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья (XIX – первая треть XX века) (2012);
- Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Бельгибаев Е. А. Мир таежных культур юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности) (2006);
- Татауров С. Ф., Татаурова Л. В., Тихонов С. С. [и др.] Археологические микрорайоны Западной Сибири: теория и практика исследований (2011);
- Татауров С. Ф., Татауров Ф. С., Татаурова Л. В., Тихонов С. С. Археологическая летопись земли Тарской (2019);
- Татаурова Л. В., Татауров С. Ф., Татауров Ф. С., Тихомиров К. Н., Тихонов С. С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веке (2014);
- Тихомирова М. Н. Культура питания татар Среднего Прииртышья: проблемы формирования этнокультурных связей (2006);
- Томилов Н. А. Этнокультурные процессы у татар Западной Сибири в XVIII–XIX веках (2011);
- Томилов Н. А., Ахметова Ш. К. Казахи аула Каскат: традиции и инновации в культуре казахского населения Западной Сибири (2013);

И последняя работа – это выпущенный Издательским домом «Наука» фундаментальный научный труд «Дозорная книга Тарского уезда 1701 года» в 3 томах (2020–2022).

В начале этой небольшой статьи в тексте применено ключевое слово «содружество». Так оно и есть – все эти 25 лет между издательским коллективом и его руководителем Иваном Александровичем Кольцом и учеными наших научных коллективов археологов, этнографов, историков культуры, культурологов и музееведов царят дружеские отношения, доверие, уважение к профессионализму и восхищение достигнутыми результатами в научной и издательской деятельности. Поздравляем наших дорогих издателей с 25-летием работы вашего коллектива под руководством И. А. Кольца и искренне желаем дальнейших значительных дел и успехов во славу сибирского книгоиздания. Всем здоровья, оптимизма, благополучия, многих радостей!

Список источников и литературы

- Лейфер А. Э.* Издательство на ниве культуры (к 10-летию Издательского дома «Наука») // Культурологические исследования в Сибири. – 2007. – № 1. – С. 11–15.
- Маслов Н. В.* Кольц Иван Александрович // Энциклопедия города Омска : в 3 т. – Омск : Издатель-Полиграфист, 2011. – Т. 3. Омск в лицах. – Кн. I. – С. 557.

Томилов Н. А. <https://orcid.org/0000-0002-8105-0573>

И. Хлахула^{1,2}

*Польша, Познань, ¹Университет Адама Мицкевича
Чехия, Старе Место, ²Центр изучения окружающей среды*

КОЧЕВНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА: РЕФЛЕКСИИ АЛТАЙСКИХ ПЕЙЗАЖЕЙ*

Территория Алтая является родиной цивилизаций раннего железного века, способствовавших крупному социально-экономическому и культурному развитию лесостепей Юго-Западной Сибири в позднедоисторическое и раннеисторическое время. Археологические данные, о которых свидетельствуют богатые курганы с захоронениями в вечной мерзлоте, свидетельствуют о социальной сложности и ремесленном мастерстве кочевого этноса. Древние памятники вместе с раскопанными votivными предметами дают прямое представление о прошлых естественных средах обитания и адаптации ранних популяций к высокогорным экосистемам, которые сохранились в измененных формах до настоящего времени. Этот географически маргинальный, но очень увлекательный и загадочный регион Внутренней Азии пережил в прошлом драматические геоморфологические процессы и серьезные экологические преобразования. Признаки этого развития наблюдаются в сохранившихся реликтовых ландшафтах высокогорий, плато и в открытых степях, составивших контекстуальный фон и основные окрестности поселений в период послеледникового заселения этих мозаичных местностей. Плоские террасы, образованные последними ледниковыми катаклизмами в процессе ледниковых озерных сбросов в основных долинах Катунь, Чуи, Аргута и Бухтармы, стали формами рельефа, наиболее интенсивно заселенного ранними скотоводческими сообществами. Схемы топографического положения пазырыкских погребальных комплексов, сосредоточенных в Горном Алтае, а также комплексов из Восточного Казахстана, Тувы, Хакасии и Западной Монголии указывают на в целом однородные заселенные ландшафты, предполагающие одинаковые природные адаптации с историческими этнографическими параллелями. Динамика климата голоцена сформировала современную конфигурацию экосистем Алтая на плейстоценовом ледниковом / гляцигенном рельефе. Выпас домашних животных (*точнее* скотоводство) и вырубка лесов были основными антропогенными факторами, предопределившими современное распространение горных степей наряду с прогрессирующей субсовременной аридизацией.

Ключевые слова: Алтай, рельеф, геоморфология, природные условия. железный век, скифы, культурная адаптация.

J. Chlachula^{1,2}

*Poland, Poznan, ¹Adam Mickiewicz University
Czech Republic, Stare Mesto, ²Environmental Research Centre*

MOUNTED PEOPLE OF THE IRON AGE: THE ALTAI LANDSCAPES REFLECTIONS

The territory of the Altai is a homeland of the early Iron-Age civilizations that fostered the major social-economic and cultural development in the SW Siberian parkland steppes during the late prehistoric and early historical times. The archaeological records evidenced by opulent burial mounds dug in permafrost provide witness of a social complexity and an artisanal mastership of the nomadic ethnics. The ancient monuments along with the unearthed votive items deliver direct insights on the past natural habitats and adaptations of the early populations to the high mountain ecosystems that persist in modified forms until present. This geographically marginal, yet highly fascinating and mysterious region of Inner Asia experienced rather dramatic past geomorphic processes and major environmental transformations. The indices of this regional development are seen in the preserved relic landscapes of the high mountains, the upland plateaus and the open steppes that formed the contextual background and the principal settlement surroundings during the post-glacial peopling of these mosaic settings. Elevated terraces formed during the last glacial cataclysmic glacial lake releases in the main Katun', Chuya, Argut and Bukhtarma valleys became the landforms most intensively occupied by the early pastoral communities. The patterned topographic positions of the Pazyryk burial complexes centered in Gorno Altai, along with those from the East Kazakhstan, Tuva, Khakasia and western Mongolia, point to the broadly biotically uniform inhabited landscapes presuming the same adaptations with the historical ethnographic parallels. The Holocene climate dynamics shaped the modern configuration of the Altai ecosystems over the Pleistocene glacial / glacigenic topography. Domestic animal grazing and deforestation were the main anthropogenic factors predetermining the present mountain steppe distribution along with the progressing sub-recent aridification.

Keywords: Altai, relief, geomorphology, natural settings, Iron Age, Scythian, cultural adjustment.

The territory of Gorno Altai and East Kazakhstan is part of the main Iron-Age civilization oikumene of southern Siberia that witnessed a major social-economic and cultural development during the late prehistoric

times. In the central and southern Altai area, this is archaeologically evidenced by rich burial mounds (log-barrow burials) of the Pazyryk Culture (6th to 3rd centuries BC) with mummified “royal” burials sealed in mountain insular permafrost, and by the western geographic expansion of the Scythian cultural elements. This unique and geographically marginal, yet highly fascinating and mysterious region of Inner Asia represents still an insufficiently investigated mountain territory because of the Kazakh-Russian-Chinese border zone (Fig. 1). The early (7th C. BC) royal kurgans at Arzhaal in Tuva indicate the origin and expansion of the early Scythian tribes to the Black Sea area from Inner Asia (Chugunov et al., 2003). The location and extent of the ancient Scythia varied over time, encompassing the Altai-Sayan region and adjacent parts of Mongolia, China and Kazakhstan across southern West Siberia, the Pontic Black-Sea steppes and North Caucasus to the lower Danube. In the Altai, some of the kurgans with massive larch tombs constructed under stone-slab cairns are of an earlier (Bronze-Age) date, assuming certain continuity in the prehistoric settlement. The circular burial mounds are analogous to the tomb mounds of western Scythian civilization in the present Ukraine indicating vital cultural links across vast (over 6000 km) steppe regions of Western Eurasia from the Altai to the Carpathians.

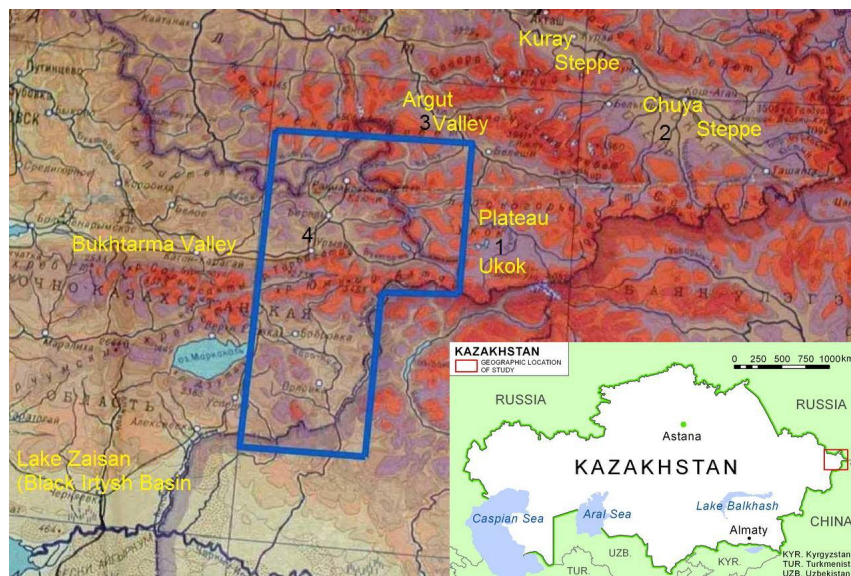

Fig. 1. Geographic location of the study area – South-Central Altai (East Kazakhstan and Gorno Altai, Siberia). The numbered locations refer to the particular archaeological locality photographs (Figs. 2–5).

A near 5,000-year existence of pastoral economy had significantly influenced the original Altai landscape structure and local ecosystems. Prior to formation of the Iron Age civilizations in the broader Altai region introducing horse-riding, the preceding Aeneolithic and Bronze-Age prehistoric ethnic groups based on pastoral economies (the Afanasievo, Andronovo-Karakol, the early Iron-Age pre-Scythian cultures pre-dating the Pazyryk culture) imposed an increasing pressure to pristine natural environments by clearing taiga forests for new pastures previously limited largely to flat grass-covered river terraces in the main river valleys. Further retreat of forests due to anthropogenic activities related to expansion of open lands and growing needs for wood (for both firewood and construction, including of burial larch chambers) is particularly assumed during the climax of the Iron-Age socio-economic development leading to formation of the Pazyryk cultural milieu. Mapping of the inhabitation area is particularly eloquent by the characteristic burial mounds with a typical circular stone layout located in various Altai geomorphic and topographic settings from open semi-deserts and parkland-steppes to valley grasslands and high-mountain plateaus.

This contribution discusses some results and perceptions from the 2000–2010 Quaternary investigation in the broader Altai area – Gorno Altai and East Kazakhstan, including an environmental archaeology field reconnaissance in the context of the most recent Pleistocene-Holocene geological history of this region (Chlachula 2001; 2010; 2019).

Quaternary geomorphology and geology background

The Altai (Russian Gorno Altai) is the major mountain system of southern Siberia (Belukha 4506 m asl.), adjoining in the south-east the Mongolian Altai through the Tabon-Bogdo-Ula massive (Nairamdal Mt. 4356 m). The southern (Kazakh) Altai, divided into several main mountain ranges, is its southernmost

extension connecting through the Tarbagatai Range (2992 m) and the Dzhundarskiy Alatau (4464 m) to the Tian-Shan Mountains. The broader Altai area (Fig. 1) has a complex Quaternary history with environmental transformations reflected by intensive geomorphic processes related to the past global climate evolution in conjunction with the regional neotectonic activity forming the contextual geomorphic and geology background for the prehistoric and early historic human settlement. The topographic relief of the Altai Mountains was repeatedly shaped by glaciations accompanied by intensive fluvial erosion and gravity slope processes in mountain valleys, with the best-preserved landforms dating to the last glacial (24-10 ka BP). Retreat of wasting mountain glaciers during the final deglaciation stages caused the latest outbursts of ice-dammed waters in the main Central Altai drainage basins of the Chuya and Katun Rivers, with the most recent in 15-13 ka BP (Rudoy 1998; Reuther et al., 2006), forming a spectacular system of glacio-fluvial terraces developed as a result of cataclysmic openings of these proglacial lakes located in intermountain (1500–2000 m asl) depressions (Chuyskaya and Kurayskaya steppes).

Analogous glacial basins with the characteristic terrace landforms, representing the principal Iron-Age (pre-)Scythian occupation settings (9th–3rd C. BC), have been mapped in the western part of Gorno Altai in the Argut, Koksu and Dzhazator River valleys (the Samakha Lake) associated with retreat of the wasting glaciers in the Katun Range, and the Bukhtarma basin filled by the Southern Altai glaciers in East Kazakhstan. These last glacial processes created most suitable geomorphic natural conditions for the subsequent Holocene pastoralist inhabitation of the Central / Southern Altai area.

Marked Final Pleistocene – Holocene climatic changes are evidenced by regional variations in temperature and humidity evident in geological and archaeological records. Following the Holocene Atlantic climatic optimum, the later regional climate has experienced an increased continentality and aridity leading to establishment of the present forest-steppe in the foothills and semi-desert in the mountain and continental depressions. The sedimentary (sand / loess) deposits are in most of the Central and Southern Altai basins rather thin because of the intensive erosional aeolian deflation that continues until the present time. Changes in the landscape sediment cover have apparently underwent throughout most of the Holocene resulting in some places in massive accumulations of aeolian sands of active barchan dune fields such as in the lower Bukhtarma Basin and the spectacular sand dune fields in the Zaisan Basin (Fig. 1) potentially burying and re-exposing the Iron-Age and other archaeological records.

Overall, the present geography of the Altai area provides witness of a complex landscape development triggered by past climate change and regional tectonic activity (Chlachula 2001; 2010). The diverse geological and geomorphic context of the mapped Iron-Age archaeological monuments and the inhabited paleo-landscapes subjected to Holocene environmental transformations (such as an increased top-surface cover erosion and sediment-replacement) may be used as proxy tools for mapping the human ecology and culture-historical evolution in the broader Altai region during the last 3000 years. The strongly continental climate (with winter temperatures down to -60°C on the Ukok Plateau, Fig. 2) pre-required a solid year-round adaptation of the (pre)-historic people to the Altai mid- and late Holocene mountain environments.

Fig. 2. Plateau Ukok (2200–2600 m asl.), Gorno Altai, facing Tabon-Bogdo-Ula Range (4356 m asl.). A high-mountain habitation area of the Iron Age Scythian civilization and place of the famous burial mounds of the Pazyryk Culture placed in permafrost. (Fig. 1, locality 1).

The Geo-environmental context of the Iron-Age occupation

A pilot environmental archaeology field reconnaissance in the peripheral border area of Gorno-Altai – East Kazakhstan (2005–2007) mapped as a part of complex Quaternary studies resulted in documentation of new prehistoric and early historical localities (occupation locations, kurgans, *stelae* and petroglyph sites) completing the previous data on spatial (geographic, topographic and geo-environmental) distribution of the Holocene pastoralist cultures in this mountain territory. The investigated area is geographically delimited by the southern Altai foothills and the adjoining steppes of the Bukhtarma and Zaisan Basins in the West and South, resp. (Fig. 1). In the North, the area is defined by the Southern Chuya Range (4003 m asl.) and the Argut valley, and by the Chuya and Kuray Basins in the East and NE, resp. The entire region includes all topographic and vegetation zones of the Altai with specific climatic and environmental ecosystems that likely did not much differ during mid-Holocene from the present ones.

Fig. 3. A ritual and burial site with burial mounds on the Chuya Steppe (1950 m asl.) with rock engravings depicting lifestyles of the Altai Iron-Age pastoralist groups (*Fig. 1, locality 2*).

The cultural sites are exposed on the present surface in the open mountain-steppe settings at an altitude from 700 m asl. (the Bukhtarma River Basin) to 2000–2500 m asl. (the Kosh-Agach Basin / Plateau Ukok, Gorno Altai). The broad geographic range of the burial mound and petroglyph (rock-engravings) site distribution reflects the former habitation area of the Iron-Age pastoralist communities throughout most of the topographic zones of the Altai (700–2500 m asl). The recorded archaeological localities represented by kurgans more or less visible on the present surface originate from diverse geographic settings, but mainly from top of the last glacial (glacio-)fluvial terraces. The relatively high numbers and formal differences in structural elements provide evidence of a multiple inhabitation of the investigated territory by bearers of the prehistoric and early historic kurgan cultures. The sites mapped, aside from the main river valleys, in most marginal geographic and environmental settings further attest to an intensive occupation of the broader Altai area including high-mountain and alpine-tundra habitats, and attest to adaptation to the local mountain and steppe environments.

Fig. 4. Remains of a stony cairn of a robbed burial mound in the Argut valley, Gorno Altai, on the lower glacio-fluvial terrace (1280 m asl.). (Fig. 1, locality 3).

Based on the archaeological records (burial mounds, stone-stelae / “kamennye baby” and rock-engravings / petroglyphs), the Iron-Age (the Scythian and the following ethics) inhabited a wide range of geomorphic settings throughout a topographic gradient range of 700–2600< m asl. The most intensively occupied geomorphic and ecological niches were intermountain basins (Chuya, Kuray and Samakha Steppes in Gorno Altai at altitude ca. 1750–2200 m asl.) and (glacio-)fluvial terraces at the lower reaches of the main Central and Southern Altai drainages – the Katun’, Argut, Chuya and Bukhtarma Rivers, respectively, at altitude of 1000–1900 m asl.) (Figs 4–5). Also terminal alluvial fans overlying the terrace formations best-observed in the upper Katun valley (ca. 1500–1800 m asl.), rocky ramparts representing erosional fragments of the granitic bedrock along the margins of the river valleys (e. g., Malyy Yeloman), and high mountain Altai plateaus, particularly Ukok (2200–2600 m asl.), representing a unique natural habitat.

Fig. 5. The Scythian “royal” burial mounds with a massive circular stone sealing of large green schist blocks extracted from the nearby exposed bedrock placed in fine-grained silty clay sediments of the flat Bukhtarma valley floor (1100 m asl.). Artificially created permafrost was aimed to allow for preservation of the human burials. (excavation by Z. Samashev 2005).

Fig. 5 B-C. A view of the “royal” burial mounds in the Bukhtarma valley, East Kazakhstan. Excavated burial chamber including mummified human and animal (horse) remains.

Fig. 2B. Rock-engravings (detail).

Fig. 5 B-C. A view of the “royal” burial mounds in the Bukhtarma valley, East Kazakhstan. Excavated burial chamber including mummified human and animal (horse) remains.

The kurgans of the Pazyryk culture relate to various environmental settings and geo- contexts – in glacio-lacustrine sediments on Plateau Ukok, in compact to massive sandy-gravel deposits on top of glacio-fluvial terraces of the main Altai river valleys and fine-grained alluvial silty-clays of the present Altai valley-floodplains. Cultural evidence of shallowly buried Iron-Age sites displays a uniform geomorphic location pattern of the burial mound distribution in most arid, semi-desertic areas of Central-Southern Altai. Burial mounds found either in isolation or in groups throughout the investigated area associated with top

surfaces of the Late and Final Pleistocene glacio-fluvial terraces at elevations of 80–100 m, 50 m and 30–40 m, and low (5–10 m) terraces above the present floodplains of small tributary mountain valleys (Tarkhaty, Dzhazator, Koksus, Karagem) are the most frequent. Large circular burial-mounds recorded on top of highest terraces near Uryl, East Kazakhstan (ca. 200 m above the present floor of the Bukhtarma River), attest to land-use of the Iron-Age people within the wide range of the local topographic gradient far above of the main occupation area within the flat river basins, representing the geomorphic relics of the final recessional events of the glacial lake drainages.

The geological structure of these relic glacial landforms of unsorted massive gravelly deposits with granitic boulders exposed on the top land surface provided a prolific material for construction of a kurgan stone cairn sealing overlying wooden log chambers of the Pazyryk (and later) burials, particularly those of the highest social status placed in permafrost. The high mountain plateaus (Ukok) are still locally underlain by a perennial, though due the global warming presently degrading permafrost. There is an intriguing question if the regularly-formed natural polygons up to 10 m in diameter representing periglacial features, particularly developed on the Plateau Ukok, may have inspired the circular stone-cover arrangements on top of the burial barrows. Another question is to what degree the Scythian and preceding cultural groups inhabiting the Gorno Altai area were influenced in their unique burial practices and religious beliefs by the harsh mountain cryogenic environment on the Plateau Ukok (2200–2600 m asl.) persisting since the last glacial and allowing for preservation of buried mummified human and animal bodies (mainly horses). Finally, to what degree the Ukok was regularly inhabited by people (because of prolific year-round grass pastures) or if the plateau was frequented just because of the unique conditions as a place of superior burials of the Pazyryk people and for ritual purposes as witnessed by numerous petroglyphs on the local gneissic rock walls. Except for using the natural permafrost, permanent frozen conditions were artificially created at lower elevations (1100 m asl.) documented in the “Kings’ Valley – the upper Bukhtarma river basin near Berel’ (East Kazakhstan) (Fig. 5) with burial chambers dug in soft fine-grained silty / clayey sediments 3–4 m deep filled by subsequently frozen water to form permafrost lenses in otherwise unfrozen geological bedrock. The presence of larch logs used for inside tomb framing suggests a more extensive distribution of taiga forests that during the following periods and/or transport of large larch logs to the tree-less uplands such as the Plateau Ukok that presently represents a remote pristine wilderness of open grasslands.

Summary and Conclusion

The geographical area of Central and Southern Altai has experienced major environmental transformations and rather dramatic past geomorphic processes observed in the preserved relic landscapes in both the mountain and steppe regions forming the contextual background and the environmental settlement habitat during the Holocene occupation history. Glacial terrace formations in the main mountain valleys with modern river floodplains represented the most intensively occupied natural settings inhabited by the Altai prehistoric and early historic pastoral communities, including the (pre-)Scythian inhabitation. The topographic and geomorphic contextual distribution of the Iron-Age burial-mounds and other cultural sites corresponds well to the analogous (paleo)landscape patterns from the neighboring areas of southern Siberia (Tuva and Khakasia) and Mongolia. Reconstruction of the Holocene climate dynamics that shaped the topographic relief and ultimately governed the present mosaic configuration of the Altai ecosystems – together with the main anthropogenic activities (animal grazing and deforestation) – is essential for understanding the process and environmental conditions of the prehistoric and early historical peopling of this unique territory.

References

- Chlachula, J. (2001). Pleistocene climates, natural environments and palaeolithic occupation of the Altai area, west Central Siberia. In *Lake Baikal and Surrounding Regions* (S. Prokopenko, N. Catto and J. Chlachula, Guest Editors), *Quaternary International* 80–81, 131–167.
- Chlachula, J. (2010). Pleistocene climate change, natural environments and Palaeolithic peopling of East Kazakhstan. In *Eurasian Perspectives of Environmental Archaeology* (J. Chlachula and N. Catto, Editors). *Quaternary International* 220 (1–2), 64–87.
- Chlachula, J. (2019). Environmental context of the prehistoric occupation of the Southern Altai (SW Siberia – East Kazakhstan). *Archaeological and Anthropological Sciences* 11(5), 2215–2236.
- Chugunov, K., Parzinger, H., Nagler, A. (2003). Der skythische Fürstengrabbügel von Arzhan 2 in Tuva. Vorbericht der russisch-deutschen Ausgrabungen 2000–2002. *Eurasia Antiqua* 9, 113–162.

Reuther, A. U., Herger, J., Ivy-Ochs, S., Borodavko, P., Kubik, P. W., Heine, K. (2006). Constraining the timing of the most recent cataclysmic flood events from ice-dammed lakes in the Russian Altai Mountains, Siberia, using cosmogenic in situ ^{10}Be . *Geology* 34/11, 913–916.

Rudoy, A. N. (1998). Mountain ice-dammed lakes of southern Siberia and their influence on the development and regime of the intracontinental runoff systems of North Asia in the Late Pleistocene. In: Benito, G., Baker, A. V., Gregory, K. J. (Eds.), *Palaeohydrology and Environmental Change*. John Willey & Sons, pp. 215–234.

Примечания

*Текст статьи публикуется в авторской редакции.

В. Я. Шумкин

Россия, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ В РЕКОНСТРУКЦИИ
ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА ***

*Если Россия не займется изучением своей древнейшей старины,
то она не исполнит своей задачи как образованного государства.*

Дело это уже перестало быть народным: оно делается общечеловеческим

Карл Максимович (Карл-Эрнест) Бэр (1792–1876)
(русс. пер. П. И. Лерха [Цит. по: РА ИИМК. Ф. 1. 1865. № 15, л. 4]).

Этнографическое изучение населения Русской Лапландии началось значительно ранее археологического и вплоть до начала XX в. превалировало и даже подчиняло своим задачам и интересам. Положение изменилось с середины прошлого века, когда археологические работы активизировались в результате исследований А. В. Шмидта, Б. Ф. Землякова, Н. Н. Гуриной. К началу XXI в. археология, оснащенная современными естественно-научными методами, в содружестве с антропологией и палеогенетикой, заняла лидирующие позиции в реконструкции древней истории местного населения. И это вполне естественно, поскольку археология, как одно из подразделений исторической науки, изучающая, в основном, древнейшие, дописьменные этапы развития человечества, обогащенная современными научными методами, приобретает приоритетное значение в данных вопросах. Хотя обе дисциплины являются историческими, они имеют разные объекты и субъекты изучения, поэтому взаимодействие на разных этапах менялось, а ныне все более ослабевает.

Ключевые слова: Лапландия, этнография, школы, археология, история, развитие, результаты изучения.

V. Ya. Shumkin

Russia, Saint Petersburg, Institute for the History of Material Culture RAS

**HISTORIOGRAPHICAL ASPECTS OF THE INTERACTION OF ARCHEOLOGY
AND ETHNOGRAPHY IN RECONSTRUCTION
ANCIENT HISTORY OF THE POPULATION
OF THE KOLA PENINSULA**

*If Russia does not study its ancient antiquity,
then it will not fulfill its task as an educated state.*

This matter has already ceased to be popular: it is becoming universal

Carl Maksimovich (Karl-Ernest) Baer (1792–1876)
(Russian translation by P. I. Lerkh, cit. by: RA IHMC. F. 1. 1865. No. 15, L. 4).

Ethnographic study of the population of Russian Lapland began much earlier than the archaeological one, and until the beginning of the twentieth century prevailed and even subordinated its tasks and interests. The situation has changed since the middle of the last century, when archaeological work intensified as a result of the research of A. V. Schmidt, B. F. Zemlyakov, N. N. Gurina. By the beginning of the XXI century, archaeology, equipped with modern natural-scientific methods, in cooperation with anthropology and paleogenetics, took a leading position in the reconstruction of the ancient history of the local population. And this is quite natural, since archaeology, as one of the divisions of historical science, studying mainly the oldest, pre-written stages of human development, enriched with modern scientific methods, acquires priority in these issues. Although both disciplines are historical, they have different objects and subjects of study, so the interaction at different stages has changed, and now it is increasingly weakening.

Keywords: Lapland, ethnography, schools, archeology, history, development, results of study.

Если отвлечься от упоминаний о самой северной материковой Европейской окраине, именуемой Лапландией, куда составной частью входит и наша современная Мурманская область, в трудах древних авторов: Тацита (I в. н. э.), Птолея (II в. н. э.), Геродота (V в. н. э.), Прокопия Кесарийского и Иордана (VI в. н. э.), Павла Диакона (VIII в. н. э.), норвежского мореплавателя Оттера (IX в. н. э.), Саксона Грамматика (начало XIII в. н. э.), содержащих отрывочные и не всегда достоверные

сведения, тем не менее, имеющие историографическую ценность, то первым основательным трудом по описанию этой территории следует признать изданную в 1673 г. знаменитую «Лаппонию» Иоганна Шеффера, моментально переведенную на почти все европейские языки.

В России интерес к этой своей северной окраине, к ее местному населению, появляется с создания в 1724 г. Санкт-Петербургской Академии наук. Уже в 1727 г. ею была направлена экспедиция профессора Людовика Делиля де ла Круайера, посетившая остров Кильдин, Колу, Ковду, Кереть. Его рукописный «Дневник путешествий по Московии в 1727–1729 гг.» до сих пор не опубликован (в 1745 г. была издана только карта Российской Лапландии); он содержит описания хозяйства и быта местного населения. Далее последовали академические экспедиции И. И. Лепехина (1771–1772 гг.) и его ученика Н. Я. Озерецковского (1773 г.). В это же время в России сведения о «лопарях» встречаются у Терарда Миллера в «Описании разных народов Российской империи» (1773), Иоганна Георги в «Описании всех обитающих в Российском государстве народов» (1776). Существенный вклад в изучение саамов внес швед Матиас Кастрен, описав свои поездки (1833, 1838, 1938) на озеро Инари (Сонгельский погост), в Колу и Кандалакшу. Но это все были лишь разрозненные заметки, зарисовки быта и нравов аборигенного населения Кольского полуострова.

Основоположником научного подхода вообще, к доисторическому прошлому России, стал академик Карл Максимович (Карл-Эрнест) Бэр (1792–1876). Его метод к археолого-этнографическому исследованию России можно назвать эколого-культурным. Причем, это было осмыслено тогда, когда сам термин «этнография» еще не «привился» в России, да и термин «археология» не всеми приветствовался. Собственно и археология Кольского полуострова взаимодействовать в ту пору с начинающей «выкристаллизоваться» этнографией не могла, поскольку ее еще не было.

А этнография, особенно на Западе, после выхода в свет труда Чарльза Дарвина «Происхождение видов» (1859), бурно развивалась и даже в теоретическом направлении. Так сформировался «**эволюционизм**», основоположником которого стал Э. Б. Тайлор (1832–1972), «**диффузионизм**» – основатель Ф. Ратцель (1844–1904). Вскоре появились «**социологическая школа**» с Эмилем Дюркгеймом (1858–1917) и «**функционализм**» А. Радклиффа-Брауна (1881–1955). В Америке возникла «**американская школа**» исторической этнологии с основоположником Ф. Боасом (1858–1942).

Первым профессиональным отечественным этнографом, изучавшим народ саами, стал Н. Н. Харузин (1865–1890), издавший в конце XIX в. обширную монографию [Харузин, 1890]. Публикацию встретили очень хорошо, однако многое в ней было заимствовано от И. Шеффера и не чувствовалось знакомства или даже влияния новых современных концепций этнографических направлений; правда, в работе наблюдается робкая попытка применить метод комплексного изучения с использованием данных смежных дисциплин.

После смерти Харузина в 1890 г. наступило некоторое затишье, прерванное появлением работ и статей мурманского краеведа, исследователя истории и культуры саамов Кольского полуострова В. К. Алымова (1883–1937) и профессионального этнографа В. В. Чарнолусского (1894–1969). Председатель губернского статистического бюро В. К. Алымов, лучший в то время знаток коренного населения края, не только всемерно содействовал сохранению этнической, хозяйственной и духовной самобытности саамов, организационно способствовал их изучению, но и сам выступал в роли исследователя, оставив оригинальные работы по традиционным формам организации хозяйства и культовым памятникам. Особенно важна роль В. К. Алымова в создании в конце 1920-х гг. Общества изучения Мурманского края, объединившего в своем составе краеведов Мурманска. В 1927–1928 гг. Общество издавало «Доклады и сообщения», посвященные анализу традиционных форм саамского хозяйства (озерное рыболовство и оленеводство), путям их укрепления, а также вопросам изучения самобытной материальной и духовной культуры аборигенов. Оказывал Алымов и значительную помощь археологам, как знаток аборигенных традиций и культовых мест. Последовавшие вскоре необоснованные аресты по надуманному «саамскому делу» и В. В. Чарнолусского, и В. К. Алымова привели к заключению и длительному отрыву от профессии первого и гибели второго, по сути, прервав эту сферу деятельности в крае.

А в это время в остальной России наращивает силы «**советская этнография**» с ее главными теоретиками и практиками В. Г. Богоразом, С. А. Токаревым, Ю. В. Бромлеем, Н. Н. Чебоксаровым, С. А. Арутюновым, Л. Н. Гумилевым, правда их взгляды на свою науку нередко отличались и, порой, значительно. Несомненно, что больший исторический период отечественной этнографии проходил под воздействием тех школ и направлений, которые были выработаны почти за столетие в зарубежной науке, особенно «эволюционизма», наиболее подходившего к марксистско-ленинскому учению, но были и собственные, оригинальные идеи. Некоторые из этих «светил»

упоминали в своих творениях и народность саами, но отдельных работ по их образу жизни, верованиям, самосознанию практически не было.

Только в начале 70-х гг. XX в. выходит в свет фундаментальный труд Т. В. Лукьянченко (1932–2016), посвященный материальной культуре саамов [Лукьянченко, 1971]. А в самом конце прошлого века в Санкт-Петербурге была издана работа Л. В. Хомич, посвященная материальной и духовной культуре саамов Кольского полуострова [Хомич, 1999]. Они были написаны отличными специалистами в духе парадигмы «советской этнографической школы» и отражали все ее достоинства и недостатки. Данные уже крепнущей Кольской археологии они использовали выборочно и эпизодически. Конечно, были и другие исследователи, которые включали в свои статьи и книги [Киселев, 2000] этнографические абзацы и даже разделы с этнографической тематикой, например, блестящие мурманские краеведы И. Ф. Ушаков (1921–2002) и А. А. Киселев.

Интерес к первобытной истории Русского Севера был стимулирован в 40-х гг. XIX в., помимо уже упомянутой работы, великолепными статьями академика Бэра [Baer, 1844, p. 70–79] о каменных лабиринтах. Сообщения об обнаружении других «местных древностей» были результатом случайных сборов, «дарений» и предназначались, в основном, для разных выставок. Первые сведения о каменных орудиях на Кольском полуострове относятся к октябрю 1866 г. и принадлежат архангельскому археологу Р. М. Комповскому [Комповский <Р. М.>, 1876, с. 28]. Последующие сообщения антрополога Александра Кельсиева о подобных находках носили лишь описательный характер.

Следующее двадцатилетие (1908–1927 гг.) можно условно назвать «скандинавским этапом» изучения древностей Восточной Лапландии, который связан с именами Хальштрема, Итконена, Хакмана, Кампмана, Йессинга, Таннера, Пяльси. Данные исследователи много сделали для прояснения истории своих стран, но на российской территории их изыскания, хотя и были плодотворны, имели, как правило, нерегулярный, эпизодичный характер.

И вот в этой «разреженной» археологической атмосфере появилась вдруг замечательная фигура, сыгравшая значительную роль в изучении первобытной истории края. Энциклопедически образованный, уже успевший проявить себя как опытный археолог, известный востоковед и финно-угровед Алексей Викторович Шмидт в 1928 г. возглавил Антрополого-этнографический отряд Кольской экспедиции АН СССР, созданный для полевых исследований могильника, расположенного на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря. Выбор руководителя работ и объекта исследования, безусловно, превзошел все ожидания. Небольшой отряд (4 человека) в тяжелых климатических условиях заполярного июня провел раскопки на самом современном, для тех лет, научном уровне. Через год методично, комплексно, с привлечением антрополога, палеоботаника, палеозоолога были обработаны все материалы и опубликованы [Шмидт, 1930]. Это стало событием в изучении древней истории всей Лапландии. После этого ученый, к сожалению, больше не возвращался в Мурманский край. А в 1933 г. он был вторично арестован и умер во время следствия в 1935 г. Оставив глубокий след своими, пусть однолетними, исследованиями Мурмана, Алексей Викторович Шмидт заслужено, по своему вкладу, признается основоположником Кольской археологии.

Оставшиеся довоенные годы можно назвать «геологическим этапом» в изучении Русской Лапландии, поскольку они связаны с исследованиями геологов Гавриила Горещкого и Бориса Землякова [Земляков, 1940, с. 107–143], которые имели геоморфологическое и историческое образование и основательную полевую археологическую подготовку. Вооруженные этими знаниями, они оставили существенный след в изучении Кольской доистории, установив факт заселения региона уже в раннем голоцене. Эти исследования были очень важны для развития археологии на Севере России. На основании геологических данных разработана относительная хронология памятников полуострова Рыбачий, не потерявшая своего значения до настоящего времени [Там же].

После окончания Великой Отечественной войны (1946–1948 гг.) начинает работать Кольская археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) АН СССР (ныне – ИИМК РАН) под руководством Н. Н. Гуриной. Была поставлена задача сплошного обследования полуострова (в первую очередь – его побережья) на предмет выявления памятников всех периодов каменного века и эпохи раннего металла. Возобновленные в 1969 г. исследования Кольской археологической экспедиции ЛОИА – ИИМК РАН (начальники – Н. Н. Гурина, В. Я. Шумкин и Е. М. Колпаков, с участием в полевых работах антропологов, озероведов, ботаников) с тех пор не прерывались. Их целью было планомерное археологическое исследование Кольского полуострова, включая широкомасштабные разведки и раскопки ключевых памятников. Были открыты [Шумкин, Отчет о работе...; Shumkin, 1990, p. 53–66] первые петроглифы Чальмн Варрэ на реке Поной в центральной части полуострова. Благодаря привлечению данных геологии и геоморфологии и совместной работе со специалистами естественных наук, прежде всего – с Борисом Ивановичем Кошечкиным

(1931–1995), была построена относительная хронология памятников, основанная на их расположении относительно уровня моря, позже подкреплённая серией радиоуглеродных датировок. Итогом многолетних работ стала концептуальная реконструкция развития материальной и духовной культуры, а также систем хозяйствования древнего населения Кольского полуострова [Гурина, 1971, с. 289–299].

В процессе становления и развития этнографии и археологии Кольского полуострова эти две родственные исторические дисциплины прошли разные стадии взаимодействия: от первоначального почти полного взаимного игнорирования, т. к. сначала первая опережала в практическом и теоретическом планах, потом обе «приглядывались» к арсеналу и выводам друг друга, а когда вторая накопила объём материала, то стала все больше эксплуатировать разработки этнографии, нередко пускаясь в поиски далеких аналогий в ее арсенале, пока археологи не осознали, что первобытный человек далеко отстоит от людей даже Средневековья, и сравнения должны быть не прямыми и очень осторожными. К тому же, археология, помимо выработки собственной теоретической базы, все активнее обогащается естественно-научными методами, постепенно уходя с позиций «истории, вооруженной лопатой», поскольку с самого своего зарождения была «кровно» связана с геологией, минералогией, почвоведением (недаром ведь появилась «**геоархеология**», которая, по сути, уже не чисто гуманитарная дисциплина). Этнография же постепенно движется в сторону **культурологии**, а иногда некоторые специалисты даже отходят и от ее принципов, соблазняясь пустыми надуманными «искусками» эзотерики. Так что общим полем взаимодействия этих двух наук со временем останутся только культурно-историческое наследие и музейное пространство.

Список источников и литературы

Гурина Н. Н. Археологические памятники Кольского полуострова // Природа и хозяйство Севера. – Апатиты : [б. и.], 1971. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 289–299.

Земляков Б. Ф. Арктический палеолит на севере СССР // Советская археология : сб. ст. – М ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. – Вып. 5. – С. 107–143.

Киселев А. А. Записки краеведа. – Мурманск : Мурманское кн. изд-во, 2000. – 336 с.

Комповский <Р. М.> Чудское кладбище близ заштатного города Колы Архангельской губернии // Тр. Антропологического отд. Протоколы заседаний отд. (с 3 ноября 1865 г. по 13 мая 1875 г.). М. : [б. и.], 1876. – Кн. 2. – Вып. 1. – С. 27–28. – (ИОЛЕАЭ ; т. XX).

Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX–XX вв. – М. : Наука, 1971. – 168 с.

РА ИИМК РАН (Фонды Научного архива Института истории материальной культуры). – Ф. 1. 1865. – № 15.

Харузин Н. Н. Русские лопари (Очерки прошлого и современного быта). – М. : Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1890. – 472 с. – (ИОЛЕАЭ ; т. LXVI. – Тр. Этнографического отд. ; т. X.).

Хомич Л. В. Саамы. – СПб. : Просвещение, 1999. – 92 с.

Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сб. : Тр. антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. – Л.: АН СССР, 1930. – С. 119–169. – (Материалы комиссии экспедиционных исследований ; вып. 23. Сер. «Северная»).

Шумкин В. Я. Отчет о работе Понойской группы КАЭ ЛОИА АН СССР в 1973 г. // Архив ИИМК РАН. – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 40. – 28 с.

Baer E. Uiber labyrinth-formige Steinsetzungen in russischen Norden // Bulletin de la classe historico-philologique de L'Academie des sciences de S. Peterbourg, 1844. – Т. I. – P. 70–79. (на фр. яз.).

Shumkin V. Ya. The rock art of Russian Lappland // Fennoscandia Archaeologica. VII. – Helsinki, 1990. – P. 53–67. (на англ. яз.).

Шумкин В. Я. <https://orcid.org/0000-0002-3141-7218>

Примечания

*Статья подготовлена в рамках выполнения государственной программы ФНИ ГАН: «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012).

Результаты практических работ в области интеграции исторических дисциплин, в том числе – археологии, этнографии, а также других гуманитарных и естественных наук и исторические реконструкции

УДК 39

Е. К. Абеуова

*Республика Казахстан, Павлодар,
НАО «Павлодарский педагогический университет», Margulan Centre*

КУЛЬТОВЫЕ ОБЪЕКТЫ БЕСКАРАГАЯ

В верованиях казахов как XIX в., так и XXI в. культ предков занимает особое место. В его основе лежат представления о том, что души умерших существуют не только в нашей памяти, но и с небес влияют на предопределение людских судеб. Таким образом, на психическом уровне духи предков наделяются вполне осязаемой сакральной силой.

Аруахи (духи предков) – бессмертны и священны. А если они еще были религиозными деятелями то, несомненно, на региональном уровне обретали сакральную значимость и были особо почитаемые.

В представленной статье речь пойдет как раз о таком регионе, где основная концентрация культовых объектов принадлежит религиозным деятелям, миссионерам ислама на территории Прииртышья. По итогам научных исследований зафиксированы 6 культовых объектов и произведена их научная фиксация.

Ключевые слова: Прииртышье, Бескарагай, культ святых, кожа (ходжа), сакральная география.

E. K. Aбеuova

Republic of Kazakhstan, Pavlodar, NAO «Pavlodar Pedagogical University», Margulan Centre

CULT OBJECTS OF BESKARAGAI

In the beliefs of the Kazakhs of both the XIX and XXI centuries, the cult of ancestors occupies a special place. It is based on the idea that the souls of the dead exist not only in our memory, but also from heaven influence the predestination of human destinies. Thus, at the psychic level, the spirits of the ancestors are endowed with quite tangible sacred power.

Aruahi (ancestral spirits) are immortal and sacred. And if they were still religious figures, then, undoubtedly, at the regional level they acquired sacred significance and were especially revered.

In the presented article, we will talk about just such a region where the main concentration of religious objects belongs to religious figures, missionaries of Islam on the territory of the Irtysh region. According to the results of scientific research, 6 cult objects were recorded and their scientific fixation was carried out.

Keywords: Irtysh region, Beskaragai, cult of saints, khojah, sacred geography.

Одной из главных достопримечательностей Павлодарской области являются ленточные боры. На песчаных массивах Прииртышья таких боров пять. Свое название «Бескарагай» территория нашего исследования получила благодаря этим пяти лесным массивам реликтового ленточного бора. Они продолжаются до Алтайских гор и переходят в Кулундинскую степь.

Территория Бескарагая на сегодняшний момент включает два района Павлодарской области (Щербактинский и район Аккулы) и территорию Бескарагайского района Восточно-Казахстанской области. В границах Павлодарской области здесь расположен государственный лесной природный резерват «Ертіс орманы» (с казахского – «Иртышский лес»).

Данный уникальный природно-исторический ландшафт издревле привлекал человека не только наличием строительных и кормовых ресурсов, но и в качестве благоприятного места обитания, что подтверждается наличием большого количества памятников истории и культуры.

Впоследствии ленточные боры не утратили своей роли и имели большое значение в хозяйственной и религиозно-культурной жизни населения правобережья Иртыша в XVIII–XX вв., однако эта часть истории региона исследована крайне скудно и описана в основном в краеведческой и публицистической литературе.

С 2018 по 2021 гг. в ходе проведения историко-этнографической экспедиции Margulan Centre Павлодарского педагогического университета (ППУ) автором зафиксирован ряд сакральных объектов, играющих ключевую роль в истории и культуре не только данного региона, но и Прииртышья в целом; часть из них была включена в карту сакральных объектов Павлодарской области.

В процессе осуществления научных исследований на всех выявленных сакральных объектах историко-культурного наследия составлена учетная документация, включающая в себя топографический план, ортофотоплан и фотографии натурального изображения объекта, с подробным научным описанием.

В ходе работы с местным населением были опрошены информанты: Машенов Кисамиден, Рахметов Ермек, Нурумова Гульнар, Кусаинова Аклима, Шакаров Базарбай и др. На основе опроса собран материал по следующим религиозным деятелям: Сейтказы кажы, Иммаммади баксы, Ахат мулла, Шакар кажы и Нурекен кажы, которые являлись местными просветителями и пропагандистами ислама, учениками и сподвижниками Габдул-Уахит хазрета.

Габдул-Уахит хазрет – религиозный деятель второй половины XIX – первой половины XX в. В 1873 г. обучался в медресе «Мир-Араб» города Бухары, и в 1888 г. вернулся в родные края, получив духовный титул «хазрет». Титул «хазрет» присуждается религиозным деятелям высокого уровня и присваивается только одному из сотен тысяч учеников медресе «Мир-Араб» [Хасенов, 2005, с. 254].

В родных краях Габдул-Уахит Тиленшиулы, работая имамом и учителем в мечети, проповедовал ислам и обучал детей грамоте. В последние годы своей жизни на юго-востоке села Арбиген он построил мечеть в местности «Келдикыз», где продолжил свою деятельность. Габдул-Уахит хазрет умер в 1926 г. и похоронен в местности «Келдикыз», где и расположен его мавзолей.

Объект № 1. Мавзолей Габдул-Уахит хазрета. Объект расположен на территории старинного казахского кладбища в глубине бора вблизи п. Арбиген Щербактинского района Павлодарской области. Современный мавзолей построен в 2012 г. на месте старого сооружения, которое было частично повреждено лесным пожаром.

Сооружение представлено двухкупольным мавзолеем, сложенным из желтого силикатного кирпича, высота куполов составляет 9 и 12 м. Вход выполнен в виде высокого П-образного портала, в нише которого заключены изречения на арабской графике.

Объект № 2. Мавзолей Шокман кожа находится недалеко от аула Шоктал Шакинского сельского округа района Аккулы Павлодарской области. Надмогильное сооружение представляет собой строение подквадратной формы, сложенное из силикатных кирпичей; мавзолеем увенчан металлическим куполом, окрашенным в голубой цвет, на котором крепится полумесяц. Фасадная часть мавзолея представлена арочным проемом. Вход в мазар оформлен коваными дверями. На внешней стене закреплена гранитная табличка с информацией о погребенном человеке: «Естемирнұрым Алдамжарұлы Шоғман кожа 1881–13.05.1947 руы күлік». С трех сторон мавзолея имеются арочные оконные проемы, в которых установлены стеклопакеты.

Внутри мавзолея, с правой стороны от входа, имеется одиночное захоронение, представленное одноступенчатым надгробием из силикатного кирпича. Пол в мазаре выложен брусчаткой и застелен коврами. Около надгробия имеется металлический ящик для пожертвований.

С левой стороны от мазара установлен памятный камень с изображением полумесяца и информацией о погребенном. На территории мазара имеются беседки, помещение для отдыха и проведения поминальных обедов, колодец, хозяйственные навесы для омовения и приготовления пищи.

Шокман кожа был представителем седьмого поколения мулл кожа. Его предки были не обычными людьми – они лечили людей, в том числе от бесплодия, изгоняли злых духов («жын») из людей, помогали при психических расстройствах. Шокман кожа являлся целителем и продолжал благое дело своих предков.

Объект № 3. Мазар Шакау муллы расположен на родовом кладбище уаков с. Есильбай Щербактинского района. Надмогильное сооружение представляет собой строение подквадратной формы, сложенное из силикатных кирпичей в виде ограды «торткулак». Торцовая часть ограды имеет декоративный портал, в верхней части которого, в нише, установлена гранитная плита в виде раскрытой книги – Корана. На страницах священной книги выгравированы изречения арабской графикой. В нижней части портала установлен камень из баянаульского гранита с информацией о погребенном: «Тәнжанұлы Айтмұхамбет Шакау молла 1895–1961 руы күлік – Шобалбай. Ескерткіш қоюшылар Тәнжан ұрпақтары 2018 ж.».

Ограда имеет металлический купол из нержавеющей стали, на котором крепится полумесяц. Углы ограды выполнены в виде колон с острыми навершиями пирамидальной формы. Внутри ограды имеется одиночное захоронение, представленное двухступенчатым надгробием из силикатного кирпича.

Шакау мулла из рода кулик, шобалбай был целителем, лечил людей от разных болезней. Является учеником Габдул-Уахит хазрета.

Объект № 4. Мазар Мергалым ата расположен на кладбище с. Мергалым района Аккулы Павлодарской области. Место захоронения Мергалым ата представлено оградой прямоугольной формы, где могильный холм обложен невысокой кладкой из белых мраморных плит. У изголовья могилы установлен объемный гранитный бюст с оплечным изображением Мергалым ата, опирающегося на трость. Справа, на нижней части бюста, высечена информация о погребенном: «Кабдуллин Мергалым Сыныкшы руы Жансары 1935–1986». На левой стороне бюста есть эпитафия.

Могила огорожена кованой оградой, окрашенной в серебряный цвет. На металлической ограде имеются свидетельства обряда поклонения в виде белых тряпичных платков, оставленных паломниками.

Мергалым Мухтариханұлы родился в 1935 г. в с. Корт Майкарагайского сельского округа Лебяжинского района. За 51 год жизни 40 лет Мергалым ата посвятил костоправству, помогая в лечебных целях людям. К нему за помощью приезжали со всех регионов Республики Казахстан и зарубежья [*Кайыров, Абенова, 2020, с. 50*].

На сегодняшний день с целью почитания памяти святого и поклонения ему люди посещают его могилу, просят здоровья и исцеления для себя и своих близких.

Объект № 5. Место захоронения Сары байбише находится в 5 км от аула Баимбет, в 15 км от аула Шоктал Шакинского сельского округа района Аккулы Павлодарской области. Могила Сары байбише огорожена металлической оградой подквадратной формы, окрашенной в белый цвет. Главная часть ограды представлена в виде высоких ворот, увенчанных полумесяцем. На могиле Сары байбише установлена стела из гранита. Верхняя часть стелы украшена высеченным на ней полумесяцем. В центральной части стелы вставлена черная гранитная табличка с информацией о погребенной «Сары Байбише Уак Жансары» с изображением мечети.

На стеле имеются свидетельства поклонения в виде обвязывания ограды лоскутами белого материала и монет.

Территория памятника благоустроена, имеется цементная тропинка, ведущая к могиле, колодец, помещения для омовения и для проведения поминального обеда.

Для ветви Жансары рода уак Сары байбише является святым человеком, которая обладала многими дарами, такими, как ясновидение, «жауырыншы» (предсказывание по бараньей лопатке – «жауырын»), целительством. Согласно преданиям, кочевья рода уак находились в устье р. Иртыш, и во времена джунгарских и калмыцких нашествий уаки понесли большие потери. Когда началось великое кочевье родов, как и многие другие, чтобы сохранить свой род, ветвь Жансары рода уак оставляет свои родные места и начинает двигаться в сторону гор Кокшетау, после – в сторону Баянаула и в конце, как говорят информаторы, по предсказанию Сары байбише они находят пристанище на открытой поляне посреди соснового бора, ныне называемого «Баимбет алаңы», где позже она и была погребена.

Сакральность данной местности связана с ее историей; до сегодняшнего дня баранья лопатка Сары байбише («жауырын») хранится у ее потомков как предмет духовного наследия.

Объект № 6. Мавзолей Темиргали Нурекенова расположен на родовом кладбище с. Есильбай Щербактинского района. Место захоронения представлено в виде ограды прямоугольной формы из белого известняка. Ограда имеет объемный фасад, напоминающий форму купольного мавзолея с колоннами. Высота колонн достигает 4,20 м. В верхней части фасада латинской графикой находится имя погребенного «Temirgaly» и изображение полумесяца. На фасаде есть декоративные ниши, богато украшенные казахским орнаментом «кошкар муйиз». В одной из ниш установлена гранитная табличка с информацией о погребенном: «Темиргали Туйтеулы Нурекең тегі 1856–1919 жж. Руы жансары уак».

Место захоронения Темиргали бая является семейно-родовым кладбищем, которое вмещает в себя более 10 захоронений родственников. Территория памятника выложена брусчаткой и огорожена невысоким забором.

Темиргали Туйтеулы Нурекенов из рода жансары уак был депутатом Государственной думы Российской империи II созыва от Семипалатинской области, занимался благотворительностью, совершил хадж в Мекку. Помог религиозному деятелю Габдул-Уахит хазрету открыть мечеть и медресе и, тем самым, способствовал распространению ислама и развитию грамотности местного населения.

В заключение хотелось бы отметить, что собранный материал и обработка данных показали огромную значимость вышеперечисленных религиозных деятелей в общественной и духовной жизни обследованной территории. Описанная практика обрядовой деятельности на культовых объектах Бескарагая имеет местные отличительные признаки, в отличие от официальной доктрины ислама, и удовлетворяет эмоциональные потребности населения в непосредственной связи

со сверхъестественными силами. Данные объекты выполняют функции посредников между Богом и человеком, выступают как покровители локальных общин, родоплеменных подразделений, в нашем случае – рода уак. Их функциональное назначение – места паломничества для удовлетворения прошений или обретения благодати.

В результате научных исследований автором был зафиксирован тот факт, что паломники обращают к святым свои мольбы о ниспослании здоровья, потомства, благополучия в доме, хорошего урожая, дождя и т. п.

На сегодняшний день инфраструктура культовых сооружений разрастается усилиями потомков святых и при поддержке местных властей и меценатов: для паломников строятся гостевые домики, для жертвоприношений обустраиваются отдельные места, по дороге к святым местам устанавливаются дорожные указатели и информационные щиты.

Список источников и литературы

Кайыров Е. М., Абенова М. К. Қасиетті Қазақстан : энцикл. – Алматы : Изд-во «Полиграфкомбинат», 2020. – Т. 4. – 221 с.

Хасенов Н. Х. Өткеннен ұлағат, үмбетке мұрағат. – Павлодар : ҒӨФ «ЭКО», 2005 – 453 с. (на казах. яз.).

Абеуова Е. К. <https://orcid.org/0000-0002-6088-3322>

В. Н. Адаев¹, П. Л. Карась²

*Россия, Тюмень, ¹Тюменский научный центр СО РАН
Россия, Тюмень, ²Тюменский государственный университет, Институт наук о земле*

ЛАНДШАФТНАЯ ПРИУРОЧЕННОСТЬ СВЯЩЕННЫХ МЕСТ НЕНЦЕВ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ ЭТНОАРХЕОЛОГИИ

Предлагается объединить в рамках этноархеологического исследования усилия этнографии и сакральной географии. Цель – установить специфические черты географических объектов, которые почитаются ненцами в качестве священных мест, выявив таким образом отличительные культурные особенности для этой этнической общности. Для возвышенностей такими специфическими чертами стали их заметность на большом расстоянии, узнаваемые очертания и наличие острой вершины. Для камней – пространственная обособленность, существенная высота и местонахождение у воды. Для озер – значительные размеры, двусоставная форма и наличие островов. Характерным для ненцев является также существование географических объектов-заместителей главных святилищ; они, как правило, имеют сходный внешний облик, расположены на существенной дистанции и значительно меньше размером. Начатая работа имеет серьезные перспективы развития как в этноархеологическом, так и в этнографическом направлениях.

Ключевые слова: сакральная география, этнические признаки, традиционные верования, коренные народы Севера.

V. N. Adaev¹, P. L. Karas²

*Russia, Tyumen, ¹Tyumen Scientific Centre SB RAS
Russia, Tyumen, ²Tyumen State University, Institute of Earth Sciences*

LANDSCAPE LOCALITY OF THE NENETS SACRED PLACES IN THE CONTEXT OF THE ETHNOARCHAEOLOGICAL STUDIES

It is proposed to combine both ethnographic and geographical approaches within the ethnoarcheological study. The purpose of the work is to establish features of geographic objects revered by the Nenets people as sacred places, thus identifying some distinctive cultural characteristics of this ethnic group. The mountain's and hill's features are their high visibility from a long distance, easily recognizable outlines and an acute vertex. The stone features are a spatial detachment, significant height and locality close to water. The lake features are a significant size, two-part structure and presence of islands. Some geographic objects that function as substitutes for the main sacred places are also characteristic of the Nenets. As a rule, such a substitute has a similar appearance with a main sacred place but is located at a significant distance and has a smaller size. The started study has good chance for development both in ethnoarchaeological and ethnographic context.

Keywords: sacred geography, ethnic distinctive features, traditional beliefs, indigenous peoples of the Russian North.

Одним из перспективных направлений развития этноархеологических исследований представляется привлечение к междисциплинарному диалогу и других областей науки, в частности, географии. Речь в данном случае идет о такой отрасли, как сакральная география, которая является составной частью культурной географии. В работе реализованы возможности междисциплинарного объединения для исследования ландшафтной приуроченности священных мест ненцев. Публикация в значительной мере базируется на сведениях, собранных сотрудниками Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (ТюмНЦ СО РАН) в ходе экспертных работ по объектам культурного наследия ненцев на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО).

В области археологии наиболее близко к поднимаемой теме стоят исследования средневековых культовых памятников, где на базе обширных данных делаются попытки классифицировать древние святилища, в том числе – с учетом их ландшафтной привязки. Ряд таких работ касается непосредственно территории проживания ненцев [Багин, 2000; Барышев, 2011; Мурыгин, 1996; Шутова, 2018]. То есть, уже имеется поле конкретного приложения наших полевых материалов (ПМ) к территориально и хронологически близким археологическим данным. Этим практическая значимость исследования не исчерпывается: думается, что некоторые выводы и ключевые положения могут оказаться полезными для широкого круга коллег-археологов, занимающихся изучением древних культовых мест.

Важная отправная точка состоит в том, что священные места – это не просто яркие маркеры этнической идентичности, но и носители этнодифференцирующих признаков, обусловленных не в последнюю очередь ландшафтной спецификой почитаемых объектов. Опираясь на возможности этнографии и географии можно попытаться установить некие типы географических объектов с присущими им ключевыми особенностями, которые являются характерными / предпочтительными для конкретной этнической группы. На базе этого в дальнейшем появляется возможность прогнозировать, какие из урочищ на другом ареале проживания той же этнокультурной общности могут быть выделены ей из окружающего ландшафта в качестве сакральных. Возможна и обратная последовательность: выявленная область распространения определенного типа почитаемых географических объектов может помочь в установлении исторических границ проживания определенной общности. В этом отношении вполне очевидна значимость разрабатываемой темы для археологической дисциплины. В то же время, немаловажно, что данные аспекты еще не рассматривались целенаправленно и на этнографическом материале. То есть, специалисты по этнографии тоже открывают здесь для себя интересную область изучения.

На сегодняшний момент известны отдельные работы, в которых использовался обозначенный подход для изучения закономерностей в географической привязке культовых мест [См., напр.: Паранина, Паранин, Субетто, 2009; Шутова и др., 2009]. Однако упомянутые исследователи не ставили целенаправленной задачи выработать более-менее универсальный алгоритм для применения их материалов в отношении археологической проблематики и не привлекали в серьезной мере ресурс этнографии.

В объективе данной работы находятся почитаемые природные объекты одного из северных народов Западной Сибири, ненцев, населяющих природные зоны тундры и лесотундры. Среди географических объектов, пользующихся почитанием у ненцев, наиболее значимую информацию удалось получить по трем категориям: возвышенности, отдельно стоящие камни и озера. Конечно, стандартным и хорошо известным признаком для сакрализуемого объекта являются некие яркие внешние черты, выделяющие его из общего окружения: большие размеры, необычная форма или цвет, обособленное расположение, какие-то аномальные характеристики и пр. В данном случае наиболее интересно сочетание этих параметров с какими-то дополнительными, более детальными особенностями.

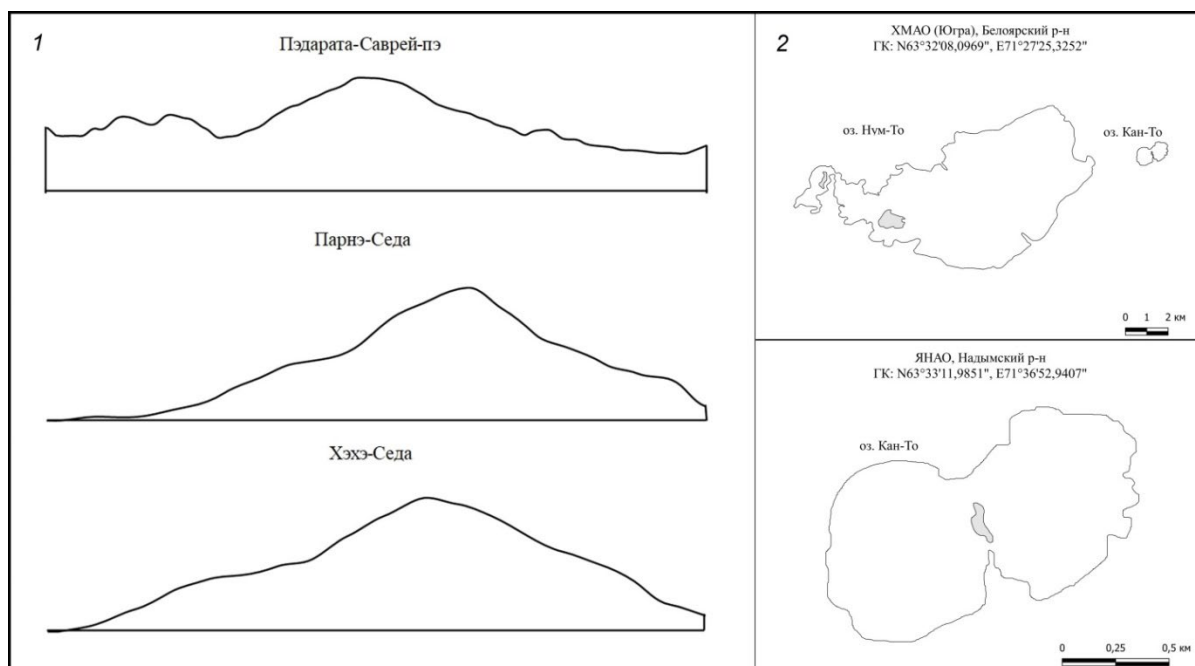

Рис. 1. Почитаемые географические объекты ненцев

Возвышенности. Представлены в основном горами, скальными выступами и сопками. Почитаемые объекты, как правило, характеризуются тем, что видны на дальнем расстоянии и имеют узнаваемые очертания. В последнем отношении интересно, что в практике ненцев Байдарацкой тундры распространенным приемом ориентирования во время пурги или в сумерках является определение своего местонахождения по силуэту гор – *пэ-саир* [ПМ Адаева В. Н., 2016]. Оленеводы хранят

в памяти очертания большого количества возвышенностей в районе своих кочевий, причем они помнят контуры горного профиля, наблюдаемого с разных ракурсов. Нередко в этих очертаниях они угадывают вполне конкретные образы. Такое «считывание» внешнего образа географических объектов можно квалифицировать как устойчивую традицию; неслучайно в составе ненецких топонимов распространено употребление слова «раха» – «похожий».

В качестве показательного примера можно привести священное место Хада-пэ («Старушка камень»), расположенное в северо-западной части Полярного Урала. Фактически это масштабный культовый комплекс, включающий три горы: Константинов Камень, М. и Б. Манясей. В представлении ненцев М. Манясей являет зримый образ богини Пэ-мал Хадако, едущей на нартах (или ее трехступенчатый чум) – именно здесь оленеводы совершают главные жертвоприношения. Гора Б. Манясей – это передовой олень из упряжки богини, а Константинов камень – ее нарты для перевозки чума. Возможность лицезреть священную возвышенность подчас выходила далеко за пределы физической видимости объекта. По рассказам, кочевавшие в Тазовской тундре ненцы Ямкины приносили жертвы горе Хада-пэ, когда она «миражировала» летом [Там же], – речь, очевидно, идет о явлении верхнего миража, распространенного в полярных широтах.

При этом святилище богини Пэ-мал Хадако символически связано с другими почитаемыми возвышенностями Полярного Урала. Хада-пэ является важнейшим из трех главных ненецких святилищ Урала (два других – Пэдарата-Саврей-пэ и Хэхэ-пэ), связанных с почитанием верховного небесного божества Нума. Все три святилища приурочены к местным самым приметным вершинам, которые видны на большом расстоянии. Посещение любого из них символически означает и посещение другого: «Все эти священные места связаны между собой. Если на Саврей не можешь пойти, можешь прийти на Хада-пэ. И обряды проводятся одинаковые, и требования одинаковые. Хэхэ-пэ – это тоже часть этого места» [Там же]. Кроме того, у Хада-пэ, Пэдарата-Саврей-пэ и Хэхэ-пэ имеются в низинной части Байдарацкой тундры священные места-заместители (*хэбидя ям' пыдана*), на которых приносят жертвы те люди, которые не могут добраться до главных святилищ. Ненецкий этнограф Г. П. Харючи предложила, в связи с этим, термин – «филиаль» главных святилищ [Харючи, 2014, с. 299]. Важнейшее замечание, сделанное одним из информантов: это не просто заместители священных мест, а похожие по форме их уменьшенные двойники [ПМ Адаева В. Н., 2016]. То есть – небольшие скальные выступы, напоминающие очертанием священные горы, их уменьшенные проекции. По сути, они являются пространственно-удаленными жертвенниками главных святилищ.

Объединяющей чертой для многих почитаемых ненцами возвышенностей является наличие острой вершины (рис. 1/ 1). Для самых островерхих холмов в ненецком языке есть специальный термин *нибяреха сохо* («подобная игле сопка»). В словаре Н. М. Терещенко по поводу них сделан комментарий, что это те места, «на которых обычно ставили идолов и приносили жертвы» [Терещенко, 1965, с. 487]. Обращает на себя внимание также слово *саврэй* в названии священного места Пэдарата-Саврэй-пэ. Хотя известный специалист по уральским топонимам А. К. Матвеев выдвигал версию о возможном происхождении слова от хантыйского *совыр-кев* – «заячий камень» [Матвеев, 1984, с. 33–34], в общении с современными полярно-уральскими оленеводами неоднократно приходилось слышать, что это ненецкое слово *саурэй* и его можно перевести как «остроконечный» [ПМ Адаева В. Н., 2000; 2016]. Во всяком случае, оно употребляется по отношению к нескольким местным горным вершинам, внешний вид которых полностью этому соответствует. Одной из трактовок, почему островерхие возвышенности пользуются особым вниманием у ненцев, может быть их очевидное сходство с чумом, в результате чего объекты воспринимаются в качестве жилища сверхъестественных существ. Хорошей иллюстрацией к этому может служить эпизод из жизни лесных ненцев, свидетелем которого стал один из авторов статьи. Более молодой ненец интересовался у старшего товарища, могло ли быть священным местом увиденное им ранее необычное сосредоточие сопкок. Собеседник расспросил, как выглядели холмы, и заключил, что три стоящие рядом сопки конической формы напоминают издали стойбище, поэтому такое место вполне может быть священным [ПМ Адаева В. Н., 2014].

Отдельно стоящие камни. По данному виду объектов удалось зафиксировать лишь несколько значимых характеристик. Помимо изначально обозначенной пространственной обособленности камня, типичной чертой является его существенная высота, а также нередкая локализация на берегу водоема. Примерами здесь могут служить священное место Сада-пэ («Болотный камень») в Приуральском районе, несколько почитаемых камней в окрестностях оз. Нум-то, а также каменный выступ на святилище Хада-пэ, который воплощает в себе фигуру богини Хадако, набирающей воду из озера. Последний объект расположен на северо-западном берегу оз. Манясейто и представляет собой наклоненный в сторону водоема камень в форме почти правильной четырехугольной призмы.

Озера. Яркие характерные черты здесь были выявлены на основе изучения традиционных представлений, касающихся одной из главных святынь ненцев – оз. Нум-то («Небесное озеро» или «Божье озеро») и ассоциируемых с ним водоемов. Отправной точкой стало то, что у Нум-то, расположенного в пределах Белоярского района Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО), была малоизвестная тезка – соединенная протокой пара озер в Туруханском районе Красноярского края. В настоящее время они называются по-русски Б. и М. Советское. Известно, что еще в начале XX в. туруханские озера посещались ненцами, которые совершали там жертвоприношения, позднее водоемы пользовались почитанием у проживавших неподалеку селькупов и эвенков [Туголуков, 1974, с. 60].

Объединяющими чертами для западного и восточного Небесных озер были: 1) выдающиеся большие размеры, рыболовная значимость и потенциальная опасность для людей (сильное волнение воды летом, дезориентирующие бураны зимой); 2) двусоставная форма – очертания в форме восьмерки или соединение двух водоемов протокой; 3) наличие в акватории нескольких островов; 4) нахождение на границе расселения народа, в результате чего священный водоем приобретал межэтнический статус.

У Нум-то, похоже, были свои объекты-заместители. Первый из них доподлинно выявлен, в подтверждение существования второго есть серьезные аргументы. Первое озеро, Кан-то («Божий дар»), расположено в 2 км восточнее Нум-то. Оно небольшое, почти в 10 раз меньше своего соседа. У его берегов в недавнем прошлом находилась стоянка паломников, приезжавших к Нум-то с севера и востока. Прибывшие находились здесь в течение нескольких дней, морально готовясь к посещению главной святыни. Некоторые из них в итоге ограничивались жертвоприношением на Кан-то, так как боги «не допускали» их дальше [ПМ Адаева В. Н., 2014]. Фактически Кан-то выступало своеобразной малой моделью главного святилища. Это проявлялось и в выполняемых функциях, и в физических характеристиках: озеро повторяло широтную протяженность Нум-то, имело ярко выраженную двусоставную форму, и в центре его находился остров (рис. 1/ 2). Второй возможный объект-заместитель главного святилища – одноименное оз. Нум-то, расположенное близ верховьев Правой Хетты и Седэяхи в средней части Надымского района ЯНАО. Озеро около 2 км в поперечнике, никаких этнографических данных по поводу него пока не собрано. Тем не менее, привлекают внимание очень громкое ненецкое название водоема, наличие соединенного с ним протокой другого озера и удаленное расположение от главного Нум-то. В то же время, судя по имеющимся картматериалам, четко выраженных островов там нет.

В целом, поднятая в данной работе тема весьма перспективна и требует дальнейшей разработки. Прежде всего – целенаправленного сбора полевых материалов, касающихся описания внешнего облика и символики почитаемых географических объектов со стороны представителей различных этнических общностей Западной Сибири.

Список источников и литературы

- Багин А. Л. Средневековые святилища Европейского Северо-Востока VI–XIV вв. : дис. ... канд. ист. наук. – Сыктывкар, 2000. – 283 с.
- Барышев И. Б. Языческие святилища острова Вайгач. – М. : Ин-т наследия, 2011. – 320 с.
- Матвеев А. К. От Пай-Хоя до Мугоджар. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1984. – 272 с.
- Мурыгин А. М. Средневековые святилища Печорского Приуралья // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». – Пермь, 1996. – С. 61–64.
- Паранина Г. Н., Паранин Р. В., Субетто Д. А. Северный лабиринт – отражение арктического пространства и времени // Изв. РГО. – 2009. – Т. 141. – Вып. 6. – С. 66–75.
- ПМ Адаева В. Н., 2014 (Надымский р-н ЯНАО); 2000 и 2016 (Приуральский р-н ЯНАО).
- Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. – М. : Советская энцикл., 1965. – 942 с.
- Туголуков В. А. Эвенки бассейна реки Турухан // Социальная организация и культура народов Севера. – М., 1974. – С. 58–81.
- Харючи Г. П. Обрядовая практика на священных местах ненцев // Культура Арктики. – Якутск, 2014. – С. 291–301. – (Культура Арктики ; вып. 1).
- Шутова Н. И. Общие и особенные черты священных мест Урала и Среднего Поволжья эпохи средневековья // Уральский ист. вестн. – 2018. – № 1. – С. 109–117.
- Шутова Н. И., Капитонов В. И., Кириллова Л. Е., Останина Т. И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2009. – 290 с.

Адаев В. Н. <https://orcid.org/0000-0001-7355-2007>

Карась П. Л. <https://orcid.org/0000-0002-3034-5734>

Ш. К. Ахметова¹, И. В. Толпеко²

*Россия, Омск, ¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Россия, Омск, ²Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского*

**СЛЕДЫ АРХЕОЛОГИЗАЦИИ НАДМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ НА КАЗАХСКИХ
КЛАДБИЩАХ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ**

На протяжении двух десятков лет авторами проводится изучение погребального обряда казахов Омского Прииртышья. В ходе работ были исследованы десятки кладбищ, что позволило выйти на рассмотрение вопросов периодизации казахских некрополей и эволюции погребального обряда. В их решении большую роль играет анализ надмогильных сооружений. В Омском Прииртышье они представлены объектами различных форм, размеров и степени сохранности. Исследования позволили определить их информационный потенциал и возможности изучения конструкций на разных этапах существования. Для полностью разрушенных объектов был разработан свой алгоритм исследования, часть которого представлена в данной работе. В результате для ряда надмогильных сооружений удалось проследить стадии от целостного комплекса до его окончательного разрушения. Наиболее полная картина поэтапной деградации была получена для оград из сырцового кирпича.

Ключевые слова: Среднее Прииртышье, казахи, погребальный обряд, кладбища, могилы, надмогильные сооружения.

Sh. K. Akhmetova¹, I. V. Tolpeko²

*Russia, Omsk, ¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Russia, Omsk, ²Dostoevsky Omsk State University*

**TRACES OF ARCHEOLOGY OF TOMB STRUCTURES IN THE KAZAKH CEMETERIES
OF THE REGION OF MIDDLE IRTYSH REGION**

For two decades, the authors have been studying the funeral rite of the Kazakhs of the Omsk Irtysh region. In the course of the work, dozens of cemeteries were investigated, which allowed us to consider the issues of periodization of Kazakh necropolises and the evolution of the funeral rite. The analysis of tombstone structures plays an important role in their solution. In the Omsk Irtysh region, they are represented by objects of various shapes, sizes and degrees of preservation. The research allowed us to determine their information potential and the possibilities of studying structures at different stages of existence. For completely destroyed objects, a special research algorithm was developed, part of which is presented in this paper. As a result, for a number of grave structures, it was possible to trace the stages from the integral complex to its final destruction. The most complete picture of gradual degradation was obtained for fences made of raw bricks.

Keywords: Middle Irtysh region, Kazakhs, funeral rite, cemeteries, graves, tombstone structures.

Среди многочисленных казахских кладбищ Омского Прииртышья хорошо выделяются четыре группы: 1) старые, давно не функционирующие; 2) старые, но все еще действующие; 3) относительно современные кладбища, но официально уже закрытые; 4) современные кладбища, возникшие в конце XX – начале XXI вв. [Ахметова, Толпеко, 2017, с. 19]. Последние, относительно остальных, появляются редко и представлены единично, что объясняется прочно укоренившейся у казахского населения традицией хоронить на родовых и аульных некрополях. На кладбищах первых двух групп наиболее старые захоронения чаще всего визуальнo хорошо фиксируются и удивляют разнообразием форм и размеров. На тех некрополях, которые остаются действующими до сих пор, всегда выделяется участок с ранними захоронениями. Как правило, он находится в центре кладбища, в окружении более поздних могил.

В исламе отсутствует традиция многолетнего ухода родственников за могилой. Внешнее оформление захоронения и пространства вокруг него осуществлялось в короткий срок. Во время похорон обустроивался надмогильный холм. Он мог быть сформирован только землей, вынутой из могильной ямы. В дальнейшем вокруг него в течение года сооружалась ограда из дерновых пластов, самана, дерева, позднее – из металла, кирпича, бетона.

Со временем дерновые и саманные ограждения разваливались и оплывали, деревянные сгнивали или сгорали во время степных пожаров. Металлические часто воровали для сдачи в металлолом. Делать новые ограждения ранее было не принято. В случае нарушения целостности насыпи из-за провала

или вторжения животных могилу подсыпают землей. В разные годы в ходе экспедиций авторам приходилось наблюдать случаи свежей подсыпки старых могил. По сведениям информантов, казахские захоронения из-за того, что тело укладывают в боковой нише – лахате, с течением времени обваливаются и требуют подсыпки. Определенную роль здесь играет и небольшая глубина могил. Согласно мировоззрению казахов, духи предков в таких случаях в гневе насылают сухую погоду со штормовыми ветрами и образованием смерчей, внутри которых могут находиться злые духи, насылающие болезни. По данным наших экспедиций 2008–2010 гг., 2016–2018 гг. в районах Омской области за состоянием могил обычно следят старики или местные имамы.

Казахский погребальный обряд эволюционировал на территории Омского Прииртышья на протяжении более 200 лет [Там же, с. 18–23]. Наглядным примером его трансформации служат казахские кладбища всех четырех групп, обозначенных выше. Особенно показательны в этом отношении «долго живущие» некрополи, на которых представлены: 1) полностью разрушенные надмогильные сооружения; 2) находящиеся на разных стадиях разрушения; 3) сохранившие свой первоначальный облик. В этом плане интересна не только картина происходившей трансформации в целом, но и то, что большинство казахских кладбищ являлись родовыми или аульными. Соответственно, надмогильные сооружения находились под влиянием как общей традиции, так и имели свою локальную специфику.

Достаточно подробное описание и классификация предположительно разрушенных надмогильных сооружений уже было дано нами в ряде публикаций [Ахметова, Толпеко, 2017, с. 19–20; Ахметова, Толпеко, 2018, с. 172–173]. Всего выделено пять групп: 1) курганные насыпи округлой формы, куполообразные, средних размеров (диаметр около 8–12 м, высота до 1 м), в некоторых случаях с ровиком; 2) курганные насыпи округлой формы, куполообразные, небольшого размера (диаметром 3–7 м, высотой до 0,5 м, реже – до 1 м), в большинстве случаев с небольшим ровиком; 3) насыпи овальной формы со средней шириной 1,5–2,5 м, длиной 3–4 м и высотой около 0,5–0,8 м, в подавляющем большинстве окружены ровиками; 4) подквадратные уплощенные возвышения («столообразные»), в большинстве случаев размером от 4x4 до 6x6 м и высотой до 0,5 м, иногда со слабым ровиком по периметру; 5) подпрямоугольные или подквадратные обваловки небольших, реже – средних размеров, высотой около 0,5 м.

Объекты первой группы, вероятнее всего, являются более ранними курганами, к которым было приурочено казахское кладбище. Принадлежность остальных казахскому населению в целом не вызывает особых сомнений. Однако в ходе их изучения был поставлен ряд задач, требовавший поэтапного решения. Остановимся на некоторых из них: 1) планиграфический анализ кладбищ для выявления места и значения рассматриваемых сооружений в их структуре; 2) планиграфический анализ подобных объектов для раскрытия особенностей их взаиморасположения и связи друг с другом; 3) исследование внешних элементов сооружений и их особенностей; 4) изучение внутренней конструкции на основе имеющихся возможностей; 5) сравнительный анализ сооружений разной степени сохранности для выяснения этапов трансформации от первоначальной формы надмогильного сооружения до полностью разрушенного объекта; 6) работа с информантами. Разработанная программа преследовала две основные цели: 1) доказать принадлежность объектов рассматриваемых четырех групп к погребальным сооружениям казахского населения; 2) реконструировать их первоначальный вид.

Планиграфический анализ кладбищ проводился как в ходе полевых работ, так и с использованием спутниковых снимков. Он показал, что старые захоронения практически всегда находятся в центре, составляя ядро некрополя, от которого в дальнейшем шло его разрастание. Изменение ситуации, когда новые могилы локализуются с какой-то определенной стороны (сторон), наблюдается только на современном этапе. Как правило, это регулируется официальным прирезанием земли к кладбищу, на которой и совершаются захоронения. Хорошо фиксируется тот факт, что старая часть для сооружения новых могил никогда не используется.

Планиграфический анализ взаиморасположения разрушенных объектов часто затруднен по ряду причин: 1) их слабая визуализация в силу неухоженности – высокая трава, кустарник; 2) плохо выраженный рельеф – невысокий, оплывший; 3) практически полное отсутствие хорошо заметных видимых маркеров, например, стел; 4) традиционное очень близкое расположение могил. Последнее обстоятельство, при максимальном разрушении и оплывании надмогильных сооружений, порой приводит к появлению различных конфигураций из объектов, среди которых сложно выявить систему. Однако в ряде случаев хорошо фиксируются ряды или концентрация погребений вокруг одного – центрального (кладбища Каржас в Омске, Баимбет в Нововаршавском районе Омской области и др.).

К внешним элементам, в первую очередь, следует отнести наиболее заметные – разрушенные надмогильные сооружения, выглядящие как возвышения рельефа. Они могут быть округлыми, овальными, подквадратными, реже – подпрямоугольными, в виде приподнятой площадки с обва-

ловкой. В некоторых случаях их окружают вплотную к ним примыкающие, небольшие ровики. Наиболее часто последние встречаются в сочетании с овальными объектами. Еще один элемент рельефа – западины. Они образовывались в центре разрушающихся оград. Кроме того, постепенное проседание грунта над лахатом зачастую не подсыпалось, поэтому он достаточно часто хорошо прослеживается по слабой западинке, вытянутой вдоль овальных надмогильных насыпей.

Изучение внутренней конструкции рассматриваемых объектов затруднено. В силу ряда причин, о которых мы неоднократно писали ранее, их археологическое изучение на данный момент невозможно. Иногда проследить внутреннюю конструкцию насыпей позволяют расположенные в них норы крупных животных, например, на кладбище Баимбет Нововаршавского района Омской области. В большой норе зафиксирована хорошо сохранившаяся кладка из сырцовых кирпичей, осмотр которой позволил предположить, что данное сооружение представляло собой мазар с куполом [Ахметова, Толтеко, 2017, с. 19, рис. 1].

1

2

3

Рис. 1. Этапы разрушения оград из сырцового кирпича

Высокую результативность показал сравнительный анализ надмогильных сооружений разной степени сохранности. Так, на разных казахских кладбищах Омской области удалось проследить все этапы деформации и разрушения традиционных для XX в. оград из сырцового кирпича (рис. 1).

Выявлено, что постепенное разрушение и оплывание ограды и проседание насыпи над могилой приводили к формированию приподнятой площадки, окруженной подквадратной или подпрямоугольной обваловкой. Иногда насыпь над могилой дополнительно наращивали за счет земли, принесенной извне. Вероятно, оплывая, она соединялась с разрушающейся оградой. Небольшая ложбинка между ними заполнялась частицами почвы, переносимыми ветром и остатками более интенсивно растущей в таких местах травы. Таким образом могла формироваться подквадратная «столообразная» насыпь.

Работа с информантами помогла прояснить вопрос образования овальных насыпей. Нами были получены сведения, что в некоторых местах могильный холмик закрывали несколькими слоями дерна. Именно эти объекты чаще всего окружены ровиками. Их могли сооружать как для дренирования воды, так и в качестве некоторой преграды для пасущегося скота. Такие надмогильные сооружения практически не видоизменялись со временем. Они лишь незначительно проседали. Именно в них чаще всего хорошо фиксируется слабая западинка в месте расположения лахата.

Таким образом, казахские кладбища, в силу длительности своего существования и специфики бытовавшего ранее отношения к могилам, предоставляют нам уникальную возможность поэтапно проследить процесс разрушения различных надмогильных сооружений. На сегодняшний день все стадии деформации фиксируются для оград из сырцового кирпича. Объекты типа курганов могут представлять собой как разрушенные мазары, так и быть изначально насыпными надмогильными сооружениями. Фиксируемая достаточно четкая граница на некрополях между старой и новой частью, при непрерывности их функционирования, имеет свое объяснение. Оно кроется в изменении со временем традиции оформления могил и пространства вокруг них. Саманные, деревянные и металлические ограды в отсутствии ухода, под воздействием окружающей среды и антропогенным влиянием быстро исчезали. А довольно резкий переход к строительству оград из промышленного кирпича и бетона начал формировать часть кладбища с более устойчивыми к разрушению надмогильными сооружениями.

Список источников и литературы

Ахметова Ш. К., Толпеко И. В. «Киргизские могилы» Омского Прииртышья (возможности культурно-хронологической атрибуции) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск, 2018. – С. 171–174.

Ахметова Ш. К., Толпеко И. В. К вопросу о периодизации казахских кладбищ Среднего Прииртышья // Социосфера. – Самара, 2017. – № 4. – С. 18–23.

Ахметова Ш. К. <https://orcid.org/0000-0002-8925-0772>

Толпеко И. В. <https://orcid.org/0000-0002-3085-2330>

А. А. Бондарев², М. Ю. Здор¹, Ю. В. Герасимов¹, М. А. Корусенко¹

*Россия, Омск, ¹Омский научный центр СО РАН
Россия, Омск, ²Омское отделение Русского географического общества*

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРТАЛЫ-I

Поселение Черталы-I располагается на коренной террасе правого берега р. Тара. Выявлено Б. В. Мельниковым в 1988 г. Исследовалось раскопками в 1988–1990 гг. и 2010–2011 гг. Общая площадь раскопов составила 2,66 % от общей площади памятника. Получены представительные коллекции находок, в том числе – многочисленные кости животных. Археологический памятник представляет собой остатки поселения исторических предков тарских татар, существовавшего на протяжении второй половины XVII–XVIII вв. В статье рассмотрена остеологическая часть коллекций, проанализированы ее количественно-видовые характеристики, таксономическая принадлежность, дана оценка возрастного профиля. Полученные данные сопоставлены с вещевой частью коллекций и имеющейся этнографической информацией, что позволяет получить новые сведения о хозяйстве населения, оставившего памятник.

Ключевые слова: археология, поселение, раскопки, остеологическая коллекция, анализ.

A. A. Bondarev², M. Y. Zdor¹, Y. V. Gerasimov¹, M. A. Korusenko¹

*Russia, Omsk, ¹Omsk Scientific Center SB RAS
Russia, Omsk, ²Omsk Branch of the Russian Geographical Society*

OSTEOLOGICAL COLLECTIONS OF THE SETTLEMENT CHERTALY-I

The settlement of Chertaly-I is located on the rock terrace of the right bank of the Tara River. It was detected in 1988 by B. V. Melnikov. Excavations were undertaken in 1988–1990 and 2010–2011 in order to explore the area. The total excavation area constitutes 2,66 % of the total area of the monument. Representative collections of finds were obtained, mainly bones (of various degrees of fragmentation). The archaeological monument is attributed as the remains of the settlement of the historical ancestors of the Tara Tatars, which existed during the second half of the XVII–XVIII centuries. The article discusses the osteological part of the collections. Several characteristics are considered, among them quantity of items and their species membership. Moreover, taxonomic affiliation is analyzed, the age profile of bone remains is evaluated, and its other characteristics are considered. The data obtained is compared with the manufactured objects of the collections and the available ethnographic information.

Keywords: archeology, settlement, excavations, osteological collection, analysis.

Поселение Черталы-I находится в Муромцевском районе Омской области. Выявлено в ходе разведочных работ под руководством Б. В. Мельникова в 1988 г. По информации, зафиксированной в том же году в д. Черталы, это «древнее поселение их предков – *кышлау* – зимняя стоянка». Расположенный на коренной террасе правого берега р. Тара, возвышающейся над уровнем поймы на 9 м, в настоящее время памятник полностью утратил визуальные признаки в результате многолетней распашки его территории. На основании археологических материалов и исторических данных археологических комплексов атрибутирован как остатки поселения исторических предков тарских татар, существовавшего на протяжении второй половины XVII–XVIII вв. В 1988–1990 гг. на поселении проводил раскопки Б. В. Мельников (общая площадь раскопов составила 540 кв. м – 2,3 % от общей площади памятника) [Мельников, 1989, с. 31; Мельников, 1990, с. 10; Мельников, 1991, с. 11]. В 2010–2011 гг. работы на памятнике продолжил отряд Барабинско-Тарской археолого-этнографической экспедиции под руководством М. А. Корусенко (общая исследованная площадь составила 85 кв. м – 0,36 % от общей площади памятника) [Корусенко, 2013, с. 8].

Шурф и раскопы Б. В. Мельникова располагались в центральной части поселения у края и у подошвы коренной террасы, что позволило изучить не только культурный слой самого поселения, но и его переотложенную часть. Общее количество находок в коллекции составило 8289 костей в разном состоянии, 394 единицы вещевых находок (исключая фрагменты керамики и технологические отходы (фрагменты бересты и т. п.)).

Разведочные шурфы и раскоп М. А. Корусенко располагались на западной окраине поселения. Шурфами 2010 г. планировалось изучить характер культурного слоя в этой части памятника, но при выборке второго горизонта проявился угол наземного жилища, поэтому было принято решение

продолжить исследования в 2011 г. В результате было исследовано наземное жилище, его отопительная система и четыре хозяйственные ямы за пределами строения. По итогам работ была получена коллекция находок из 1066 единиц, в том числе 907 единиц – кости в разном состоянии, 90 фрагментов керамики (массовый материал) и 69 единиц вещевых находок.

Таким образом, остеологическая составляющая является наиболее представительной частью полученных при раскопках коллекций. Для удобства материалы из раскопок Б. В. Мельникова 1988–1990 гг. обозначены как коллекция № 1, материалы из раскопок М. А. Корусенко 2010–2011 гг. – коллекция № 2.

Работа с остеологическими коллекциями проводилась в соответствии с методическими подходами, описанными в обширной литературе [Davis, 1987; Hillson, 1992; Reitz, Wing, 2008], а также на основании определителей костных остатков [Cornwall, 1956; Baker, Worley, 2019]. Для остеологических материалов учитывались: таксономическая принадлежность, элемент скелета, его сохранность, сторона тела, возрастные особенности, следы внешних воздействий. Определение млекопитающих по возможности проводилось до вида; предварительно также определена часть коллекции птиц и рыб. Количество учтенных костных остатков животных составило для коллекции № 1 – 8289 экземпляров, для коллекции № 2 – 907 экземпляров. Обе коллекции достаточно репрезентативны (более 400 определимых фрагментов). Большая часть остатков в обеих коллекциях принадлежит млекопитающим, глубина определения которых значительно варьирует в зависимости от степени фрагментации. Остатки млекопитающих, чью видовую принадлежность определить не удалось, относились к надвидовым систематическим группам, таким, как грызуны, хищные и др.; прочие костные фрагменты отнесены к неопределимым (рис. 1/з). Данные категории носят вспомогательный характер и могут быть интерпретированы в ограниченном объеме.

Для многих костей коллекций отмечены порезы, погрызы (большая их часть – это следы зубов собак), очень часты следы воздействия огня, как поверхностное обугливание, так и полное кальцинирование. Именно мелкие (1–3 см) неопределимые осколки кальцинированных костей составили большую часть коллекции № 1. По всей видимости, сожжение в очаге было основным методом утилизации костяных отходов. Сожжение и дробление неизбежно маскируют значительную часть предшествовавших им процедур разделки.

В обеих коллекциях присутствуют кости птиц (по 25 костей в каждой коллекции) и рыб (18 – коллекция № 1 и 3 – коллекция № 2). Среди рыб отмечены остатки осетровых, среди птиц преобладают гусеобразные (утки, лебедь), реже – курообразные, единично – журавль (*Grus* sp.) (рис. 1/а).

Домашние млекопитающие (рис. 1/б).

Крупный рогатый скот (КРС) (корова) – *Bos taurus*. К этому виду отнесено 244 экз. определимых до вида остатков или 2,65 % всех остатков (10,50 % определимых остатков млекопитающих). Представлены все отделы скелета, но подавляющее большинство костей фрагментировано. Трубочатые кости, как правило, разрушены, многие кости имеют порезы, реже – погрызы. Определимые остатки КРС представлены в наибольшей степени костями нижних отделов конечностей (преимущественно фаланги, реже – метаподии, крупные кости запястья, предплюсны), изолированными зубами (челюсти преимущественно разрушены), фрагментами черепов, нижних челюстей, лучевых и большеберцовых костей, лопаток, ребер.

Возрастной профиль остатков КРС характеризуется резким сдвигом в сторону младших возрастов: треть относится к телятам младших возрастных групп, треть – полувзрослым животным, треть – взрослым. Зубов с очень сильной степенью стирания, индикаторов присутствия пожилых животных практически нет. Вероятно, данный возрастной спектр говорит о смешанном, мясомолочном характере эксплуатации стада.

Лошадь – *Equus caballus*. К этому виду отнесено 630 экз. определимых до вида остатков или 6,85 % всех остатков (27,11 % определимых остатков млекопитающих). Относительно более многочисленна лошадь в коллекции № 1. Представлены все отделы скелета, но подавляющее большинство костей фрагментировано. Раздробленность костей лошади близка таковой у КРС, целых крупных костей очень мало. Соотношение определимых зубов и элементов скелета также почти повторяет наблюдаемое у КРС.

Возрастной профиль остатков лошади несколько более выровненный. Из девяти нижних челюстей, для которых возможна оценка индивидуального возраста (всего 38), пять относится к жеребяткам младших возрастов, три челюсти – взрослым животным, одна – пожилому. Сильно стертые зубы пожилых животных единичны. Сдвиг возрастного спектра в сторону старших возрастов относительно КРС, вероятно, связан с использованием лошади в качестве верхового, вьючного или тяглогового животного.

Мелкий рогатый скот (МРС) (овцы) – *Ovis aries*. Определимые кости МРС в количественном плане значительно уступают КРС и лошади. Надежно определимых остатков коз в коллекции не отмечено; все остатки МРС, имеющие видовое определение, принадлежат овце. К этой группе отнесено 38 экз. определимых до вида остатков или 0,41 % всех остатков (1,64 % определимых млекопитающих).

Двугорбый верблюд – *Camelus bactrianus*. Верблюд является самым малочисленным домашним копытным в коллекции и одним из малочисленных в целом; ему принадлежат 11 фрагментов костей конечностей не менее чем от двух особей, различающихся размерами тела. Это может быть указанием на разделку туш верблюдов вне поселения, когда отделенные конечности использовались в качестве редкой, престижной пищи. На большую вероятность такого сценария указывает отсутствие находок зубов. Все кости принадлежат взрослым особям и найдены на участке раскопок 1988–1990 гг., равномерно распределяясь планиграфически и стратиграфически. Часть костей верблюда кальцинирована. Отсутствие костей верблюда в коллекции № 2 вполне объяснимо ее существенно меньшим объемом.

Собака – *Canis familiaris*. К этому виду отнесено 20 экз. определимых до вида остатков или 0,22 % всех остатков (0,86 % определимых остатков млекопитающих). Кости, как правило, лучшей сохранности, чем у копытных. Кости принадлежат в основном взрослым особям, отмечена одна челюсть щенка. Собаки малорослые, кондилобазальная длина единственного целого черепа – 155 мм.

При рассмотрении домашних животных поселения Черталы-I необходимо обратить внимание на отсутствие легко идентифицируемых костей кошки и свиньи, что исключает их сколько-нибудь значимую роль в хозяйстве.

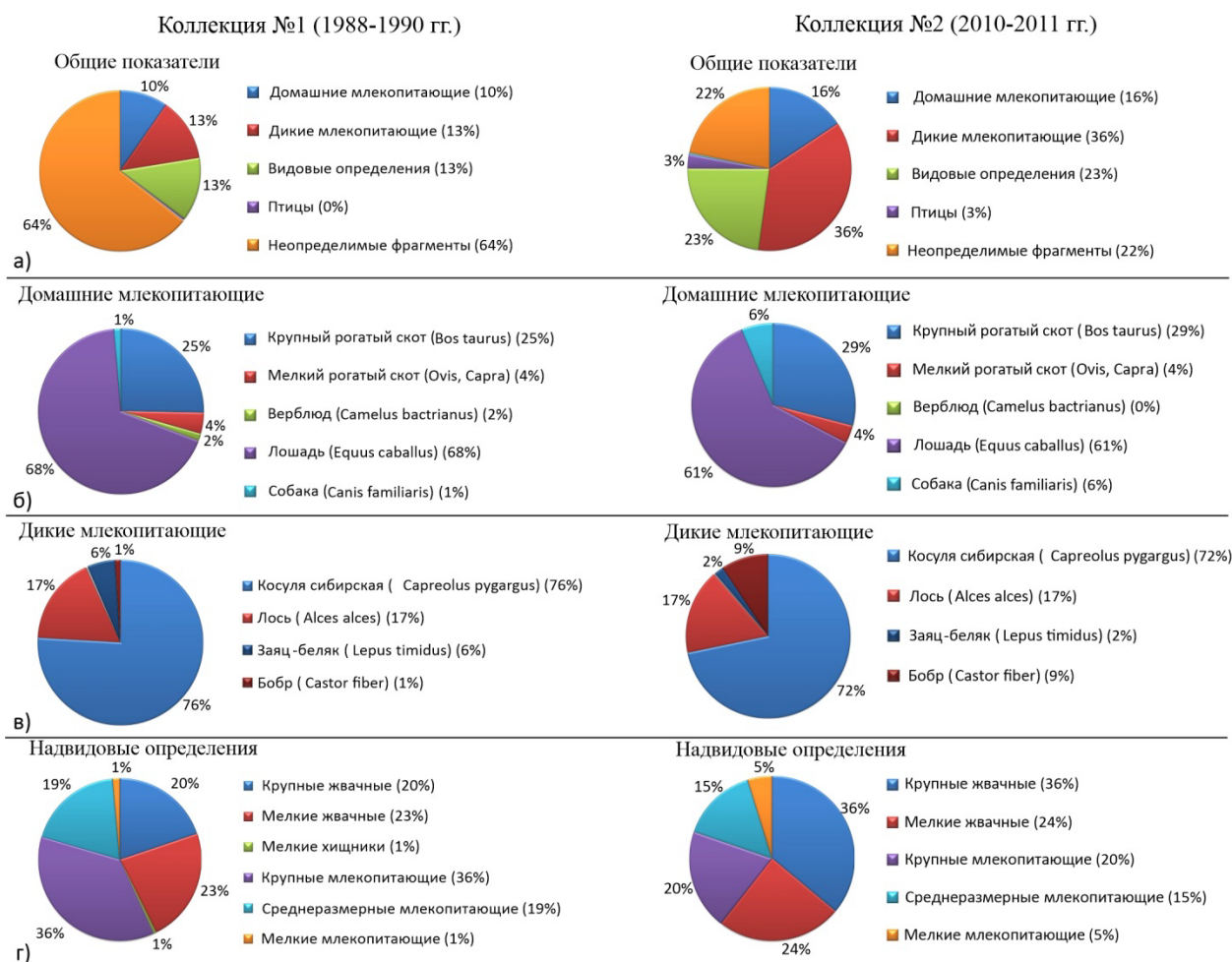

Рис. 1. Соотношение видов животных по данным остеологических коллекций поселения Черталы-I

Дикие животные (рис. 1/ в).

Лось – *Alces alces*. К этому виду отнесено 244 экз. определимых до вида или 2,65 % всех остатков (8,61 % определимых остатков млекопитающих). Представлены все отделы скелета, но подавляющее большинство костей фрагментировано. Раздробленность костей лося близка таковой у КРС

и лошади, целых крупных костей практически нет. Соотношение определимых зубов и элементов скелета сходно с наблюдаемым у крупных домашних копытных, но есть и отличия. Изолированные зубы, фрагменты черепа (даже включая фрагменты рогов) и нижней челюсти значительно более редки, чем кости дистальных отделов конечностей. Среди костей осевого скелета несколько понижено количество ребер, среди костей поясов – лопаток. Вероятно, в значительной степени, сказалась разделка туш далеко вне поселения: головы редко попадали на территорию поселения, конечности отчленялись, но не отчленялись дистальные отделы для удобства транспортировки. Не вполне понятен дефицит фрагментов лопаток.

Среди остатков лося доминируют кости и зубы взрослых животных. К лосятам и полувзрослым животным было отнесено всего семь костей из общего количества.

Косуля сибирская – *Capreolus pygargus*. К этому виду отнесено 1006 экз. определимых до вида остатков или 11,59 % всех остатков (45,87 % определимых остатков млекопитающих). Представлены все отделы скелета, как и у прочих видов копытных, большинство костей фрагментировано, хотя относительно хорошо сохранены крупные фрагменты черепов и многочисленные нижние челюсти. Соотношение определимых зубов и элементов скелета отличается от таковых для МРС и крупных копытных, что может быть связано с рядом особенностей при разделке туш, утилизации остатков и сборе коллекции. Изолированные зубы малочисленны, при большом количестве определимых фрагментов челюстей, зачастую с относительно полными зубными рядами. Количество учтенных фрагментов метаподиальных костей велико и превышает число фаланг. Относительно обильны позвонки разных отделов позвоночника. Хорошо представлены все крупные кости поясов и проксимальных отделов конечностей (аналогично – у крупных копытных).

Среди остатков косули доминируют кости и зубы взрослых животных. К молодым животным отнесено 7 челюстей, полувзрослым – 12, взрослым – 43, пожилым – 4 (и еще 58 экз. нижних челюстей, возраст которых точно установить нельзя).

В коллекции содержатся черепа со срубленными сформированными рогами (рога прекращают рост к лету) и сброшенными (в октябре – декабре) рогами; это позволяет считать, что добыча велась весной и осенью.

Северный олень – *Rangifer tarandus*. К этому виду надежно отнесена одна таранная кость довольно крупной особи (медиальная длина кости – 53,5 мм); возможно также часть фрагментов костей мелких жвачных может быть отнесена к данному виду.

Заяц-беляк – *Lepus timidus*. К указанному виду отнесено 64 экз. определимых до вида остатков или 0,7 % всех остатков (2,75 % определимых остатков млекопитающих). Это единственное массово встречающееся млекопитающее в своем размерном классе меньше собаки и бобра, при отсутствии кошки и сколь-нибудь массовых кунных. Представлены многие, но не все основные элементы скелета. В большей мере – челюсти, изолированные зубы, лучевые, большие берцовые кости, лопатки; прочие элементы скелета единичны.

Бобр – *Castor fiber*. К этому виду отнесено 46 экз. определимых до вида остатков или 0,50 % всех остатков (1,98 % определимых остатков млекопитающих). Остатки бобра присутствуют в обеих коллекциях, хотя намного более многочисленны в коллекции № 2. Присутствуют кости разных отделов скелета: челюсти, фрагменты черепа, длинные трубчатые, позвонки. Часть костей кальцинирована. Присутствуют остатки, как взрослых животных, так и детенышей. Бобр – ценное промысловое животное, от которого можно получить три основных ресурса: шкуры, бобровую струю, мясо. Заготовление струи и шкур не требуют транспортировки туш на поселение, детеныши также бесполезны в качестве источника струи. Можно предположить, что принесенные на территорию поселения туши могли использоваться как пища для людей, либо корм для собак. В пользу первого предположения говорит незначительное количество погрызов на костях и сильное термическое воздействие – кости утилизировались в очаге после потребления мяса.

Из двух нижних челюстей взрослых бобров извлечены резцы путем разрушения их альвеол; щечные зубы при этом остались на месте, что заставляет предположить преднамеренное извлечение резцов как декоративных объектов или инструментов.

Хищники семейства кунных представлены единичными челюстями **барсука азиатского** (*Meles cf. leucurus*), челюстью и черепом **горностая** (*Mustela erminea*), фрагментом челюсти более крупного представителя рода *Mustela*, вероятно **светлого (степного) хоря** (*Mustela putorius*). Присутствие только изолированных краниальных остатков резко отличает кунных от близких по размеру бобра и зайца

Определимые остатки мышевидных грызунов представлены единично, челюстью **хомяка** (*Cricetus* sp.) (единичные посткраниальные кости до вида не определялись). Домовой мыши, крыс не отмечено, равно как и заведомо не синантропных полевок.

Таким образом, среди млекопитающих определены костные остатки 5 видов домашних и 8 видов диких млекопитающих (не считая мышевидных грызунов), а также немногочисленные остатки рыб, птиц (не менее 3–4 видов).

Численно преобладают кости диких млекопитающих, среди которых наиболее массовой является косуля; доля домашних млекопитающих составила около 40 %, среди них наиболее массовым видом является лошадь. Остатки всех видов копытных фрагментированы в сходной степени, видимо, все они употреблялись в пищу. Охота, судя по сезонным и возрастным вариациям остатков косули, велась весной и осенью. Дикие хищные млекопитающие представлены единичными находками кунных (барсук, горностаи, хорь), что говорит о том, что либо их роль как промысловых животных была невелика, либо на поселение они попадали почти исключительно в виде шкур. Эти выводы находят подтверждение в вещевых частях коллекций в виде многочисленных костяных и железных наконечников стрел, костяных наконечников копий, формы для литья пуль и немногочисленных деталей орудий пассивного лова.

По итогам изучения коллекций можно сделать следующие выводы. На поселении разводились лошади, КРС, МРС (овца); значительная доля особей этих видов забита до достижения половой зрелости. Оснований полагать, что на поселении разводили или длительное время содержали верблюдов, нет; все остеологические находки – это кости конечностей взрослых особей, вероятно караванных, заканчивавших свою жизнь, скорее всего, даже не в черте поселения. Лошадь использовалась в качестве рабочего животного (что подтверждается находками железных удилов и подков) и в пищу. Полностью отсутствуют остатки свиньи, содержанию которой могли препятствовать культурные запреты. Животные-«компаньоны» представлены только собакой небольшого размера; кости таких животных относительно малочисленны. Малочисленность костных остатков собаки, на наш взгляд, не отражает их реальную численность на поселении, что связано с особым отношением к этим животным. Кости кошек отсутствуют полностью.

При расчете долей разных видов млекопитающих в мясном рационе жителей поселения доля домашних млекопитающих составила 62 %. Основу мясного рациона при этом составляло мясо лошади, следом за ней – лося, КРС, косули. Мясо верблюда, МРС, бобра, зайца, северного оленя не имело существенного значения в рационе населения.

Костные остатки самых разных видов использовались в качестве сырья для изделий. Отмечены заготовки из рога лося, преднамеренно отчищенные рога косули, КРС, преднамеренно разделанные метаподиальные кости лося, МРС, выровненные площадки на таранных костях косули, фалангах КРС (заготовки игрушек?), сгруппированные насечки на метаподиальной кости лошади, высверленные большая берцовая кость зайца, клыки медведя, таранные кости МРС, следы преднамеренного извлечения бобровых резцов.

Вряд ли можно утверждать, опираясь на материалы остеологической коллекции, что рыбная ловля не играла серьезной роли в рационе населения.

В археологических материалах коллекций присутствуют и глиняные грузила, и костяные орудия плетения сетей (кочедык), и орудия ловли рыбы (острога), что свидетельствует о существенной роли рыболовства в жизни населения, а небольшое количество рыбьих костей может говорить о высоком проценте утилизации рыбных остатков.

То же касается и охоты на птиц, возможность которой обеспечивалась природными условиями – обширные угодья в пойме р. Тара, на близлежащих озерах. В пользу этого предположения может свидетельствовать наличие наконечников стрел небольших размеров в археологической коллекции. Незначительное же количество костных остатков птиц в остеологической коллекции может быть объяснено их хрупкостью, а также тем, что кости птиц собаки съедают полностью.

Список источников и литературы

Корусенко М. А. Отчет об археологических раскопках поселения Черталы-I, могильник Черталы-III, IV на территории Муромцевского района Омской области в 2010–2011 гг. – Омск, 2013. – 533 с. // Архив Лаборатории археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН. – Ф. VII-1. – Д. 39-1.

Мельников Б. В. Отчет о полевых работах в Муромцевском районе Омской области в 1989 г. // Архив МАЭ ОмГУ. – Ф. II. – Д. 66-1.

Мельников Б. В. Отчет о работах археолого-этнографической экспедиции Омского университета летом 1990 года // Архив МАЭ ОмГУ. – Ф. II. – Д. 74-1.

Мельников Б. В. Отчет о разведочных работах Южно-Омской археологической экспедиции летом 1988 года // Архив МАЭ ОмГУ. – Ф. II. – Д. 62-1.

Baker P., Worley F. Animal Bones and Archaeology: Recovery to Archive. – Swindon : Historic England Publishing, 2019. – 97 p. – (Historic England). (на англ. яз.).

Cornwall I. W. Bones for the Archaeologist. – New York : Macmillan, 1956. – 255 p. (на англ. яз.).

Simon J. M. Davis The Archaeology of Animals. – New Haven : Yale University Press, 1987. – 208 p. (на англ. яз.).

Hillson S. Mammal Bones and Teeth: An Introductory Guide to Methods of Identification. – London : Institute of Archaeology, 1992. – 132 p. (на англ. яз.).

Reitz E. J., Wing E. S. Zooarchaeology. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 533 p. (на англ. яз.).

Бондарев А. А. <https://orcid.org/0000-0001-8410-5456>

Здор М. Ю. <https://orcid.org/0000-0002-1842-101X>

Герасимов Ю. В. <http://orcid.org/0000-0002-5066-576X>

Корусенко М. А. <https://orcid.org/0000-0001-7004-1287>

А. В. Варенов¹, Т. А. Пан²

*Россия, Новосибирск, ¹Новосибирский государственный университет
Россия, Санкт-Петербург, ²Институт восточных рукописей РАН*

**ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КИТАЙСКИХ КАРТИН
В АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЯХ
(К АТТРИБУЦИИ КАРТИНЫ «КОЧЕВНИКИ» ИЗ МУЗЕЯ ГУГУН В ПЕКИНЕ)**

Авторы отмечают недостаточную надежность атрибуции и датировки средневековых китайских изображений, используемых при археолого-этнографических реконструкциях. Они предприняли первую для отечественной науки попытку проверить надежность атрибуции картины «Кочевники» («Фаньци ту») художнику Ху Хуаню (Ху Хуаю), жившему в конце IX – начале X в. Использован признак, никем до этого не привлекавшийся в качестве этно-хронологического маркера – оформление хвостов верховых коней. В качестве свидетельства киданьской принадлежности персонажей выделено перетягивание хвостов их верховых коней посредине лентой. Хвосты верховых коней у чжурчжэней-цзиньцев или в Южной Сун одинаковы: туго завязаны в узел с оставлением двух свисающих прядей. Насколько можно судить, свободно распущенные длинные хвосты были у верховых коней монгольского времени. Анализ показал, что картина «Кочевники» («Фаньци ту»), приписываемая Ху Хуаню, не могла принадлежать его кисти. Она должна датироваться серединой – второй половиной XIII в.

Ключевые слова: Средневековая китайская живопись, жанр жэньу, хронологические и этнокультурные признаки, датировка.

A. V. Varenov¹, T. A. Pan²

*Russia, Novosibirsk, ¹Novosibirsk State University
Russia, Saint-Petersburg, ²Institute of Oriental Manuscripts RAS*

**ON THE USING OF MEDIEVAL CHINESE PICTURES IN ARCHAEOLOGICAL-
ETHNOGRAPHICAL RECONSTRUCTIONS
(TO THE ATTRIBUTION OF «NOMADS» PAINTING FROM
THE GUGONG MUSEUM IN BEIJING)**

The authors note that the attribution and dating of Medieval Chinese paintings used in archaeological-ethnographical reconstructions is not reliable enough. The objective of this article was to check the reliability of the attribution of the medieval Chinese painting «Fanqi tu» («Nomads») to Hu Huan (Hu Huai), an artist living at the end of IX – beginning of the X century. The study used hair-styles of saddle-horses' tails as the ethno-chronological marker which has never been used before by anyone in this way. As the evidence of Qidan (Khidan) attribution of the personages depicted, this study picked out the lacing of the tails of their saddle-horses in the middle. The tails of saddle-horses of Zhurzhen (Jin) and Southern Song peoples were the same: a tight knot with two hanging locks. *It would seem that long loose flowing tails were primarily used by Mongolian-time saddle-horses.* The analysis showed that «Fanqi tu» can not be among the works of Hu Huan. Therefore, the «Fanqi tu» painting must be dated to the middle – second half of the XIII century.

Keywords: Medieval Chinese painting, *renwu* genre, chronological and ethno-cultural signs, dating.

В последние годы отечественные археологи и этнографы при реконструкции одежды, обуви, головных уборов, конского снаряжения степных кочевых этносов, помимо добытых в процессе раскопок материалов, все чаще обращаются к изобразительным источникам древнего и средневекового Китая. Весьма показательна в этом плане статья Н. В. Хрипунова «Одежда знати Великой империи монголов в 1207–1266 гг.» [Хрипунов, 2012]. В ней шесть раз приводятся ссылки на изображения, выполненные на картине «Кочевники» (番骑图 *Фаньци ту*) – трижды в разделе о женских халатах и еще три раза – при описании теплых и утепляющих вещей [Там же, с. 375, 376, 384, 385].

Отечественные археологи, этнографы и историки костюма, обращающиеся для разработки и подкрепления своих концепций к китайской живописи, не только неправильно переводят и / или транскрибируют названия отдельных произведений, имена их авторов и изображенных персонажей. Зачастую они не указывают на источник заимствования используемой картинки, а датировку оригинала и место его хранения если и приводят, то нередко с ошибками. Проблема заключается

в необходимости более точной атрибуции картин, прежде чем обращаться к ним как к археолого-этнографическому источнику. Например, в упоминавшейся уже статье Н. В. Хрипунова картина «Кочевники» датирована «первой половиной X в.», а в качестве места ее хранения указан Национальный дворец-музей Гугун, располагающийся в Тайбэе, на Тайване [Там же, табл. 17]. Картина, действительно, хранится в музее Гугун, но только в Пекине, а не на Тайване. А вот с ее датировкой и атрибуцией ситуация совсем сложная.

Рис. 1. Картина «Кочевники» («Фаньци ту»)

До недавнего времени картина «Кочевники» (26,2×143,5 см, шелк, тушь, краски, музей Гугун, Пекин) практически единодушно приписывалась Ху Хуаню 胡环 (Ху Хуаю 胡环) – этническому киданю (цидань 契丹), жившему в национальном государстве Ляо 辽 (916–1125) в первые десятилетия его существования, то есть, согласно традиционной китайской хронологии, в эпоху Пяти династий (907–960) [Чжунго жэнью..., 2004, с. 56; Чжунго лидай..., 2004, с. 520]. Кидани – это монголоязычная

кочевая народность, обитавшая на Северо-Востоке Китая и превратившаяся к X в. в значительную военно-политическую силу. Эпоха Пяти династий – период административно-политической раздробленности, когда на севере Китая (бассейн р. Хуанхэ) одно за другим сменились пять государств, два из которых были фактически вассалами Ляо.

Около 15 лет тому назад известный историк искусства профессор Сюй Баньда (徐邦达, 1911–2012) обратил внимание, что на картине изображены женщины в характерных для монгольского времени головных уборах – *бокках*, и, следовательно, она не могла быть создана ранее частичного (первая половина XIII в.) или полного (эпоха Юань, 1279–1368) завоевания Китая монголами [Сюй Баньда]. Среди принадлежащих кисти Ху Хуаня картин Открытая китайская электронная энциклопедия (аналог «Википедии») «Байкэ байду» «Кочевников» вообще не упоминает [Ху Хуань]. Еще совсем недавно репродукция этого свитка была выложена на сайте пекинского музея Гугун как работа Ху Хуаня, но сейчас ее там тоже нет. Вообще-то, картину «Кочевники» до сих пор можно найти по старому адресу на сайте пекинского музея Гугун, но в указателе живописи с того же сайта она отсутствует [Гугун]. На картине «Фаньци ту» нет подписи или печати автора [Фаньци ту]. Одной из причин ее отнесения к творчеству Ху Хуаня послужило, возможно, введение в живописную композицию рисунков верблюдов и лошадей в технике, отвечающей ее характеристике, данной Го Жосюем [Го Жо-сюй, 1978, с. 43; Чжунго мэйшу..., 1984, рис. 56, с. 110–112].

Показано девять фигур, движущихся справа налево, т. е. от начала свитка в его глубину. Впереди процессии верхом едут двое мужчин, отворачивающих лица от встречного ветра. Хвосты их коней распущены и свободно развеваются (рис. 1/ 1). За ними пешком идут две женщины в красных одеяниях и головных уборах с красным верхом, их лица почти до самых глаз закрыты белыми матерчатыми повязками. Последнее обстоятельство даже побудило бойких журналистов из Внутренней Монголии высказать в самом начале пандемии COVID-19 предположение о древнейших в мире медицинских масках, изображенных Ху Хуанем. Самого Ху Хуаня (т. е., Ху Хуая) они при этом, ничтоже сумняшеся, назвали «киданьским художником, жившим при династии Юань» [Нэй Мэнгу жибао...]. Младшая из женщин ведет нагруженную поклажей верблюдицу, за матерью следует маленький верблюжонок. Мы считаем эту женщину младшей по возрасту и, видимо, по статусу. У нее, в отличие от спутницы, яркий румянец во всю щеку и красного цвета лишь наплечная накидка, а не вся одежда. На одном уровне с верблюжонком движется спешившийся всадник, ведущий в поводу своего коня (рис. 1/ 2). Замыкает процессию мужчина в шапке с красным верхом, едущий на белой лошади, с уздечки которой свисает красная кисть. Хвосты замыкающих коней также распущены (рис. 1/ 3).

Между верблюдицей с поклажей и замыкающим всадником в верхней части изобразительного поля свитка помещено собственноручно написанное цинским императором Цяньлуном (乾隆, даты правления 1736–1795) стихотворение с оценкой картины:

番馬曾經奔石渠，續茲番騎積薪歟。神情超脫真居上，結構繁稠乃異初。覿觶人寒猶乘馬，負裝駝弊強勝驢。卻看驪首題五字，假藉瘦金贗鼎如。辛亥新正中澣御題。

Fan ma ceng jing ju Shiqu, Xu zi fan qi ji xin yu?
Shenqing chaotuo zhen ju shang, Jiegou fanchou nai yi chu.
Husu ren yao cheng ma, Fu zhuang tuo bi qiang cheng lu.
Que kan tan shou ti wu zi, Jia jie shou-jin-ti ding ru.
Xinhai xin zheng zhonghuan yu ti.

В прошлом рисунок «Иноземцы и лошади» хранился в павильоне Шицю,

Продолжение «Картина иноземцы верхом» действительно является дополнением к предыдущей?

По размерам она превосходит предыдущую, она даже лучше прежней.

Ее построение отличается от оригинала, т. к. является более сложным и детальным.

Человек едет на лошади, прячась от холода.

Нагруженный верблюд устал, но он сильнее осла [чтобы перевозить тяжести].

Вернитесь и посмотрите на пять иероглифов в начале свитка.

Их каллиграфия подражает стилю *шоуцзинь*, и это указывает на то, что это подделка в подражание древности.

Написано императором в середине первой луны года *синьхай*.

Китайский текст стихотворения и его перевод требуют определенного комментария. Павильон Шицю 石渠閣 – «Палата каменного канала», название одного из структурных подразделений императорской библиотеки. *Цзисинь* 積薪 – буквально означает «собирать хворост», в смысле «добавлять

что-то ненужное к уже существующему». *Шоуцзинь ти* 瘦金体 – каллиграфический почерк с жесткими линиями, созданный императором Хуэй-цзуном. Хуэй-цзун (徽宗, даты правления 1100–1126; личное имя Чжао Цзи 赵佶, 1082–1135) являлся одним из крупнейших художников и знатоков живописи эпохи Северная Сун. *Яньдин* 贗鼎 – «имитировать треножник», в значении различных подделок древности. *Чжунхуань* 中澣 – средняя декада лунного месяца. Сочетание циклических знаков *синь-хай* пришлось на 56-ой год правления Цяньлуна (1791) [Большой китайско-русский словарь, 1983, с. 159, 168, 171]. «Вернитесь и посмотрите на пять иероглифов в начале свитка» – на колофоне перед изображениями почерком, характерным для каллиграфии сунского императора Хуэй-цзуна, нанесены пять иероглифов «胡鑲番騎圖» (*Ху Хуай Фаньци ту*, т. е. картина «Фаньци ту» Ху Хуая). Цяньлун считал эту надпись подделкой [Фаньци ту].

Применительно к исследованиям по истории костюма, предпринимаемым нашими соотечественниками – археологами, искусствоведами и палеоэтнографами, стоит заметить, что, если основывать датировку полотна на деталях изображенной на персонажах одежды, то получится логическое кольцо: именно те предметы, датировка бытования которых и должна быть уточнена, служат для определения даты создания картины.

Приступая к исследованию картины «Кочевники» («Фаньци ту»), мы рассчитывали, что удастся уточнить ее датировку, не прибегая к использованию особенностей одежды и головных уборов персонажей, чтобы не создавать логического кольца. Большие надежды возлагались при этом на изображения оружия и конского снаряжения (стремян, седел, уздечек), которые предполагалось датировать путем сопоставления их с изделиями, реально найденными в Сибири и Центральной Азии во время археологических раскопок.

Однако знакомство с существующей литературой и консультации с ведущими специалистами показали, что уровень современной археологической изученности региона не позволяет провести детальное хронологическое и / или этническое членение находок, относящихся к предмонгольскому и монгольскому времени, т. е. к X–XIV вв. Не исключено, что обращение к китайской археологии соответствующего периода даст возможность в дальнейшем восполнить этот пробел.

Поэтому авторы решили: во-первых, сопоставить «Фаньци ту» с другими схожими по изображаемому реалиям полотнами, приписываемыми Ху Хуаню; во-вторых, расширить круг сопоставлений за счет близких по времени произведений в жанре *жэнью* иных авторов, содержащих реалии, аналогичные присутствующим на приписываемых Ху Хуаню картинах. Предпочтение отдавалось полотнам, имеющим более-менее надежно обоснованную хронологическую привязку, что позволило уточнить даты создания рассматриваемых картин, в том числе и «Фаньци ту».

В результате авторы выделили признак, никем до этого не привлекавшийся в качестве этнохронологического маркера – оформление хвостов верховых коней. Как индикатор киданьской принадлежности изображенных персонажей они отметили перетягивание хвостов их верховых коней посередине лентой. Хвосты верховых коней у персонажей, представляющих чжурчжэней-цзиньцев или южных сунцев, оказались одинаковы: туго завязаны в узел с оставлением двух свисающих прядей. Свободно распущенные длинные хвосты у верховых коней были характерны для монгольского времени [Варенов, Пан, 2022].

Проведенное исследование показало, что картина «Кочевники» («Фаньци ту») не может принадлежать кисти художника Ху Хуая (Ху Хуая), жившего в конце IX – начале X в. Она создана гораздо позже и должна датироваться серединой – второй половиной XIII в., то есть от гибели империи Цзинь в 1234 г. и до расцвета творчества выдающегося юаньского художника-анималиста, китайца по национальности, Чжао Мэнфу (赵孟頫, 1254–1322) [Чжао Мэнфу, 2017].

Список источников и литературы

- Большой китайско-русский словарь. – М.: ГРВЛ, 1983. – Т. 1. – 552 с.
- Варенов А. В., Пан Т. А. Средневековая китайская картина «Кочевники» и проблема ее атрибуции // Вестн. НГУ. – Сер.: История, филология. – 2022. – Т. 21. – № 4. Востоковедение. – С. 21–41.
- Го Жо-суй. Записки о живописи: Что видел и слышал. – М.: ГРВЛ, 1978. – 240 с.
- Гугун: [сайт]. – URL: <https://www.dpm.org.cn/collection/paint/231650.html> (дата обращения: 21.01.2022) (на кит. яз.).
- Нэй Мэнгу жибао от 27 февраля 2020 г. [Электронный ресурс] // Нэй Мэнгу жибао: [сайт]. – URL: http://szb.northnews.cn/nmgrb/html/2020-02/27/content_20588_106182.htm (дата обращения: 21.01.2022) (на кит. яз.).

Сюй Баньда [Электронный ресурс] // Байкэ байду: [сайт]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%BE%90%E9%82%A6%E8%BE%BE> (дата обращения: 21.01.2022) (на кит. яз.).

Фаньци ту [Электронный ресурс] // Байкэ байду: [сайт]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/%E7%95%AA%E9%AA%91%E5%9B%BE/22909789> (дата обращения: 21.01.2022) (на кит. яз.).

Хриунов Н. В. Одежда знати Великой империи монголов в 1207–1266 гг. // Золотоордынская цивилизация : сб. ст. – Казань, 2012. – Вып. 5. – С. 363–393.

Ху Хуань [Электронный ресурс] // Байкэ байду: [сайт]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%83%A1%E7%8E%AF/2542708> (дата обращения: 21.01.2022) (на кит. яз.).

Чжао Мэнфу. Живопись. Альбомы мастерской Жунбаочжай. Древность. – М. : Шанс, 2017. – 70 с.

Чжунго жэньу хуа минцзо цзяньшан [中国人物画名作鉴赏。张弘主编] Собрание шедевров китайской фигуративной живописи. Под ред. Чжан Хуна. – Пекин : Юаньфан чубаньшэ, 2004. – 242 с. (на кит. яз.).

Чжунго лидай минхуа цзяньшан [中国历代名画鉴赏。蒋文光主编]. Собрание известных китайских картин прошлого. Под ред. Цзян Вэнгуана. – Пекин : Цзиньдунь чубаньшэ, 2004. – 2546 с. (на кит. яз.).

Чжунго мэйшу цюаньци. Хуйхуапянь 2. [中国美术全集。绘画编 2。隋唐五代绘画。金维诺主编]. Полное собрание китайского искусства. Живопись. – Том. 2. – Суй, Тан, Пять династий. Под ред. Цзинь Вэйно. – Пекин : Вэньу чубаньшэ, 1984. – 30 + 50 с. – 179 л., цв. илл. (на кит. яз.).

Варенов А. В. <https://orcid.org/0000-0003-2145-8611>

Пан Т. А. <https://orcid.org/0000-0002-2597-2530>

Ю. В. Герасимов^{1,2}, Д. П. Загородникова¹, М. А. Корусенко^{1,2}

*Россия, Омск, ¹Омский научный центр СО РАН
Россия, Омск, ²Институт археологии и этнографии СО РАН*

ЗАХОРОНЕНИЯ ЧЕРЕПОВ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА ЧЕРТАЛЫ В ТАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

Статья посвящена неординарной погребальной практике, зафиксированной на могильнике Черталы. Памятник, расположенный в Муромцевском районе Омской области, исследовался на протяжении нескольких лет, за все время изучения авторами раскопок вскрыто 136 погребений, датированных периодом позднего Средневековья – Нового времени. Особое внимание в статье уделено 9 захоронениям отдельных черепов (4 взрослых и 5 подростковых), выполненным с соблюдением всех канонических правил погребения взрослого индивидуума. Подобные захоронения на территории Западной Сибири фиксируются разными исследователями от периода ранней бронзы до позднего Средневековья. В статье сделан вывод о том, что рассматриваемый обряд носит транскультурный характер, исследованные погребения черепов интерпретируются как свидетельства вторичных захоронений, а подростковые могилы, на основе этнографических данных, могут быть отнесены к категории социальных взрослых.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Тарское Прииртышье, курганно-грунтовый могильник, погребения черепов, парциальные захоронения.

Y. V. Gerasimov^{1,2}, D. P. Zagorodnikova¹, M. A. Korusenko^{1,2}

*Russia, Omsk, ¹Scientific Center SB RAS
Russia, Omsk, ²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS*

BURIALS OF SKULLS FROM THE MEDIEVAL BURIAL GROUND OF CHERTALY IN THE TARA-IRTYSH REGION

This article is about an extraordinary burial practice recorded at the Chertaly burial ground. The monument, located in the Muromtsevsky district of the Omsk region, has been examined for several years as a result, 136 burials have been uncovered dating from the Late Middle Ages – Modern Times. Special attention is paid in the article to 9 burials of individual skulls (4 adults and 5 teenagers), performed in compliance with the burial rules of an adult individual. Similar burials are recorded on the territory of Western Siberia by various researchers dating from the Early Bronze Age to the Late Middle Ages. In conclusion the examined ritual is proven to be of a transcultural nature and the studied skull burials provide evidence of secondary burials, while on ethnographic data allows to classify adolescent graves as social adults.

Keywords: Western Siberia, Tara-Irtysh region, barrow burial ground, skull burials, partial burials.

Проблема погребения неполных костяков либо их отдельных частей (парциальных захоронений) была сформулирована археологами еще в конце XIX в., но однозначного решения до настоящего времени не имеет. Подробный обзор истории исследований в указанной области выполнен О. В. Зайцевой [Зайцева, 2005, с. 7]. Автор отметила, что изучение захоронений такого типа сталкивается с определенными методическими сложностями, которые связаны с отсутствием как однозначных критериев различения естественных и преднамеренных повреждений костяка, так и убедительных моделей интерпретаций ритуальных действий, описанных этнографически. Фиксируемые археологически потревоженные захоронения автор предлагает классифицировать как вторичные, расчлененные и парциальные [Там же, с. 3]. Вопросом парциальных погребений Восточной Европы и Сибири занималась М. Д. Хлобыстина, выделив памятники двух видов: погребения черепа (головы) и погребения посткраниального костяка (обезглавленного торса) [Хлобыстина, 1999, с. 326].

В настоящей статье будут рассмотрены случаи захоронения отдельных черепов из состава комплекса памятников «д. Черталы. Могильник грунтовый III» и «д. Черталы. Могильник курганный IV», расположенного в Муромцевском районе Омской области, в 4 км к северо-западу от д. Черталы, в 4,8 км к северо-востоку от р. п. Муромцево. Могильники находятся в зоне подтайги Западной Сибири, на правом берегу р. Тара, правого притока р. Иртыш. Правый берег, как правило, обрывистый, образован первой и второй надпойменными террасами, местами сливающимися друг с другом. Местность в районе памятников равнинная, покрыта лесом, рельеф осложняют овраги.

Комплекс памятников поселение – могильники Черталы были открыты и исследовались Б. В. Мельниковым в 1988–1991 гг., а в 2010–2014 и 2017 гг. М. А. Корусенко, М. Ю. Здравом и Ю. В. Герасимовым. Некрополь насчитывает 369 объектов, содержащих захоронения разных археологических эпох и культур от раннего Средневековья до Нового времени. Раскопами Б. В. Мельникова, расположенными на западной оконечности могильника, были исследованы 82 погребения, датированные автором XVII–XVIII вв., но отчет по итогам работ составлен не был. В 2010 г. был составлен подробный план памятника, в последующие годы были изучены 49 погребений из состава позднего комплекса и 5 курганов развитого Средневековья. Таким образом, за все время исследования курганно-грунтового комплекса исследователями было вскрыто 136 погребений, из которых 9 могил можно интерпретировать как погребения черепов [Корусенко, 2011, с. 70; Здрав, 2012, с. 34; Герасимов, 2017, с. 70]. На основании полевых материалов Б. В. Мельникова за 1990 г. установлено, что исследователем было раскопано 7 погребений с черепами [Мельников, 1990]. Ниже нами составлено краткое описание могил.

Могила № 14 ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Размеры могильной ямы составляют 120x40 см, глубина 36 см, форма погребения овальная. Стенки отвесные, дно ровное. При исследовании могильного пятна, вдоль южного контура, на уровне материка, зафиксированы фрагменты деревянных плах, общим размером 156x24 см. Череп обнаружен в северо-западной части погребения, лежит на основании, лицевой стороной обращен к югу. Нижняя челюсть и сопроводительный инвентарь отсутствуют.

Могила № 17 ориентирована по направлению запад-северо-запад – восток-юго-восток. Размеры погребения составляют 140x48 см, глубина 33 см, форма ямы подпрямоугольная. Стенки отвесные, дно ровное, в восточной части – небольшая ступенька. В центральной части могильного пятна на уровне материка зафиксированы фрагменты деревянных плах общим размером 130x20 см. Череп зафиксирован в северо-западной части могилы, уложен на левую сторону, лицевой частью на север. Рядом рассыпаны зубы, нижняя челюсть отсутствует.

Могила № 18 ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. При исследовании могильного пятна, в восточной части, зафиксированы остатки деревянной надмогильной конструкции. Яма имеет размеры 268x150 см, ее глубина составляет 66 см, овальная в плане. Стенки пологие, дно понижается к юго-восточной части погребения. Череп, лежащий на затылочной кости, лицевой частью вверх, обнаружен у северо-западной стенки погребения, других находок нет.

Могила № 23 ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Размеры погребения составляют 125x48 см, глубина 47 см, форма ямы овальная. Стенки отвесные, дно ровное. Могильная яма была перекрыта деревянными плахами, остатки которых зафиксированы с юго-восточной стороны. Череп лежит на левой скуле, лицевой частью на восток, в северо-западной части погребения. Нижняя челюсть отсутствует, других находок нет.

Могила № 53 ориентирована по направлению запад-северо-запад – восток-юго-восток, яма аморфной формы, размеры составляют 145x60 см, глубина 30 см. Стенки пологие, дно ровное, в восточной стенке имеется небольшой уступ. В западно-северо-западной части погребения зафиксирован череп, лежащий на основании, лицевой частью обращенный на восток-юго-восток, справа от него обнаружена серьга.

Могила № 59 ориентирована по линии северо-запад – юго-восток, с небольшим отклонением к западу. Размеры погребения – 176x67 см, глубина 26 см, форма ямы подовальная. Стенки отвесные, дно ровное. При исследовании могильной насыпи в заполнении зафиксированы фрагменты деревянных плах. Погребение окружено кольцевым рвом шириной 33–45 см и глубиной до 10 см, с разрывами в северо-западной и северной части. Череп, обнаруженный в западной части погребения, лежит на левой скуле, лицевой стороной на северо-восток, нижняя челюсть отсутствует. Сопроводительный инвентарь включает серьгу справа от черепа, две бронзовых подвески, на одной из которых обнаружены остатки кожи, и бронзовый браслет. Украшения расположены вдоль южной стенки могилы, на месте, где у погребенного должна быть рука.

Могила № 63 ориентирована по линии север-северо-запад – юг-юго-восток. Размеры могильной ямы составляют 194x140 см, глубина 31 см, форма овальная. Стенки пологие, дно ровное. В погребении в северо-западной части обнаружен череп взрослого человека, лежащий на правой скуле, лицевой частью на юг-юго-запад. Нижняя челюсть отсутствует, в центре могилы зафиксирован один позвонок.

Все описанные погребения по особенностям погребального обряда и обнаруженному погребальному инвентарю могут быть датированы концом XVII – началом XVIII вв. и соотнесены с историческими предками тарских татар.

Еще два погребения черепов были обнаружены в раскопах 2012 и 2017 гг.

Могила № 217 имеет подчетыреугольные очертания, размеры 238x102 см, глубина 60 см. Ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Стенки могильной ямы переменной наклонности, переход в дно резкий. Дно ровное, понижается к северо-западной стенке. Заполнение могильной ямы представлено переслоем темно-серой гумусированной и серой супеси и желтого суглинка. Череп, обнаруженный в северо-западной части ямы, разрушен корнем березы; по положению нижней челюсти установлено, что изначально череп был уложен на основание, лицевой частью к юго-востоку.

Судя по сопроводительному инвентарю, череп был помещен в могилу в головном уборе, от которого сохранились бронзовые шумящие височные подвески, стеклянные бусины и бронзовая пронизка. Обнаруженные предметы позволяют датировать погребение XI–XIII вв. и отнести к усть-ишимской культуре, которую исследователи связывают с историческими предками южных ханты.

Могила № 277 ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Имеет подтрапециевидную в плане форму, размеры 140x125 см, ее глубина 31 см. Дно могильной ямы ровное, стенки отвесные. Заполнение представлено серой супесью, местами с вкраплением темно-серой супеси. В могиле обнаружены два детских черепа, лежавших на левой височной кости, лицевой частью обращенные к югу. Оба черепа разошлись по швам, кости сохранились плохо, в верхней челюсти фиксируются не выпавшие молочные и не до конца прорезавшиеся постоянные клыки. Между черепами обнаружены остатки железного черешкового ножа с деревянной рукоятью. Погребение можно датировать периодом позднего Средневековья – Нового времени (XVII–XVIII вв.).

Итак, из рассмотренных погребений, только в двух случаях зафиксированы черепа с нижней челюстью, но при этом без шейных позвонков. Это наблюдение позволяет предположить, что захоронения имеют вторичный характер и были совершены после разложения связок и утраты частей головы. При этом важно отметить, что погребение черепов выполнено по всем канонам совершения захоронения: могильный холм, намогильные конструкции, размеры могильной ямы, в ряде случаев – сопроводительный инвентарь никак не отличаются от тех могил, в которых содержатся полные костяки. Подчеркнем также, что из анализа нами были исключены погребения, когда отсутствие посткраниального скелета можно было бы объяснить его повреждением или процессами разложения – разграбленные, детские могилы.

Погребения такого рода известны в ряде памятников различных культур и эпох Западной Сибири.

Для эпохи бронзы такие находки отмечены в одиновском [Молодин, 2012, с. 107–129] и позднекротовском комплексе могильника Сопка-2 [Молодин, Гришин, 2019, с. 15–68], Еловский II [Матющенко, 2004, с. 181–182], Окунево-VII [Матющенко, Полеводов, 1994, с. 14, 18]. В эпоху Средневековья захоронения черепов встречены в могильниках Рёлка [Чиндина, 1977, с. 9, 18], Усть-Балык [Семенова, 2001, с. 21], Иванов Мыс I [Конилов, 2019, с. 36], Окунево-VII [Матющенко, Полеводов, 1994, с. 21, 28]. Известны такие находки и в памятниках позднего Средневековья – могильники Абрамово X, Кыштовка I в Барабе [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 123, 125, 138], Окунево-VII [Матющенко, Полеводов, 1994, с. 95]. Приведенный перечень показывает, что захоронения черепов имеют широкий ареал и хронологический диапазон бытования.

Можно констатировать, что рассматриваемый обряд погребения носит транскультурный характер и связан с фундаменальными мифологическими универсалиями, широко распространенными в архаическом мировоззрении. В погребальной практике населения Западной Сибири такие ритуалы сохраняются вплоть до этнографической современности, а их исчезновение следует связывать, на наш взгляд, с повсеместным распространением монотеистических религиозных представлений.

Обращаясь к проблеме интерпретации результатов исследований на могильниках Черталы III-IV, можно сделать несколько предположений. Судя размерам могильных ям, в наш анализ попали 4 взрослых погребения и 5 подростковых. Все описанные могилы, за исключением могилы № 277, являются полной имитацией «обычных» захоронений. Следовательно, такие погребения находятся в русле действующей традиции отношения к умершим у населения, оставившего памятник, являясь ее вариацией, то есть можно интерпретировать описанные захоронения черепов как свидетельства вторичных захоронений. Например, погребения людей, погибших вне поселения, при каких-то хозяйственных занятиях (охота, рыболовство, собирательство), в результате военных столкновений (нападений) или иных ситуаций, приведших к смерти. Интересно отметить, что на фоне однокультурных и хронологически близких комплексов памятник выделяется большим количеством захоронений черепов. Так, в могильнике Кыштовка приходится 2 погребения черепов на 140 исследованных захоронений, в могильнике Окунево-1 на 84, в могильниках Бергамак II и Чеплярово-27 (59 и 121, соответственно), отсутствуют. Аномально высокая численность захоронений черепов в Черталы может быть связана с какой-то экстраординарной ситуацией, в которой оказалось население поселка, например, военная угроза.

Еще одним вариантом, касающимся погребений подростков, может быть интерпретация, восходящая к другой части традиции отношения к умершим. Этнографические данные, собранные в различных группах этнической общности тоболо-иртышских татар, свидетельствуют, что до определенного возраста ребенок не входил в категорию взрослых. В погребальном обряде такие возрастные особенности выражались в том, что ребенку не нужно было сооружать отдельное погребение, или вообще хоронить на кладбище поселения. Если учитывать возможность существования подобной традиции отношения к умершим у исторических предков этнокультурной группы тарских татар, то все выявленные погребения, включая могилу № 277, могут быть отнесены к социальной группе «взрослых».

Список источников и литературы

Герасимов Ю. В. Отчет об археологических раскопках могильников Черталы III, Черталы IV на территории Муромцевского района Омской области в 2017 г. – Омск, 2020 // Архив Лаборатории археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН. – Ф. VII-6. – Диск № 8.

Зайцева О. В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации : дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2005. – 278 с.

Здор М. Ю. Отчет о проведении археологических раскопок могильников Черталы III, Черталы IV на территории Муромцевского района Омской области в 2012 г. – Омск, 2013. – 194 с. // Архив Лаборатории археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН. – Ф. VII-1. – Д. 48-1.

Конигов Б. А. Иванов Мыс I, курганный могильник. Тевризский район, Омская область. – Омск : Амфора, 2019. – 126 с.

Корусенко М. А. Отчет об археологических раскопках поселения Черталы I, могильника Черталы III, Черталы IV на территории Муромцевского района Омской области в 2010–2011 гг. – Омск, 2013. – 533 с. // Архив Лаборатории археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН. – Ф. VII-1. – Д. 39-1.

Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2004. – Ч. 2. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – 468 с.

Матющенко В. И., Полеводов А. В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. – Новосибирск : ВО «Наука» ; Сибирская издательская фирма, 1994. – 223 с.

Мельников Б. В. Полевые материалы раскопок на могильнике Черталы (1990 г.) // Архив МАЭ ОмГУ. – Ф. II. – Д. 151-1, 151-10, 151-11.

Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 5. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов позднекротовской (черноозерской), андроновской (федоровской), ирменской и пахомовской культур. – 223 с.

Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск : Наука, 1990. – 262 с.

Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск : Наука, 2001. – 296 с.

Хлобыстина М. Д. Ритуал «череп и головы» в культурах Северной Евразии эпохи раннего голоцена // *Stratum plus*. – 1999. – № 1. – С. 326–333.

Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби. – Томск : Изд-во ТГУ, 1977. – 192 с.

Герасимов Ю. В. <http://orcid.org/0000-0002-5066-576X>

Загородникова Д. П. <https://orcid.org/0000-0003-1748-8535>

Корусенко М. А. <https://orcid.org/0000-0001-7004-1287>

Л. Н. Дони́на, С. В. Су́лова

Россия, Казань

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

**ДИАХРОННЫЙ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
КАЗАНСКОЙ ФИЛИГРАНИ: НА ПРИМЕРЕ «ТАТАР СЫРГАСЫ»**

В статье проведен ретроспективный историко-этнологический и технико-технологический анализ миндалевидных филигранных серег, являющихся маркером татарской национальной культуры. Это впервые позволило атрибутировать некоторые известные археолого-этнографические артефакты. Истоки формирования серег в значительной степени связаны с золотоордынским периодом этнокультурной истории народа, прежде всего – казанских татар. Технологические и орнаментальные традиции золотоордынской филигрании сохранялись на всех этапах их формирования. Самые ранние образцы джучидской филигрании известны в миндалевидных серьгах XIV в. из могильника в окрестностях г. Булгара. Археологические артефакты, близкие аналоги казанско-татарским серьгам, датированы нами XV–XVI вв. Технология их изготовления – ажурная филигрань без основы – отражает процесс интеграции золотоордынских элементов и технологических приемов в ювелирное искусство казанских татар через посредство традиций болгарской филигрании. Золотоордынские традиции доминируют и в массивных миндалевидных височно-нагрудных украшениях: они также изготовлены из вальцованной скани; завитки филигрании выполнены в один оборот; внешний каркас изделий изготовлен из трех вальцованных проволок. Подобные крупные формы украшений больше соответствуют не кочевническим традициям, а монументальным формам городского костюма средневековой знати XVI–XVIII вв. Традиции джучидской спиральной филигрании в татарских серьгах миндалевидного типа, как и в искусстве казанско-татарской филигрании в целом, сохранялись вплоть до начала XX в.

Ключевые слова: болгарские, золотоордынские, казанско-татарские ювелирные традиции; технология филигрании, украшения.

L. N. Donina, S. V. Suslova

Russia, Kazan

Sh. Mardzhani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

**DIACRONIC ETHNOARCHEOLOGICAL ANALYSIS
OF KAZAN FILIGREE: ON THE EXAMPLE OF «TATARS SYRGASY»**

For the first time, the article carried out a retrospective historical-ethnological and technological analysis of almond-shaped filigree earrings, which are a marker of Tatar national culture. This allowed to attribute some early medieval archaeological and ethnographic artifacts. The origins of the formation of earrings are largely associated with the Golden Horde period of the ethnocultural history of the people, especially the Kazan Tatars. The technological and ornamental traditions of the Golden Horde filigree are preserved at all stages of their formation. The earliest examples of the Juchida filigree are known in the 14th century almond-shaped earrings from the burial ground in the vicinity of Bulgar town. Archaeological artifacts, close analogues of the Kazan-Tatar earrings, are dated by us to the 15th–16th centuries. This filigree tracery (gimp) without base. It reflects the process of integrating the Golden Horde elements (curl in one turn) and technological methods (openwork filigree without base) into the jewelry art of Kazan Tatars through the traditions of the Bulgarian filigree. The Golden Horde filigree traditions also dominate in the massive almond-shaped head ornaments of the 16th–18th centuries. Such large forms of jewelry are in correspondence not with nomadic traditions, but with the monumental forms of the urban costume of the medieval nobility. The technological traditions of the Juchi spiral filigree in the Tatar almond-shaped earrings, as in the Kazan-Tatar filigree art in general, continued until the beginning of the 20th century.

Keywords: Bulgarian, Golden Horde, Kazan-Tatar jewelry traditions; filigree technology, decorations.

Вплоть до конца XX в. в этнографической литературе бытовало устойчивое мнение, что у татар не было национального типа серег [Воробьев, 1953, с. 195]. Только в 1980 г. в научной литературе впервые высказывается точка зрения о том, что миндалевидные (грушевидные) серьги являются этноспецифическим элементом культуры казанских татар [Сулова, 1980, с. 24]. Они состоят из двух вертикально соединенных филигранных блях – малой и крупной миндалевидной формы, обычно с подвесками. В XVIII – начале XX вв. такие серьги бытовали у социальной верхушки и в праздничной одежде практически всех групп волго-уральских татар [Сулова, Мухамедова,

2000, с. 300–302, карта 25]. Терминологическое обозначение серег – *алка*, *сырга* (рис. 1, 2). В качестве декоративного элемента народного костюма их использовали, часто не по назначению, и другие тюркские народы.

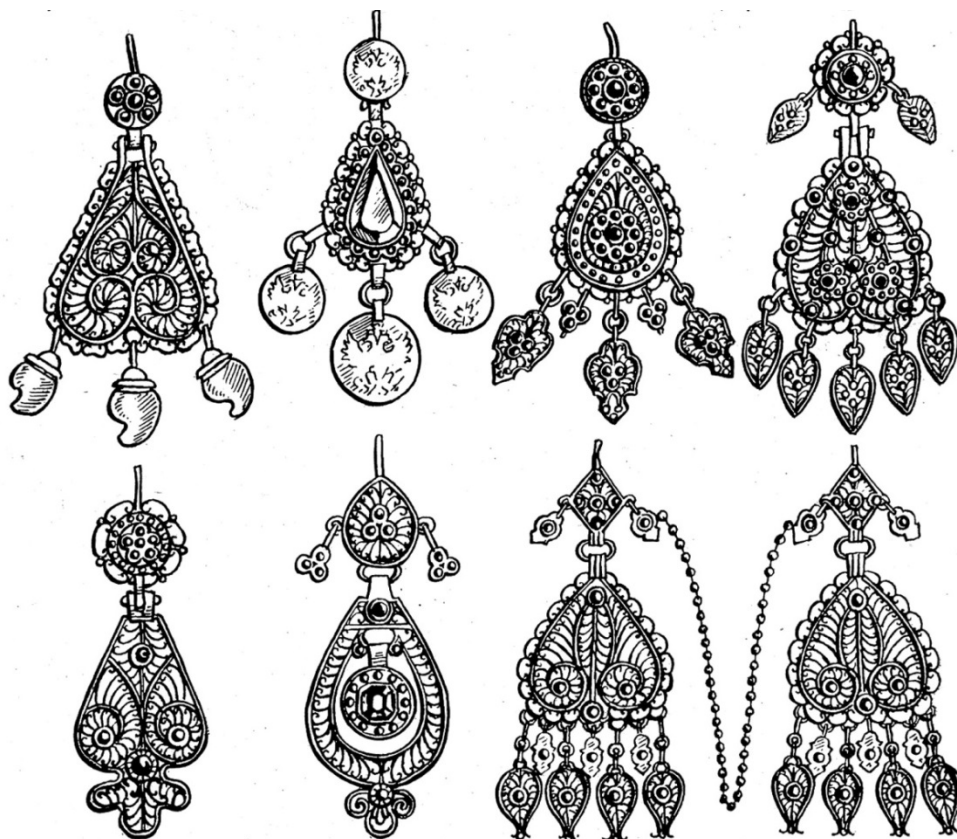

Рис. 1. Татарские миндалевидные филигранные серьги XVIII–XIX вв. (РЭМ, НМ РТ)

Рис. 2. Серьги. XVIII–XIX вв. Серебро, позолота, бирюза, стекло, ажурная филигрань (канитель) (НМ РТ, инв. № 14-8)

В середине XIX в. у казанских татарок крупные миндалевидные серьги бытовали в девичьих калфачных комплексах головных уборов, а также в аналогичных уборах молодых женщин – невесток *яш килен*, не использующих, как это характерно для мусульманок среднего и старшего возраста, больших головных покрывал, полностью скрывающих фигуру.

Миндалевидная бляха – основной элемент филигранных серег – нередко служила центральным звеном и других женских украшений, например, накосных – *чуллы* или височно-нагрудных – *сырга*. Последнее – в виде блях-подвесок, соединенных между собой ожерельем (цепочкой), – крепилось к височной части женского головного убора. Миниатюрный аналог *сырга* – серьги, соединенные между собой металлической цепочкой, в качестве казанско-татарских хранятся в коллекциях РЭМ (инв. № 6800–13, инв. № 25169–2).

Достаточно убедительно можно говорить о бытовании у казанско-татарской знати подобного украшения и в более раннее время, вероятно, и в период Казанского ханства. В собрании А. Ф. Лихачева (НМ РТ, инв. № 10202) хранится любопытное старинное массивное украшение. Совершенно очевидно, что по форме основных элементов оно представляет собой не что иное, как вариант филигранных миндалевидных серег, соединенных между собой декорирован-

ной цепочкой. Украшение, очевидно, крепилось к височной части каркасного головного убора вроде сахарной головки, при этом подбородочная цепочка украшала шею и грудь.

В тюрко-монгольском мире имеется большой круг аналогий этому шейно-височному украшению татарок [Донина, Сулова, 2019]. При сохранении у всех народов общих конструктивных признаков этого оригинального украшения бурят-монгольские вариации зачастую представляют собой настоящие шедевры ювелирного искусства. В качестве археологических прототипов можно указать серьги из Новохарьковского могильника эпохи Золотой Орды, описанные Р. Р. Каримовой. К ним также были прикреплены серебряные цепочки, при помощи которых они соединялись на груди под подбородком [Каримова, 2013, с. 31].

Миндалевидные татарские серьги формировались, очевидно, на основе местных ювелирных традиций. Серьги миндалевидной формы, изготовленные в технике филигрании, были обнаружены при археологических работах на Бабьем бугре в г. Булгаре в 1947 г. (рис. 3). Сходство этих болгарских сережек с татарскими идет гораздо дальше общей формы [Смирнов, 1951, с. 20].

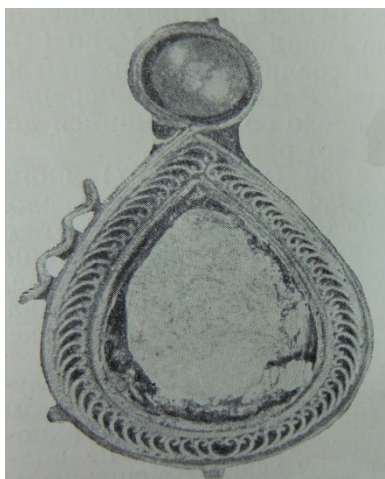

Рис. 3. Подвеска. Серебро, сердолик. Накладная филигрань. Бабий бугор, погребение № 40. Первая половина XIV в. Накладная филигрань [Ефимова, 1960, с. 185, рис. 3-3]

Рис. 4. Миндалевидная серьга. Прикамье. Находка XIX в. Серебро, ажурная филигрань (?), литые подвески [Первухин, 1896, табл. X]

Рис. 5. Миндалевидный щиток серьги. XIV–XVI вв. Ажурная филигрань. (Школьный музей с. Алькино Похвистневского района Самарской обл. Экспедиция 1996 г. Фото С. В. Суловой)

Рис. 6. Миндалевидный щиток серьги. XIV–XVI вв. Ажурная филигрань. Музей Лаишевского края им. Державина. (Экспедиция 2018 г. Фото Л. Н. Дониной)

Серьга со щитком миндалевидной формы, изготовленным в технике ажурной филигрании (?) и литыми подвесками, была случайно найдена в конце XIX в. в Глазовском уезде Вятской губернии. Фото серьги опубликовано в статье Н. Г. Первухина [Первухин, 1896, табл. X], тесно сотрудничавшего с Обществом археологии, истории и этнографии при Императорском казанском университете и оставившего заметный след в археологии и этнографии края (рис. 4). Попытка датировки и определения техники изготовления, вероятно, этой серьги впервые была предпринята значительно позже известным искусствоведом Ф. Х. Валеевым. Рисунки с фото оригинала «вятской» серьги представлены в двух главах его монографии [Валеев, 1975, рис. 29-8, 81-5].

Другая серьга с миндалевидным щитком была обнаружена во время экспедиции 1998 г. в Самарскую область С. В. Суловой (рис. 5). Серьга находилась в школьном музее с. Алькино Похвистневского района и условно атрибутирована исследователем как болгарская [Сулова, 2011, с. 175].

В 2018 г. в экспозиции музея Лаишевского края им. Державина (Татарстан) Л. Н. Дониной обнаружен подобный миндалевидный щиток (рис. 6).

Серьга была найдена на правом берегу реки Чакма в Лаишевском селище в 1996 г. директором музея, местным археологом Ф. Г. Муртазиной и условно датирована периодом Казанского ханства. Предмет был отреставрирован О. Гасимовым в 2002 г. В настоящее время на сайтах кладоискателей в сети интернет появляются фото аналогичных миндалевидных серег без научных аннотаций.

Наиболее ранними в ряду представленных выше археологических материалов являются миндалевидные шитки серег из известного погребения № 40 на Бабьем бугре, которое содержало комплекс вещей, позволивший изначально определить его как кочевническое и отнести к домонгольскому времени [Акчурина и др., 1949, с. 152]. Попытка дать сравнительно-исторический и технологический анализ этих серег впервые была предпринята А. М. Ефимовой [Ефимова, 1960, с. 191]. Исследователь обращает внимание, что форма, мотивы и технические приемы их отделки получили отражение в позднейшем ювелирном искусстве казанских татар [Там же, с. 184, рис. 2, 1-2; 3; с. 191, рис. 3-3]. Опубликованное А. М. Ефимовой фото серьги с сердоликовой вставкой из богатого захоронения дает четкое представление, что в качестве элементов орнамента бордюра служат короткие завитки в один оборот (рис. 3). Именно эта деталь позволила Г. Ф. Поляковой в 2000 г. уточнить датировку и отнести серьгу к золотоордынскому периоду истории Волжской Булгарии: «Серьги имеют пластинчатую основу, на которой укреплено гнездо со вставкой, окруженное пояском из коротких завитков воздушной скани <...> прием более всего характерен для ювелирного искусства Золотой Орды» [Полякова, 2000, с. 234]. В качестве аналогии исследователь приводит золотую серьгу, найденную к юго-западу от реки Янцзы в провинции Хунань [Маршак, 1982]. На китайские истоки золотоордынской филигрании спирального типа первым обратил внимание М. Г. Крамаровский. Идею генетической преемственности казанской филигрании как одной из ветвей джучидской художественной школы XIII–XV вв. исследователь считает очевидной [Крамаровский, 2000, с. 278]. Серьга с Бабьего бугра, исходя из последних аналитических материалов, является самым ранним образцом спиральной филигрании болгарского ювелирного искусства золотоордынского периода. Ее филигрань еще не оторвана от основы, как, например, на золотоордынском пластинчатом браслете [Сокровища Золотой Орды, 2000, с. 279, кат. 252] (рис. 7).

Рис. 7. Фрагмент браслета. Золотая Орда, Крым, XIV в. Золото, накладная филигрань (скань). (ГЭ, экспозиция)

В отличие от этой болгарской серьги с Бабьего бугра, «вятская», «самарская» и «лаишевская» серьги являются прямыми аналогами казанско-татарским миндалевидным, и датируются нами XV–XVI вв. Заметим, что все эти артефакты в качестве подъемного материала были обнаружены в территориальных пределах Волжской Булгарии и Казанского ханства. Принципиальное их отличие от болгарских серег, выполненных в технике накладной филигрании, заключается в иной технологии изготовления – ажурной филигрании без основы. Подобную «вятскую» серьгу Ф. Х. Валеев относит к группе домонгольских литых украшений, имитирующих сканные серьги, в основе которых лежат мотивы спиралей [Валеев, 1975, с. 164]. Изготовление реплики литьем с ажурной филигрании является весьма сложным процессом, гораздо проще изготовить саму филигрань.

В отличие от пленочных фотоаппаратов, современная техника позволяет оцифровать и рассмотреть изделие в разных ракурсах с максимальным увеличением.

Таким способом нам удалось определить, что «лаишевская» серьга выполнена в технологии ажурной филигрании – аналогичной казанско-татарской. Несмотря на газовые раковины, более свойственные литью, и коррозию металла, легко усмотреть, что каркас серьги был изготовлен из гладкой проволоки, а миниатюрная, предположительно, из проволоки канительной навивки. По причине отсутствия оригиналов «вятская» и «самарская» серьги для аналогичного анализа не доступны. Не исключено, что «вятская» серьга также изготовлена в технике филигрании, а литыми являются лишь подвески. То же касается и «самарской» серьги.

В контексте технологии ажурной филигрании шитки «вятской», «самарской» и «лаишевской» серег представляют собой прочную конструкцию, состоящую из внешнего и внутреннего каркасов. Внешний каркас, определяющий силуэт бляхи, – незамкнутой миндалевидной формы. Мотив известен в научной терминологии как *двусторонний сердцевидный завиток, образованный из двух спиралей*.

В качестве внутреннего каркаса служит центральная ось с петлеобразным завершением для подвески. К ней с двух сторон припаиваются спирали внешнего каркаса, усиливая прочность, а также элементы внутренней орнаментации.

Хронологически более поздними являются крупные миндалевидные филигранные украшения, которые также представлены единичными артефактами. Один из них – рассмотренное выше массивное (436 г) позолоченное височно-нагрудное украшение из коллекции А. Ф. Лихачева (рис. 8).

Другое украшение, очевидно, представляет собой створку поясной застежки (РЭМ). Интересен третий образец вторичного использования аналогичной бляхи в качестве элемента женского наосника *чулпы*. Техно-технологический анализ изделий позволяет с большой долей уверенности связать их изготовление с периодом расцвета ювелирного дела в Казанском ханстве и определить время их бытования в костюме казанско-татарской знати XVI–XVIII вв. Это подтверждают и массивные формы этих миндалевидных украшений, больше соответствующие не кочевническим традициям, а монументальным формам средневекового городского костюма. Эти украшения из музейных собраний заметно отличаются от археологических прототипов высочайшим уровнем ювелирного мастерства. Внутренний каркас миндалевидных блях имеет подтреугольную незамкнутую форму. В качестве элементов миниатюрной орнаментации служат *завитки в один оборот* из вальцованной скани.

Рис. 8. Миндалевидный щиток шейно-височного украшения сырга. XVI–XVIII вв. Серебро, позолота, самоцветы, бирюза, ажурная филигрань (скань). (НМ РТ, инв. № 10202)

Внешний каркас состоит из трех вальцованных проволок – одной гладкой, расположенной между двух витых. Подобный прием встречается в ряде золотоордынских сканных украшений [Сокровища Золотой Орды, 2000, кат. 473, 482]. Миндалевидные бляхи имеют особый характер инкрустации: на центральную ось каркаса с обеих сторон напаивались одинаковые по форме высокие касты с самоцветами. По внешней стороне каркас орнаментировался валютообразными завитками из проволоки в два сложения – гладкой и витой, что позволяло использовать их в качестве петель для подвесок. Некоторые технологические особенности этих «монументальных» украшений не получили дальнейшего развития в более поздней татарской традиции. Так, например, изменились тип и высота кастов, абсолютно исчезла двухсторонняя инкрустация. Кроме того, скань практически перестала использо-

ваться в казанско-татарской ювелирной традиции. На замену ей пришла канитель и штампованная проволока.

Археолого-этнологический и технологический анализ татарских миндалевидных серег позволил определить истоки их формирования, которые в значительной степени связаны с золотоордынским периодом этнокультурной истории народа. Технология изготовления филигрانی отражает процесс интеграции золотоордынских элементов (завиток в один оборот) и технологических приемов (ажурная филигрань без основы) в ювелирное искусство казанских татар через посредство традиций болгарской филигрانی.

Список источников и литературы

Акчурина З. А., Ефимова А. М., Смирнов А. П., Хованская О. С. Исследование города Болгара // Сессия отделения истории и философии АН СССР и Пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований Института истории и материальной культуры за 1947 г. – М. ; Л., 1949. – С. 149–157. – (КСИИМК ; вып. XXVII).

Валеев Ф. Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола : Марийское кн. изд-во, 1975. – 215 с.

Воробьев Н. И. Казанские татары. – Казань : ТАТГОСИЗДАТ, 1953. – 383 с.

Донина Л. Н., Сулова С. В. О золотоордынских традициях в ювелирном искусстве казанских татар: на примере филигранных миндалевидных серег // Золотоордынское обозрение. – 2019. – Т. 7. – № 3. – С. 461–485.

Ефимова А. М. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары // Тр. Куйбышевской археологической экспедиции. – М., 1960. – Т. III. – С. 169–193. – (МИА ; № 80).

Каримова Р. Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). – Казань : Ин-т истории АН РТ, 2013. – 212 с.

Крамаровский М. Г. К истокам казанской скани // Средневековая Казань: возникновение и развитие : материалы Междунар. науч. конф. Казань, 1–3 июля 1999 г. – Казань, 2000. – С. 272–278.

Маршак Б. И. Скань XIII века на Ближнем Востоке // Сообщ. Гос. Эрмитажа. – Л., 1982. – Вып. XLVII. – С. 63–66.

Первухин Н. Г. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. – М., 1896. – Вып. II. – С. 13–121.

Полякова Г. Ф. О датировке некоторых типов ювелирных изделий из Волжской Болгарии // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья : материалы науч. конф. – М., 2000. – С. 232–237. – (Тр. ГИМ. ; вып. 122).

Смирнов А. П. Волжские болгары. – М. : Изд. ГИМ, 1951. – 275 с.

Сокровища Золотой Орды : кат. выставки. – СПб. : Славия, 2000. – 345 с.

Сулова С. В. Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX века : историко-этнографическое исслед. – М : Наука, 1980. – 120 с.

Сулова С. В. История костюма тюркских народов (этнографическое исследование татарской народной одежды). – Астана : Сарыарка, 2011. – 286 с.

Сулова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. – Казань : ФЭН, 2000. – 312 с.

Донина Л. Н. <https://orcid.org/0000-0002-7559-0565>

Сулова С. В. <https://orcid.org/0000-0002-5950-8576>

Л. Н. Жукова

*Россия, Якутск, Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов севера СО РАН*

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТЕКСТЫ ЛЕСНЫХ ЮКАГИРОВ
О ПРЕДМЕТАХ ВООРУЖЕНИЯ И БЫТА**

Поздненеолитический ымыяхтахский культурный комплекс Северо-Восточной Азии ученые соотносят с раннеюкагирской культурой. Средневековая история юкагирского народа, его охотничий, боевой и бытовой инструментарий изучены недостаточно. В какой-то степени этот пробел восполняют фольклорные тексты лесных юкагиров верхней Колымы, содержащие определенные сведения о предметах вооружения и быта прошлых эпох. Выборки из двух сводов текстов, записанных в конце XIX – начале XX вв., показали наличие конкретного инструментария, его видов и значимости. Получили характеристику колющие, режущие, рубящие предметы из разных материалов. Лук, колчан со стрелами, копье и нож входят в амуницию воина и путника. Лук и нож сопровождали промысловика, топор есть предмет хозяйственно-бытового назначения. Природные материалы (камень, кость, дерево) шли на выделку упоминаемых в ранних пластах фольклора наконечников стрел и копий, ножей, больших ножей и топоров. Несомненна хронологическая глубина названных предметов, уходящая своими корнями к археологическим культурам северо-востока Азии. Следующим исследовательским шагом предполагается типологическая привязка раннеюкагирских и юкагирских артефактов.

Ключевые слова: Якутия, юкагиры, инструментарий, фольклор, хронологическая глубина; колющие, режущие, рубящие предметы.

L. N. Zhukova

*Russia, Yakutsk, the Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North SB RAS*

**FOLKLORE TEXTS OF FOREST YUKAGIRS
ABOUT WEAPONS AND HOUSEHOLD ITEMS**

Scientists correlate the Late Neolithic Ymyyakhtakh cultural complex of Northeast Asia with the Early Yukagir culture. The medieval history of the Yukagir people, their hunting, combat and household tools have not been studied enough. This gap is filled by folklore texts of the forest Yukagirs of the Upper Kolyma to some extent, containing certain information about weapons and household items of past eras. Samples from two sets of texts recorded in the late XIX – early XX centuries showed the presence of specific tools, their types and significance. The characteristics of piercing, cutting, chopping objects made of different materials were obtained. A bow, a quiver with arrows, a spear and a knife are included in the ammunition of a warrior and a traveler. A bow and a knife accompanied the fisherman an axe is a household item. Natural materials (stone, bone, wood) were used for the manufacture of arrowheads and spears, knives, large knives and axes mentioned in the early layers of folklore. There is no doubt about the chronological depth of these objects, which has its roots in the archaeological cultures of northeast Asia. The next research step is supposed to be a typological binding of Early Yukagir and Yukagir artifacts.

Keywords: Yakutia, Yukagirs, tools, folklore, chronological depth; piercing, cutting, chopping objects.

Древнейшим народом Республики Саха (Якутия) являются юкагиры, в языковом отношении принадлежащие к уралоязычному населению. Расселяясь в восточном направлении, языковые предки юкагиров достигли территории Восточной Сибири предположительно в раннеголоценовое время, где явились создателями сумнагинской археологической культуры [Жукова, 2022, с. 4–6; Мочанов, 1977, с. 250].

В последующие исторические периоды Восточной Сибири достигали иные пришлые группы населения, взаимодействуя между собой и с потомками ранних сумнагинцев. Результатом ассимиляционных процессов явилось сложение в поздненеолитическое время собственно юкагирского народа, состоявшего из территориально-племенных групп при сохранении уральской языковой основы.

Памятники ымыяхтахской поздненеолитической культуры широко распространены на территории Якутии и за ее пределами [Федосеева, 1980]. С накоплением археологических данных появилась возможность выделить локальные варианты ымыяхтахской культуры. Ставится вопрос об уточнении типологии инвентаря раннеюкагирской культуры, поскольку артефакты из грунтовых захоронений

едва ли могут принадлежать ранним юкагирам. Исследователи юкагирской культуры В. И. Иохельсон и Н. И. Спиридонов (Тэжи Одулок), выходец из группы верхнеколымских юкагиристов-одулов, писали в начале XX в. о том, что грунтовый способ захоронения юкагиры не практиковали, а распространены были наземные и воздушные могилы [Иохельсон, 2005б; Спиридонов, 1996]. Палеоэтнографический анализ грунтовых захоронений средней и нижней Колымы [Кашин, 2001; Кашин, Калинина, 1997; Кистенев, 1980] показал, что они оставлены выходцами из Прибайкалья и Приморья [Жукова, 2015а; 2015б]. Следовательно, инвентарь этих позднеолитических захоронений едва ли можно интерпретировать как раннеюкагирский; он, скорее всего, принадлежит кругу культур мест исхода.

Охотничий и боевой инструментарий как ранних юкагиристов, так и средневековых изучен недостаточно, хотя имеется ряд работ на эту тему [Жукова, 2013; 2017; Кашин, 2013; Иохельсон, 2005б; Федосеева, 1980; Эверстов, 2002]. Для выяснения данного вопроса обратимся к культурной памяти и фольклорному наследию верхнеколымских (лесных) одулов, содержащих определенные сведения о предметах вооружения.

Для исследования сделана выборка текстов, записанных в конце XIX – начале XX вв. и отражающая заключительный этап периода традиционной культуры. Источниками послужили два свода текстов, опубликованных В. И. Иохельсоном [Иохельсон, 2005а; 2005б]. В «Материалах по изучению юкагирского языка и фольклора, собранных в Колымском округе» из 65 прозаических текстов (сказки, предания, бытовые рассказы) в 39 названы предметы вооружения и промысла. Частотность названия их различна: луки, стрелы, колчаны – 18 текстов, ножи – 14, топоры – 11, копьё – 9, дубинка, палка, талина – 6, пешня – 2. В другой работе «Юкагиры и юкагиризованные тунгусы» эти же предметы названы в 7 текстах из 8: луки – 4 текста, топоры – 2, нож – 1, копьё – 1, палка – 1. Суммируя показатели получаем: общую выборку составляют 73 текста, из них в 46 присутствуют упоминания о луках, стрелах, колчанах – 22 текста, ножах – 15, топорах – 13, копьях – 10, дубинке, палке, талине – 7, пешне – 2. У народов, исторически добывающих пропитание охотой и рыболовством, какими продолжают оставаться лесные юкагиры, сохранение в культурной памяти колющих, режущих, рубящих предметов вполне естественно.

Луки – обычное оружие охотников-промысловиков и воинов. В сказочных текстах луки названы значительно реже, чем в исторических и шаманских преданиях и рассказах, причем, в последних оружие чаще применяют с боевыми целями. Луки входят в амуницию собравшегося в дорогу человека (юноши, отправляющегося на поиски невесты; отца, ищущего сына; шамана, улетающего с птицами) [Иохельсон, 2005а, фольклорные тексты: № 5, 23, 57]. Вооружен луком Мифический старик-людоед [Иохельсон, 2005б, с. 355–356].

Фольклор часто повествует о сражениях юкагиристов на луках с враждебными народами (эвены, коряки), редки сюжеты о нападении с луками на представителей царской администрации, якутских князцов, юкагиристов других групп. Луки имели шаманы и как воины боролись с враждебными народами или другими шаманами наряду с использованием магических приемов. Лишь однажды сообщается о девушке-шаманке, вышедшей на промысел лося с луком умершего отца; причиной послужило отсутствие мужчины-кормильца в семье, что может свидетельствовать об обучении девочек стрельбе из лука. В текстах нет информации о противопоставлении охотничьего лука боевому, так же – о размерах луков и использованном материале: известно, что в конце XIX – начале XX вв. для кибити брали дерево двух видов, а на концах луков были костяные вставки [Там же, с. 555–557].

Мало сведений о колчанах и стрелах. О деревянном наконечнике сообщает сказка об изготовлении лука и стрелы женщиной: «лиственничную ветку натянув, дала... талину приготовивши, дала». В следующей сказке мужчина «выстрелил деревянной стрелой и раздробил бедро другого мужчины» [Там же, с. 360–365]. В исторических преданиях упоминаются костяные наконечники и костяные задние концы стрел [Иохельсон, 2005а, фольклорные тексты: № 28, 35]. Стрелы, разринованные красным ольховником, входят в число жертвенных предметов при замирении противников [Там же, фольклорный текст № 36].

Другим обязательным атрибутом юкагирского воина является копьё, оно же дополняет дорожную экипировку юноши, ищущего невесту, и служит оракулом при определении направления движения пешего жениха [Там же, фольклорный текст № 23]; копьё используют при добыче медведя [Там же, фольклорный текст № 59]. В сказке юноша, живший «по ту сторону моря», летал верхом на копьё и им же одолел людоеда [Там же, фольклорный текст № 94]. В преданиях этому оружию приписывается большая убойная сила, благодаря которой подросток одолел многих корякских воинов, а копьё напавших эвенов не могли пробить защищенную шаманом покрывку юкагирского кожаного дома. Исторические предания о реальных событиях в жизни юкагирского народа показывают боль-

шую значимость копий в арсенале юкагирского воинства; нет упоминаний о владении этим холодным оружием женщинами, сказочными людоедами и животными.

В отличие от копья, ножом – оружием ближнего боя и быта – владеют мужчины и женщины, герои исторических преданий, сказочные персонажи и животные. Ножи многофункциональны, их применяют с боевыми целями и с замаскированной хитростью. В сказках о животных ножами владеют мелкие таежные звери, насекомые: лиса, заяц и волчонок, мышь и вошь; ножи используют для добычи пропитания, при этом показательны коварство и жестокость в отношении обманутых жертв. Согласно анализу текстов, крупные хищники, имеющие когти и зубы, в оружии не нуждаются, нет его и у копытных. Отсутствие вооружения у крупных хищников и копытных можно объяснить отражением охотничьих интересов промысловиков: одних животных боятся, на других охотятся.

Вполне естественно, что в охотничье-рыболовном хозяйстве юкагиров ножи играют исключительно важную роль на разных этапах свежевания, разделки добычи и приготовления пищи. Применяют ножи в качестве столовых приборов. В сказке Мифический людоед мстил женщинам, поочередно пряча предметы для заточки ножей – точильные камни, кожу, дерево, глину. Названы материалы, из которых изготовлены ножи, и различия в размерах, представленные в народном фантастическом духе. Так, заяц имел нож из тальника, волчонок – из кости, на нож лисицы напоролся лось, скатившись с ледяной горки, а мышь сетует на малый размер своего ножа. Магическую силу имеют ножны. Людоедка несколько раз бросала ножны вслед улетавших от нее сестер, «стянула» одну из них вниз и съела [Там же].

Предания о дулов приближены к историческим реалиям и являются важными хранителями информации, они повествуют о древних ножах, изготовленных из реберных костей, очевидно, крупных копытных (лося, оленя). Обычны названия «нож» и «большой нож»; о последнем В. И. Иохельсон пишет, что это боевое оружие, вид короткой сабли. Большими ножами владели герои преданий, трикстер Дебегей, Мифический людоед, а старуха-людоедка «круглым ножом» обтесала свое тело и надела платье жертвы. С большими ножами юкагиры сравнивают односторонне скошенные концы лыж [Там же, фольклорный текст № 35].

К числу необходимых хозяйственно-бытовых предметов относится топор. У таежных жителей его применение, в первую очередь, связано с рубкой деревьев в различных целях. Полагаем, что в самом названии топора заключено его главное назначение: *нумоды* от *нумо* «дом», *нумот* «строить дом для кого-нибудь» [Иохельсон, 2005б, с. 475, 488, 489], то есть инструмент для сооружения жилища, укрытия людей от мороза, жары, гнуса. В текстах говорится о постройке дома или погребального сооружения: «Убив [людоеда, юноша] из ив дом (для него) построил» [Там же, с. 341]; «Старший брат его жерди [для конического жилища] начал делать, все в красный цвет выкрасил. Баба дом поставила» [Иохельсон, 2005а, фольклорный текст № 23]; сообщается о рубке дров, изготовлении средств передвижения. Топором сооружают ловушки на зверей, добивают зверей, в них попавших, или отбиваются от врагов. С приходом русских практически прекращается пользование каменными топорами: «Русские топоры дали. Русские сказали: “Этим дерево рубите”. Все начали рубить. Некоторые, свои ноги отрубив, умерли. Свои каменные топоры все бросили» [Там же, фольклорный текст № 30]. Топоры обычно не назначались к применению в качестве оружия насилия и войны; редки тексты об использовании топоров на промысле и при нападении на противника [Там же, фольклорные тексты: № 15, 62].

В качестве инструмента насилия по отношению к противнику или при добыче животных названы палка, дубинка. Талиной наказывают детей в воспитательных целях родители, старик-людоед [Там же, фольклорные тексты: № 19, 66, 69]; играя и соревнуясь, палками колот друг друга подростки [Там же, фольклорный текст № 51].

Отдельный интерес представляет орудие под названием *чулго* [Иохельсон, 2005б, с. 480]. Промысловую добычу юкагиры называют *чул* «мясо (сырое)», то есть это орудие предназначалось для добычи любого мяса. В сказках с использованием *чулго* люди случайно добыли хищников (лиса, волк) [Иохельсон, 2005а, фольклорные тексты: № 25, 26]; текст № 26 является адаптированным пересказом русской сказки о хитрой лисе. Название *чулго* собиратель перевел как «пешня», это металлический лом для прорубания льда обычно с деревянной ручкой, использовался для зимней рыбалки. Подледный лов рыбы не является традиционным для юкагиров, он заимствован от русских вместе со специфическим инструментарием. Остается неизвестным, какой предмет, скорее всего колюще-режущий, носил в прошлом название *чулго*.

В завершение обзора одульского инструментария назовем напрямую не относящийся к этой категории «рожон». На открытом огне на рожне жарят пищу: птицу, лопатку лося, печень «оленя» [Там же, фольклорные тексты: № 5, 57, 65]; людоеды жарят (или собираются это сделать) своих

жертв [Там же, фольклорные тексты: № 3, 14]. Все тексты, за исключением № 65, представлены сказками; в историческом предании о вражде между членами юкагирского рода в предложении отведать печень противника (иносказательно «олень») находим следы сохраненного в культурной памяти древнего каннибализма и запрета на поедание мяса родственника.

Природные материалы (камень, кость, дерево) шли на выделку упоминаемых в ранних пластах фольклора наконечников стрел и копий, ножей, больших ножей и топоров. Несомненна хронологическая глубина названных предметов, уходящая своими корнями к археологическим культурам северо-востока Азии. Следующим исследовательским шагом предполагается типологическая привязка раннеюкагирских и юкагирских артефактов.

Список источников и литературы

Жукова Л. Н. Древние грунтовые погребения р. Колымы (палеоэтнографический анализ) // Homo Eurasicus в системах социальных коммуникаций : материалы VI Всерос. научно-практической конф., СПб., 26 окт. 2015. – М. ; Берлин, 2015а. – С. 317–342.

Жукова Л. Н. Неолитическое погребение Каменка II на Средней Колыме (палеоэтнографический анализ) // Северо-Вост. гуманитарный вестн. – 2015б. – № 3. – С. 19–26.

Жукова Л. Н. Предисловие // Немировский А. А. Юкагирско-китайские фольклорно-мифологические параллели. – СПб. : Свое изд-во, 2022. – С. 3–11.

Жукова Л. Н. Традиционные формы ножей аборигенного населения Колымы и Чукотки: от каменной индустрии к изделиям из железа // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2017. – № 4. – С. 8–13.

Жукова Л. Н. Феномен «якутского» ножа // Очерки по юкагирской культуре. – Якутск : Бичик, 2013. – Ч. 3. – С. 71–79.

Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – Якутск : Бичик, 2005а. – 270 с.

Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В. Х. Иванова и З. И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск : Наука, 2005б. – 675 с.

Кашин В. А. Неолит Средней Колымы. – Новосибирск : Наука, 2013. – 224 с.

Кашин В. А. Неолитическое захоронение детей на средней Колыме // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001 – № 2. – С. 78–81.

Кашин В. А., Калинина В. В. Помазкинский археологический комплекс как часть циркумполярной культуры. – Якутск : Северовед, 1997. – 109 с.

Кистенев С. П. Новые археологические памятники бассейна Колымы // Новое в археологии Якутии. – Якутск : Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1980. – С. 74–87.

Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск : Наука, 1977. – 264 с.

Спирidonов Н. И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа. – Якутск : Северовед, 1996. – 80 с.

Федосеева С. А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск : Наука, 1980. – 224 с.

Эверстов С. И. Орудия охоты в эпоху камня и бронзы Индигирского Заполярья (к вопросу формирования традиционных форм хозяйства у малочисленных народов Севера). – Новосибирск : Наука, 2002. – 72 с.

Жукова Л. Н. <https://orcid.org/0000-0003-1645-8043>

В. А. Зах

Россия, Тюмень, Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН

**ТАРХАНСКИЙ ОСТРОГ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ
В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА***

На основании анализа карт и архивных источников XVII в. рассмотрена система расселения и землепользования татарского населения на правобережье Тобола, при слиянии Тобола и Тапа. Здесь, на месте татарского городка, имевшего кроме оборонительной функции значение административного центра округа, в частности, при сборе ясака, в 1628 г. русскими был срублен Тарханский острог. В окрестностях укрепления в семи деревнях (юртах) проживали ясашные тарханские татары, занимавшиеся наряду с охотой и рыболовством пашенным земледелием и скотоводством. После утраты острогом в середине XVIII в. военного статуса на его месте появилась слобода, а впоследствии татарская деревня Тарханы. С этого времени на рассматриваемой территории проживает преимущественно татарское население, образуя однородный этнокультурный массив.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Нижнее Притоболье, слияние Тобола и Тапа, Тарханский острог, тарханские татары, система жизнеобеспечения.

V. A. Zakh

Russia, Tyumen, Tyumen Scientific Center SB RAS

**TARKHANSKY OSTROG AND ITS SURROUNDINGS
AT THE END XVIIth – EARLY XVIIIth CENTURY**

The article is based on the analysis of maps and archival sources dated back to the 17th century. It considers the system of settlement and land management among the Tatars living on the right bank of the Tobol River, at its confluence with the Tapa River. A Tatar town situated there was used for defensive purposes and served as the administrative center of the district during the collection of fur tributes. In 1628, the Russians built Tarkhanskii hillfort on that spot. Tarkhan Tatars who lived in seven villages (yurts) in its vicinity paid tributes in fur and were engaged in hunting, fishing, arable farming, and cattle breeding. After the hillfort lost its military status in the middle of the 18th century, the Tarkhan quarter appeared in its place, which would be later the Tatar village of Tarkhan. Since then, the territory under consideration has been inhabited mainly by the Tatar population forming a homogeneous ethnocultural group.

Keywords: Western Siberia, Lower Tobol River region, confluence of Tobol and Tapa, Tarkhansky Ostrog, Tarkhan Tatars, life support system.

Освоение русскими территории Тоболо-Ишимского междуречья в XVII в. происходило при постоянной опасности вторжения южных кочевников и смут, организованных кучумовичами и их сподвижниками против русского населения и татар, принявших подданство русского царя. В этот период на границе с кочевниками от Тобола до Иртыша строится ряд укреплений, среди которых значится и Тарханский острог [Миллер, 1937; Резун, Васильевский, 1989].

Срубленный в 1628 г. у слияния Тобола и Тапа, острог защищал проходящую по правобережью Тобола дорогу, идущую с юга к Тобольску, и южные подходы к городу. Обнаруженные и частично исследованные в 2020–2021 гг. остатки укрепления соответствовали местоположению острога, отмеченному С. У. Ремезовым на карте (рис. 1, 1), описаниям в письменных источниках и указаниям жителей современной д. Тарханы на расположение татарского городка [Миллер, 1937]. Тарханкала, татарский городок, на месте которого, видимо, и был построен русский острог, находился на останце высокой надпойменной террасы у слияния р. Тобола и Тапа [Сидорова, 2021; Зах и др., 2021]. Останец доминировал над прилегающей местностью, с запада от него находилось русло Тобола, с востока – старичные, проточные озера и заболоченные древние участки меандров реки и участки обширного бора. По узкому месту между Тоболом и заболоченными старицами проходила дорога с юга к Тобольску. Сегодня останец с южной, западной и северной сторон возвышается над поверхностью ложбин древних русел не более чем на 3,5 м. Восточный склон крутой и выше западного больше чем на 2 м. На площади останца около 8500 кв. м были проведены геофизические исследования с применением магнитометра Gem Systems GSM-19WG и археологические раскопки, полностью подтвердившие предположение о существовании на останце Тарханского укрепления. Остатки острожного тына, независимых от него крупных столбов, которые в некоторых местах

перерезаны тыновой канавой и теплотехническим сооружением, и данные полученной магнитограммы позволяют судить о форме и размерах острога и свидетельствуют о его сложной стратиграфии. П-образное скопление аномалий в западной части возвышения соответствует, на наш взгляд, фундаменту одной из башен, которая защищала более пологий край останца, и, скорее всего, фиксирует северо-западный угол острожного укрепления. Южнее отмечаются аномалии, возможно, связанные с еще одной башней. Все это соотносится с описанием, согласно которому Тарханский острог «представлял собой крепость с деревянным частоколом и двумя башнями» [Резун, Васильевский, 1989, с. 246]. Исходя из вероятных очертаний тыновой канавы, при условии прямоугольной формы острога, полагаем, что его площадь могла варьироваться от 1400 до 1600 кв. м; если же форма была неправильной четырехугольной, то площадь составляла около 2000 кв. м. Таким образом, по размерам он сопоставим с Ляпинским и Казымским острогами [Бородовский, Горохов, 2008]. В результате раскопок обнаружен представительный комплекс керамики, состоящий как минимум из 156 сосудов, скорее всего, местного производства, о чем свидетельствуют остатки печи для обжига посуды. Кроме того, найдены обломки китайских фарфоровых и фаянсовых изделий и стеклянных емкостей. Среди железных орудий выделяются: оковка для лопаты, обломки ножей, ключ, наконечник стрелы, петли, скоба, рыболовные крючки, шилья, швейные иглы и гвозди разнообразных размеров. Разнообразны изделия из цветных металлов: ручка для сундука из бронзы, накладка, бронзовые украшения, свинцовые пули, серебряные копейки-чешуйки и медная монета, отчеканенная в 1703 г. (рис. 1, 2–18). Глиняные грузила, каменные оселки, наряду с перечисленными выше изделиями, дают представление о хозяйственных занятиях жителей острога.

Русское укрепление, как уже говорилось, было поставлено, судя по всему, на месте татарского городка, имевшего, кроме оборонительной функции, значение административного центра округа, в частности, при сборе ясака [Сибирские летописи..., 2008, с. 321, 412]. Наряду с охраной подступов к Тобольску Тарханский острог также, в свою очередь, играл роль административного центра. В зимний период все татары из окрестных юрт собирались под защиту Тарханского укрепления: «...в том острожке в зимнее время съехав да из летних деревень живут ясашные татарове, а летом ясашные татарове врознь живут по деревням» [ЦУХиП МФ МК им. И. Я Словцова..., ОФ-29919, л. 2 об.] (далее – ОФ-29919). В переписи¹, проведенной Л. М. Поскочиным в окрестностях Тарханского острога в 7193 г. <1684, 1685 гг.>, содержатся сведения о деревнях ясашных татар в окрестностях Тарханского острога, об их пашнях, выгонах и покосах (рис. 1, 1).

Деревня Макша (рис. 1, 1а). «...На реке Тобол и на устье речки Регизу от острожку вниз по Тоболу реки восемь верст живут ясашные татарове Албаутко Майтмасов с товарищи пятнадцать человек. Пашни у них паханые у всех вопче около летних юрт двадцать десятин в поле а в дву потому у них же заложной земли под пашне пятьдесят десятин. Поскотинной земли вверх по Таболу реки от летних юрт в длину на версту, а поперечь на пол версты. Сенных у них покосов около поскотинной земли на восемь сот копен...» [ОФ-29919, л. 2 об.].

Деревня Кобеляцкая (рис. 1, 1б). «...На реке Табол и на озере Кобеляке. От острожку вниз по Таболу реки три версты живут ясашные татарове деревня Уточно Якжигулов с товарищи шестнадцать человек пашни у них паханые. ...Около летних юрт у всех вопче дватцать десятин в поле, а в дву... де заложныя земли, под пашни сорок пять десятин, да у них де поскотинные земли вниз по Таболу реки на версту, а поперечь на пол версты и больши. ...Сенных у них покосов с той деревни их вверх по Таболу реки лугов на три тысячи копен вопчеж с деревнею Корбановою а межа той их пашенной и залежной и поскотинной земли и сенных покосов с верхнюю сторону Таболу реки по озеро Чатарлыское, а в нижнюю сторону Таболу реки по озеро Равдинское» [Там же, л. 2 об., 3].

Деревня Карбанова (рис. 1, 1в). «...На реке Табол живут ясашные татарова от Тарханского острожку в двух верстах вниз по Таболу реки Тлешко Китазанов с товарищи девятнадцать человек. Пашни у них паханые окола деревни у всех вопче восемнадцать десятин в поле да в дву потомуж, а поскотинная земля и сенные пососы вопче с деревнею Кобеляцкою с Кутучком Аншигуловым с товарищи» [Там же, л. 3].

Деревня Сенткулова (рис. 1, 1г). «...На реке Таболе и на устье речки Тап живут ясашные татарова а от тарханского острожку вниз по Таболу реки с версту Маметко Анткулов с товарищи шесть человек. Пашни у них паханые около деревни шесть десятин в поле а в дву потомуж у них же залежные земли под пашню пятнадцать десятин, да у них же поскотинные земли вверх по Таболу реки по озеро Буруткинское. А с нижнюю сторону Таболу реки Табола реки по ручей, а тот ручей из болот устьем пал в Табол реку. Сенных у них покосов за рекою Тоболом против летних юрт на триста копен...» [Там же, л. 3].

Деревня Лучкина (рис. 1, 1д). «...На реке Таболе живут ясашные татаровья, а от острожку вверх по Таболу в дву верстах Лучка Булатев с товарищи десять человек. Пашни у них паханые около летних юрт одинацать десятин в поле, а в дву потомуж у них же заложные земли под пашню, двадцать семь десятин да у них же поскотинные земли от летних юрт вниз по Таболу реке в длину на версту, а поперечь на пол версты санных покосов вверх по Таболу реке на тысячу копен, а межа той их пашенной, заложной и поскотинной земли с верхнюю сторону Табола реки по речку Иркину, а с нижнюю сторону Табола реки до Бурубинского озера» [Там же, л. 3].

Рис. 1. Тарханский острог и окрестные деревни (юрты).

1 – окрестные деревни (а – Макша; б – Кобеляцкая; в – Карбанова; г – Сенткулова; д – Лучкина; е – Чечкина; ж – Соярское); 2–18 – материалы Тарханского острога.

В иллюстрации в качестве картоосновы использован лист 15 «Хорографической чертежной книги Сибири» С. У. Ремизова [Хорографическая чертежная книга...]. Названия деревень взяты из писцовой книги Л. М. Поскочина 1684–1685 гг. из «Документов о земельных спорах ясашных татар...» [ЦУХиП МФ МК им. И. Я. Словцова..., ОФ-29919]

Деревня Чечкина (рис. 1, 1е). «...На реке Таболе живут ясашные татаровья вверх по Таболу от острожку в пяти верстах Чичкичко Ергитов с товарищи двадцать три человека. Пашни у них паханые около деревни у всех вопче двадцать десятин в поле а в дву потому у них же заложные земли под пашню шестьдесят десятин да у них же поскотинной земли вниз по Таболу реке в длину на версту, а поперечь на пол версты и больше, а межа пашенной их и поскотинной земле с верхнюю

сторону Табола реки до прорвы, а с нижнюю сторону по речке Ирикуту, да у них же санных покосов против летних юрт за рекою Таболом подле речки Атранке по обе стороны на две тысячи копен» [Там же, л. 3–3, об.].

Деревня Солярская (рис. 1, 1ж). «...На реке Таболе живут ясашные татаровья вверх по Таболу от острожку семь верст Союрко Топиев со товарищи десять человек. Пашни у них паханные против летних юрт за рекою Таболом у всех вопче десять десятин в поле а в дву потому ж у них же заложные земли под пашнею дватцать десятин, санных у них покосов около пашенных земель на восемьсот копен. А межа той их пашенной и заложной земли и санным покосам с верхнюю сторону Табола реки по речку Алтын у зон, а с нижнюю сторону Тобола реки по речку Юргу, да у них же поскогинной земли около летних юрт в длину на версту, а попереч на пол версты» [Там же, л. 3 об.].

Наряду с производящими отраслями у ясашных татар Тарханского острога значительную роль в хозяйстве играли рыбная ловля и охота, в частности, на пушных и крупнокопытных животных. Население татарских деревень активно ловило рыбу на озерах в окрестностях Тарханского острога: на «Сангутарском за Таболом напротив укрепления, а также Аюском, Круглом, Юлатынском у д. Чечкино, Караярском, Бахтинском, Атояжском, Машкарском, Атьялском...» [Там же, л. 3 об.] и некоторых других. Ловили рыбу разных видов и вели зверовой промысел на речках: «речка Калалучь, да речка Яурга, да речка Уж Тобул, да речка Кулук, да речка ж другой Кулук, да речка Пурубка, да речка Чакча, а по тем речкам ловят всякой зверь и рыбу всех вопче, да у них же зверовой промысел Ярташлы, а по русскому званию Каменный Яр Отрячь а на нем березник большой да яр Бангумах. А на нем сосняк и березник, а на тех Ярах лисьи норы ловят они ясашные татаровья всякой зверь все вопче, а той Тарханской волости межа от Тарханского острожку вверх по Таболу реки до речки Чакчи. А до той речки пустыми лесными местами дватцать верст, а та речка Чакча вышла из болота и упала устьем в Табол реку, а вниз по Таболу реке до большого кочковатого болота. А с тех земель и угодий платят они ясак по все годы и в нынешнем во 195 [1685] году апреля 12 день» [Там же, л. 3 об. – 4].

Тарханский острог в XVII – начале XVIII в. был единственным значимым русским опорным военным и административным пунктом в правобережной части Притоболья, на территории между речья Чакчи и Ревды, между Ялуторовском и Тобольском, заселенной «ясашными Тарханского острога татарами». Окрестности острога представляли собой территории с пашенными землями на высоких местах, борами, урочищами и водоемами, богатыми зверем, птицей и рыбой. О ресурсах округа свидетельствует перечень товаров, ввозимых в Тобольск из деревень, в том числе – в окрестностях Тарханского острога: пушнина, лосиные кожи, хмель, воск, мед, скот и хлеб [Вилков, 1990, с. 54]. После утраты острогом в середине XVIII в. статуса военного укрепления на его месте появилась слобода, а позже татарская деревня Тарханы. С этого времени на рассматриваемой территории в правобережной части Тобола проживает преимущественно татарское население, образуя практически однородный этнокультурный массив.

Список источников и литературы

Андроников И. А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии: исследование чиновника особых поручений при Переселенческом управлении И. А. Андроникова (при участии чинов Тобольской переселенческой организации В. М. Егорова, К. К. Иванова, М. К. Колпакова и др.). – Тобольск : Губернская тип., 1911. – 395 с.

Бородовский А. П., Горохов С. В. Оборонительные сооружения Умревинского острога // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 4 (36) – С. 70–82.

Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. – Новосибирск : Наука, 1990. – 308 с.

Зах В. А., Цембалюк С. И., Сидорова Е. В., Юдакова В. С. Тарханский острог XVII–XVIII вв.: направления поиска и начала исследований // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – № 3 (54). – С. 119–132.

Миллер Г. Ф. История Сибири : в 2 т. – Л. : Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 1. – 693 с.

Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск : Новосибирское кн. изд-во, 1989. – 304 с.

Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань : Александрия, 2008. – 688 с.

Сидорова Е. В. Тарханский острог XVII века у слияния Тобола и Туры // ЛIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Оренбург, 1–3 февр. 2021 г.) : материалы Всерос. (с междунар. участием) конф. – Оренбург, 2021. – С. 276–278.

Хорографическая чертежная книга Сибири Ремезова С. У. [Электронный ресурс] // Гарвардская университетская библиотека: [сайт]. – URL: [https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155\\$1i](https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155$1i) (дата обращения: 07.06.2022).

ЦУХиП МФ МК им. И. Я. Словцова. Коллекция «Документы». – ОФ-29919.

Зах В. А. <https://orcid.org/0000-0002-3635-5933>

Примечания

*Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум».

1. Оригинал переписи нам не известен, но упоминание о выписке из него, сделанной по запросу тарханских татар в 1687 г., есть у И. А. Андроникова [Андроников, 1911, с. 102]. Собственно текст выписки из писцовой книги Л. М. Поскочина 1684–1685 гг. присутствует в «Документах о земельных спорах ясашных татар Ялуторовского уезда Тобольской губернии», который хранится в архиве Музейного комплекса им. И. Я. Словцова в Тюмени [ОФ-29919]. Документ не публиковался, в нем 12 листов, исписанных с двух сторон. Выдержки из него приводятся в нашем прочтении согласно орфографии источника.

М. Ю. Здор, Д. Н. Павлов, С. В. Черенкова

Россия, Омск, Омский научный центр СО РАН

КОЛЛЕКЦИЯ КРЕСТОВ-ТЕЛЬНИКОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРИ АВАРИЙНО-СПАСАТЕЛЬНЫХ РАСКОПКАХ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА «БЫВШЕЕ КЛАДБИЩЕ БУТЫРСКОГО ФОРШТАДТА ОМСКОЙ КРЕПОСТИ» В Г. ОМСКЕ В 2018–2019 ГГ.

В мае 2018 г. при обследовании земельного участка под строительство жилого дома, расположенного в Центральном административном округе (ЦАО) Омска, сотрудниками ЛИКЭ ОНЦ СО РАН был обнаружен культурный слой, относящийся к кладбищу Бутырского форштадта Омска. В 2018 и 2019 гг. были проведены аварийно-спасательные раскопки. Данная статья посвящена исследованию коллекции крестов-тельников, собранных при проведении работ. Кресты разделены по типологии В. И. Молодина, проведено сравнение с коллекциями крестов-тельников с могильника Изюк-I и кладбища Илимского острога.

Ключевые слова: археология, кресты-тельники, городское кладбище, аварийно-спасательные раскопки.

M. Y. Zdor, D. N. Pavlov, S. V. Cherenkova

Russia, Omsk, Omsk Scientific Center SB RAS

COLLECTION OF CROSSES, RECEIVED DURING EMERGENCY RESCUE EXCAVATIONS OF THE UNDERGROUND BURIAL GROUND «THE FORMER CEMETERY OF THE BUTYRSKY FORSTADT OF THE OMSK FORTRESS» IN OMSK IN 2018–2019

In May 2018, during a survey of a land plot for the construction of a residential building located in the Central Administrative District of Omsk, employees of the LCE ONC SB RAS discovered a cultural layer belonging to the cemetery of the Butyrsky Forstadt of Omsk. Emergency rescue excavations were carried out in 2018 and 2019. This article is devoted to the study of the collection of crosses collected during the work. The crosses are divided according to the typology of V. I. Molodin, a comparison is made with the collections of crosses from the Izyuk-I burial ground and the cemetery of the Ilimsky prison.

Keywords: archeology, body crosses, cemeteries, city cemetery, emergency rescue excavations.

Кладбище Бутырского форштадта занимало территорию в квадрате современных улиц Гусарова, Чернышевского, Рабиновича и Центрального переулка. Территория под него была выделена и начала осваиваться во второй половине XVIII в. В середине XIX в. кладбище было закрыто, и к концу века его территория стала пустырем. В начале XX в. территория кладбища начала застраиваться: возведена Богородице-братская церковь, организована рекреационная территория. В начале Великой Отечественной войны территория была отдана под размещение корпусов эвакуированного завода им. Г. Н. Козицкого (сейчас ОАО «ОПЗ им. Козицкого») [Омский некрополь..., 2005, с. 31]. В начале XXI в. участки территории завода начали распродаваться, в частности, весной 2018 г. часть территории завода была выкуплена под строительство жилого дома [Корусенко и др., 2021, с. 47–53].

В мае 2018 г. при обследовании земельного участка, расположенного на улице Чернышевского в ЦАО г. Омска сотрудниками Лаборатории историко-культурных экспертиз Омского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (ЛИКЭ ОНЦ СО РАН) был обнаружен культурный слой, относящийся к кладбищу Бутырского форштадта Омской крепости (далее – Бутырское кладбище) [Павлов, Черенкова, 2019, с. 382–385]. В 2018–2019 гг. были проведены аварийно-спасательные раскопки участков кладбища, попадающих под жилищную застройку. В результате проведенных работ изучено 98 захоронений, получена коллекция нательных крестов в количестве 44 экземпляров, две бусины красного стекла, две костяные пуговицы, керамическая чаша, офицерский мундир, трехстворчатый складень, ладанка и крест-мошевик. Получена информация по погребальному обряду русского городского населения конца XVIII – середины XIX вв. Также был получен обширный антропологический материал, в том числе со следами посмертного вскрытия черепа.

В данной статье мы провели типологический анализ крестов-тельников, обнаруженных на Бутырском кладбище, и соотнесли нашу коллекцию с материалом двух аналогичных памятников, наиболее географически близких Бутырскому кладбищу: кладбища Илимского острога и грунтового

могильника Изюк-1 [Татаурова, 2010] для выявления возможных отличий между городскими и сельскими кладбищами. Данные соотношения коллекций представлены в диаграмме 1.

В отечественной науке широкое распространение получили типологии крестов-тельников Э. П. Винокуровой и В. И. Молодина, охватывающие, в том числе, кресты-тельники с XV до XX вв. Типология Э. П. Винокуровой основывается на четырех показателях: форма ветвей, форма средокрестия, количество и пропорциональное соотношение ветвей [Винокурова, 1999, с. 326–360]. В типологии В. И. Молодина также используются четыре показателя [Молодин, 2007, с. 40], но их выявленные соотношения имеют более разветвленную структуру, что дает более детальную картину. Например, тип 1 подтип 1 и тип 1 подтип 2 по В. И. Молодину укладываются в тип 1 подтип 1 по Э. П. Виноградовой, так как имеют одинаковые четыре основных признака, однако их основания сильно отличаются по ширине, что позволяет разделить кресты на два подтипа. Поэтому для исследования коллекции крестов-тельников с Бутырского кладбища была использована типология В. И. Молодина, так как она более подробна, а коллекция, собранная им при раскопках Илимского острога, лучше соотносится с нашей коллекцией и ближе к ней по хронологии.

В соответствии с типологией В. И. Молодина, кресты с кладбища Бутырского форштадта представлены следующими типами:

Тип 1. Подтип 1.

Получено 15 экземпляров, что составляет 34,09 % от общего количества крестов. Концы и углы средокрестия прямые. Оглавие фигурное. Лицевая сторона изделия по периметру оконтурена тонким рельефным валиком. В центре ее, выпуклым рельефом, выполнен восьмиконечный крест на Голгофе. По бокам от креста расположены копье и трость с губкой. В верхней части креста, под оглавием, а также на оконечностях горизонтальных лучей и на самих лучах, выпуклым рельефом, выполнены комплексы надписей-аббревиатур. Обратная сторона крестов по периметру оконтурена рельефным валиком. Вся свободная площадь занята надписью. На трех экземплярах зафиксированы следы голубой эмали. Подобные кресты О. С. Куколевская считает старообрядческими [Куколевская, 1994, с. 373–385.]. Кресты из этнографических коллекций Средней Сибири, подобные охарактеризованным, Н. Н. Исаева называет «мужскими» и относит к XVI–XIX вв. [Исаева, 1996, с. 39–42].

Тип 1. Подтип 2.

Получено 11 экземпляров, что составляет 25 % от общего количества крестов. Углы средокрестия и концы крестов прямые. Форма креста простая. Оглавие простое. Лицевая сторона изделия по периметру оконтурена тонким рельефным валиком. В центре ее, выпуклым рельефом, выполнен восьмиконечный крест на Голгофе. По бокам от креста расположены копье и трость с губкой. В верхней части креста, под оглавием, а также на оконечностях горизонтальных лучей и на самих лучах, выпуклым рельефом, выполнены комплексы надписей-аббревиатур. Обратная сторона крестов по периметру оконтурена рельефным валиком. Вся свободная площадь занята надписью. От типа 1 подтипа 1 отличаются меньшей свободной площадью между изображениями и более выпуклым рельефом.

В отличие от подобных крестов с Илимского острога, имеющих множество вариантов оформления, кресты Бутырского кладбища отличаются друг от друга только габаритами. Подобные кресты датируются второй половиной XVII–XVIII вв. [Даркевич, Пуцко, 1981, с. 218–232] и использовались как в обычной, так и в старообрядческой среде [Станюкович, 1987, с. 19–20].

Тип 4. Подтип 2.

Получен 1 экземпляр, что составляет 2,27 % от общего количества крестов. Углы средокрестия прямые. Из них исходят осложненные дугой-венком (волютой) лучи. Из центра каждой волюты исходит луч. Лучи имеют вид объемных овалов, увенчанных маленькими шишечками. В центре креста, выпуклым рельефом, выполнен восьмиконечный крест на Голгофе. По бокам от креста расположены копье и трость с губкой. На оконечностях лопастей выделены подквадратные зоны, содержащие надписи. По периметру изображение оконтурено завитками. Обратная сторона оконтурена рельефным валиком, с вписанным в него текстом.

Данный крест полностью аналогичен кресту типа 4 подтипа 2 из коллекции Илимского острога. Кресты этого типа датируются XVII–XVIII вв. [Молодин, 2007, с. 54]

Тип 5. Подтип 1.

Обнаружено 6 экземпляров, что составляет 13,64 % от общего количества крестов. У двух крестов оглавление фигурное, у четырех простое. Четырехконечный крест обрамлен венком, выполненном в виде растительного узора. Лицевая сторона этого креста по периметру оконтурена тонким рельефным валиком. В центре креста, выпуклым рельефом, выполнен восьмиконечный крест на Голгофе. По бокам от креста расположены копье и трость с губкой. В верхней части креста, под оглавием,

а также на оконечностях горизонтальных лучей и на самих лучах, выпуклым рельефом, выполнены комплексы надписей-аббревиатур. Обратная сторона изделия по периметру оконтурена рельефным валиком. Венок, обрамляющий крест, покрыт растительным орнаментом. Всю свободную площадь креста занимает надпись.

Данные кресты аналогичны крестам типа 5 подтипа 1, 3-го варианта 2-го подварианта из коллекции Илимского острога. Кресты этого типа датируются XVII–XIX вв. Подобные кресты бытовали у старообрядцев вплоть до XX в. и относятся к «женским» крестам [Об истории литейного дела..., 1993, с. 155–161].

Тип 6. Подтип 1.

Обнаружено 4 экземпляра, что составляет 9,09 % от общего количества крестов. Лопасты расширяются от средокрестия к оконечностям. Торцы оконечностей прямые. Лицевая сторона изделия по периметру оконтурена тонким рельефным валиком. В центре ее, выпуклым рельефом, выполнен восьмиконечный крест на Голгофе. По бокам от креста расположены копьё и трость с губкой. В верхней части креста, под оглавием, а также на оконечностях горизонтальных лучей и на самих лучах, выпуклым рельефом, выполнены комплексы надписей-аббревиатур. Два креста данного типа имеют гладкую обратную сторону; на оборотной стороне одного расположен текст; еще один крест отнесен к этому типу по форме лопастей, лицевая и обратная сторона не читаемы из-за сильной коррозии предмета.

Данный тип крестов датируется XVIII–XIX вв. [Молодин, 2007, с. 64].

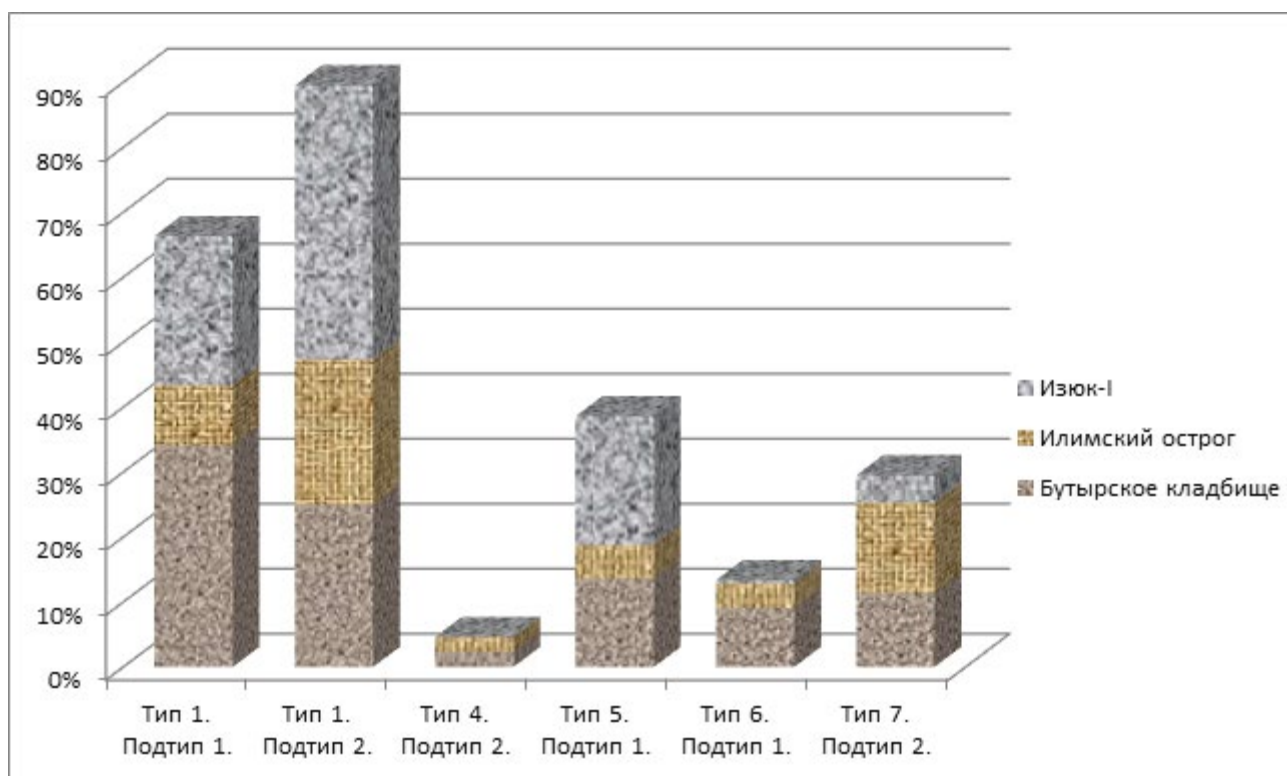
Тип 7. Подтип 2.

Обнаружено 5 экземпляров, что составляет 11,36 % от общего количества крестов. Лопасты расширяются от средокрестия к оконечностям, оконечности у трех крестов заострены, у двух закруглены. Лицевая сторона изделия по периметру оконтурена тонким рельефным валиком. В центре ее, выпуклым рельефом, выполнен восьмиконечный крест на Голгофе. По бокам от креста расположены копьё и трость с губкой.

Четыре креста отнесены к этому типу по форме лопастей, лицевая и обратная сторона не читаемы из-за сильной коррозии предмета. Пятый крест близок к крестам из коллекции Илимского острога, но имеет отличия: под оглавием изображен кубок, помещенный в перевернутую трапецию с отсутствующим основанием. Изображение кубка близко к изображению кубка из коллекции Илимского острога, но имеет отличие в виде вышеупомянутой трапеции. На оконечностях горизонтальных лопастей расположены фигуры, напоминающие цветы с 12 лепестками; аналогичные изображения присутствуют на кресте из упомянутой выше коллекции. Нижняя лопасть оканчивается несколькими горизонтальными полосами, расположенными за нижней частью креста. Обратная сторона покрыта рельефным изображением в виде растительного орнамента, что близко к кресту из коллекции Илимского острога, но, в отличие от него, рисунок выполнен не линией или контуром, а заполненной фигурой. Кроме того, на оборотной стороне креста с Бутырского кладбища нет изображений орудий Страстей Господних, которые фиксируются на большинстве крестов типа 7, подтипа 2 из коллекции Илимского острога.

Кроме вышеперечисленных, было обнаружено еще два креста, но из-за сильной коррозии отнести их к какому-либо типу не представляется возможным, поэтому они не учитывались при обработке коллекции.

Сравнение коллекций крестов, полученных из раскопок Бутырского кладбища, кладбища Илимского острога и могильника Изюк-I, показало следующую картину (диагр. 1): самыми распространенными крестами на всех трех памятниках являются кресты типа 1. Количество крестов типа 1, обнаруженных на Бутырском кладбище и на могильнике Изюк-I, выше, чем на кладбище Илимского острога (59,09 % и 65,11 % против 31,6 %). При этом на кладбище Илимского острога и на могильнике Изюк-I основную массу крестов типа 1 составляет подтип 2, в то время как на Бутырском кладбище основную массу составляет подтип 1. Также количество крестов типа 5 подтипа 1, обнаруженных на Бутырском кладбище и на могильнике Изюк-I, выше, чем на кладбище Илимского острога (13,64 % и 19,79 % против 5,12 %). Крестов типа 6 подтипа 1, обнаруженных на Бутырском кладбище и на кладбище Илимского острога, больше, чем на могильнике Изюк-I (9,09 % и 3,72 % против 0,52 %). Крестов типа 7 подтипа 2, обнаруженных на Бутырском кладбище и на кладбище Илимского острога, больше, чем на могильнике Изюк-I (11,36 % и 13,95 % против 4,17 %). Следует принять во внимание, что проводилось сравнение только тех типов и подтипов крестов, которые были обнаружены на Бутырском кладбище.

Диагр. 1. Соотношение типов крестов-тельников из раскопок кладбища Бутырского форштадта, кладбища Илимского острога и грунтового могильника Изюк-I

Интересные данные дает соотношение крестов, обнаруженных в детских и взрослых могилах. Так, на кладбище Илимского острога 61,86 % крестов обнаружено в детских захоронениях и 38,14 % во взрослых. На грунтовом могильнике Изюк-I 68,75 % крестов найдено в детских и 31,25 % во взрослых захоронениях. На кладбище Бутырского форштадта ситуация аналогичная, но иное соотношение: 54,29 % крестов обнаружено в детских и 45,71 % во взрослых захоронениях. С учетом того, что погребальная традиция очень консервативна, вероятнее всего, это может быть связано с отличиями в городской и сельской погребальных традициях; также может иметь значение, что Бутырское кладбище наиболее позднее из трех.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что основная масса крестов, собранных при раскопках Бутырского кладбища, – изделия типовые. Особый интерес представляет один из крестов, относящийся к типу 7 подтипу 2, так как изображения, расположенные на нем, встречаются редко. Возможно, речь идет о штучном изготовлении. Также можно предполагать, что кресты типа 1 подтипа 2 были больше распространены в городской среде и, возможно, изготавливались в том числе и в мастерских города Омска.

Список источников и литературы

«Об истории литейного дела икон и крестов меднолитейного заведения Серова Петра Яковлевича, село Красное Костромской области». Из тетради красносельского литейного мастера А. П. Серова (1899–1974) // Русское медное литье : сб. ст. – М., 1993. – Вып. 2. – С. 155–161.

Винокурова Э. П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы XVII в. – М., 1999. – С. 326–360.

Даркевич В. П., Пуцко В. Г. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // Советская археология. – 1981. – № 3. – С. 218–232.

Исаева Н. Н. Русское медное литье XVI–XX вв. Приенисейский район. Сводный каталог. – Красноярск : Инопроф, 1996. – 342 с.

Корусенко М. А., Герасимов Ю. В., Здор М. Ю., Павлов Д. Н. Исторические некрополи г. Омска – опыт изучения и сохранения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : сб. науч. ст. – Барнаул, 2021. – Вып. XXVII. – С. 47–53.

Куколевская О. С. Медное художественное литье Красноярской волости Костромской губернии конца XIX – начала XX вв. // Памятники культуры. Новые открытия : Ежегодник 1993. – М., 1994. – С. 373–385.

Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск : ИНФОЛИО, 2007. – 248 с.

Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища. – Омск : Омский дом печати, 2005. – 232 с.

Павлов Д. Н., Черенкова С. В. Результаты предварительных исследований Бутырского кладбища как объекта археологического наследия Омска XVIII – второй трети XIX вв. // Пятые Ядринцевские чтения : материалы V Всерос. научно-практической конф. – Омск, 2019. – С. 382–385.

Станюкович А. К. Итоги изучения могильника в Калужском Бору // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья : тез. докл. – Калуга, 1987. – С. 19–20.

Татаурова Л. В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. По материалам комплекса Изюк-I. – Омск : Изд-во «Апельсин», 2010. – 284 с.

Здор М. Ю. <https://orcid.org/0000-0002-1842-101X>

Павлов Д. Н. <https://orcid.org/0000-0002-2676-9841>

Черенкова С. В. <https://orcid.org/0000-0002-9171-4572>

В. Н. Зенин¹, Д. Г. Коровушкин²

*Россия, Новосибирск, ¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Россия, Новосибирск, ²Сибирский университет потребительской кооперации*

ОХОТА НА МЕДВЕДЯ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО И СОВРЕМЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Тема статьи связана с вопросом о роли и месте бурого медведя (лат. *Ursus arctos*) в культуре и быте древнего и современного населения Северного Приангарья. Тема исследования лежит в археолого-этнографическом сопоставлении материалов, полученных во взаимодополняющем исследовании вопроса на основании источников археологии и классической этнографии. В статье обозначены основания к проведению исследования, вопросы наличия и состава источников, сопоставление древних, палеоэтнографических и современных этнографических материалов. Ввиду условий ограничения объема публикации она имеет характер предварительного сообщения.

Ключевые слова: медведь обыкновенный, Северное Приангарье, археология, этнография, культура древнего населения, культура сибирских автохтонов, культура русских сибиряков.

V. N. Zenin, D. G. Korovushkin

*Russia, Novosibirsk, ¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Russia, Novosibirsk, ²Siberian University of Consumer Cooperation*

BEAR HUNTING IN THE CULTURE OF THE ANCIENT AND MODERN POPULATION OF THE NORTHERN ANGARA REGION (PRELIMINARY MESSAGE)

The topic of the article is related to the question of the role and place of the Brown bear (*Ursus arctos*) in the culture and life of the ancient and modern population of the Northern Angara region. The topic of the study lies in the archaeological and ethnographic comparison of the materials obtained in the complementary study of the issue on the basis of sources of archeology and classical ethnography. The article outlines the grounds for the study, the availability and composition of sources, the comparison of ancient, paleoethnographic and modern ethnographic materials. Due to the conditions for limiting the volume of publication, it has the nature of a preliminary message.

Keywords: common bear, Northern Angara region, archaeology, ethnography, culture of ancient population, culture of Siberian autochthons, culture of Russian Siberians.

Медведь, традиционно являющийся символом России и Сибири (как ее неотъемлемой во всех смыслах части), обрел этот культурный и теперь уже геополитический статус на основании той роли, которую он веками играл и в культуре, и в жизнеобеспечении населения, живущего в отнюдь не райских кущах. И здесь, безусловно, следует отметить глубочайшую ассоциативную парадигму не только перехода от культуры материальной к культуре духовной, но и смыслового перехода от восприятия медведя-животного к человеку (народу), победившему и приобретшему черты побежденного.

Особое, превалирующее, место медведя в культуре населения Сибири (как автохтонного, так и пришлого, в основном, русского) связано с особенностями его поведения. Он не является единственным зверем в лесо-таежной полосе Сибири, бывшей многие столетия основным ареалом расселения сибирских автохтонов и русских сибиряков, – как минимум лось (лат. *Alces alces*) привлекал к себе не меньшее внимание и почитание со стороны людей, вынужденных соседствовать с ними. Следует отметить, что почтительное «зверь» применялось и применяется именно к последнему, а именно лосю.

Но, возвращаясь к особенностям поведения обоих животных – мощных, красивых, внушающих уважение – следует заметить, что лось в несравненно меньшей степени, нежели медведь, агрессивен. Что касается объекта нашего исследования, то нередкое назойливое любопытство, легко переходящее в агрессию, желание к демонстрации своей «самости», нежелание уступать – дорогу, территорию, добычу – сформировали известное восприятие и создали хрестоматийный образ медведя как «хозяина».

При этом особенности этого животного как объекта добычи – внушительного, массивного, привлекательного на вкус, обладающего завидной «одеждой» – ставили его не в ряд, а *над* рядом соседей по ареалу обитания. Желанная, трудная, не всем доступная добыча, поднимающая статус охотника

на более чем достойную высоту – именно это предопределило развитый интерес сибирских «насельников» к столь колоритному персонажу животного мира и человеческой культуры.

Определяющее значение в рассуждении определения места медведя в хозяйстве, материальной и духовной культуре населения обозреваемого региона имеет вопрос численности животного в ряду соседей по ареалу обитания. Не предлагая экстраполировать современные данные, имеет смысл привести современную картину численности крупных животных (как травоядных, так и хищников), населяющих сегодня Красноярский край. Так, по данным ФГБУ «Федеральный центр развития охотничьего хозяйства» численность наиболее многочисленных животных, бывших объектами традиционной охоты, в 2008–2013 гг. составляла в среднем по году: дикий северный олень – 554,4 тыс. особей [Володина, Сицко], лось – 63,0 тыс. особей [Ломанова, Баранов], косуля – 27,9 тыс. [Комиссаров], бурый медведь – 11,5 тыс. (с резкими подъемами в 2012 и 2013 гг. – до 13,9 и 19,4 тыс. соответственно) [Комиссаров, Губарь], благородный олень – 10,0 тыс. [Мошева]. Остальные, достаточно проявившие себя виды, зафиксированные, в частности, при масштабных раскопках Богучанской археологической экспедиции Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (БАЭ ИАЭТ СО РАН), такие, как барсук, бизон, бобр, заяц, кабарга, лисица, дикая лошадь, соболь [Клементьев, Новосельцева, 2013, с. 4] занимали ощутимо менее значимое место в структуре охоты местного населения в целях пропитания. Следует отметить и то, что численно преобладающий в вышеприведенном списке дикий северный олень к региону, исследуемому нами (Северному Приангарью), имел и имеет самое отдаленное отношение – это не его ареал обитания и не его культурно-хозяйственная принадлежность.

Необходимо подчеркнуть, что исторически разделение охоты на мясную и пушную не было однозначным и непрерывно однородным. Так, «мягкая рухлядь» стала превалировать в статусе добычи с развитием товарных отношений после покорения русскими Сибири и включения ее в общероссийский рынок. Но и до этого, на протяжении по меньшей мере двух тысячелетий, Сибирь и Приангарье, в частности, были включены в систему паназиатского товарообмена и, как показывают находки китайских монет в археологических раскопках, также и торговли. Наиболее компактным и ценностно-емким товаром, не имеющим аналогов в землях, расположенных южнее, и была пушнина, что получило отражение и в китайских источниках. Не стоит при этом забывать о роли бурого медведя, бобра и кабарги в получении продуктов народной медицины, столь востребованных в Восточной Азии.

Тем не менее, для поддержания жизнедеятельности таежных этносов мясная охота была определяющей, а потому и столь развитой технологически (впрочем, как и пушная), особенно на фоне отсутствия иных значимых источников питания для неземледельческого населения. Здесь, конечно, не следует забывать и об ином источнике белка – рыбе, к добыче которой были привязаны и автохтоны, и пришедшие на Ангару русские. Недаром вся жизнь шла именно на берегах этой великой реки.

Говоря о развитии технологий, мы имеем в виду многообразную и развитую пассивную охоту, основанную на использовании разнообразнейших ловушек, технология изготовления и применения которых тонко учитывала нюансы зоопсихологии объектов добычи. Но применительно к охоте на бурого медведя и лося никоим образом нельзя забывать и об активной охоте, приобретшей особое значение с привнесением на сибирские земли огнестрельного оружия, резко перетянувшего преимущества с грубой силы на знание, терпение и умение. Охота на *зверя* не стала легкой и простой, но все же охотник-человек резко поднял свои шансы и на добычу, и на сохранение собственной жизни в этом увлекательном состязании. Стоит сказать, что *огнестрел* ничуть не уронил статуса добытчика, перешедшего от *пальмы* и рогатины к однозарядному ружью – цена ошибки и здесь оставалась велика.

И, поскольку бытие определяет сознание, все проявления охотничьего материализма непременно отражались в духовной культуре и отражались, в том числе, и в искусстве. Самым явным, и потому наиболее известным, стали наскальные рисунки (петроглифы) [Дроздов и др., 1995; Журавков, Заика, 2001; Окладников, 1966]. Но, помимо этих великолепных и публичных, по сути, произведений искусства, огромное значение имели и камерные образцы, чьи образы были вновь явлены миру в результате археологических раскопок (См., напр.: [Коровушкин, 2017, с. 50, 54, 126, 136, 140]).

Археологические источники, при всей их информативности и привлекательности, не дают полной картины ушедшего мира, поскольку множество даже вещественных составляющих ее исчезают в глубине веков. Полевая этнография и этнографическое музееведение способны и обязаны восполнить утраченные сущностные фрагменты. Сибири и Приангарью повезло в том, что многие реликты были зафиксированы российскими исследователями на рубеже XIX–XX вв., оставшись в описаниях, вещественных и фотоматериалах, сохраненных в архивах и музейных собраниях. Многое из традиционной этнографии было зафиксировано в ходе работ БАЭ ИАЭТ СО РАН в зоне затопления водо-

хранилища Богучанской ГЭС в 2007–2012 гг. В том числе отмечены и новации, связанные с традиционной охотой на медведя и лося, включая новейшие заимствования и использование традиций людьми, ранее не проживавшими на исследуемой территории, но оказавшимися связанными с ней по роду своей деятельности.

В целом, подводя итоги этого предварительного сообщения, следует констатировать актуальность заявленной к исследованию темы, имеющей значение для «живого», хотя и меняющегося мира, в котором человек и медведь продолжают близко взаимодействовать, в том числе и в сфере охоты – нередко обоюдной, что не позволяет списывать в архив знания, навыки и приемы, наработанные, накопленные и сохраненные столетиями.

Список источников и литературы

Володина О. А., Сицко А. А. Дикий северный олень [Электронный ресурс] // ФГБУ «Федеральный центр развития охотничьего хозяйства»: [сайт]. – URL: http://www.ohotcontrol.ru/resource/Resources_2008-2013/%D0%94%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%8C.pdf (дата обращения: 25.05.2022).

Дроздов Н. И., Леонтьев В. П., Макулов В. И., Заика А. Л. Наскальное искусство Северного Приангарья // Наскальное искусство Азии. – Кемерово, 1995. – С. 46–47.

Журавков С. П., Заика А. Л. Образ медведя в наскальном искусстве Среднего Енисея и Ангары // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул, 2001. – С. 464–466.

Клементьев А. М., Новосельцева В. М. Фауна георхеологического объекта Усть-Кеуль I (Северное Приангарье) // Изв. Иркутского гос. ун-та. – Сер.: Георхеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 2 (3). – С. 3–14.

Комиссаров М. А. Косули [Электронный ресурс] // ФГБУ «Федеральный центр развития охотничьего хозяйства»: [сайт]. – URL: http://www.ohotcontrol.ru/resource/Resources_2008-2013/%D0%9A%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%BB%D0%B8.pdf (дата обращения: 25.05.2022).

Комиссаров М. А., Губарь Ю. П. Бурый медведь [Электронный ресурс] // ФГБУ «Федеральный центр развития охотничьего хозяйства»: [сайт]. – URL: http://www.ohotcontrol.ru/resource/Resources_2008-2013/%D0%91%D1%83%D1%80%D1%8B%D0%B9%20%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D1%8C.pdf (дата обращения: 25.05.2022).

Коровушкин Д. Г. Ангара: древняя, уходящая, живая. – Новосибирск : Научно-исследовательский фонд «Наследие Сибири», 2017. – 274 с.

Ломанова Н. В., Баранов В. Н. Лось [Электронный ресурс] // ФГБУ «Федеральный центр развития охотничьего хозяйства»: [сайт]. – URL: http://www.ohotcontrol.ru/resource/Resources_2008-2013/%D0%9B%D0%BE%D1%81%D1%8C.pdf (дата обращения: 25.05.2022).

Мошева Т. С. Благородный олень [Электронный ресурс] // ФГБУ «Федеральный центр развития охотничьего хозяйства»: [сайт]. – URL: http://www.ohotcontrol.ru/resource/Resources_2008-2013/%D0%91%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%8C.pdf (дата обращения: 25.05.2022).

Окладников А. П. Петроглифы Ангары. – М. ; Л. : Наука, 1966. – 322 с.

Зенин В. Н. <https://orcid.org/0000-0002-2907-6266>

Коровушкин Д. Г. <https://orcid.org/0000-0001-7708-8686>

С. Ф. Кокшаров¹, Н. К. Партанов²

*Россия, Екатеринбург, ¹Институт истории и археологии УрО РАН
Россия, Ханты-Мансийск, ²Союз журналистов РФ*

ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРОДИЩА ВЕЖАКОРЫ

В августе 2012 г. Югорская археологическая экспедиция (г. Екатеринбург) провела комплексное археолого-этнографическое обследование городища Вежакоры в Нижнем Приобье (Белоярский район ХМАО – Югры). Информация об этом археологическом памятнике содержится в работах В. Н. Чернецова, И. А. Талицкой, З. П. Соколовой и других исследователей. В ходе работ был снят план городища, изучена его стратиграфия, собрана керамическая посуда эпохи железа и Средневековья. Установлено, что значительная часть археологического памятника уничтожена разрушающимся берегом, а святилище в честь духа-покровителя *Ялпус ойка* (или *Консынг ойка*), действующее до нашего времени, возникло на месте средневековой крепости XI–XVI вв. Вежакорский этноархеологический комплекс включает также «большой дом» для проведения медвежьих праздников, который расположен на противоположном, левом берегу Оби. Факты указывают на многовековую глубину исторической памяти местного населения. Масштабность сакрального пространства, сложившегося на протяжении столетий, придает Вежакорам неповторимость.

Ключевые слова: Нижнее Приобье, археология, этнография, городище Вежакоры, святилище, Средневековье, керамика.

S. F. Koksharov¹, N. K. Partanov²

*Russia, Yekaterinburg, ¹Institut of History and Archaeology UB RAS
Russia, Hanty-Mansiysk, ²Union of journalists Russia*

ETHNO-ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE VEZHAKORY FORTRESS

In august 2012, the Yugra archaeological expedition (Yekaterinburg city) conducted a comprehensive archaeological and ethnographic survey of the fortress Vezhakory in Lower Ob area (Beloyar'sky district, Khanty-Mansiysk autonomous okrug). Information about this archaeological site is contained in the works of V. N. Chernetsov, I. A. Talitskaya, Z. P. Sokolova and other researchers. In the course of the work, a plan of the settlement was drawn up, stratigraphy was studied, pottery utensils dating from the Iron Age to the Middle Ages were collected. It was established that a significant part of the archaeological site was destroyed by the collapsing coast and pagan sanctuary in honor of the patron spirit *Yalpus oyka* (or *Konsyng oyka*), which has been operating to our time, arose on the site of a medieval fortress (11th–16th centuries). The ethno-archaeological complex Vezhakory also includes a “big house” for holding bear ceremonies, which is located on the opposite, left bank of the Ob river. The facts point to the centuries-old depth of the historical memory this local population. The scale of the sacred space, which has developed over the centuries, makes Vezhakory unique.

Keywords: Lower Ob Area, Archaeology, Ethnography, Wezhakory fortress, pagan sanctuary, the Middle Ages, pottery.

В августе 2012 г. Югорской археологической экспедицией, организованной Институтом истории и археологии УрО РАН и Уральским федеральным университетом при участии сотрудника музея «Торум Маа» Н. К. Партанова проводились археолого-этнографические исследования в Белоярском районе ХМАО – Югры Тюменской области. Цель работ заключалась в продолжении поисков городищ и иных объектов XI–XVI вв., связанных с историей нижнеобского «княжества» Кода. В этот раз маршрут пролегал по окрестностям поселка Вежакоры (Вежакары), расположенном на левом берегу Нижней Оби на северной границе Октябрьского района автономного округа.

Информация об археологическом памятнике – городище Вежакоры – содержится, в частности, в путевых заметках академика Г. Ф. Миллера, работах В. Н. Чернецова, И. А. Талицкой и других исследователей.

Г. Ф. Миллер сообщал, что Большие Вежакарские юрты, по-остяцки *Uon-jem-uosch* («Большой Святой городок»), расположены на левом берегу р. Большая Обь в 40 верстах от Чамаских юрт. По поводу происхождения названий *Jem-uosch* и *Jeming-jugan* местные остяки рассказали следующее предание. Они говорят, что не являются первыми жителями этих мест, а переселились сюда из неизвестной им другой страны. По прибытии они увидели перед собой множество «только что

убитых крупных человеческих тел, хотя ни тогда, ни позднее не обнаружилось никаких следов живых людей. Это натолкнуло их предков на мысль, что убитые были не простыми людьми, а божественными героями, которые все сами истребили друг друга, чтобы им, как чужим пришельцам, освободить место». В благодарность и память о погибших сложился обычай создавать идолов и поклоняться им, что явилось истоком их прежнего языческого идолопоклонства [Северо-Западная Сибирь..., 2006, с. 113].

В 1948 г. Вежакары посетил В. Н. Чернецов с целью обследования городища на мысу, называемом *Минне-лув-Хайтне-лув-Хуринг-ус* («Идущей лошади, бегущей лошади облик, имеющий городок»). Памятник был датирован X–XII вв., а впоследствии включен в археологическую карту И. А. Талицкой. З. П. Соколова отмечала, что в обнажении берега видны слои обугленной бересты и дерева, покрытые копотью камни, изделия из железа, керамика [Талицкая, 1953, с. 248; Соколова, 1971, с. 214].

Этнографы, посещавшие это место, уделяли первостепенное внимание действующему здесь святилищу в честь тотемного покровителя фратрии Пор медведя или *Ялпус ойка* («Священного городка мужчина») [Там же]. Оно упоминается в связи с рассмотрением локальной группы обских манси – вежакорской, включающей кланы Кулебякиных, Савиных, Шадринных, Костиных, Партановых и Гришкиных, которых объединяет самоназвание *Ялпус махум* («Люди священного городка») [Бардина, 2007, с. 151]. Они имеют общего духа-покровителя *Консынг ойка* («Когтистый мужчина») или *Ялпус ойка* («Священного городка мужчина»). Посвященное ему святилище, носящее название *Ялпынг-ус* («Священный город») или *Лув-ус* («Лошадиный город»), расположено на мысу правого берега р. Большая Обь при впадении в нее правого притока р. Усынья. По сообщениям некоторых информаторов название этой речки иное – *Я-тальх* («Вершина реки») или «Исток реки» [Там же; Бардина, 2011, с. 71–72]. Именно здесь, на Оби, напротив д. Вежакоры находилось святилище фратрии Пор, центр почитания *Ялпус ойки* (манс.) / *Ем-вож-уки* (хант.) – «Старика священного города» (медведя) [Бауло, 2013, с. 84, рис. 94–98; Бауло, 2016, с. 119]. По сведениям В. Н. Чернецова и других исследователей, в начале XX в. на медвежьих праздники, проводимые в Вежакорских юртах, съезжались вогулы с Северной Сосьвы, промышлявшие охотой на Оби [Источники..., 1987, с. 214–217; Перевалова, 2010; Бауло, 2016, с. 123–124; Партанов].

В 2012 г. в ходе исследований правого коренного берега Оби при впадении в нее р. Усынья был снят план Вежакарского городища. Городище расположено в 1200 м к востоку от д. Вежакоры, находящейся на противоположном берегу Оби. Оно занимает вершину мыса высотой 29 м, образованного р. Большая Обь и р. Усынья, берущей начало в глубине коренной террасы. Юго-западный и южный склоны мыса интенсивно осыпаются, что со временем приведет к окончательному уничтожению этого объекта.

В ходе работ установлено, что городище имело две площадки, вытянуто вдоль берега Оби на 42 м. Расстояние между площадками составляет 6 м, и здесь, скорее всего, располагался один из оборонительных рвов, глубина которого в настоящее время не превышает метра.

В основании обского берега собрана коллекция бытовой керамики и железный шлак с налипшей обмазкой, датируемые ранним железным веком – Средневековьем. Если судить по подъемному материалу, то верхняя дата существования городища Вежакоры должна относиться к XI–XII вв. или кинтусовскому этапу Средневековья. Однако, принимая же во внимание особенности культурных напластований позднесредневековых городищ в таежном Обь-Иртышье, можно уверенно говорить, что Вежакорская крепость могла существовать и позже (в XIII–XVI вв.), когда керамическая посуда вышла из массового употребления.

Для выявления поздних напластований в средней части второй площадки зачищен участок обрыва берега, обращенного к Оби, длиной 1 м. Она показала, что под дерном залегают 4 слоя. Самый верхний, связанный с краем какого-то объекта, (котлован жилища и ров?), прорезает все остальные, доходя до материка. Отсутствие керамической посуды в зачистке дает основания предполагать наличие отложений, бескерамического (сайгатинского или эмдерского) периода Средневековья. Дополнительный признак, выдающий наличие слоев XV–XVI вв. в Вежакорах, – кусты пиона отклоняющегося, растущего по залесенным склонам обеих площадок.

В этой связи заметим, что археологи, приступающие к раскопкам средневековых городищ на севере Западной Сибири с бескерамическими слоями Средневековья (XIII–XVI вв.), нередко не распознают последние, что ведет к поверхностному пониманию изучаемых памятников [Кокшаров, 2011, с. 73–79; Кокшаров, Горшков, 2020, с. 63–64].

В 1,5 м к юго-востоку от первой площадки расположено святилище в честь *Консынг ойка* / *Ялпус ойка*. На местности его маркируют само изображение духа-покровителя, остов которого покрыт множеством тканей. В облике последнего мало что изменилось со времени осмотра культового

комплекса в 2009 г. [Бауло, 2013, с. 84, рис. 94–98]. В противоположной части святилища расположен объект, не отраженный в фото 2009 г., приводимых А. В. Бауло. Это столб со множеством многожилых шнуров, за которые приводились сюда жертвенные животные. Между изображением духа и столбом помещен дощатый столик для жертвоприношений, где лежат несколько монет. В траве, растущей у столика, находились три деревянных бруска квадратного сечения с насечками на гранях. Как считается, насечки соответствовали количеству песен, спетых в честь покровителя.

Вежакорский археолого-этнографический комплекс, расположенный по обоим берегам р. Большая Обь по-своему уникален. Он включает не только *Ик кол* («Дом пляски») или *Яны кол* («Большой дом»), расположенный в *Налми навыл* («Нижнем селении»), где, как известно, периодически проводился медвежий праздник [Бардина, 2007, с. 153, 154; Бардина, 2011, с. 71–81], но и остатки средневекового городища *Ялпынг-ус* или *Лув-ус* с функционирующим на нем святилищем в честь духа-покровителя *Консынг ойка* («Когтистого мужчины») (медведя). Вполне вероятно, что *Консынг ойка* представляет зооморфную ипостась проживавшего здесь в средневековой цитадели военного вождя (как, впрочем, и представителей его клана), бравшего под защиту местное население. Рыболовы и охотники сохранили память о героическом предке не только в фольклоре и изобразительном творчестве (например, культовом литье), но и в культовой практике.

Список источников и литературы

Бардина Р. К. Угорское население Нижнесосьвинского Приобья (XVIII–XXI века). – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2011. – 291 с.

Бардина Р. К. Формирование вежакорской группы манси // Вестн. ТГПУ. – Сер.: Гуманитарные науки (История, археология, этнология). – Томск. – 2007. – Вып. 3 (66). – С. 151–155.

Бауло А. В. «Старик Священного города»: Иконография божества в облике медведя по археологическим и этнографическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44. – № 2. – С. 118–128.

Бауло А. В. Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века : этнографический альбом. – Ханты-Мансийск ; Екатеринбург : Изд-во Баско, 2013. – 208 с.

Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск : Томск. ун-т, 1987. – 284 с.

Кокшаров С. Ф. Археологические памятники первой половины II тысячелетия в бассейне р. Конда // Форум «Идель–Алтай» : материалы научно-практической конф. «Идель–Алтай: истоки евразийской цивилизации» (07–11.12.2009 г., г. Казань). – Казань, 2011. – С. 73–80.

Кокшаров С. Ф., Горшков С. В. Из опыта историко-археологических исследований Югры // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа (к 90-летию образования ХМАО – Югры и 900-летию упоминания Югры в русских летописях). – М. ; Ханты-Мансийск, 2020. – С. 62–66.

Партанов Н. Вежакары – священный город [Электронный ресурс] // Уральский следопыт: [сайт]. – URL: <http://uralstalker.com/uarch/us/2018/12/6> (дата обращения: 28.03.2022).

Перевалова Е. В. Вежакарский культовый комплекс (трансформация традиций и перспективы сохранения) // Этнокультурное наследие народов севера России: к юбилею д-ра ист. наук, проф. З. П. Соколовой. – М., 2010. – С. 141–151.

Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. – Екатеринбург : НППП «Волот», 2006. – 416 с.

Соколова З. П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. – Л., 1971. – С. 211–238. – (Сб. МАЭ ; т. 27).

Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. – М., 1953. – С. 242–357. – (МИА ; № 35).

Кокшаров С. Ф. <https://orcid.org/0000-0001-5948-1732>

Ю. Г. Кустова

*Россия, Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Институт народов Севера*

**ТРАДИЦИОННЫЕ ДЕТСКИЕ АМУЛЕТЫ
В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ**

Содержание работы основывается на результатах собственных научных исследований автора и архивных материалах Веры Павловны Дьяконовой, переданных ее сыном автору доклада.

Исследования затрагивают пласт мировоззренческих представлений и ритуальной практики коренных народов Саяно-Алтая, связанных с охранением жизни и здоровья детей. Обширный этнографический материал дает возможность реконструкции древнейших религиозных практик, следы которых обнаруживаются в археологических раскопках. Особенно это касается наборов астрагалов, обнаруженных археологами в захоронениях детей и подростков, изделиях из кости диких животных и домашнего скота. Использование похожих амулетов для детей на территории Саяно-Алтая тесно связано с системами жизнеобеспечения, а также с торговыми и иными отношениями проживающих здесь народов.

Ключевые слова: этнография, традиционная культура, амулеты, детство.

J. G. Kustova

*Russia, St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia,
Institute of the Peoples of the North*

**TRADITIONAL CHILDREN'S AMULETS
IN THE CULTURE OF THE PEOPLES OF SAYANO-ALTAI**

The content of the articles is based on the results of the author's own scientific research and archival materials of Vera Pavlovna Dyakonova, handed over by her son to the author of the report.

The research touches on the layer of worldview and ritual practices of the indigenous peoples of the Sayano-Altai, related to the protection of the life and health of children. Extensive ethnographic material makes it possible to reconstruct the most ancient religious practices, traces of which are found in archaeological excavations. This is especially true of sets of astragalus discovered by archaeologists in the burials of children and adolescents, items made from the bones of wild animals and livestock. The use of similar amulets for children on the territory of the Sayano-Altai is closely connected with life support systems, as well as with trade and other relations of the peoples living here.

Keywords: ethnography, traditional culture, amulets, childhood.

В традиционном мировоззрении народов Саяно-Алтая выделяются несколько комплексов охранителей жизни и здоровья ребенка, которые являются совместными для этих народов в силу общего происхождения, территории проживания и тесных контактов между собой.

К числу таких комплексов можно отнести следующие.

Предметы, которые можно считать «частями тела» ребенка – это его пуповина, послед, «рубашка», в которой рождается ребенок, волосы и зубы. В большинстве случаев, описанных в научной литературе, они являются обеспечением долгой и счастливой жизни человека, если с ними совершили правильные с точки зрения традиционного мировоззрения обряды. Так, высушенные после отпадания пуповины детей обычно заворачивают / зашивают в ткань, войлок, кожу и хранят в виде оберега жизни ребенка. Послед захоранивают в таком месте, откуда его не могут выкопать собаки или дикие животные, иногда его «захоранивают» в юрте под кроватью родителей ребенка. «Рубашка», если в ней родился ребенок, считается одним из самых сильных амулетов в течение всей жизни человека. Так, есть свидетельства информантов о том, что во время Великой Отечественной войны солдаты брали с собой мешочек размером с пол-ладони, в который была вшита высушенная и многократно сложенная «рубашка»; такой мешочек подшивали под воротник гимнастерки [Кустова, 1998, с. 168]. Отношение к волосам также было особенным в течение всей жизни человека, но, например, у тувинцев считалось, что первые «утробные» волосы нужно не просто сберечь примерно до трехлетнего возраста, но и после проведения специального обряда состриженные волосы хранились матерью в сундучке или в подушке родителей ребенка [Дьяконова, 1988, с. 158]. Хакасы первые состриженные волосы и состриженные или вычесанные в течение всей

жизни тоже старались собирать в специальную «подушку», которую клали их владельцу в гроб под голову. У теленгитов было принято первые состриженные волосы отдавать дяде по материнской линии, он хранил их до определенного момента (до возраста ребенка от 2–3 до 7 лет), а потом возвращал своему племяннику [Там же, с. 177, 182]. Связь этих частей тела с жизнеспособностью человека в традиционном мировоззрении очевидна.

Следующий комплекс предметов, которые использовались в качестве амулетов, связан с воплощением божеств верхнего мира, которые считаются «подателями» жизни детей в семье. Чаще всего в культурах народов Саяно-Алтая к ним относят богиню Умай и реже называют верховное божество – Кудай, Ульгень, Тенгри и т. д. Символика богини Умай / Ымай / Май-ана связана у указанных народов с раковинами каури, бляхами из перламутра, кораллами, лентами и кисточками из ниток белого и красного цвета, перьями и образом птицы, а также деревянными моделями лука и стрелы (для мальчика) и веретена с намотанной на него ниткой (для девочки). Часто первым подарком со стороны родственников, которые пришли на обряд, связанный с рождением ребенка, были раковины каури. Их обычно нанизывали на нитку, повязывали на ручку младенца в виде браслета, подшивали к пеленке или одежде малыша; низка раковин находилась в колыбели младенца вместе с другими предметами. Бляхи из перламутра использовались для изготовления амулетов, особенно для девочек и женщин.

Охранительными свойствами обладали и некоторые растения. У хакасов такими свойствами обладала, прежде всего, *ирбен оды* (богородская трава, чабрец), а также ветки черемухи и березы. С помощью *ирбен оды* хакасы очищали пространство, освящая его и делая непроницаемым для злонамеренных сил так же, как это делали с можжевельником (*артыш*) тувинцы и народы Алтая. Обмахивание ветками березы и черемухи, согласно традиционному мировоззрению этих народов, преследовало те же цели. После рождения ребенка обязательно «очищали» пространство вокруг роженицы и новорожденного, а тувинцы даже смешивали артыш с самодельным порошком, чтобы при помощи громких звуков прогнать злых духов [Там же, с. 155]. К числу охранительных предметов можно отнести и те, которые были изготовлены из деревьев с «очищающими», защитными свойствами. Так, некоторые деревья у хакасов считались «легкими» (тополь, береза, кедр) и «светлыми» (береза, лиственница); из них предпочтительно делать колыбель для ребенка. При этом из березы люльки не делали, считая, что это дерево быстро подвергается гниению, но, в то же время, изготавливали люльку из бересты. Хакасы также полагали, что тополь, черемуха и тальник – самые подходящие породы дерева для колыбели, т. к. эти породы считались «мягкими» деревьями, что влияло на формирование народа в целом – с «мягким», не агрессивным характером. У теленгитов люльку изготавливали из нескольких пород деревьев, но наибольшим предпочтением служил тополь, как дерево, очень удобное для обработки, и к тому же люлька из тополя обладала наименьшим весом [Дьяконова, 2001, с. 152].

Защитными функциями в отношении ребенка обладал огонь домашнего очага. Во всех культурах народов Саяно-Алтая существовали ритуалы «знакомства» духа или хозяйки огня с новорожденным; он заключался в кормлении очага и младенца одной и той же «священной» пищей (чаще всего это топленый жир, масло, молочные продукты, кусочки мяса или нутряного сала). После или до кормления мать кланялась очагу. Сажа из домашнего очага, нанесенная на лицо ребенка, обеспечивала покровительство духа огня ребенку, даже если он находился вне пределов жилища.

Выделяется также комплекс охранителей ребенка, связанный с традиционными хозяйственными занятиями народов Саяно-Алтая. К ним можно отнести: кости и клыки животных; шейные позвонки овцы, заколотой в честь рождения ребенка (у теленгитов) [Там же, с. 141]; когти и лапу медведя и др. Особое отношение было к астрагалам животных. Кроме того, что их использовали в качестве детских игрушек, некоторые из них выполняли функцию оберега для ребенка – это астрагалы, взятые от посвященного коня (*ызык* у хакасов, *идык* у тувинцев и т. д.), от овцы, заколотой в день рождения ребенка. Конские астрагалы, которые могли служить куклой для девочки, после ее замужества становились женскими идолами, которые, в том числе, охраняли детей [Кустова, 2018, с. 88]. Когти и клыки диких зверей служили для отпугивания злых духов и напастей от ребенка. Например, их помещали в колыбель ребенку или пришивали на одежду в местах, условно считавшихся «границами» человека, – на плечевых швах и на спине [Дьяконова, 1988, с. 157].

Апотропейными свойствами обладала некоторая одежда, это касалось штанов отца, штанов матери, первых пеленок, изготовленных из ношеной, но еще крепкой рубахи матери или отца. Заплаты, пришитые на детскую одежду, не только восстанавливали целостность одежды, но и символизировали надежную защиту тела ребенка от проникновения злых духов.

У всех народов охранительными характеристиками обладали имена, прозвища и обращения, связанные с родственными отношениями. Известно, что у всех народов Саяно-Алтая активно использовались иносказания при обращении к ребенку или смена имени в случае болезни или другого несчастья в жизни ребенка.

Самое безопасное место для человека – это его жилище, а самое безопасное место для младенца – его колыбель. В колыбели мы можем увидеть детали всех охранительных комплексов, существующих в традиционной культуре народов Саяно-Алтая. Защитные функции колыбели обеспечены многими факторами и материалами, из которых она изготовлена. Выбор мастера обуславливался его личными качествами и особенностями его счастливой семейной и родительской судьбы. Колыбель изготавливалась для конкретной семьи и передавалась в ней из поколения в поколение, если она сохраняла свою целостность. У некоторых народов колыбель после смерти в ней ребенка уничтожалась, а у некоторых при рождении следующего ребенка очищалась и «оживлялась» при помощи особых ритуальных действий. В. П. Дьяконова зафиксировала особый тип колыбели *кабай*, который она назвала теленгитской [Дьяконова, 2001, с. 153]. Она выдалбливалась из цельного куска дерева, была сложносоставной. Иногда колыбель изготавливали из домашней посуды типа широкого и глубокого блюда для мяса или чего-то наподобие бочонка. У теленгитов при рождении каждого ребенка на ремнях колыбели завязывали новый узелок, его не убирали и не развязывали даже в случае смерти младенца [Там же]. В колыбель помещались все предметы, которые были подарены ребенку в день его рождения, чаще всего они служили оберегами – монетки, раковины каури, глухие колокольчики, перламутровые бляхи, пуговицы, перья птиц, кусочки тканей и т. д. Ленты из ткани предпочтительнее были белого и красного цветов, их покачивание, движение символизировало присутствие рядом с младенцем богини Умай или другого духа, его защищавшего [Соломатина, 1992, с. 149]. «Оживляли» колыбель перед первым укладыванием младенца, особый ритуал включал в себя помещение в люльку щенка или ягненка, которого обычно три раза раскачивали в люльке и вываливали на землю. Колыбель окуривали дымом от очищающей травы (чабрец, можжевельник), иногда «кормили» «белой» ритуальной пищей (из молочных продуктов; у хакасов – кашей *потха*, топленным маслом). Если ребенка надолго вынимали из колыбели, ее как правило не оставляли пустой, вместо ребенка можно было положить камень, полено, нож или ножницы, т. е. те вещи, которые считаются опасными для злых духов. Если приходилось оставить ребенка в колыбели одного, то его могли «обезопасить» тем, что на ребенка клали нож или ножницы (в зависимости от пола), плетку [Дьяконова, 2001, с. 153]. К предметам, которые могли отпугнуть злых духов, также относили клыки диких зверей, когти медведя или лапу птицы улар (горная индейка, обитает в высокогорных районах).

Особое внимание в культурах этносов Саяно-Алтая уделяется крюку, за который колыбель прикрепляется к крыше жилища. Сам крюк изготавливался из дерева (в этом случае он украшался орнаментом) или из гладкой роговой кости дикого животного. Как предмет, который должен был крепко удерживать колыбель, крюк символизировал вообще «крепость», надежность, защиту жизни ребенка и этим обеспечивал долгую и счастливую жизнь человека. Для усиления этой сакральной функции крюка последний дополнялся целым комплексом оберегов. Вера Павловна Дьяконова, судя по архивным материалам, много внимания уделяла сущности такого предмета, который называется *шалтрак* у теленгитов (рис. 1). Это подвеска, которая состояла из множества ремней из выделанных кож диких животных, к которым прикреплялись «кожаные кисти, астрагалы, фаланги, копытца, мешочки с пуповинами...» [Дьяконова, 1988, с. 176]. Коллекция Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН по теленгитам содержит в себе несколько образцов таких предметов (собиратели Л. Э. Каруновская, А. В. Анохин и др.); их рисунки опубликованы В. П. Дьяконовой [Там же, с. 178–181]. Автор рисунков – Кира Борисовна Серебровская, художник Кунсткамеры. Рукописные материалы, хранящиеся в архиве, показывают выделение Верой Павловной состава предметов, входящих в комплекс шалтрака, – в частности, выделяются трубчатые кости рыси, зайца; фаланги, копытца косуль; астрагалы косуль; фаланги и рог бычка; деревянное изображение лошадки; связки кистей из кожи, обернутые в верхней части черным бархатом (видимо, в данном случае черный цвет может использоваться как отпугивающий все злонамеренное или как символ медведя) [Соломатина, 1992, с. 155]; также для обертывания кисточек используется ткань красного цвета; сшитые мешочки с пуповинами *кин*, пуговицы с воздушным ушком из меди. У всех костей животных острые части (края копытца, верхушка рога и т. д.) срезаны, поверхность костей заполирована. Острые части кости иногда обернуты полосками жести. Интересно, что на одном из шалтраков в качестве стороннего подношения прикреплено горлышко от стеклянной бутылки. Подвешивался шалтрак на кожаном ремне или на веревке, сплетенной из конского волоса.

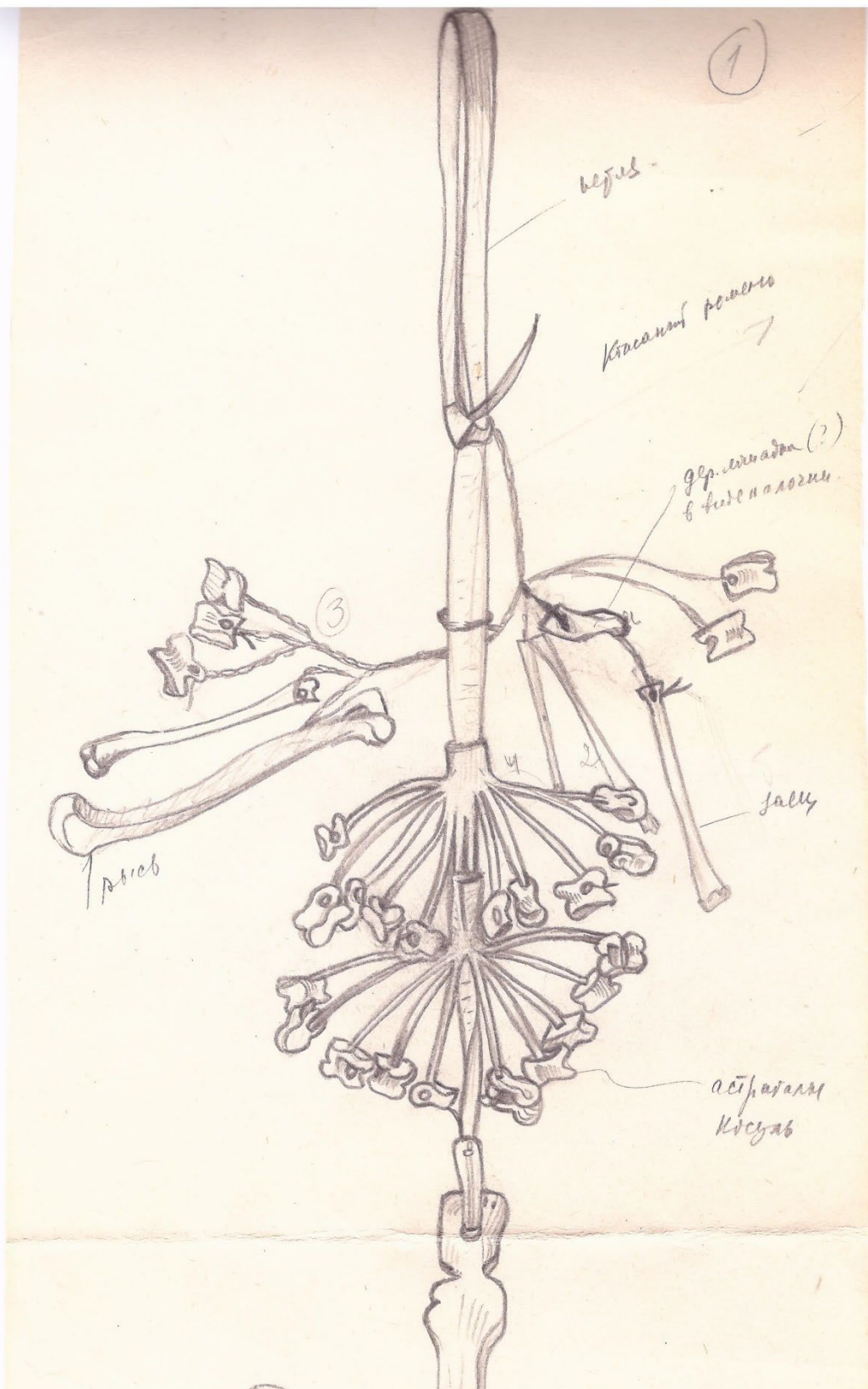

Рис. 1. Шалтрак – амулет для детской колыбели у теленгитов.
Художник К. Б. Серебровская, пометки В. П. Дьяконовой.
Из личного архива автора.

В тот момент, когда ребенок покидал колыбель, с нее снимали все его амулеты, и в дальнейшем их использовали для изготовления оберегов, которые прикреплялись к одежде или прическе

ребенка. В. П. Дьяконовой удалось зафиксировать и описать наспинное украшение-оберег для верхней одежды детей у теленгитов. Назывался этот оберег также шалтрак. Некоторые предметы из колыбельного шалтрака (пуговицы, раковины каури) пришивали на прямоугольный кусок кожи или ткани, по нижнему краю которого были пришиты низки из бусин, иногда костей и клыков животных (небольших по размеру), мешочков кин с пуповиной ребенка. В дальнейшем (примерно после 10-летнего возраста ребенка) из этого оберега изготавливали украшения-амулеты для прически девочки.

В. П. Дьяконова находит аналоги шалтрака для верхней одежды в кетской культуре, где также используют кости диких животных в качестве детского оберега [Дьяконова, 2001, с. 145]. Равным образом у хакасов встречалось украшение-оберег *нанчи* для девичьих косичек, которое крепилось на тех из них, которые заплетались на затылке. Украшение крепилось в районе лопаток, состояло из прямоугольного куска кожи с пришитыми к нему перламутровыми бляхами, коралловыми бусинами, кисточками из ниток красного и белого цветов, бисера. Хакасы полагали, что подобное украшение должно было защищать девочку с достаточно уязвимой стороны – со спины. Косички девочки также украшали монетками (с дырочкой), плетеными веревочками и кистями из красных ниток, «помпонами» из пуха водоплавающих птиц и др. [Кидиекова, 2005, с. 257]. Все эти предметы считались олицетворением богини Умай и обеспечивали защиту и покровительство богини в отношении девочки. В дальнейшем эти предметы были основой для изготовления женского нагрудного украшения свахи – *пого*.

Таков, в общих чертах, предметный мир амулетов и других предметов с апотропейными функциями, которые активно использовались в традиционных культурах народов Саяно-Алтая с целью обеспечения безопасности, здоровья и счастья детей. Некоторые из этих предметов, по нашим наблюдениям, используются до сих пор.

Список источников и литературы

Дьяконова В. П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). – Горно-Алтайск : Горно-Алтайское респ. кн. изд-во «Юч-Сюмер». – 2001. – 223 с.

Дьяконова В. П. Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири : сб. ст. – Л., 1988. – С. 152–185.

Кидиекова И. К. Прически и украшения волос в комплексе обрядов перехода у хакасских женщин // Культурное наследие народов Сибири и Севера : материалы Шестых Сибирских чтений, Санкт-Петербург, 27–29 октября 2004 г. – СПб., 2005. – С. 254–258.

Кустова Ю. Г. Детские игрушки из кости и ритуалы с ними у хакасов // Вещь и обряд: рациональное и иррациональное в архаике : сб. науч. тр. семинара «Теория и методология архаики» / отв. ред. М. Ф. Альбедиль, Д. Г. Савинов. – СПб., 2018. – С. 82–91. – (Теория и методология архаики ; вып. XI).

Кустова Ю. Г. Способы охраны жизненности детей у хакасов // Материалы полевых этнографических исследований. – СПб., 1998. – Вып. 4. – С. 166–173.

Соломатина С. Н. Символ и ситуация в обрядовой деятельности тувинцев // Ранние формы религии народов Сибири : материалы III советско-фр. симп. – СПб., 1992. – С. 149–155.

Кустова Ю. Г. <https://orcid.org/0000-0002-0878-4511>

Н. В. Мальцева^{1,2}, В. А. Белокопытова¹

*Россия, Магадан, ¹Магаданский областной краеведческий музей
Россия, Магадан, ²Музей естественной истории Северо-Восточного комплексного
научно-исследовательского института им. Н. А. Шило ДВО РАН*

ИНТЕГРАЦИЯ ЭТНОАНИМАЦИИ В КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНУЮ ПРАКТИКУ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ*

Рассмотрена практика анимации в работе с различной аудиторией музея в онлайн- и офлайн-форматах на материалах этнографической коллекции. Описана инновационная форма взаимодействия с посетителями – этноанимация – создание видеосюжетов и мультфильма по истории и культуре коренных малочисленных народов Севера. Результатом анимационной практики стало создание в онлайн-формате мультфильма с краеведческим содержанием «Путешествие Удани», позволившего установить контакты с семейной аудиторией и сохранить участников детских музейных программ во время ограниченного посещения учреждения культуры. В офлайн-формате этноанимацию апробировали на культурно-массовых мероприятиях для разновозрастной аудитории музея в течение 2020–2021 гг.: программе мероприятий «Моя Родина – Север», посвященной Дню коренных народов мира, всероссийской акции «Ночь искусств», детской музейной анимационной студии. Воссоздание персонажей сюжетных сказок (детская аудитория), проигрывание действия езды на собачей упряжке (взрослая аудитория), использование различных техник анимации (студийные детские группы) впечатлили музейных посетителей.

Ключевые слова: этнографическая коллекция, анимация, эвены, краеведение, онлайн- и офлайн-форматы, посетитель музея.

N. V. Maltseva^{1,2}, V. A. Belokopytova¹

*Russia, Magadan, ¹Magadan Regional Museum
Russia, Magadan, ²Museum of Natural History of the North-East Interdisciplinary
Research Institute n. a. N. A. Shilo EB RAS*

THE INTEGRATION OF ETHNOANIMATION INTO THE CULTURAL AND EDUCATIONAL PRACTICE OF THE MAGADAN REGIONAL MUSEUM

This paper explores animation as an additional work tool with various museum audiences in online and offline formats on the materials of the ethnographic collection. The work describes a unique form of interaction with the museum visitors – ethnoanimation. Ethnoanimation is the creation of video stories and cartoons about history and culture of Indigenous small-numbered peoples of the North. The result of this practice was online creation of the cartoon with local history content – «Udani's Journey», which allowed to establish contact with family audiences and retain museum children's programs participants during pandemic visit regulation of cultural institutions. Later, during 2020–2021, ethnoanimation was tested in offline-format at museum cultural events for different age groups, e. g., at the event «My Homeland is North», which is dedicated to the International Day of the World's Indigenous Peoples, at the All-Russian event «Night of Arts» and in the children's museum animation studio. Recreating characters from the story tales (children's audience), playing the action of riding a dog sled (adult audience), and trying out various animation techniques (children's studio groups) have impressed museum visitors.

Keywords: ethnographic collection, animation, evens, local history, online and offline formats, museum visitor.

История Магаданского областного краеведческого музея (МОКМ, ранее Охотско-Колымского краеведческого музея) началась с музейных предметов этнографической коллекции. Сегодня это более трех тысяч единиц хранения. Коллекция характеризует культуру и традиции коренных народов Северо-Востока России: эвенов, коряков, чукчей, эскимосов, юкагиров, камчадалов, чуванцев, якутов. В ней представлены предметы духовной культуры, орудия промыслов и охоты, транспортные средства, одежда, хозяйственная утварь, инвентарь для обработки шкур животных, образцы декоративно-прикладного искусства. Начиная с момента образования музея в 1934 г., основным способом пополнения коллекций были этнографические и археологические экспедиции научных сотрудников в районы Колымы и Чукотки. Результатом стало открытие к 80-летию юбилею музея этнографической экспозиции «Люди Земли и Моря».

Отвечая на запрос от учебных заведений города и области (детские сады, школы) по реализации образовательной программы «Краеведение», на базе экспозиции была разработана программа по интегрированию этнографических и археологических знаний в культурно-просветительную работу музея.

Перед сотрудниками музея была поставлена задача подать краеведческую информацию слушателям различных возрастных категорий не только интересно и качественно. Экскурсовод на мероприятиях, рассказывая об оленеводах, охотниках и зверобоях, на этнографическом материале прослеживал связь между природно-климатическими зонами, флорой и фауной Северо-Востока Азии и типами хозяйствования человека, формируя понимание о четком взаимодействии составляющих в алгоритме «природа–человек». С 2014 г. на материалах экспозиции был сформирован цикл экскурсий для детей в возрасте от 6 до 10 лет.

С марта 2020 г., в связи с невозможностью приема гостей в музей, было принято решение перевести этнографические экскурсии онлайн-формат на электронные площадки учреждения (сайт и социальные сети). Классические экскурсии перевели в режим видеолекций и видеоэкскурсий.

На площадке социальной сети ВКонтакте для смешанной аудитории пользователей социальной сети музей запустил минутный видеоролик в форме «История одного предмета» в онлайн-рубрике «Музейный карантин» [Видео...]. Первым предметом показа стали эвенские седла на оленей. Из ролика «Эвенские седла» посетители в онлайн-режиме узнали о вычно-верховом способе передвижения на оленях, практикуемом у эвенов, многообразии седел (мужских, женских и детских), их конструктивных отличиях. В минутном видеосюжете зрители, не покидая своих квартир, смогли подробно рассмотреть музейный предмет, демонстрируемый в экспозиции музея «Люди Земли и Моря».

Следующим шагом в культурно-просветительной работе стали 10–15-минутные экскурсии для младшей и старшей школьной аудитории, получившие название «Краеведческие уроки» на канале музея в YouTube [Краеведческие уроки...] и на сайте «Этнокнига Магаданской области» [Этнокнига...]. Темы по краеведению были раскрыты посредством знакомства с предметами этнографической коллекции музея, полевыми материалами этнографических командировок научных сотрудников.

Видеоэкскурсия «Традиции воспитания мальчиков коренных народов Северо-Востока России» по экспозиции «Люди Земли и Моря» познакомила зрителя с особенностями воспитания подрастающего поколения в среде охотников, оленеводов, морских зверобоев Севера. Мальчикам прививались необходимые во взрослой жизни навыки – метко стрелять, быстро и долго бежать, выслеживать добычу. Полученный в детстве жизненный опыт позволил молодым бойцам Красной армии из числа коренных малочисленных народов Севера достойно защищать свою страну в качестве снайперов и разведчиков [Чемшит, Мальцева, 2020, с. 176].

О способах обработки оленьих шкур и изготовления традиционной повседневной, промысловой и праздничной одежды мастерицами этносов региона знакомят видеоэкскурсии: «Инструментарий для обработки шкур животных в практике эвенов и коряков» и «Корякская меховая мозаика».

Об истории и культуре различных этнических групп региона зритель узнает из видеоряда, подготовленного научными сотрудниками («Камчадалы – русскоязычные аборигены Охотского побережья», «Береговые культуры в этнической истории коряков», «Происхождение и традиции коряков-оленевонов», «Перекочевка эвенов Магаданской области», «Пиктографическое письмо юкагиров»).

Духовную составляющую культуры этнических групп можно просмотреть в видеоэкскурсиях: «Сумка Кутнаут: вещи и ритуальные представления корякской культуры»; «Корякские амулеты», которые сопровождали коряка на протяжении всех жизни – от рождения до смерти и в верхнем мире; «Оберег эвенов»; «Праздник кита».

Традиционные экскурсии в онлайн-формате позволили повысить активность в социальных сетях учреждения со стороны подписчиков.

Оптимальным способом общения с детской аудиторией (дошкольники и учащиеся младшего школьного возраста) в виртуальном пространстве была выбрана анимация.

Новый вид взаимодействия музейных педагогов с детьми позволил транслировать краеведческие материалы среди заинтересованной аудитории, разнообразить познавательным интерактивным видеорядом классические экскурсии, создать первый в Магаданской области электронный контент для детей в виде просветительного анимационного мультфильма на этнографическую тематику.

Главным персонажем стала эвенская семилетняя девочка по имени Удани. Появилась она из офлайн-экскурсии «Моя любимая игрушка» по экспозиции «Люди Земли и Моря» для дошкольников по культурно-просветительной программе абонемента «Первые шаги в мир музея». Детям оказалась близка героиня экскурсии их возраста. Они легко погружались в ситуацию игры и с удовольствием осваивали краеведческий материал.

Персонаж Удани стал основным, вокруг него выстроился сюжет будущего мультфильма. Маленькая девочка, ничего не знающая о жизни своего народа – эвенов, приезжает из города на летние каникулы к бабушке и дедушке в оленеводческую бригаду. Там она знакомится с бытом эвенов, жилищем, одеждой, традициями, таежным оленеводством, находит нового друга – олененка Пыжика.

В первой серии «Путешествие Удани» героиня прилетает в лесотундру на вертолете. Из иллюминатора перед глазами девочки проплывают побережье Охотского моря, лес и река, возле которой находится стойбище оленеводов [Встреча...].

Во второй серии «Эвенская юрта» бабушка Айнана показывает внучке традиционное жилище эвенов – «чорама-дю», более известное как юрта. Рассказывает о его особенностях, конструкции и использовании человеком [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, с. 131; Эвенская юрта...].

В третьей серии мультфильма девочка получает в подарок от бабушки комплект эвенской национальной одежды распахнутого типа, украшенной широкой бисерной каймой в синей, белой, черной цветовой гамме.

Юный зритель знакомится с сумкой для рукоделия «авсы» (МОКМ КП-443), в которой хранились принадлежности для шитья: игольники; катушки для ниток, изготовленные из кости и покрытые гравированным орнаментом; сухожильные нити (МОКМ КП-23362/4), которые распускались до толщины волоса для вышивки; подшейный волос оленя (МОКМ КП-23362/2), использовавшийся для вышивания; бисер [Эвенская одежда...].

Заготовки бисерных и мозаичных орнаментов из кожи и меха для бортов подола кафтана (МОКМ КП-23319) и эвенская сумка для рукоделия «авсы» являются подлинными предметами этнографической коллекции музея.

Это позволило продемонстрировать музейный предмет посетителю YouTube-канала без посещения экспозиции, а также обогатило визуальный ряд мультфильма.

Знание эвенов об оленях, понимание повадок животного отражено в четвертой и пятой сериях [Олененок...; Оленеводство...]. Общение бабушки и девочки с олененком на одном языке, их взаимодействие указывают на важное место животного в жизни эвена-олeneвода. Олень – покровитель семьи, рода, сопровождает человека не только на земле, но и в других мирах [Новый сайт...].

Из диалога Удани и Пыжика зрителю становится понятно, что эвены практикуют тунгусский тип оленеводства с транспортным направлением хозяйствования и вьючно-верховым способом передвижения на олене. Из мультфильма дети узнают о разнообразии эвенской терминологии оленеводства, в которой олени разделяются по полу, возрасту, масти, повадкам [Попова, 1981, с. 93].

Просматривая серии мультфильма, юные зрители погружаются в жизнь оленеводческого стойбища. Этнографические представления об эвенах доносятся в простой и непринужденной форме. Это уже не урок, а настоящее путешествие вместе с ровесницей.

Публичный показ мультфильма «Путешествие Удани» в офлайн-формате состоялся на культурно-массовом мероприятии по программе «Моя Родина – Север», посвященной Дню коренных народов мира. Воспитанники оздоровительных лагерей при школах города на экскурсии познакомились с командой проекта «Мультимюзия», посмотрели все серии мультфильма и смогли в программе «Stop Motion Studio» снять собственный видеоролик [День коренных народов мира...].

В программу всероссийской акции «Ночь искусств–2021» вошли мероприятия по этнографической тематике с мастер-классом в технике Stop Motion. Воссоздать движение собачьей упряжки, запряженной цугом в нарты, было предложено группе взрослых посетителей музея [Это наш день...].

В работу музейного педагога с детьми (в том числе – с ограниченными возможностями здоровья) по музейной программе «Солнышко в ладошке» с легкостью была интегрирована этноанимация. На экскурсии «Похититель солнца» (экспозиция «Люди Земли и Моря») через «прочтение» эскимосской сказки «Как звери и птицы солнце доставали», выполненной на клыке моржа Зоей Гемауге (МОКМ КП-14491), ребята познакомились с косторезным искусством Уэленской мастерской, особенностями культуры морских зверобоев Чукотки. Смена событий, изображенных на клыке, очень схожа с покaдровой съемкой мультфильма.

Юные посетители самостоятельно сняли мультфильм в технике анимационной перекладки и озвучили его. Сказка на клыке ожила и получила новое развитие [Сказка о Келе и девках]. Так этноанимация из онлайн-формата перешла в офлайн-практику, которую стали успешно применять в культурно-просветительной деятельности музея.

Основная цель подобных форм работы – интегрировать этнографические и археологические знания в полиэтническую среду региона, используя этнографическую коллекцию музея.

Список источников и литературы

Видео от Магаданский областной краеведческий музей [Электронный ресурс] // Вконтакте. Магаданский областной краеведческий музей: [сайт]. – URL: https://vk.com/video/@magadanmuseum?z=video-148786308_456239053%2Fclub148786308%2Fp1_-148786308_-2 (дата обращения: 07.06.2022).

Встреча. Путешествие Удани. Мультфильм. Серия 1 [Электронный ресурс] // Magadanmuseum [YouTube]: [сайт]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=XqXjLn_qhoI&list=PLpjHyS5mAkwnUvMGwPGAfwfsM9ryYA1iaa (дата обращения: 14.03.2022).

День коренных народов мира в музее [Электронный ресурс] // Магаданский областной краеведческий музей: [сайт]. – URL: <https://magadanmuseum.ru/index.php?newsid=7379> (дата обращения: 14.03.2022).

Историко-этнографический атлас Сибири. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. – 496 с.

Краеведческие уроки: Игры и игрушки коренных малочисленных народов Севера [Электронный ресурс] // Magadanmuseum [YouTube]: [сайт]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=nrBjXY4ZloY&list=PLpjHyS5mAkwlssyEm4D_ed620CBA0ZHxO&index=8
https://www.youtube.com/watch?v=DRwLWifV3yw&list=PLpjHyS5mAkwlssyEm4D_ed620CBA0ZHxO&index=9 (дата обращения: 07.06.2022).

Новый сайт «Адаптация к изменениям климата: традиционные знания коренных народов Арктики и Крайнего Севера» [Электронный ресурс] // Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании: [сайт]. – URL: http://archive.iite.unesco.org/courses/climate_change/module.html#/4/5/ (дата обращения: 03.09.2022).

Оленеводство. Путешествие Удани. Мультфильм. Серия 5 [Электронный ресурс] // Magadanmuseum [YouTube]: [сайт]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dJpwSyzgiGk&list=PLpjHyS5mAkwnUvMGwPGAfwfsM9ryYA1iaa&index=5> (дата обращения: 14.03.2022).

Олененок. Путешествие Удани. Мультфильм. Серия 4 [Электронный ресурс] // Magadanmuseum [YouTube]: [сайт]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Wj85wuHsg3U&list=PLpjHyS5mAkwnUvMGwPGAfwfsM9ryYA1iaa&index=4> (дата обращения: 14.03.2022).

Попова У. Г. Эвены Магаданской области. – М. : Наука, 1981. – 304 с.

Сказка о Келе и девках [Электронный ресурс] // Магаданский областной краеведческий музей: [сайт]. – URL: <https://magadanmuseum.ru/index.php?newsid=7657> (дата обращения: 14.03.2022).

Чемшиш Т. А., Мальцева Н. В. Ночные акции музея (опыт и новации) // Краеведческие зап. – СПб. : Кордис, 2020. – Вып. 22. – С. 163–176.

Эвенская одежда. Путешествие Удани. Мультфильм. Серия 3 [Электронный ресурс] // Magadanmuseum [YouTube]: [сайт]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8Fg2AGhkmjk&list=PLpjHyS5mAkwnUvMGwPGAfwfsM9ryYA1iaa&index=3> (дата обращения: 14.03.2022).

Эвенская юрта. Путешествие Удани. Мультфильм. Серия 2 [Электронный ресурс] // Magadanmuseum [YouTube]: [сайт]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=EwB_3MgCCCs&list=PLpjHyS5mAkwnUvMGwPGAfwfsM9ryYA1iaa&index=2 (дата обращения: 14.03.2022).

Этнокнига. Коренные малочисленные народы Магаданской области: [сайт]. – URL: [https:// ethnobook.ru/](https://ethnobook.ru/) (дата обращения: 14.03.2022).

Это наш день! [Электронный ресурс] // Магаданский областной краеведческий музей: [сайт]. – URL: <https://magadanmuseum.ru/index.php?newsid=7802> (дата обращения: 14.03.2022).

Мальцева Н. В. <https://orcid.org/0000-0003-4313-137X>

Белокопытова В. А. <https://orcid.org/0000-0002-5535-3650>

Примечания

*Работа выполнена при поддержке благотворительной программы «Эффективная филантропия» конкурса «Общее дело» проекта «Мультимедиа» (№ ГЭО-143/20) и Российского Фонда культуры конкурса на предоставление грантов некоммерческим организациям в рамках национального проекта «Культура» проектов «Интерактивная “Этнокнига” Магаданской области» (20-1-000884) и «Этнокнига Магаданской области: исчезающая действительность» (21-1-000194).

А. Х. Машарипова

Россия, Тюмень, Тюменский научный центр СО РАН

**ОПЫТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ АТРИБУЦИИ
СЕЛЬКУПСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ XVIII–XIX ВЕКОВ**

В статье рассмотрены сведения о селькупских должностных лицах (князцах), стоявших во главе управления Караконской инородческой волостью в верховьях р. Таз. На основе анализа архивных документов были исследованы семейно-родственные связи селькупских князцов конца XVIII – начала XIX вв. В качестве источника изучены материалы ревизской сказки 1782 г., исповедные росписи и метрические книги. Документы по учету населения, в которых были выявлены сведения о представителях знати среди селькупского населения, позволят дополнить данные, полученные в ходе археолого-этнографических исследований на территории Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Благодаря проведенной работе были предположительно установлены личности, возраст и семейное положение людей, занимавших привилегированное положение у тазовских селькупов, чьи могилы были обнаружены около п. Киккиакки в верховьях р. Таз.

Ключевые слова: Западная Сибирь, северные селькупы, князцы, остяки.

A. Kh. Masharipova

Russia, Tyumen, Tyumen Scientific Centre SB RAS

**USE OF ARCHIVE DATA AS A SOURCE FOR THE ATTRIBUTION
OF THE SELKUP BURIALS OF THE 18TH–19TH CENTURIES**

The article deals with information about Selkup clan leaders (*knyazets*) who were at the head of the Karakonskaya national *volost* (district) in the upper reaches of the Taz-river. Based on the analysis of archival documents, the family and kinship relations of the Selkup *knyazets* of the end of the 18th – early 19th century were studied. As a source, the Revision lists (1782 Russia Census), confessional statements and metrical books were used. Civil registry documents in which information about the Selkup noblemen was revealed make it possible to supplement the data obtained in the course of archaeological and ethnographic field research on the territory of the Krasnoselkupsky district of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. All of the above allows us to supposedly reveal the identities, ages and marital status of the Selkup noblemen who were buried near Kikkiakki settlement in the Upper Taz river region.

Keywords: Western Siberia, Northern Selkup, *knyazets*, *Ostyaks*.

Историко-этнографические сведения из архивных документов имеют большой потенциал для атрибуции поздних памятников археологии. Эффективность применения этого вида источника во многом определяется теми отправными данными, которые удастся получить в итоге археологических раскопок. Весьма важным является также уровень компетентности специалиста, занимающегося поиском и изучением архивных документов – как в непосредственно связанной с исследованием историко-этнографической тематике, так и в особенностях документооборота прошедших эпох. В данной статье рассматривается один из примеров подобной этноархеологической работы, проводимой сотрудниками Тюменского научного центра.

Во время археологических работ Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (ТюмНЦ СО РАН) под руководством О. Е. Пошехоновой был выявлен могильник в районе с. Киккиакки Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа. При раскопках были обнаружены фрагменты пяти предметов русской верхней мужской одежды, относящейся к допетровскому времени: три кафтана, охабень и зипун [Елкина, Пошехонова, 2021, с. 72].

Известно, что эта территория была заселена остяками (селькупами) Тымской и Караконской волостей, которые мигрировали со Средней Оби в верховья р. Таз и к XVII в. заселили местность, начиная от «Вершин до Часовенского зимовья», а также Турухан и левые притоки Енисея [Адаев, 2014, с. 124–132; Третьяков, 1871, с. 160]. Во главе каждой волости стояли князцы, утверждаемые царской полицией [Долгих, 1934, с. 26]. К привилегированным слоям относились также «сотники» и «лучшие люди». В работах исследователей Туруханского края и в обзорных отчетах XIX в. не раз было отмечено, что «остяки почти все бедны, имущество их состоит из чумов, нарт и предметов хозяйственного обихода. Одежда из оленьих шкур надевается прямо на голое тело» [ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 8. Эл. л. 19]. Можно предположить, что элементы одежды, выявленные во время археоло-

гических работ, могли принадлежать знати – «князцам», «лучшим людям» или сотникам. Традиция выдачи русскими государями жалованных кафтанов сибирским князям известна с XVIII в. [Перевалова, 2011, с. 86].

Основным источником для написания работы послужили документы, хранящиеся в архивах Красноярска (Государственный архив Красноярского края – ГАКК) и Тобольска (Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» – ГБУТО ГАТ), по учету населения – ревизские сказки, исповедные росписи и метрические книги, которые дополняют информативность данных археологических раскопок позднесредневекового могильника Кикки-Акки. Материалы ревизских сказок и исповедных росписей дают представление не только о численности селькупов в Караконской волости, но и о размерах той или иной семьи, фамильном составе. Метрические книги, содержащие информацию о регистрации крещений (рождения), брака и смерти (погребения) позволяют проследить брачные контакты жителей Караконской волости как внутри группы, так и за ее пределами.

Численность населения Караконской волости по материалам IV ревизии (1782 г.) составила 255 чел. В управлении волостью были поставлены два князца. Так, во главе Караконской волости на Вахе, численностью населения 137 чел., был показан князец Тимофей Кондин. По ревизии Тимофею Кондину был 71 год, вместе с ним проживали жена – Анна Михайлова, 33 лет, взятая из этой же волости, дети: Никифор (25 лет), Николай (17 лет), Мин (15 лет) и Евдокия (1 г.). Отдельной семьей проживал сын Кондина – Еремей, 24 лет, с невенчанной женой и двумя детьми. Здесь же перечислены еще пять семей с фамилией Кондины, являющиеся, видимо, родственниками князцу. Итого, в списках ревизии в Караконской волости с фамилией Кондины было зафиксировано 36 чел. [ГБУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 44]. По исповедным росписям Тазовской церкви за 1800 г. была представлена только одна семья из 12 чел., а в 1846 г. число семейств, представляющих эту фамилию, увеличилось до трех (27 чел.) [ГАКК. Ф. 819. Оп. 1. Д. 91Б, 262].

Вторым князцом Караконской волости по рекам Григорке и Часолке (притоки р. Таз) с населением в 118 чел. был Иван Иванов Полев (Полин), 59 лет. В семье Ивана Полева проживала жена – невенчанная Параскева Михайлова, 46 лет, из Тымской волости, взятая у Михаила Оголчина, и незаконнорожденные дети: Илья (19 лет), Михаил (14 лет), Василий (13 лет), Осип (11 лет), Семен (9 лет), Анна (5 месяцев), а также подворница с двумя детьми. Следом записана семья брата Полева – Ефрема Иванова, 50 лет, из 5 чел. Всего фамилию Полины представляли 16 чел. [ГБУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 44. Эл. л. 374]. По исповедным росписям (1800 и 1846 гг.) во главе семьи Полиных был записан старший сын князца. Количество семей в этой фамилии осталось прежним, но численность увеличилась с 16 до 36 чел. [ГАКК. Ф. 819. Оп. 1. Д. 91Б, 262].

В конце XVIII – начале XIX в. вышеупомянутые князцы по волости не числились. Следующим князцом Караконской волости становится некий Ильяков. Впервые эта фамилия упоминается в отчете протопопа Никифора Попова, который во время своей поездки по приходам Сургутского уезда в январе 1793 г. останавливался на три дня в Караконской волости у князца Ильякова [ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 4. Д. 1687. Л. 1]. В исповедных росписях Тазовской церкви за 1800 г. записан Гаврила Иванов Ильяков, 54 лет, который титул князца не имел, но был записан как сотник Караконской волости. На момент ревизии с ним проживали мать, жена, шестеро детей, а также три родных брата с семьями, братанник (двоюродный брат) с подворницей и ее детьми, всего 27 чел. Братанником Ильякова в посемейном списке записан Мин Кондин, который был сыном предыдущего князца, Тимофея Кондина, местом жительства которого была Караконская волость на Вахе. Сопоставление поименно списка семей из исповедных росписей 1800 г. с материалами ревизии 1782 г. показало, что фамилия Ильяков среди инородцев Караконской и Тымской волостей на тот момент не значилась, но в списках семей мы обнаружили семью Гаврила Иванова под фамилией Кондин. Таким образом, управление Караконской волостью перешло от князца Кондина к его же родственникам. Смена фамилии коснулась не только сотника Гаврилы Иванова, но и членов его семьи. Чем и объясняется уменьшение численности людей в роде Кондиных в 1800 г. [ГАКК. Ф. 819. Оп. 1. ДД. 91Б, 262]. Сотник Ильяков умер в июле 1813 г. в возрасте 66 лет; смерть наступила, согласно записи в метрической книге, от «колотья» [Там же. Ф. 182. Оп. 1. Д. 7. Л. 44]. С чем была связана смена фамилии – не известно. Фамилия Ильяковы (Имлековы) была распространена среди остяков (кеты) Сымской волости [Там же. Ф. 910. Оп. 1. Д. 7]. По мнению О. Б. Долгих, часть остяков Сымской волости слилась с караконскими и тымскими [Долгих, 1960, с. 84], что не находит подтверждения в поздних документах. По материалам ревизских сказок (1783 и 1795 гг.) и метрических книг брачные связи тымско-караконских остяков прослеживаются с остяками из Баишинской (Безруковы, Когановы, Кусамины, Неголины) и Карасинской (Юфтины) волостей [Там же. Ф. 182. Оп. 1. Д. 17.

Л. 26; Д. 24. Л. 21; Д. 28. Л. 31]. По исповедным росписям за 1846 г. по фамилии Ильяковы числилась одна семья из 12 чел. [Там же. Ф. 819. Оп. 1. Д. 262. Л. 29]

После Гаврилы Иванова Ильякова управляющим Тымско-Караконской управой становится князец Егор Павлов Андреев. Точных сведений о времени появления семьи Андреевых нет. Согласно сохранившимся преданиям, эта «*фамилия была среди первых переселенцев, получивших ее от имени священника, крестившего детей*» [Откуда фамилия моя?]. Анализ архивных документов выявил следующие факты, связанные с личностью Андреева. Первая запись об Андрееве, проживающем среди остяков Тымской волости, была обнаружена в переписке между сургутской канцелярией и Тобольской духовной консисторией за 1765 г., где Андреев упоминался как из «*вновь прибывших зачисленный из подушного оклада в ясачный незаконнорожденный Павел Андреев*», «*по незнанию остяцкого языка и по не опытности остяцких промыслов напрасно*» [ГБУТО ГАТ. Ф. И 156. Оп. 2. Д. 1161. Л. 3]. Возможно, это отец будущего князца Тымского-Караконской волости. По ревизским сказкам удалось выяснить, что Андреев Павел вместе с женой и двумя дочерьми (6 и 2 лет) на 1782 г. проживал в Караконской волости на одном из притоков р. Таз – Григорке или Часолке [Там же. Ф. И 154. Оп. 8. Д. 44. Л. 376]. В исповедных росписях Николаевской церкви за 1800 г. семьи Андреевых в списках жителей прихода нет. Следующая запись об Андрееве, как князце Тымской и Караконской волостей, встречается в 1820 г. и связана с его браком на дочери умершего священника Татьяне Петровой Анцыферовой, 37 лет [ГАКК. Ф. 819. Оп. 1. Д. 147. Л. 28]. Детей в браке не было. Умер Егор Павлов в 1852 г. в возрасте 72 лет от старости [Там же. Ф. 182. Оп. 1. Д. 30. Л. 44]. Надо отметить, что некоторые потомки Андреевых занимали управляющие должности. В метрических книгах Николаевской церкви встречается брат Егора – Евграф, который женился в 1822 г. на ясачной из Тымской волости Матрене Григорьевой Лендиной [Там же. Ф. 182. Оп. 1. Д. 14. Л. 28]. В этом браке родилось 7 детей. Так, например, самый старший сын, Филагрий (1822 г. р.), исполнял в 1849 г. должность церковного старосты [О Тазовском приходе, 1880]. Внук, Силивестр (1850 г. р.), числился старостой Тымско-Караконской управы в 1884 г. [ГАКК. Ф. 595. Оп. 17. Д. 5513].

Должность князца недолгое время занимал Агычев Николай Ефимов, который впервые упоминается в «ведомости о составе бродячих народов Енисейской губернии» за 1824 г. как князец Тымско-Караконской управы [Долгих, 1934, с. 26]. Согласно данным ревизской переписи 1782 г., Николай Агычев был сыном остяка Агычева Петра Иванова (по духовным росписям Ефима) и его жены Матрены Тимофеевой (Темина из Караконской вол.), приписанных к Тымской волости по рекам Ратте и Покатке. В роду с фамилией Агычевы было записано 6 семей, общей численностью 27 чел. [ГБУТО ГАТ. Ф. И 154. Оп. 8. Д. 44]. Известно, что Николай Ефимов до 33 лет был не женат, а проживал с подворницей, вдовой Матреной Герасимовой Ванчаковой и ее детьми (двое – от первого брака и двое незаконнорожденных), на которой женился в январе 1806 г. [ГАКК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 4]. Умер князец в июне 1827 г. возрасте 53 лет от горячки [Там же. Ф. 182. Оп. 1. Д. 17. Л. 16]. После смерти мужа Матрена Герасимова, видимо, вернулась в семью первого мужа, так как в исповедных ведомостях за 1846 г. она числилась в семье вдовы Ванчаковой Катерины Стефановой [Там же. Ф. 819. Оп. 1. Д. 262. Л. 28–29]. После смерти Агычева управление Тымско-Караконской управой вновь возглавил Егор Павлов Андреев.

Как долго сохранялся титул князцов, кто был выбран следующим на роль князца Тымско-Караконской управы – нам это не известно. Комплексное изучение архивных материалов позволит в дальнейшем дополнить представления о локальной истории верхнетазовских селькупов: численности инородцев, сведения о расселении и местах проживания, родственных связях внутри группы, а также отдельные моменты, касающиеся конкретных жителей.

Список источников и литературы

Адаев В. Н. Селькупы Верхнего Таза: межкультурные связи и пути сообщения с населением соседних речных бассейнов в XVIII–XX вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень. – 2014. – № 1 (24). – С. 124–132.

ГАКК. Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 8.

ГАКК. Ф. 182. – Оп. 1. – Д. 4, 7, 17, 30.

ГАКК. Ф. 595. – Оп. 17. – Д. 5513.

ГАКК. Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 91Б, 147, 262.

ГАКК. Ф. 910. – Оп. 1. – Д. 7.

ГБУТО ГАТ. Ф. И 154. – Оп. 8. – Д. 44.

ГБУТО ГАТ. Ф. И 156. – Оп. 2. – Д. 1161; Оп. 4. – Д. 1687.

Долгих О. Б. Кеты. – Иркутск ; М. : ОГИЗ, 1934. – 134 с.

Долгих О. Б. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.

Елкина И. И., Пошехонова О. Е. Русские мужские одежды в захоронениях северных селькупов (по материалам могильника Кикки-Акки) // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России. – Омск ; Сургут, 2021. – Т. I. – С. 72–78.

О Тазовском приходе // Иркутские Епархиальные Вед. – 1880. – 19 января. – № 3.

Перевалова Е. В. Родовые «канцелярии» самоедских старшин (из практики управления туземным населением Северо-Западной Сибири в XVIII в.) // Уральский ист. вестн. – Екатеринбург. – 2011. – № 3 (32). – С. 84–88.

Откуда фамилия моя? [Электронный ресурс] // Сайт муниципального округа Красноселькупского района ЯНАО: [сайт]. – URL: <http://www.selkup-adm.ru/node/4258> (дата обращения: 15.04.2022).

Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители. – СПб. : Тип. В. Безобразова и К, 1871. – 316 с.

Машарипова А. Х. <https://orcid.org/0000-0003-4374-1151>

А. Ю. Ожередова¹, Ю. И. Ожередов²

*Тайвань, Тайчжун, ¹Университет Фэнчзя
Россия, Анадырь, ²Чукотский филиал Северо-Восточного
федерального университета им. М. К. Аммосова*

К ВОПРОСУ О КИТАЙСКОМ ФАРФОРЕ В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ (ЭПОХА ЦИН)

Исследование представляет обобщающий анализ китайского фарфора, собранного на китайской крепости в г. Ховд, руинах дацана Шар-Сум и двух памятниках на территории Барунхурайской впадины на юго-западе Монголии. Названные объекты служили целям китайской военной администрации и представителям буддийского духовенства Западной Монголии в период Цин. По итогам анализа очевидно, что в декоре фарфоровых изделий преобладают тибето-монгольские элементы китайской народной культуры, а также частности, отражающие «неханьскую» часть истории Китая. Результаты исследования играют важную роль для понимания стилевых предпочтений в фарфоре за пределами Китая, а также для изучения траекторий перемещения китайского фарфора через Центральную Азию далее на север.

Ключевые слова: китайский фарфор, Монголия, династия Цин, археология, орнамент, селадон.

A. Yu. Ozheredova¹, Yu. I. Ozheredov²

*Taiwan, Taichung, ¹Feng Chia University
Russia, Anadyr, M. K. ²Ammosov North-Eastern Federal University, Chukotka Branch*

CHINESE PORCELAIN IN WESTERN MONGOLIA (QING DYNASTY)

The paper examines Chinese porcelain shards collected at Chinese fortress in Khovd city, Shar Sum monastery and two archaeological sites in Barun Khurai Depression in southwest Mongolia. These sites were built for Chinese military administration and Buddhist clergy in West Mongolia during the Qing period. The research suggests that these categories of Mongolian population preferred the porcelain ornamented in tibeto-mongolian style common in Chinese popular culture. The shards also show some characteristics originally related to «non-Han» part of Chinese history. The results of the study can serve as a reference for better understanding of Chinese porcelain export to Central Asia and further northern territories.

Keywords: Chinese porcelain, Mongolia, Qing dynasty, archaeology, ornament, celadon.

Географическая близость Монголии и Китая предопределила их долгую совместную историю. На протяжении более двух тысячелетий становления монгольской и китайской государственности известен целый ряд случаев их попеременного доминирования. Первое крупное противостояние Китая со степью было инициировано возвышением хунну, государство которых существовало с 209 г. до н. э. по 93 г. н. э. Война со степью длилась три столетия и завершилась разгромом кочевой империи. Орды хунну отступили во внешнюю Монголию, а на смену им пришли сяньби, жуэнь, тую, уйгуры, кыргызы и монголы, продолжившие противостояние с Китаем. Слабеющая с X в. Китайская империя не смогла противостоять монголам, которые в 1260–1280 гг. разгромили китайские войска, и пекинский престол впервые был захвачен инородческой династией Юань, свергнутой в 1368 г. китайской династией Мин. В 1629 г. Монголия подчинилась манчжурам, занявшим в 1644 г. «Запретный город» Гугун и воцарившимся более чем на триста лет [Кури, 1929, с. 7].

Политические перипетии Монголии и Китая напрямую отразились на культуре этих государств, свидетельством чему являются материалы археологии, изученные авторами. Предметом исследования стала коллекция фрагментов китайских фарфоровых изделий, собранная на цинских памятниках Западной Монголии: на территории разрушенной китайской крепости в г. Ховд и руинах дацана Шар-Сум за чертой города. Еще три памятника обследованы на территории Барунхурайской впадины в районе горы Ошка (Ушка), где сохранились развалины дацана и двух китайских крепостей.

Предварительные результаты исследований авторы представили в ряде публикаций, однако на первом этапе не смогли избежать недоработок и неточностей [Ожередов, 2005а; 2005б; 2009а; 2009б; Ожередов, Ганболд, 2009; Ожередов и др., 2008; Ожередова, Ожередов, 2011а; 2011б; 2012; Ozheredova, Ozheredov, 2015]. По прошествии лет появились новые находки, сведения и подходы к решению стоящих задач, предопределившие появление настоящей публикации, направленной на обобщение имеющихся сведений.

Особенно заметно пополнилась коллекция с крепости Кобдо, расположенной на правом берегу р. Буянт в границах современного г. Ховд (рис. 1/ 1). Крепость отстраивали трижды в разных местах. Начало ее истории относится к 1718 г. на р. Ховд, но точное место первого строения не установлено [Позднеев, 1883, с. 304]. В двух публикациях А. М. Позднеева значатся близкие, но разные даты. Первая указывает на 1731 г. [Там же, с. 334, 335, 340; Киселев, 1957, с. 101]. Следующая: «По второму изданию монгольской летописи... в 1730 г.». Новый город, точнее крепость, отстроили «...на р. Кобдо, чтобы поселить в ней передовые охранные гарнизоны и иметь провиантные склады для содержания армии». Причиной ее возведения стала развернувшаяся война с джунгарами [Позднеев, 1896, с. 304].

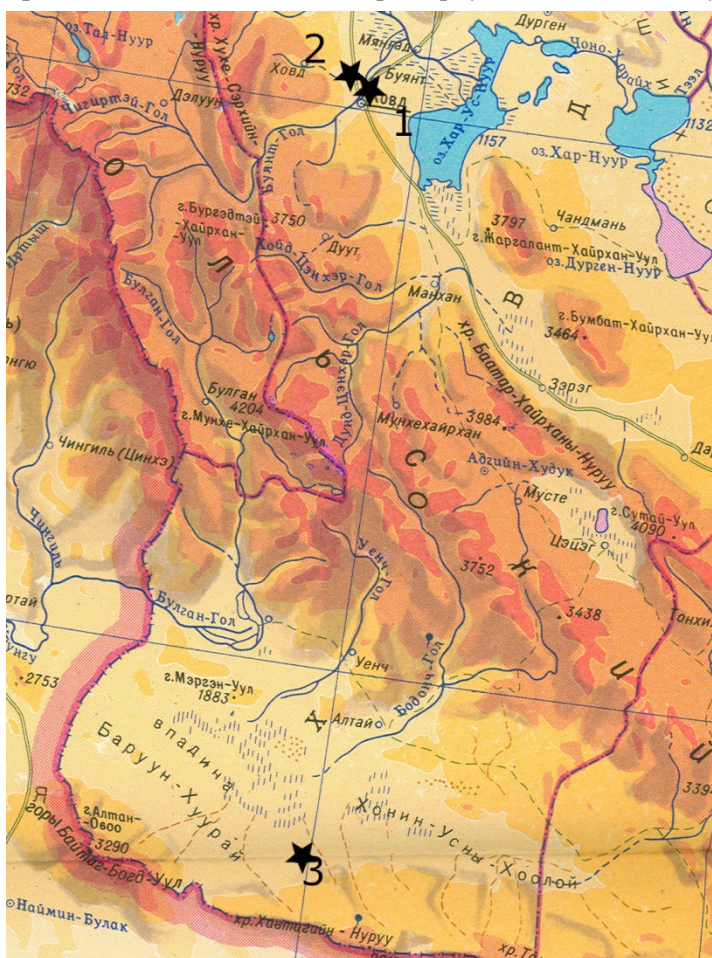

Рис. 1. Карта археологизированных объектов Западной Монголии.
1 – Крепость Кобдо. 2 – Дацан Шар-Сум. 3 – Памятники в Барунхурайской впадине

турного слоя привело к послойному перемещению артефактов, в результате чего на поверхности оказались многочисленные обломки керамики и фарфоровой посуды.

Сходный материал обнаружен на руинах буддийского дацана Шар-Сум, отстоящего от города и крепости приблизительно на 1 км к северу (рис. 1/ 2). Краткая история памятника, его архитектурно-планировочная реконструкция, подъемный материал и итоги предварительного изучения представлены в серии работ [Ожередов, 2005а; 2005б; Ожередов и др, 2008; Ожередов, Ганболд, 2009; Ожередов, Мунхбаяр, Ожередова, 2011б], поэтому ограничимся базовой информацией.

В работах первого официального наблюдателя, А. Принтца, Шар-Сум не изобилует подробностями [Принтц, 1869, с. 8]. Более щедр на этот счет Г. Н. Потанин, отметивший дацан в ряду монастырей, открытых на средства и по поручению китайского императора для устройства резиденций высших лиц монгольской духовной администрации – гэгэнов. [Потанин, 1948, с. 63; Потанин, 1881, с. 40, 78–79]. Согласно летописи «Эрденийн-эрихэ», храм был основан в 1762 г. олётским ламой Дондоком, видимо, в форме кочевого монастыря с юртами, и только в 1766 г. китайский император повелел устроить каменный дацан, строительство которого завершилось в 1767 г.

Существующий г. Ховд, на территории которого были собраны обломки китайского фарфора, основан в 1762 г. на правом берегу р. Буянт, примерно в 40 км к юго-западу от предыдущей крепости [Там же], ныне именуемой «Старый Ховд».

По данным штабс-капитана Генерального Штаба, Принтца, командированного в Монголию в июне 1864 г., город «...построен в полуверсте от воды, на правой стороне Буянты... Небольшой ручей, текущий в р. Буенту, разделяет город на две главные части: северную или административную и южную торговую – северная часть города... построена вроде крепости, обнесена каменной стеной в виде квадрата, каждая сторона которого около 130 сажений длины. В углах расположены башни. Вверх стены выведены зубцами, а самая стена в 1½ сажени толщиной и сажени две вышины» [Принтц, 1869, с. 8]. Детальное описание крепости можно найти в книге А. М. Позднеева «Монголия и монголы...» [Позднеев, 1896, с. 303–337].

После восстания в 1912 г. и изгнания цинской администрации крепость была снесена. Напоминанием о ней остались участки полуразрушенных стен из сырцового кирпича и старые тополя – остатки тенистого парка. Долгое время территория перекапывалась под огороды, рассекалась ирригацией и дорогами. Нарушение куль-

[Позднеев, 1896, с. 327, 334]. По сведениям Г. Е. Грум-Гржимайло, некоторое время спустя монастырь получил народное название «Шар-Сумэ» [Грум-Гржимайло, 1926, с. 251].

Руинированные памятники в восточной части Барунхурайской впадины сохранились в форме остатков объектов крепостного типа, окруженных земляными рвами и валами. Два из них – типичные земляные крепости, третий имеет внутри укреплений остатки каменного фундамента и, предположительно, отопительную систему типа канов.

Из письменных источников известно, что данную территорию традиционно занимали ойраты захчин, охранявшие границы Манчжурского Китая от немирной Джунгарии [Там же, с. 263–264].

По сведениям, полученным от этнолога Ховдского государственного университета М. Ганболда, один из объектов является развалинами дацана тибетского стиля, возведенного ламами, выходцами из Шар-Сума, для удовлетворения духовных потребностей захчинов. Г. Е. Грум-Гржимайло зафиксировал на территории этой этногруппы крупный княжеский монастырь (200 лам) [Там же, с. 261].

Таким образом, два из обозначенных объектов расположены на локальном участке в непосредственной близости друг от друга. Объекты близ горы Ошка хотя и находятся довольно далеко (около 300 км к юго-западу) (рис. 1/ 3), но, по свидетельствам исследователей, связаны с храмом Шар-Сум. Помимо вербальных источников, опосредованно связь всех объектов подтверждается материалами археологии, а именно – фрагментами китайского фарфора со сходными технологическими и декоративными характеристиками. На территории храма (*хурэ*), где проходили ритуалы, и строений для проживания лам (*байшина*), было зафиксировано 44 идентифицируемых фрагмента китайской фарфоровой посуды XVIII – начала XX вв., на крепости Кобдо – 158 фрагментов XVIII – начала XX вв., на барунхурайских памятниках – 16 фрагментов конца XIX – начала XX вв. При изучении более крупных обломков установлено, что они являются в большинстве своем остатками утилитарной посуды – чашек (пиалок) и небольших тарелок.

Обломки китайской посуды на площади крепости и монастыря подтверждают сведения Г. Н. Потанина о том, что один раз в год из Пекина в Кобдо китайские купцы привозили особенные товары, в перечне которых значилась фарфоровая посуда [Потанин, 1881, с. 74]. Участники экспедиции Томского общества изучения Сибири в Монголии в 1910 году отмечали: «Местами можно видеть китайскую фаянсовую и фарфоровую посуду. Во многих китайских лавках торгуют дешевой фаянсовой посудой. Но при кочевых условиях эта посуда вряд ли может найти большой сбыт...», т. к. «чай, другие напитки и жидкую пищу монгол пьет и ест из деревянных чашек “аяков”, эти чашки у каждого монгола за пазухой. Чашки привозятся китайцами и отличаются прочностью...» [Боголепов, Соболев, 1911, с. 140–141]. Позже Г. Е. Грум-Гржимайло писал, что в семейном наборе посуды «халхасцев» наличествует «несколько деревянных чашек, в редких лишь случаях заменяемых фарфоровыми» [Грум-Гржимайло, 1926, с. 330].

Учитывая тот факт, что в крепости, не намного превосходящей по площади территорию дацана, находок несоизмеримо больше, можно полагать, что изделия из фарфора главным образом принадлежали этническим китайцам и небольшой группе оседлых коренных жителей (ламам). По данным А. Принтца, в 1864 г. в крепости и соседствующем с ней торговом квартале маймачэне проживало порядка тысячи китайцев [Принц, 1869, с. 8]. Ровно столько же их оставалось почти через 50 лет в 1910 г. накануне завершения «китайской» истории. К ним лишь добавилось 40–50 человек из русских купцов, членов семей и служащих [Боголепов, Соболев, 1911, с. 22].

Стилистические особенности декора, дошедшего на фрагментах китайского фарфора, являются важным источником для изучения стилевых предпочтений обитателей Монголии в означенный период. При анализе материала очевидным становится преобладание религиозных и благопожелательных мотивов, популярных среди изделий народного искусства Китая.

Одним из примеров может служить группа фарфора с изображением иероглифа «Шоу» – долголетие в составе различных орнаментов. «Шоу» появляется уже среди пиктограмм на керамических изделиях неолита, а привязка этого символа к понятию «долгая жизнь» фиксируется до III в. до н. э. Так называемая «культура долголетия», постепенно формировавшаяся в Китае с VIII в. до н. э. является одной из базовых составляющих китайского мировоззрения [Инь Вэй, Инь Фэйжань, 2005, с. 147; Су Кэмин, 2009, с. 102].

В китайской традиции существует необычайно богатый набор изображения «Шоу». В своем исследовании письменных источников Су приводит 13 822 варианта [Су Кэмин, 2009, с. 103]. Примечательно, что на фарфоровых вазах Цзун периода Канси зафиксирована 1000 различных вариантов «Шоу» [Чжунхань цюли..., 2018, с. 48–51].

Наиболее распространенной композицией на фрагментах из Шар-Сума и крепости Кобдо, является Ваньшоу вэнь «Десять тысяч шоу» или Байшоу вэнь «Сто шоу» (рис. 2). На крепости она представ-

лена в большом количестве, а суммарно составляет одну четверть от находок, собранных на всех обозначенных объектах Западной Монголии.

Рис. 2. Фарфор с орнаментом *Ваньшоу вэнь*

Ваньшоу вэнь в большинстве случаев выполнена в технике подглазурного кобальтового рисунка, где по всей поверхности тулова вазы, чаши и т. п., или только на отдельной части изделия, на внешней или внутренней поверхности борта, в несколько параллельных строк нанесены различные варианты символов «Шоу». Помимо композиций с «Шоу» на бортах посуды, некоторые тарелки имеют крупное изображение этого иероглифа в центре зеркала, атрибутированного некоторыми

исследователями как знак Ом, что, на наш взгляд, является ошибочным толкованием и в чем убеждает несколько фактов. К примеру, история с фарфором на китайском судне, затонувшем в 1830-х гг. близ д. Десару на юго-восточном берегу п-ова Малакка. По мнению специалистов, работавших с находками, символы на бортах и в зеркале изделий являются стилизацией санскритского иероглифа Ом [Brown, Sjostrand, 2004, p. 106–107].

Однако существующие в китайской науке наработки по атрибуции подобных изделий склонны отнести имеющиеся знаки к понятию «Шоу». В том же убеждает анализ графики символа, близкий по исполнению к квадратному монгольскому письму Пангба, или к стилю печатей Чжуаньшу.

Ваньшоу вэнь является достаточно распространенным орнаментом среди китайских изделий XVIII–XIX вв. и встречается в быту, а также в погребальном обряде китайцев. В частности, они были обнаружены в китайских захоронениях периода Цяньлун [Ю Цзяду, 1997, рис. 224].

Несмотря на различение этого орнамента, его культурно-исторический контекст, так или иначе, связан с тибето-монгольской составляющей китайской культуры. Есть мнение, что изделия с подобным декором производились для вывоза в Тибет [Вестфален, Кречетова, 1947, с. 28].

Рис. 3. Фарфор с орнаментом *Уфушоу*

Другой благопожелательный орнамент с включением «Шоу» был обнаружен на фрагментах из Бурунхурайской впадины (рис. 3). Здесь этот иероглиф представлен в сочетании с летающими мышами и называется *Уфушоу*, что дословно переводится как «пять богатств и долголетие». Это сочетание также относится к широкому корпусу благопожелательных орнаментов, распространенных в народном искусстве Китая. Примечательно, что чашки со сходным орнаментом, были найдены в Олун-Сумэ и рассматриваются как фарфор, ориентированный на экспорт в Монголию [Там же, с. 53].

Отдельную группу фарфора из крепости Кобдо и дацана Шар-Сум составляют обломки доньшек с марками типа *Ту Цзи* (рис. 4) (по-другому – *Доуфу Гань*, дословно «сушеный доуфу»). В свою очередь, она относится к более широкой группе марок, в китайской литературе обозначаемых термином *Хуаян Куань* – «марки-рисунки». Из работ китайского историка XIV в. Тао Цзуньи следует, что само их появление в изобразительном искусстве Китая напрямую связано с манчжурами и другими неханьскими этносами,

так называемыми «цветноглазыми», которые в период Юань занимали высокие административные

должности, но при этом не владели китайским письмом. Поэтому марки с китайскими иероглифами, служившие в предыдущие эпохи для обозначения более высокой категории фарфора, для императорского двора, были заменены на всевозможного рода рисунки и узоры. Со временем, в эпохи Мин и Цин, они стали популярны и на более грубых бытовых изделиях [Чжунго гутаоци..., 1998, с. 345].

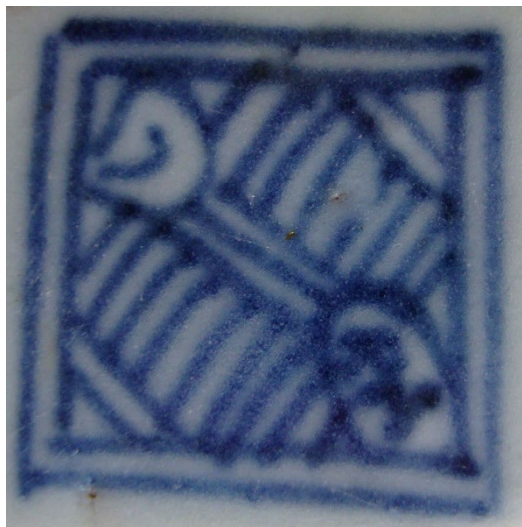

Рис. 4. Марка типа Ту Цзи

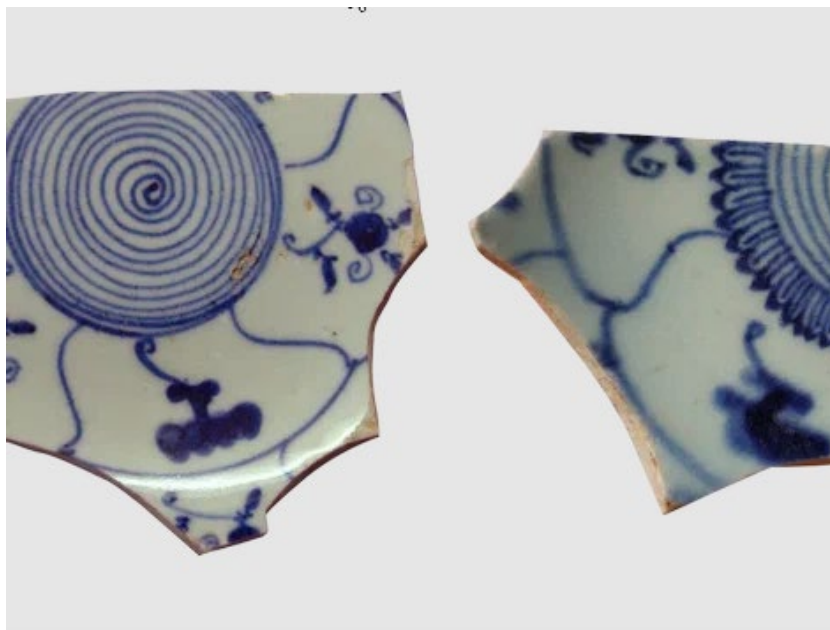

Рис. 5. Изображение магического гриба Линчжи

Другую многочисленную группу фарфора составляют поделки с растительным орнаментом, в основе которого лежит изображение магического гриба *Линчжи* (рис. 5). Он ассоциировался с даосскими бессмертными гениями, жившими на волшебных островах в Восточном море, добраться до которых можно было с помощью этого гриба [Грубэ, 1912, с. 145]. Таким образом, изделия с подобным орнаментом были также тесно связаны с «культом долголетия», распространенным в эпохи Мин и Цин. Многочисленные находки подобных изделий на затонувших торговых кораблях [Christie's Amsterdam..., 1995, p. 124; Tek Sing..., 2000, s. 115] свидетельствуют о его массовом производстве и популярности за пределами Китая.

Немалое место в подборке из крепости Кобдо и дацана Шар-Сум занимают фрагменты с селадоновой глазурью светло-зеленого оттенка, в китайской литературе обозначенной как *Доуцин* – бобовый зеленый. Исто-

рия селадона начинается в эпоху Шан, когда эта глазурь была результатом естественной химической реакции происходящей во время обжига. Только двумя тысячелетиями позже, в конце периода Хань, китайским керамистам удалось выработать технологию, позволяющую контролировать цвет и текстуру селадонного покрытия. По оценкам некоторых исследователей его популярность была вызвана сходством с предметами из бронзы и нефрита [Gompertz, 1968, p. 23–30]. Нужно заметить, что история китайского фарфора за пределами Китая также непосредственно связана с селадоном, поскольку эта группа керамики была востре-

бована на соседних территориях уже на раннем этапе ее производства.

Комплексный анализ собранного материала показывает, что цинский фарфор в Монголии в основном использовался в среде китайской военной администрации и монгольской духовной прослойки. По содержанию орнамента он соответствовал базовым ценностям народной китайской культуры, но в стилистических особенностях его композиций предпочтение отдается буддийско-ламаистским элементам. Помимо этого, декор фарфора отражал предпочтения, изначально связанные с «неханьскими» составляющими китайской культуры. Это частично объясняет его популярность среди изделий, экспортировавшихся из Китая.

Выявление особенностей фарфоровых изделий, поступавших в Монголию, позволяет приблизиться к пониманию процессов адаптации китайской продукции на соседних территориях, а также собственно траекторий перемещения фарфора через Центральную Азию в западном и северном направлениях. В частности, это может помочь более полному анализу предметов, известных в археологии Сибири.

Список источников и литературы

- Боголепов М. И., Соболев М. Н.* Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция в Монголию 1910 года. Труды Томского общества изучения Сибири. – Томск : Тип. Сибирского т-ва печ. дела, 1911. – Т. 1. – 500 с.
- Вестфален Э. Х., Кречетова К. Н.* Китайский фарфор. – Л. : Гос. Эрмитаж, 1947. – 56 с.
- Грубэ В.* Духовная культура Китая. Литература, религия, культ. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1912. – 251 с.
- Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран. – Л. : Ленинградский Гублит, 1926. – Т. 3. – Вып 1. – 415 с.
- Инь Вэй, Инь Фэйжань.* Чжунго шуо вэньхуа (Культура долголетия в Китае). – Куньмин : Юньнань женьминь чубаньшэ, 2005. – 212 с. (на кит. яз.).
- Киселев С.В.* Древние города Монголии // Советская археология. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – № 2. – С. 91–101.
- Куриц Б. Г.* Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. – Киев : Гос. изд-во Украины, 1929. – 158 с.
- Ожередов Ю. И.* К истории храмового комплекса Шар-Сум в Западной Монголии // Мир Евразии. – Горно-Алтайск. – 2009а. – № 2 (5). – С. 38–49.
- Ожередов Ю. И.* Начало исследований комплекса Шар-Сум в Западной Монголии // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск, 2005а. – С. 131–133.
- Ожередов Ю. И.* О работе комплексной экспедиции Томского государственного университета в 2004 г. в Западной Монголии // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. – Кызыл, 2005б. – С. 77–81.
- Ожередов Ю. И.* Предварительные исследования буддийского храма Шар-Сум в Ховдском аймаке Западной Монголии // Проблемы археологии и истории Северной Азии : сб., посвященный юбилею Л. А. Чиндиной. – Томск, 2009б. – С.178–197.
- Ожередов Ю. И., Ганболд М.* Итоги предварительных исследований территории буддийского храма Шар-Сум в Ховдском аймаке Западной Монголии // Эрдэм шинжилгээний бичиг (Нийгэм хумуунлэгийн ухаан). – Улаанбаатар. – 2009. – № 2 (14). – С. 109–116.
- Ожередов Ю. И., Мунхбаяр Ч., Ожередова А. Ю., Томко В. С.* Итоги предварительных исследований территории буддийского храма Шар-Сум в Ховдском аймаке Западной Монголии // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. – Барнаул, 2008. – С. 255–256.
- Ожередова А. Ю., Ожередов Ю. И.* Китайский фарфор на памятниках Барунхурая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Иркутск, 2011а. – Вып. 2. – С. 540–545.
- Ожередова А. Ю., Ожередов Ю. И.* Китайский фарфор на развалинах монастырского комплекса «Шар-Сум» в Западной Монголии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улаанбаатар, 2012. – С. 409–419.
- Ожередова А. Ю., Ожередов Ю. И.* Кобудо тьюгоку дзосай сюцудо тодзики (Фарфор китайской крепости Хобдо) // Котанидзё кёдо хакубуцукан киё (Бюллетень Музея Котани-дзё). – Осака : Тьюгоку котодзи тэсакэнкюкай (Научно-исследовательское общество китайского фарфора) и Котани-дзё кюдокан (Музей крепости Котани), 2011б. – 37 с. (на яп. и рус. яз.).
- Ожередова А. Ю., Ожередов Ю. И.* Фарфор китайской крепости Хобдо // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Иркутск, 2011в. – Вып. 2. – С. 546–555.
- Позднеев А. М.* Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию в 1892–1893 гг. Дневник и маршрут 1892 года. – СПб. : Тип. ИАН, 1896. – Т. 1. – 337 с.
- Позднеев А. М.* Монгольская летопись «Эрдэнийн эрхэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. – СПб. : Тип. ИАН, 1883 – 413 с.
- Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии: результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению ИРГО чл. сотр. оною Г. Н. Потаниным. Материалы этнографические. – СПб. : Тип. В. Киришбаума, 1881. – Вып. II. – 90 с.
- Потанин Г. Н.* Путешествия по Монголии. – М.: ОГИЗ, 1948. – 483 с.
- Принтц А.* Поездка в Хобдо // Томские губернские вед. – 1869. – № 20. – С. 8.
- Су Кэмин.* Шоу, Шоули, Шоусин – Чжунго миныйцзянь цишоу сису (Долголетие, Ритуалы долголетия, божество Шоусин – Народная традиция поклонения долголетию в Китае). – Чэнду : Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2009. – 209 с. (на кит. яз.).
- Чжунго гутаоци тудянь* (Иллюстрированная энциклопедия древней керамики Китая). – Пекин : Вэньу чубаньшэ, 1998. – 469 с. (на кит. яз.).
- Чжунхань цюли паймай тулу* (Каталог осеннего аукциона Чжунхань). – Гонконг : Чжунхань паймай чубаньшэ, 2018. – 246 с. (на кит. и англ. яз.).
- Ю Цзяду.* Цзянси таоци ши (История керамики провинции Цзянси). – Кайфэн : Хэнань дасюэ чубаньшэ, 1997. – 524 с. (на кит. яз.).
- Brown R., Sjostrand S.* Maritime Archaeology and shipwreck ceramics in Malaysia. – Kuala Lumpur : Department of Museums and antiquities, 2004. – 118 p. (на англ. яз.).
- Christie's Amsterdam: The Diana Cargo.* – Amsterdam : Christie's Amsterdam, 1995. – 154 p. (на англ. яз.).

Gompertz G. Celadon wares. – London : Faber & Faber, 1968. – 216 p. (на англ. яз.).

Ozheredova A. Yu., Ozheredov Yu. I. Chinese clay shaped vessels from Varun Khurai Tract // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. – Хух-Хото, 2015. – Т. II. – С. 629–633. (на англ. яз.).

Tek Sing Treasures. Nagel Auktionen. – Stuttgart : Stuttgarter Kunstauktionshaus Dr. Fritz Nagel, 2000. – 396 s. (на нем. яз.).

Ожередова А. Ю. <https://orcid.org/0000-0002-6610-8722>

Ожередов Ю. И. <https://orcid.org/0000-0002-4849-0745>

М. П. Рыкун¹, Л. Н. Смердина², Ю. Г. Смердина²

*Россия, Томск, ¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет
Россия, Кемерово, ² Кемеровский государственный медицинский университет*

**КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ НАРОДОВ ЮЖНОЙ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ,
ИХ ЗНАЧЕНИЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА
АЛТАЕ-САЯНСКИХ ПОПУЛЯЦИЙ**

В работе отражена почти шестидесятилетняя история изучения стоматологического статуса Алтае-Саянских популяций по краниологическим коллекциям Национального исследовательского Томского государственного университета. Исследование проведено сотрудниками кафедры ортопедической стоматологии Кемеровского государственного медицинского университета. Краниологический материал позволил выявить этиопатогенез дентального краудинга в малых и больших популяциях, доказать наследование мезиодистальных размеров зубов, определить корреляционные зависимости параметров зубных рядов. На основе собственных исследований авторы утверждают, что краниологический материал позволяет проследить изменения в зубочелюстной системе за длительный период времени, установить генетическую взаимосвязь этнических групп, выявить «генетический груз» и определить влияние морфологических признаков на формирование зубочелюстной системы.

Ключевые слова: краниологические коллекции, Алтае-Саянские популяции, стоматологический статус.

M. P. Rykun¹, L. N. Smerdina², Ju. G. Smerdina²,

*Russia, Tomsk, ¹ National Research Tomsk State University
Russia, Kemerovo, ² Kemerovo State Medical University*

**CRANIOLOGICAL COLLECTIONS OF PEOPLES OF
SOUTH AND WEST SIBERIA, THEIR VALUE FOR STUDY
OF STOMATOLOGICAL STATUS OF ALTAI-SAYAN
POPULATIONS**

The work presents the 60-year studies of the stomatological status of the Altai-Sayan populations based on Craniological Collections at Tomsk State National Research University. The studies were carried out by the researchers at the Chair of Therapeutic and Prosthetic Dentistry of Kemerovo State Medical University. The craniological material under study allowed displaying etiopathogenesis of dental crowding in small and large populations, to prove inheritance of tooth mesiodistal sizes, establish the correlations of dentition parameters. The authors confirm based on the original works, the ability of craniological material to help trace the changes in the dentition system over a long period, interrelate genetically the ethnical groups, reveal the «genetic load» and determine the effect of morphological features on dentition formation.

Keywords: craniological collections, Altai-Sayan populations, stomatological status.

В Кабинете антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета собраны краниологические коллекции по коренным народам Южной и Западной Сибири.

Изучение репрезентативного краниологического материала дало возможность оценить стоматологический статус, характерный для народов, проживающих на данной территории и проследить изменения стоматологического статуса на протяжении веков.

С начала XX столетия краниологический материал стал активно использоваться стоматологами [Вильга, 1903, с. 25], которые стремились понять причины возникновения и развития патологии (этиопатогенез) таких массовых стоматологических заболеваний, как кариес, пародонтоз, аномалии развития зубочелюстной системы.

В Сибири подобные исследования впервые были начаты в 1965 г. на кафедре ортопедической стоматологии Кемеровского государственного медицинского института Г. А. Кошкиным. Им изучались морфологические особенности зубов, челюстей и распространенность стоматологических заболеваний у носителей тагарской культуры, живших на территории Южной Сибири 2,5–3 тыс. лет назад [Миргазизов, Кошкин, 1965, с. 26].

Обнаружено, что основные закономерности морфологического строения зубов и челюстей существенно не изменились; отмечается только некоторая соматическая грацилизация, четко

проявившаяся при сравнении размеров нижней челюсти представителей тагарской культуры и современного человека. У современного человека уменьшилась длина, высота и ширина нижней челюсти, но периоды ее интенсивного роста не изменились. У древних жителей Южной Сибири были те же стоматологические заболевания, что и сейчас, но встречались они значительно реже, например, распространенность кариеса постоянных зубов составляла всего 5,0 %; не встречено ни одного кариозного молочного зуба [Кошкин, 1971, с. 200–201].

Богатейшая краниологическая коллекция Томского государственного университета, сотрудничество с антропологами, археологами и этнографами позволили запланировать решение двух уже более сложных задач, связанных с проблемами стоматологии [Миргазизов, Кошкин, 1972, с. 162].

Первая задача – изучение параллелей между эволюционными изменениями жевательного аппарата и аномалиями зубов, челюстей; другими стоматологическими заболеваниями; установление корреляций между отдельными частями жевательного аппарата.

Вторая задача – изучение генетических аспектов патогенеза зубочелюстных аномалий Алтае-Саянских популяций.

Для выяснения стоматологического статуса Алтае-Саянских популяций были исследованы краниологические коллекции Национального исследовательского Томского государственного университета [Краниологическая коллекция кабинета...].

Осмотрена краниологическая коллекция бачатских телеутов (85 черепов), собранная в 1975 г. А. Р. Кимом путем раскопок заброшенного кладбища некрещеных телеутов конца XIX – начала XX вв. в д. Челухоево Беловского района Кемеровской области [Ким, 1978б, с. 151–163].

Для изучения стоматологического статуса отобраны 55 черепов с постоянным прикусом (29 – мужских и 26 – женских).

Шорцы (северные и южные) и кумандинцы. Экспедиции по сбору краниологического материала среди шорцев проводились под руководством В. А. Дрёмова в 1976 г. и А. Р. Кима в 1976–1977 гг. по берегам рек Кабырзы, Кондомы, Мрассу и Томи в Новокузнецком районе Кемеровской области. Найденные монеты позволили датировать раскопки второй половиной XIX – началом XX вв. [Краниологические коллекции..., 1979].

Краниологический материал кумандинцев собирался под руководством В. А. Дрёмова в 1977, 1978, 1980 гг. и А. Р. Кима в 1978 г. по берегам рек Уруны, Би, Иши в Алтайском крае. Материал датируется XIX – началом XX вв. [Там же; Очерки культурогенеза..., 1998, с. 44–67].

Стоматологами осмотрено 211 черепов: 105 черепов шорцев (55 северных и 50 южных); 106 – кумандинцев. Отобраны к изучению 152 полных черепа (82 – шорцев и 70 – кумандинцев) со сформированной зубочелюстной системой, интактными зубными рядами, без стертости жевательной поверхности зубов.

Коллекции северных хакасов и чулымских тюрков.

С конца 40-х гг. XX в. экспедициями Томского университета под руководством Н. С. Розова проводится антропологическое изучение коренного тюркоязычного населения Причумылья. В течение ряда лет собран краниологический материал, относящийся к различным группам чулымско-тюркского населения.

Экспедиции по сбору краниологического материала среди кызыльцев проводились под руководством В. А. Дрёмова в 1972 г. близ д. Агаскыр и в 1973 г. у д. Ошколь Орджоникидзевского района. Найденные монеты позволили датировать раскопки второй половиной XIX – началом XX вв. [Ким, 1978а, с. 208–216].

Краниологический материал (XVIII – начало XX вв.) по чулымцам почти со всей территории их прежнего расселения собирался под руководством Н. С. Розова в 1948–1949 гг., В. А. Дрёмова в 1970, 1972, 1973, 1984 гг. и А. Р. Кима в 1971, 1975, 1976 гг. и был опубликован [Очерки культурогенеза..., 1998, с. 67–84].

Для изучения распространенности основных стоматологических заболеваний было осмотрено 278 черепов чулымцев и 239 – северных хакасов. Из них отобраны 170 полных черепов (62 – чулымских тюрков и 108 – северных хакасов) со сформированной зубочелюстной системой, интактными зубными рядами, без стертости жевательной поверхности зубов.

Использованы материалы раскопок М. Г. Елькина 1962 и 1971 гг. курганных могильников раннего Средневековья VIII–X вв. н. э. у с. Ур-Бедари (правый берег р. Ур) и п. Октябрьский (р. Степной Бачат) Беловского района Кемеровской области. Коллекция включает 36 черепов. Из них, по степени сохранности, к изучению были отобраны 26 полных черепов (11 мужских, 10 женских и 5 детских), которые оценивали в разных возрастных интервалах – от 7 до 55–60 лет [Алексеев, 1974, с. 112–118].

При изучении коллекции развитого Средневековья XI–XIII вв. н. э. использовали материалы раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции гуманитарного научного центра Кемеровского государственного технического университета 2003–2007 гг. (под руководством А. М. Илюшина) курганных групп у с. Конево (правый берег р. Ур), п. Солнечный и с. Руссоурское (курганный могильник Ишаново) Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области [Рыкун, 2012, с. 170–175; 2014, с. 199–206].

Всего краниологическая серия по развитому Средневековью из Кузнецкой котловины состоит из 50 черепов разной степени сохранности. Отобраны к изучению 46 черепов и челюстей от 22 мужчин, 16 женщин и 8 детей в возрасте от 2 до 60 лет, средний возраст группы – 30 лет. Предварительные половозрастные определения были выполнены заведующей кабинетом антропологии Томского государственного университета М. П. Рыкун [Там же].

Таким образом, на основе краниологических материалов, мы имели возможность последовательно изучить состояние патологии зубочелюстной системы у бачатских телеутов и их тюркоязычных предков.

Частично поставленные задачи решены при изучении генетических аспектов зубочелюстных аномалий у бачатских телеутов – народности Алтае-Саянских тюрков, относящихся в генетическом плане к изолятам [Смердина, 1983, с. 17].

Генетический анализ популяции оказался возможным благодаря краниологической коллекции, собранной А. Р. Кимом (1975 г.), в той местности, где бачатские телеуты проживали в конце XIX – начале XX вв. [Ким, 1978б, с. 151–163; Очерки культуругенеза..., 1998, с. 44–49; Смердина, Кошкин, Ким, 1994, с. 8].

Изучение краниологического материала и исследования среди современных бачатских телеутов выявили высокую распространенность зубочелюстных аномалий (82,25 %); удалось выяснить этиопатогенез скученности зубов, доказать наследование мезиодистальных размеров зубов (максимальная ширина коронки параллельно режущему краю или жевательной поверхности), в том числе – увеличенных, определить корреляционные зависимости тех параметров зубных рядов, их сегментов, апикального базиса, которые обеспечивают функциональную гармонию зубочелюстной системы; выявить «генетический груз» в популяции бачатских телеутов – макродентию (зубы с увеличенными мезиодистальными размерами). Наследование этого морфологического признака, изолированность популяции, ее малочисленность и резко выраженный инбридинг способствовали концентрации признака и, как следствие, – высокой распространенности зубочелюстных аномалий [Смердина, 1983, с. 154].

Работы Ю. Г. Смердиной продолжили освещение состояния зубочелюстной системы у представителей северной группы Алтае-Саянских тюрков.

На краниологическом материале конца XIX – начала XX столетия (раскопки Н. С. Розова, В. А. Дрёмова и А. Р. Кима) изучена морфология зубочелюстной системы северных хакасов и чулымских тюрков [Смердина, 1997, с. 22], шорцев и кумандинцев [Смердина, 2001, с. 54]. В этих этнических группах, как и у бачатских телеутов, были выявлены высокая частота и одинаковый характер зубочелюстных аномалий с такими же этиопатогенетическими механизмами возникновения и высокой концентрацией дентального краудинга.

По результатам исследования краниологического материала, полученного с одной территории Юго-Западной Сибири, но относящегося к разным временным периодам, хорошо прослеживаются эволюционные изменения и их влияние на состояние зубочелюстной системы. В краниологическом материале представителей тагарской культуры, живших 2,5–3 тыс. лет назад, аномалии положения зубов (краудинг) обнаружены только в 6,89 % случаев. У современного человека они встречаются более чем в 10 раз чаще.

Установленное эволюционное уменьшение размеров челюстей без существенных редуционных процессов в мезиодистальных размерах зубов объясняет значительное увеличение частоты аномалий их положения. В этнических группах, для которых характерна макроденция, частота таких аномалий зубов еще более увеличивается.

Все эти краниологические коллекции позволили проследить изменения в распространенности основных стоматологических заболеваний: кариеса, патологической стираемости зубов, заболеваний пародонта, зубочелюстных аномалий на протяжении веков (с раннего Средневековья до конца XIX – начала XX вв.).

Частота кариеса повышалась от 11,54 % до 32,73 %; патологическая стираемость снижалась (от 38,1 % до 14,55 %); заболевания пародонта встречались довольно часто, с тенденцией повышения от почти 43 % до 78,18 %.

Прижизненная потеря зубов увеличивается с 19,05 % до 47,27 % и, как следствие этого, увеличиваются вторичные деформации с 5,26 % до 21,82 % [Смердина, Киселева, Рыкун, 2016, с. 6].

Зубочелюстные аномалии в раннем Средневековье встречались почти в 27 % и резко увеличились до 80 % в конце XIX – начале XX вв.

Самой распространенной аномалией является дентальный краудинг, который также нарастает – с 19,23 % до 70,91 % [Смердина, Смердина, Рыкун, 2017, с. 3, 7; Смердина, Смердина, Рыкун, 2020, с. 156].

Одонтологическое исследование зубочелюстной системы, в частности – измерение мезиодистальных размеров по А. А. Зубову, в совокупности с другими методами, позволило определить патогенез возникновения дентального краудинга в больших и малых популяциях, доказать наследование мезиодистальных размеров зубов, в том числе и увеличенных.

Одонтологические исследования раскрыли патогенез дентального краудинга в малой популяции и объяснили один из патогенетических механизмов возникновения дентального краудинга в больших популяциях.

Более чем 60-летнее изучение краниологического материала позволяет утверждать, что только с его помощью можно проследить эволюционные изменения зубочелюстной системы за длительный период, установить генетическую взаимосвязь этнических групп, выявить «генетический груз» и определить влияние морфологических признаков на формирование зубочелюстной системы.

Список источников и литературы

Алексеев В. П. К средневековой палеоантропологии Кузнецкой котловины // Изв. лаборатории археологических исследований : сб. ст. – Кемерово, 1974. – Вып. 5. – С. 112–118.

Вильга Г. Зубы в антропологическом отношении // Русский Антропологический журнал. – 1903. – Кн. XIV. – № 2. – С. 24–53.

Ким А. Р. Материалы к краниологии кызыльцев // Этнокультурные явления в Западной Сибири : сб. ст. – Томск, 1978а. – С. 208–216.

Ким А. Р. Материалы к краниологии телеутов // Вопросы археологии и этнографии Сибири : сб. ст. – Томск, 1978б. – С. 151–163.

Кошкин Г. А. Состояние зубов и челюстей древних жителей Южной Сибири (тагарская культура VII–II вв. до н. э.) : дис. ... канд. мед. наук. – Кемерово, 1971. – 227 с.

Краниологическая коллекция кабинета антропологии ТГУ. Томский государственный университет – обладатель крупнейшей краниологической коллекции в России (историческая справка) [Электронный ресурс] // Факультет исторических и политических наук ТГУ: [сайт]. – URL: http://if.tsu.ru/kranion/books_a.htm (дата обращения: 01.04.2022).

Краниологические коллекции Кабинета антропологии Томского университета / сост. В. А. Дрёмов, А. Р. Ким. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1979. – 120 с.

Миргазизов М. З., Кошкин Г. А. О значении антропологии для стоматологии // Материалы по этнографии Сибири : сб. ст. – Томск, 1972. – С. 162–166.

Миргазизов М. З., Кошкин Г. А. Состояние зубов и челюстей древних жителей Сибири // Материалы к докл. VII науч. конф. Кемеровского мед. ин-та и III конф. стоматологов Кузбасса. – Кемерово, 1965. – Вып. IV. – С. 26–28.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Расогенез коренного населения / отв. ред. А. Н. Багашёв. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1998. – Т. 4. Расогенез коренного населения. – 354 с.

Рыкун М. П. Результаты предварительного определения костных антропологических материалов из курганного могильника Ишаново (список 248 КА ТГУ). Приложение 2 // А. М. Илюшин. Курганы кыштымов в долине Ура : моногр. – Кемерово : КузГТУ, 2014. – С. 199–206. – (Тр. Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции ; т. 8).

Рыкун М. П. Результаты предварительного определения костных антропологических материалов из курганной группы Конево (коллекция 242 КА ТГУ). Приложение 2 // А. М. Илюшин. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. – Кемерово : КузГТУ, 2012. – С. 170–175 – (Тр. Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции ; т. 4).

Смердина Л. Н. Антропологическая направленность совершенствования методов диагностики и лечения больных с зубочелюстными аномалиями, деформациями и дефектами зубных рядов : дис. ... д-ра мед. наук. – Кемерово, 2001. – 300 с.

Смердина Л. Н. Зубочелюстные аномалии у бачатских телеутов (клинико-биометрическое исследование) : дис... канд. мед. наук. – Кемерово, 1983. – 216 с.

Смердина Л. Н., Кошкин Г. А., Ким А. Р. Мезиодистальные размеры зубов у бачатских телеутов (краниологический материал) // Археология Горного Алтая : сб. науч. ст. – Барнаул, 1994. – С. 8–11.

Смердина Ю. Г. Морфология зубочелюстной системы у коренных жителей Сибири (северных хакасов, чулымских тюрков) : дис ... канд. мед. наук. – Кемерово, 1997. – 139 с.

Смердина Ю. Г., Киселева Е. А., Рыкун М. П. Распространенность основных стоматологических заболеваний у жителей Кузнецкой котловины в эпоху средневековья // Dental Forum. – 2016. – № 2. – С. 2–7.

Смердина Ю. Г., Смердина Л. Н., Рыкун М. П. Патология зубочелюстной системы у жителей юга Западной Сибири в эпоху средневековья по данным краниологического материала // Вестн. ТГУ. – Сер.: История. – Томск. – 2020. – № 68. – С. 152–157.

Смердина Ю. Г., Смердина Л. Н., Рыкун М. П. Распространенность зубочелюстных аномалий у жителей Кузнецкой котловины в эпоху средневековья // Dental Forum. – 2017. – № 2. – С. 2–8.

Рыкун М. П. <https://orcid.org/0000-0002-4262-8731>

Смердина Л. Н. <https://orcid.org/0000-0001-9871-6119>

Смердина Ю. Г. <https://orcid.org/0000-0002-2094-7870>

Н. Н. Серегин¹, М. А. Демин², С. С. Матренин¹

*Россия, Барнаул, ¹Алтайский государственный университет
Россия, Барнаул, ²Алтайский государственный педагогический университет*

**ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ОБЪЕКТОВ СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ
КОМПЛЕКСА КАРБАН-I (СЕВЕРНЫЙ АЛТАЙ)***

В статье представлен опыт изучения некоторых аспектов социальной истории локальной группы скотоводов, оставивших некрополь сяньбийского времени Карбан-I. Данный памятник, расположенный в Чемальском районе Республики Алтай, частично раскопан экспедицией Барнаульского государственного педагогического института в 1989–1990 гг. С учетом имеющихся антропологических определений и зафиксированного археологического контекста сделан ряд заключений об особенностях демографической ситуации и стратификации кочевников. Выделены социальные группы мужских, женских и детских погребений, демонстрирующие неоднородность населения Северного Алтая начала эпохи Великого переселения народов. Принимая во внимание единообразие погребального обряда, а также установленный достаточно непродолжительный период функционирования некрополя Карбан-I, имеются основания для предположения о том, что обозначенный комплекс был оставлен небольшой общиной скотоводов, состоявшей из нескольких родственных семей.

Ключевые слова: Северный Алтай, сяньбийское время, социальная история, погребальный обряд, интерпретация.

N. N. Seregin¹, M. A. Demin², S. S. Matrenin¹

*Russia, Barnaul, ¹Altai State University
Russia, Barnaul, ²Altai State Pedagogical University*

**MAIN ASPECTS OF SOCIAL INTERPRETATION
OF THE XIANBI PERIOD OBJECTS
FROM KARBAN-I COMPLEX (NORTH ALTAI)**

The article presents the studying some aspects of the social history of a local group of pastoralists who left Karban-I necropolis dated by Xianbei period. This site, located in the Chermal district of the Altai Republic, was partially excavated by the expedition of the Barnaul State Pedagogical Institute in 1989–1990. Taking into account the available anthropological definitions and the fixed archaeological context, a number of conclusions were made about the features of the demographic situation and stratification of nomads. The social groups of male, female and children's burials are identified, demonstrating the heterogeneity of the population of the Northern Altai at the beginning of the Great Migration period. Taking into account the uniformity of the funeral rite, as well as the relatively short period of functioning of the Karban-I necropolis, there are grounds for the assumption that the indicated complex was left by a small community of pastoralists, consisting of several related families.

Keywords: Northern Altai, Xianbei time, social history, funeral rite, interpretation.

Важным аспектом изучения археологических материалов из памятников Алтая последней четверти I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. является их социальная интерпретация, позволяющая продемонстрировать специфику дифференциации населения булан-кобинской культуры, динамику статуса разных групп кочевников на протяжении данного периода, а также многие другие стороны сложных процессов социогенеза обозначенной общности. При этом базовым уровнем исследования выступает анализ результатов раскопок конкретных базовых комплексов, отражающих особенности истории отдельных коллективов. В настоящей статье представлены возможности социальной интерпретации объектов некрополя Карбан-I, расположенного в Чемальском районе Республики Алтай и являющегося одним из показательных памятников сяньбийского времени в данной части региона.

В результате раскопок 22 курганов комплекса Карбан-I, часть из которых оказалась кенотафами и объектами ритуального характера, обнаружены останки 18 умерших людей, имевшие разную степень сохранности. Антропологическими методами удалось установить половозрастную принадлежность 14 человек: трех детей, трех женщин и восьми мужчин. Гендерный статус еще трех индивидов определен как мужской на основании состава сопроводительного инвентаря, включавшего типичные маркеры¹.

Сформированная выборка демонстрирует резко выраженное количественное превосходство (в 3,6 раза) мужской части населения над женской. Отметим, что превалирование мужских захоронений, зачастую фиксируемое в материалах некрополей Алтая II в. до н. э. – V в. н. э., может быть квалифицировано как типичное. Во многих погребальных комплексах «булан-кобинцев» похороненных мужчин больше в 2,5–2,8 раза, чем женщин.

Судя по имеющимся данным, средняя продолжительность жизни погребенных на могильнике Карбан-I взрослых людей составляла 39,3 лет с незначительной разницей среднего уровня смерти мужчин (39,6 лет) и женщин (38,3 лет). Данные параметры выглядят более «благополучными», чем показатели, полученные по другим комплексам булан-кобинской культуры. В обобщенной антропологической серии из захоронений Алтая II в. до н. э. – V в. н. э. средний возраст смерти мужчин и женщин достигал 36 и 32 лет соответственно².

Все три исследованных детских захоронения относились к младшей возрастной подгруппе (Infantilis I – от рождения до 6 лет включительно). Принимая во внимание высокий уровень смертности детей (особенно – в первые годы жизни) у всех народов древности и средневековья, количество раскопанных на комплексе Карбан-I погребений представителей данной возрастной группы определенно не соответствует реальной демографической ситуации. Безусловно, в данном случае необходимо учитывать неполную изученность данного кладбища.

Индивиды женского пола из погребений некрополя Карбан-I характеризуются отсутствием фактов смерти в юношеском периоде. Для мужчин распределение по возрастным интервалам также демонстрирует отсутствие случаев смерти до 25 лет, а также ярко выраженное количественное преобладание индивидов 35–50 лет. Следует отметить, что у многих групп населения булан-кобинской культуры удельный вес мужчин, умерших в возмужалом возрасте (от 20 до 35 лет), был существенно больше – в общей серии захоронений Алтая II в. до н. э. – V в. н. э. они составляли 40 %. Доступные данные дают основание считать, что пик смертности у взрослых людей, похороненных на могильнике Карбан-I, приходился на период с 35 до 45 лет.

Сложившийся опыт палеосоциологических исследований свидетельствует о том, что главным маркером половозрастной, социально-имущественной и профессиональной стратификации населения Алтая последней четверти I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. является сопроводительный инвентарь. Изучение результатов раскопок некрополя Карбан-I показало правомерность данного вывода, продемонстрировав, что обряд захоронения являлся второстепенным по социальной значимости показателем. Вариабельность наземных и внутримогильных конструкций не была напрямую связана с полом и возрастом умерших людей. Установлено, что размеры погребальных сооружений и глубина могил отражали только различия взрослых и детей.

Статистический анализ изделий, обнаруженных в погребениях мужчин, женщин и детей на могильнике Карбан-I, подтвердил сделанные на обширной серии археологических источников выводы о социальной престижности разных категорий предметов булан-кобинской культуры, основанные как на количественных подсчетах, так и на учете историко-культурного контекста [Матренин, Тишкин, 2005, с. 161–182; Серегин, Матренин, 2020, с. 35–71, 92–107]. Принимая во внимание эти выводы, представляется возможным осуществить реконструкцию некоторых аспектов стратификации локального социума скотоводов, хоронивших на некрополе Карбан-I.

Дети. Основная проблема социальной интерпретации детских погребений заключается в том, что археологические показатели, демонстрирующие их статус, не всегда выражены четко. Кроме того, захоронения представителей данной возрастной группы характеризуются значительной неустойчивостью наборов вещей, что обусловлено неодинаковой динамикой социализации, зависящей от индивидуальных физиологических особенностей развития. Стандарт погребального обряда детской части населения Северного Алтая в сянбийское время предусматривал одиночное захоронение на глубине до 0,5 м от уровня древнего горизонта, отсутствие сопроводительного инвентаря у индивидов до 3 лет и присутствие одиночных вещей (нож, бусы, костяные подвески, резе – другие предметы) у умерших в возрасте 4–13 лет.

Наиболее высокий социальный статус среди детей, похороненных на могильнике Карбан-I, имел ребенок из погребения кургана № 19. Несмотря на небольшой возраст (младенец?), он был снабжен сопроводительным инвентарем, представленным бронзовой гривной и четырьмя бусами. Следует подчеркнуть, что гривны являлись крайне редкой и социальной престижной категорией шейных украшений; с учетом карбанской находки известны всего шесть случаев обнаружения таких изделий в могилах детей и подростков [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 31.-17; Соенов, Эбель, 1998, рис. 10.-3; Серегин, Матренин, 2020, с. 103–104, рис. 51–52, табл. 4]. Можно предположить, что данный ребенок относился к зажиточной прослойке рядовых скотоводов.

Отсутствие вещей в остальных детских погребениях (курганы № 13, 32) рассматриваемого некрополя отражает общую норму погребальной практики «булан-кобинцев» в отношении основной массы индивидов (не менее 93 %), имевших возраст менее трех лет, независимо от их принадлежности к разным по социальному и имущественному положению семейно-родственным коллективам. Большой процент безынвентарности (до 46 %) характерен также для детей 4–6 лет.

Женщины. «Социальный стандарт» женского погребального обряда населения Северного Алтая сянбийского времени предполагал одиночное захоронение на глубине до 0,5 м, присутствие в инвентаре пояса (преимущественно простого) и маленьких металлических украшений (обычно блях-нашивок из бронзы на головной убор и верхнюю одежду). Данные параметры зафиксированы при исследовании погребения из кургана № 10 некрополя Карбан-I, в котором, кроме прочего, были обнаружены и другие изделия (серьга, бусы, нашивные бляхи из раковин и камня). Покойная относилась к представителям рядового населения булан-кобинской культуры со средним уровнем материального достатка. В обобщенной серии женских захоронений Алтая II в. до н. э. – V в. н. э. индивиды с таким набором сопроводительного инвентаря составляли одну из самых многочисленных (36 %) социальных групп.

Две другие женщины занимали значительно более низкую ступень в социально-имущественной стратификации, что подчеркивало наличие с одной из них (курган № 40) только простого пояса, а с другой – отсутствие какого-либо инвентаря (курган № 6). Данные женщины относились к бедной прослойке «булан-кобинцев». В количественном отношении захоронения с такими показателями составляли менее 20 % женского населения Алтая последней четверти I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э.

Мужчины. Стандартный комплекс погребального ритуала мужчин Северного Алтая в сянбийское время характеризовался устройством могил глубиной до 0,5 м, наличием оружия дальнего боя (лук, стрелы с железными наконечниками), простых или наборных поясов, орудий труда (железные ножи и стрелы с костяными наконечниками). Социальная дифференциация мужских захоронений выражалась более четко в разнице качественного и количественного состава предметов вооружения, снаряжения, а также в присутствии специализированных орудий (инструментов).

В результате сравнения десяти непотревоженных мужских захоронений могильника Карбан-I выделены три социальных группы.

Первая группа представлена четырьмя погребениями, содержащими набор предметов вооружения из средств ведения дальнего (лук, железные наконечники стрел) и ближнего (нож или кинжал) боя, а также снаряжение в виде наборного или простого пояса с разным количеством ременных гарнитур. Состав остального инвентаря вариативен: тесло, нож, костяной наконечник стрелы, застежки-крепления (курган № 39); орудия труда (шило, нож, костяные наконечники стрел), разнообразные украшения (бронзовые наконечники, подвески, каменные бусины) (курган № 11); орудия труда (шило, нож, костяные наконечники стрел, в одном случае плеть) и единичные украшения, включавшие каменные бусы (курганы № 9, 33). В обобщенной серии мужских захоронений булан-кобинской культуры II в. до н. э. – V в. н. э. объекты с обозначенным комплексом инвентаря суммарно составляли 12,9 %. Имеются основания полагать, что данные индивиды относились к зажиточной части рядовых скотоводов. Они могли входить в группу профессиональных воинов, составлявших легковооруженную конницу. Не исключено, что мужчина из кургана № 39, судя по наличию в инвентаре тесла и захоронению в деревянной колоде, в мирной жизни был специалистом в плотницком деле.

Вторая социальная группа включает погребение из кургана № 14 с одним набором вооружения, представленным стрелковым оружием (лук), а также со снаряжением (простой пояс), орудиями труда (нож, шило, костяные наконечники стрел) и украшениями (бусина, подвеска из рыбьего позвонка). Обнаруженный сопроводительный инвентарь указывает на то, что этот мужчина при жизни относился к полноправному рядовому населению. В мирной жизни он был скотоводом и охотником, обладавшим невысоким уровнем материального благосостояния, а в военное время – легковооруженным «ополченцем». Судя по имеющимся данным, в некрополях булан-кобинской культуры захоронения с таким набором предметов являются наиболее многочисленными (27,5 %) и демонстрируют среднюю прослойку в вертикальной стратификации.

Третья группа объединяет погребения четырех мужчин без предметов вооружения, которые подразделяются на две подгруппы. В первую входили индивиды из курганов № 25 и 27 с поясами (простым или наборным с небольшим количеством гарнитур) и орудиями труда (костяные наконечники стрел, нож, плеть, оселок), а также умерший из кургана № 30 с ножом и шилом. Данные мужчины являлись рядовыми скотоводами и охотниками с невысоким социальным статусом. Вторая подгруппа представлена безынвентарной могилой индивида из кургана № 37, который относился к самой бедной

прослойке населения. Изучение обширной серии материалов булан-кобинской культуры свидетельствует, что мужские захоронения без оружия составляли 21 %, и при этом в половине случаев они содержали какие-то одиночные, преимущественно социально не престижные вещи.

На сегодняшний день общепринятым является положение о том, что социальную стратификацию общества и характер реально существовавших социальных отношений между умершими людьми отражает организация пространства могильника [Kenk, 1984, s. 95–96; Миняев, 1989; Савинов, 2005, с. 205–217]. Вместе с тем анализ планиграфии памятника Карбан-I не позволяет выявить каких-либо закономерностей в расположении погребальных объектов, связанных с половозрастными и социальными различиями покойных. Отмеченные закономерности отражают, судя по имеющимся данным, формирование рассматриваемого некрополя (по крайней мере, в восточной его части) с севера на юг.

Принимая во внимание единообразие погребального обряда, зафиксированное в ходе раскопок захоронений некрополя Карбан-I, а также установленный достаточно непродолжительный период функционирования могильника, имеются основания для предположения о том, что обозначенный комплекс, вероятнее всего, был оставлен небольшой общиной скотоводов, состоявшей из нескольких родственными семей.

Список источников и литературы

Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск : Наука, 1990. – С. 43–95.

Матренин С. С., Тишкин А. А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. – Иркутск, 2005. – С. 152–183.

Миняев С. С. «Социальная планиграфия» погребальных памятников сюнну // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). – Кемерово, 1989. – Ч. I. – С. 114–117.

Савинов Д. Г. Кокэльский могильник в Туве // Социальная структура ранних кочевников Евразии. – Иркутск, 2005. – С. 200–223.

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н. э. – XIV в. н. э.): по материалам археологических комплексов. – Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2020. – 268 с.

Соенов В. И., Эбель А. В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. – Горно-Алтайск : ГАГПИ, 1998. – 116 с.

Kenk R. Das Gräberfeld der hunno-sarmatische Zeit von Kokel', Tuva, Süd-Sibirien. – München : Beck, 1984. – 202 s. – (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie / AVA-Materialien ; band 25). (на нем. яз.).

Серегин Н. Н. <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

Демин М. А. <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>

Матренин С. С. <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

Примечания

* Анализ и социальная интерпретация объектов осуществлены при финансовой поддержке гранта Президента РФ (МД-792.2022.2). Обработка материалов раскопок некрополя Карбан-I проведена в рамках реализации проекта РНФ №20-18-00179.

1. Сравнение результатов анализа археологических и антропологических материалов из некрополей Алтая II в. до н. э. – V в. н. э. показывает высокую степень достоверности определения пола взрослых людей по обнаруженным с ними вещам [Серегин, Матренин, 2020, с. 35–67].

2. Приводимые здесь и далее общие сведения (в том числе – количественные данные) о демографической ситуации и социальной стратификации населения Алтая II в. до н. э. – V в. н. э. основаны на анализе свыше 800 захоронений булан-кобинской культуры, результаты которого представлены в одном из разделов тематической монографии [Там же, с. 21–132].

Т. Б. Смирнова

Россия, Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

**ОБРЯДОВЫЕ ВЕНКИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ
ИСТОЧНИКАМ ГЕРМАНИИ И РОССИИ***

В статье рассматриваются проблемы использования венков в ритуалах, обрядах и обычаях немцев, в Германии и в России, в древности и современности. Приводятся сведения, которые содержатся в археологических и этнографических источниках, собранных в Германии и России. В статье содержится вывод о том, что причиной длительного сохранения в Сибири обычаев и обрядов, связанных с венками, является консервация архаики в условиях длительной изоляции групп немцев от тех процессов развития национальной культуры, которые проходили в Германии.

Ключевые слова: венок, немцы, обряд, обычай, свадьба, похороны, этнография.

T. B. Smirnova

Russia, Omsk, Dostoevsky Omsk State University

**RITUAL WREATHS ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC
SOURCES OF GERMANY AND RUSSIA**

The article deals with the problems of using wreaths in the rituals, rituals and customs of the Germans, in Germany and in Russia, in antiquity and modernity. The information contained in the archaeological and ethnographic sources collected in Germany and Russia is given. The article concludes that the reason for the long-term preservation of customs and rituals associated with wreaths in Siberia is the preservation of the archaic in the conditions of long-term isolation of German groups from those processes of development of national culture that took place in Germany.

Keywords: wreath, Germans, rite, custom, wedding, funeral, ethnography.

Венки широко представлены в европейской, в частности – в немецкой обрядности. Семантика и обрядовое применение венков имеют большую степень сходства у всех европейских народов. В большинстве случаев венки использовались как головные уборы, но также могли быть и самостоятельными предметами. Обрядовые смыслы венка заключаются в его форме – это круг, замкнутая граница, делящая мир и пространство на внешнее и внутреннее. Круг является универсальным символом космоса, мира и бесконечности. Дополнительную семантику венкам добавляют материалы, из которых они изготавливаются, особенно это касается растений (трав, цветов, ветвей). Очевидно, что лавровый венок, которым награждают героя, и рождественский венок, из еловых веток со свечами, имеют разное назначение. Общий смысл у всех венков такой же, как и у других круглых предметов с отверстиями, у замкнутых кругов – у пояса, кольца, калача, обруча, нарисованного круга. Венок издревле обладал магическими свойствами, он символизировал девичество, являлся оберегом; с помощью венков гадали, лечили.

Об использовании венков в обрядах можно судить как по археологическим, так и по этнографическим источникам. Археологические источники, как правило, свидетельствуют о значительной древности обрядового использования венков и их локальных вариантах. Этнографические источники позволяют судить о более позднем бытовании, об обрядовых смыслах и этнической принадлежности венков.

В российской археологии самые ранние свидетельства об использовании венков относятся ко времени Боспорского царства. В Северном Причерноморье золотые античные венки с точными известиями об обстоятельствах и местах их находок известны лишь по раскопкам на Боспоре. В XIX – начале XX вв. археологи обнаружили их в греческих погребениях; почти все хорошо сохранившиеся экземпляры были переданы в Эрмитаж. Сейчас многие из этих венков можно увидеть в двух золотых кладовых этого музея [*Трейстер*, 2014, с. 55]. Золотые венки играли разнообразные роли, но чаще всего они служили наградой, ими увенчивали победителей или почетных граждан. Известия об этой почести вырезали на каменных стелах и устанавливали на видном месте в городе. Собственно, сами золотые венки, в подавляющем большинстве случаев, обнаружены в захоронениях, поэтому обычно их называют погребальными и считают принадлежностью похоронного ритуала.

Погребальные венки хорошо известны в греко-римской традиции – обычай помещения в погребения золотых венков, которые либо принадлежали их владельцам при жизни, либо изготавливались специально для погребения, был широко распространен. Основу этих венков составляли обручи, сделанные из довольно массивных трубок, скрученных из плотного листового золота. В этих трубках проделывались отверстия, куда вставлялись черенки листьев или узкие проволочные ответвления, к которым крепились листья и ягоды. Чаще всего эти венки воспроизводили ветви оливы или лавра.

Золотой венок мог входить как в мужской, так и в женский праздничный головной убор. Наградные золотые венки IV–III вв. до н. э. помещали в могилы как значимые для покойного предметы, наряду с оружием или парадными доспехами. Значительная часть боспорских золотых венков была сделана в местных мастерских, о чем свидетельствуют особенности их изготовления и украшения в виде оттисков местных монет. Роль погребальных венков в Северном Причерноморье находит много аналогий в других эллинистических городах [Скржинская, 2016, с. 34].

У древних германцев венки, безусловно, использовались в обрядах, поскольку они имеют множество универсальных смыслов. Об этом свидетельствуют и античные авторы, например, Страбон в «Географии». Описывая ритуал жертвоприношения у кимвров, он пишет о том, что прежде чем перерезать горло пленникам, на них надевали венки [Древние германцы..., 1937, с. 40]. Можно предположить, что венки клали и в могилы. Но эти венки не сохранились, поскольку были сплетены из растений. Первые металлические венки на территории современной Германии, дошедшие до наших дней, известные по археологическим материалам, относятся к XVI в. Наибольшее их количество было обнаружено в захоронениях XVIII и XIX вв., что связано, в первую очередь, с распространением венка в качестве головного убора невесты и обычаем «Totenhochzeit» при похоронах неженатой молодежи. В этом случае венок служил одним из элементов символической «свадьбы», которую устраивали для умершего. Венок возлагали на голову покойнику или на крышку гроба (либо их несли перед гробом, оставляли на могиле, привязывали к кресту и т. п.). Обычай устраивать символическую свадьбу для умерших, которые не были в браке, широко распространен у всех народов мира, не только у индоевропейских. Во многих случаях венок (венец) был необходимым атрибутом такой «свадьбы мертвых» или «венчания покойников», поэтому венки являются нередкой находкой в захоронениях.

Множество сведений о венках есть в этнографической литературе, посвященной обычаям и обрядам Германии. Это, например, работы Е. Ферле [Fehrle, 1937], В. Маннхардта [Mannhardt, 2010]; из опубликованных в Германии источников можно назвать «Атлас немецкого народоведения» [Zender, 1983], в котором отмечены места бытования тех или иных элементов обрядов, в том числе – венков. Сведения для «Атласа...» собирались в 1930–1935 гг. при помощи анкет.

В настоящее время в Германии распространение обычаев и обрядов, связанных с венками, значительно снизилось: часть традиционных обычаев утратила свой первоначальный смысл, другая часть – трансформировалась под влиянием глобальных и модернизационных процессов, а большинство – просто исчезло, как, например, «свадьба мертвых». Между тем, полевые исследования, проведенные в Сибири, свидетельствуют о широком распространении этих обычаев вплоть до настоящего времени, причем, сохраняются обычаи, связанные с различными венками, – и в календарной, и в семейной обрядности.

Так, во многих селах в ночь на Иванов день (Johannistag), 24 июня, собирали травы, которые обладали целебной чудесной силой, и плели из них венки. Зверобой так и называли «Johanniskraut» – «трава Иоанна». Собирали иван-да-марью (Wachtelweizen), тысячелистник (Tausendgoldenkraut), ромашку (Kamille), подорожник (Wegerich). Эти травы помогали не только при болезнях. Сплетенные из них венки укладывали между рам окон, выходящих на улицу, вешали на входную дверь, хранили на чердаке дома и в хлеву для защиты от злых духов, ведьм и непогоды. С помощью иоанновых венков лечили животных. Например, если корова плохо доилась, то на вымя надевали венок и доили через него. Кроме того, венок из иоанновых трав, положенный девушкой под подушку, помогал ей увидеть во сне суженого. Также девушки дарили иоанновы венки своим возлюбленным.

Ко Дню святого Иоанна были приурочены девичьи гадания о замужестве. Девушки плели венки и перед заходом солнца бросали их в реку или озеро. Такой венок носил название «Johanniskranz» – «Иоаннов венок». Гадали о том, суждено ли девушке выйти замуж в ближайшее время. Если венок благополучно плыл по воде, то его хозяйка могла ожидать скорой свадьбы. Девушке, у которой венок утонул, можно было не надеяться на замужество до следующего года. Кроме того, утонувший венок предвещал его хозяйке болезни и несчастья в течение года [Смирнова, 2016].

Символом завершения уборки был жатвенный венок «Erntekranz». Этими венками, снопами и букетами из колосьев, гирляндами из овощей и фруктов украшали церкви и молитвенные дома.

Было принято хранить их до следующего урожая на чердаке. Немцы верили, что эти венки и букеты защищают от злых сил и несчастий. В землях Германии, по свидетельству Вильгельма Маннхардта, зерна из колосьев жатвенных венков и последних снопов высыпали на поле в начале посевной для лучшего урожая. Так крестьяне выпускали на хлебное поле ржаного волка [Mannhardt, 2010].

Самым известным немецким венком является адвентский венок (Adventskranz), который является символом приближающегося Рождества. Его плетут из еловых веток и украшают, освящают в церкви и ставят на него четыре свечи. В каждое воскресенье Адвента зажигают по одной свече.

Кроме календарных обрядов, венки используются и в семейной обрядности, а именно – в свадебной и похоронной. В немецкой свадьбе (Hochzeit) венок играл ключевую роль в нескольких ритуалах. Венок невесты (Rosenkranz) представлял собой высокую корону, к которой крепились фата. В каждой деревне венки имели свои особенности, потому что их изготавливали местные мастерицы. О том, как выглядели эти венки, мы можем судить по тем немногочисленным экземплярам, которые сохранились в музеях, и по множеству свадебных фотографий, которые были собраны в этнографических экспедициях.

Изготавливались цветы и листья из воска, парафина, цветной бумаги, которые крепились на проволочном каркасе. Для украшения венка использовались бусы, блестки и «кносп» – гроздь мелких шариков, для изготовления которых свиную щетину обмакивали в воск или парафин. К венку крепилась фата (Brautschleier).

В полночь с невесты снимали венок и повязывали ей голову платком, что было символом ее перехода из одного статуса (девушки) в другой статус – замужней женщины. Обычно венок снимали женщины. Это могла быть крестная мать девушки, или ее будущая свекровь, тетка невесты, лучшая подруга, молодая женщина из числа близких родственников, например, сестра. В некоторых деревнях венок снимает обязательно незамужняя девушка, а повязывает голову невесты платком замужняя женщина. Это может быть и та мастерица, которая изготавливала венок. Венок кладут невесте на колени. Или его кладут на поднос (или в большую чашку), и с этим подносом молодая обходит гостей, и они бросают туда деньги. Платок новобрачной может быть черного или белого цвета. Лютеране повязывают белые платки, баптисты и меннониты – в основном, черные. У волынских немцев было принято вплетать в волосы новобрачной яркий бант.

Сразу после снятия венка следовали выборы новых жениха и невесты. Невеста должна была передать свой венок другой девушке, которая по поверью должна была скоро выйти замуж. Для того чтобы выйти замуж, девушка должна была обладать определенными качествами, а именно: быть привлекательной, прилежной, нравственной и честной, обаятельной. Символом всех этих качеств и был венок невесты. Передавая венок другим девушкам, невеста как бы передавала им свою способность к замужеству.

В разных деревнях существовали варианты передачи венка. Например, после снятия венка неженатые парни и незамужние девушки становились в круг, в центре которого находилась невеста. Молодежь начинала петь песню и водить хоровод. Невеста с закрытыми глазами и венком в руке шла в любую сторону. Тот, кому невеста протянет свой венок, по народному поверью скоро женится или выйдет замуж. Или невеста вставала спиной к группе молодежи и бросала венок через плечо. Тот, кто поймает венок, вскоре женится. Или невеста кладет свой венок на поднос и с закрытыми глазами вручает его той девушке, которая первая попадет к ней на пути. Свадебный венок было принято хранить всю супружескую жизнь. Для него делали специальный деревянный ящик «кессе» со стеклянной передней крышкой, который ставился или вешался возле кровати. Раз в месяц венок сбрызгивали водой. Венок можно было выбросить, если женщина становилась вдовой и повторно выходила замуж.

Если невеста не была девственницей, то свадьбу не играли, или отмечали брак тихо, без посторонних. В том случае, если свадьбу играли пышную, как ни в чем не бывало, а о непристойном поведении невесты было известно окружающим, самые решительные гости могли сорвать с головы невесты венок и повязать ей на голову черный платок. Это считалось большим позором, и свадьба после этого прекращалась. Женщины и вдовы, повторно выходящие замуж, никогда не надевали свадебный венок, так как он являлся символом чистоты и девственности. Женщина могла надеть венок только на серебряную или золотую свадьбу, но фата к такому венку не крепилась. В настоящее время запрет на добрачную половую жизнь жестко соблюдают только члены общин меннонитов и баптистов.

Во время второго свадебного дня разыгрывается так называемая «вторая свадьба» (zweite Hochzeit), сценарий которой повторяет настоящую свадьбу, но в шуточном, как бы перевернутом виде: крупного парня наряжают невестой, а маленькую хрупкую девушку – женихом. На голове у «второй невесты»

(zweite Braut) был свадебный венок из прутьев, сорной травы или соломы. В основе «второй свадьбы» лежит травестизм – обрядовая перемена пола, который существует у многих народов.

Таким образом, археологические и этнографические источники в Германии и России свидетельствуют о большей сохранности древних вариантов обычаев в российской глубинке. Очевидно, что причиной длительного сохранения в Сибири обычаев и обрядов, связанных с венками, является консервация архаики в условиях длительной изоляции групп немцев от тех процессов развития национальной культуры, которые проходили в Германии. В результате изоляционного существования возникла большая дистанция между обрядами российских немцев и обрядностью современной Германии. Но эта дистанция не увеличивается, а уменьшается. Во-первых, потому, что в результате эмиграции немцев в Германию в России почти не осталось больших сельских общин старожильческого немецкого населения; поэтому традиции коллективного исполнения обрядов быстро исчезают. Во-вторых, обрядность Германии, яркая и современная, легко транслируется через современные каналы коммуникации и быстро воспринимается немцами в России как национальная обрядность.

Список источников и литературы

Древние германцы : сб. док. / сост.: Б. Н. Граков, С. П. Моравский, А. И. Неусыхин ; вводная ст. и ред. А. Д. Удальцова. – М. : Гос. социально-экономическое изд-во, 1937. – 224 с.

Скржинская М. В. Золотые венки и их роль на Боспоре и в других античных государствах Северного Причерноморья // Боспорские исследования. – Вып. XXXII. – Симферополь, 2016. – С. 33–49.

Смирнова Т. Б. Этнография российских немцев. – М. : РусДойчМедиа, 2016. – 315 с.

Трейстер М. Ю. Золотые погребальные венки Боспора IV в. до н. э. – V в. н. э. (генезис и хронология основных типов) // Погребальная культура Боспорского царства : материалы круглого стола, посвящ. 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998), Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2014 г. – СПб., 2014. – С. 54–65.

Fehrle E. Deutsche Hochzeitsbräuche, Diederichs. – Jena : Eugen Diederichs, 1937. – 79 s. (на нем. яз.).

Mannhardt W. Roggenwolf und Roggenhund. – Leipzig : Bohmeier Verlag, 2010. – 72 s. (на нем. яз.).

Zender M. Atlas der Deutschen Volkskunde. Neue Folge. Auf Grund der von 1929 bis 1935 durchgeführten Sammlungen im Auftrage der Deutschen Forschungsgemeinschaft. – Marburg : Elwert, 1983. – 21 s. (на нем. яз.).

Смирнова Т. Б. <https://orcid.org/0000-0001-7533-5364>

Примечания

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00177 «Этническая идентичность на постсоветском пространстве (на примере немцев России, Украины и Казахстана)».

К. О. Сопова^{1,2}, Ф. С. Татауров^{1,2}

Россия, Омск, ^{1,2}Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская»

Россия, Омск, ^{1,2}Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

**КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА:
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СРЕЗ***

Керамическое производство русского населения Западной Сибири XIX – начала XX вв. является малоизученным аспектом материальной культуры, несмотря на отдельные исследования археологов и этнографов.

В статье представлен сравнительный анализ керамики из погребений могильника Евгашино-IV (1870-е – 1920-е гг.) Большереченского района Омской области с этнографическими коллекциями Музея-заповедника «Старина Сибирская», позволивший проследить типологический состав керамического комплекса среди археологической и этнографической коллекции во второй половине XIX – начале XX вв. Проанализированы технологические особенности изготовления разных типов посуды, морфология венчиков, особенности дополнительной обработки. Результаты работы пополняют базу данных по русской керамике Омского Прииртышья и приводят нас к заключению о необходимости привлечения разных видов источников для полноценного и разностороннего исследования такой части материальной культуры, как гончарство.

Ключевые слова: Омское Прииртышье, вторая половина XIX – начало XX вв., археология русских, этнография русских, керамическая посуда.

K. O. Sopova^{1,2}, F. S. Tataurov^{1,2}

Russia, Omsk, ^{1,2}Omsk State Historical and Cultural Museum-Reserve «Antiquity Siberian»

Russia, Omsk, ^{1,2}Dostoevsky Omsk State University

**POTTERY TABLEWARE OF THE RUSSIAN POPULATION OF THE OMSK IRTYSH
REGION OF THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURY:
ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC SECTION**

Pottery production of the Russian population of Western Siberia of the 19th century is a poorly studied some despite separate studies by archaeologists and ethnographers.

A comparative analysis of pottery tableware from the burial ground of the Yevgashino-IV (1870s-1920s) of the Bolsherechensky district of the Omsk region with the ethnographic collections of the Museum-Reserve «Antiquity Siberian» is carried out. This study made it possible to trace the typological composition of the pottery complex in the second half of the 19th - early 20th. The technological features of the manufacture of different types of dishes, the morphology of the corollas, the features of additional processing are analyzed. The technological features of the manufacture of different types of dishes, the morphology of the corollas, the features of additional processing are analyzed. As the result this study replenishes the database on Russian ceramics of the Omsk Irtysh region. And it leads us to the conclusion that it is necessary to attract different types of sources for a full and comprehensive study of such a part of material culture as pottery.

Keywords: Omsk Irtysh region, the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries, archaeology of Russians, ethnography of Russians, pottery tableware.

Керамическая посуда – маркер, характеризующий материальную культуру того или иного этноса. На основе полученных в ходе раскопок коллекций керамики выделялись археологические культуры, прослеживались торговые связи разных народов.

Изучение русской керамики традиционно делится на два направления: археологическое (для XVII–XVIII вв.) и этнографическое (для конца XIX – начала XX вв.).

В работе с коллекциями керамики присутствуют методические проблемы из-за разницы в принципах получения и обработки информации археологических и этнографических материалов [Татаурова, Сопова, 2020, с. 2396–2397]. Анализ русской археологической керамики из комплексов Нового времени и этнографической посуды из музейных коллекций Западной Сибири по единой методике поможет подойти к решению этой проблемы.

В 2020–2021 гг. в ходе раскопок Ф. С. Татауровым могильника Евгашино-IV (Большереченский район Омской области) найдена керамическая посуда, которая использовалась в погребальном

обряде русского населения (опускалась в могилу в процессе погребения). По обнаруженному археологическому материалу некрополь датируется 1870–1920 гг. [Татауров, Татаурова, 2020].

Коллекция археологической керамики с четко установленными хронологическими границами дает возможность ее сопоставления с этнографическими коллекциями XX в. из собрания Музея-заповедника «Старина Сибирская». Что, в свою очередь, позволило проследить типовой состав керамического комплекса конца XIX–XX вв. и сравнить технологию производства, дополнительную обработку поверхности, морфологию венчиков. Выделяя типы сосудов, мы опирались на типологию этнографической керамики Л. В. Татауровой, разработанную по материалам русских поселенческих комплексов Омского Прииртышья [Татаурова, 1998, с. 88–123].

Разнообразие глиняной посуды, использовавшейся в погребальном обряде русского населения Омского Прииртышья конца XIX – начала XX вв., представлено: горшками, кринками, переходными формами от горшка к кринке, жбанами, мисками, кувшином. Всего обнаружено 79 сосудов, это изделия высокого качества, часто покрытые глазурью, со следами бытового использования.

Большинство *крынок* (рис. 1/ 1) сформованы методом скульптурной лепки – внешняя поверхность заглаживалась на круге (1–3 этап развития функций гончарного круга по А. А. Бобринскому [Бобринский, 1978, с. 37–51]) – и обожжены в восстановительной среде – цвет поверхности и излома черепка от темно-коричневого до черного. Обнаружены кринки с дополнительной обработкой поверхности в виде небрежного полосчатого лощения и полностью лощеные. У большинства отсутствует дополнительная обработка поверхности. В ходе морфологического анализа удалось выявить, что для *крынок* характерны вертикальные венчики с круглым, иногда слегка отогнутым краем.

Горшки (рис. 1/ 2) вытянуты на гончарном круге из цельного куска глины (6–7 уровень развития функций гончарного круга по А. А. Бобринскому [Там же, с. 55–63]). Большинство сосудов – восстановительного обжига. Встречаются горшки, покрытые глазурью зеленого, коричневого, терракотового цвета. Морфология венчиков представлена двумя группами: плавно изогнутые венчики с закругленным краем и вертикальные венчики с округлым краем.

Жбаны (рис. 1/ 3) выполнены методом ручной лепки, путем наращивания лент высотой 3–4 см ко дну, сформованному из цельного куска глины. В тесте большое количество органических включений. Обожжены в восстановительной среде. В качестве дополнительной обработки поверхности встречается хаотичное, небрежное заглаживание. Отличаются наличием орнамента. Два сосуда с оттисками квадратных штампов и один с оттисками круглых штампов, вдавленными по плечу. Два жбана орнаментированы прочерченным изображением креста на плечике.

Миски (рис. 1/ 4) сформованы вытягиванием на гончарном круге из цельного куска глины. Обожжены в окислительной среде: цвет поверхности и излома черепка – красный, красновато-коричневый. Для них характерно покрытие глазурью коричневого или зеленого цвета. Венчики – вертикальные, округлые или отогнуты наружу.

Сосуды переходной формы от горшка к кринке (рис. 1/ 5) с высокой шейкой (как у кринки), но с большим диаметром основания шейки и тулова (типично для горшков). Это сосуды лепного производства и восстановительного способа обжига. Отличаются низким качеством производства, присутствием органических примесей в тесте. Без дополнительной обработки поверхности. Подобные формы не встречаются в этнографических коллекциях, а также в коллекциях керамики с русских поселенческих памятников XVII–XIX вв.

В Большереченском Музее-заповеднике «Старина Сибирская» в фонде русской глиняной посуды проанализировано 115 сосудов, среди которых можно выделить несколько типов кухонной и столовой утвари, сопоставимой с погребальной керамикой.

Горшок (рис. 1/ 6) является наиболее встречающимся типом среди кухонной посуды. Горшки изготовлены вытягиванием на гончарном круге из цельного куска глины, лишь несколько экземпляров выполнены методом скульптурной лепки. Встречается как окислительный, так и восстановительный способ обжига. В качестве дополнительной обработки поверхности наблюдаются покрытые коричневой, красной глазурью сосуды с орнаментом, выполненным сочетанием прочерченных горизонтальных прямых и волнистых линий на плечиках. Один горшок с подглазурной росписью – горизонтальные прямые и волнистые линии на венчике и плечике черного, белого и зеленого цвета. Венчики горшков – отогнуты наружу, скруглены.

Рис. 1. Типовое разнообразие археологической и этнографической керамики XIX – начала XX вв.

Могильник Евгацино-IV: 1 – крынка; 2 – горшок; 3 – жбан; 4 – миска; 5 – переходная форма от горшка к крынке.

Этнографическая коллекция музея-заповедника «Старина Сибирская»: 6 – горшок; 7 – крынка; 8 – корчага; 9 – жбан; 10 – кувшин; 11 – блюдце; 12 – кубышка.

Другой часто встречающийся тип кухонной посуды для хранения – *крынки* (рис. 1/ 7). Выполнены на гончарном круге, обожжены в окислительной среде. В качестве дополнительной обработки поверхности встречаются глазури темно-коричневого цвета, орнаментация – прочерченными волнистыми линиями, подглазурная роспись желтого и черного цвета на шейках и плечиках сосудов – композиции горизонтальных прямых, волнистых линий и точек. Один сосуд оплетен берестяными полосками, с помощью которых его укрепили или починили. Венчики – вертикальные или отогнутые наружу.

Следующий тип кухонной посуды для хранения по количеству представленных сосудов – *корчаги* (рис. 1/ 8). Все они вытянуты на гончарном круге, встречаются как обожженные в восстановительной,

так и окислительной среде. Для них характерна орнаментация горизонтальными и волнистыми прочерченными линиями на верхней части сосуда. Форма венчика – отогнутая наружу или округлая.

Жбаны (рис. 1/ 9) – это сосуды с короткой шейкой; с округлым, слегка отогнутым венчиком, с крутыми плечиками и слабо раздутым туловом [Татаурова, 1998, с. 108]. Они так же, как и большинство этнографической керамики, полностью изготовлены на гончарном круге. Обожжены в восстановительной среде. Дополнительная обработка поверхности – покрытие глазурью коричневого цвета.

Из категории столовой посуды наиболее представительным типом являются *кувшины* (рис. 1/ 10). Изготовлены вытягиванием на гончарном круге. Встречаются кувшины окислительного и восстановительного обжига. Этот тип посуды отличается наибольшим разнообразием дополнительной обработки поверхности. Обширная цветовая гамма глазурей – охра, зеленый, коричневый, белый, голубой цвета. Кувшины с подглазурной росписью, с рельефным орнаментом с разнообразными сюжетами: растительный орнамент, птицы, антропоморфные личины на тулове. Форма венчика – вертикальная или отогнутая наружу, с носиком.

Блюдца (рис. 1/ 11) выполнены вытягиванием из цельного куска глины на гончарном круге. Большинство – окислительного способа обжига и без дополнительной обработки поверхности. Одно блюдце покрыто глазурью коричневого цвета и одно – лощеное. Венчики округлые.

Кубышки (рис. 1/ 12) изготовлены на гончарном круге и обожжены в окислительной среде. Покрыты глазурью темно-зеленого и коричневого цветов. Венчики отогнуты наружу.

В единичных экземплярах в коллекции музея «Старина Сибирская» представлены: керамический чайник с крышкой, бутылка, керамическая рюмка, ендова.

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Типология сосудов из археологической и этнографической коллекции в целом сопоставима. В обеих коллекциях самые распространенные типы, горшки и крынки.

Фиксируется большее типовое разнообразие среди этнографических сборов. Но есть типы посуды, которые зафиксированы в могильнике Евгацино-IV и не находят аналогий среди этнографической коллекции. Например, сосуды переходной формы от горшка к крынке, которые, вероятно, появились в конце XVIII в., так как на русских памятниках XVII в. подобные формы не встречены и вышли из употребления к концу XIX в., не попав в этнографические сборы XX в.

Заметным отличием является техника изготовления посуды – большинство археологической керамики выполнено методом скульптурной лепки с последующим заглаживанием стенок или доработкой венчика на гончарном круге, тогда как практически вся проанализированная этнографическая посуда полностью вытянута на гончарном круге. Кроме этого, сосуды из этнографической коллекции отличаются более разнообразной дополнительной обработкой поверхности: часто встречается покрытие глазурью, роспись, орнаментация, лощение.

Работа с археологическими и этнографическими коллекциями керамики в рамках единой методики необходима для полноценного и разностороннего исследования такой части материальной культуры, как гончарство.

Список источников и литературы

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М. : Наука, 1978. – 272 с.

Татауров Ф. С., Татаурова Л. В. Первые итоги исследования русского могильника XIX – первой четверти XX века Евгацино IV в Омском Прииртышье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2020. – Т. XXVI. – С. 650–656.

Татаурова Л. В. Типология русской керамики (по этнографическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск : Наука, 1998. – Т. 3. – С. 88–123.

Татаурова Л. В., Сопова К. О. Русская керамика Западной Сибири – от настоящего к прошлому: методические аспекты // Былые годы. – 2020. – № 58 (4). – С. 2396–2408.

Сопова К. О. <https://orcid.org/0000-0001-8563-1319>

Татауров Ф. С. <https://orcid.org/0000-0002-9447-1035>

Примечания

*Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 22-28-20179 «Тара и Тарский уезд на западносибирском фронтире Российского государства в XVI–XVIII вв.: история и археология», <https://rscf.ru/project/22-28-20179/> и гранта в форме субсидии, предоставленного из бюджета Омской области

С. В. Сотникова

Россия, Надым, Центр археологических исследований

**О ПРОЯВЛЕНИИ КУЛЬТА ПРЕДКОВ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ:
ВТОРИЧНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ В СВЕТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ**

Предложена новая интерпретация вторичных захоронений, которые известны во многих культурах эпохи бронзы степной зоны Евразии. Согласно этнографическим параллелям, часть таких погребений могла иметь отношение к культу предков. В эпоху бронзы, в связи с развитием скотоводства в степной зоне, обостряется борьба за пастбища. Группа, потерпевшая поражение, теряла контроль над территорией, где размещались ее родовые кладбища, и где были захоронены ее предки. В то же время связь с предками, согласно традиционным представлениям, обеспечивала благополучное существование коллектива. Сородичи, покидая свои земли, могли извлекать из могил кости наиболее значимых предков и осуществлять их перезахоронение на новой территории. В ходе такого ритуала социум утверждал свое право на существование, как во времени, так и пространстве, но уже на новой территории.

Ключевые слова: эпоха бронзы, степи Евразии, вторичные погребения, культ предков.

S. V. Sotnikova

Russia, Nadym, Center for Archaeological Research

**ON THE REFLECTION OF THE CULT OF THE ANCESTORS IN THE BURIAL RITE OF THE
BRONZE AGE: SECONDARY BURIALS IN THE LIGHT
OF ETHNOGRAPHIC PARALLELS**

A new interpretation of secondary burials, which are known in many cultures of the Bronze Age of the steppe zone of Eurasia, is proposed. According to ethnographic parallels, some of these burials could be related to the cult of ancestors. In the Bronze Age, due to the development of cattle breeding, the struggle for pasture intensified in the steppe zone. The collective, which suffered a defeat, lose control over the territory where their ancestral cemeteries were located and where their ancestors were buried. At the same time, the connection with the ancestors, according to traditional ideas, ensured the prosperous existence of the collective. Kindreds, leaving their lands, could extract the bones of the most significant ancestors from the graves and carry out their reburial in the new territory. In the course of such a ritual, the society asserted its right to exist, both in time and space, but already in a new territory.

Keywords: the Bronze Age, steppes of Eurasia, secondary burials, the cult of ancestors.

В эпоху бронзы в степях Евразии, в связи с развитием скотоводства и наличием колесного транспорта, происходят значительные перемещения отдельных коллективов (родов, племен), возникает соперничество как внутри культур, так и между различными культурными образованиями за лучшие пастбища, а также стремление расширить свою территорию.

В результате конкурентной борьбы происходило переселение отдельных коллективов на новые территории. Группа, потерпевшая поражение, теряла контроль над территорией, где размещались ее родовые кладбища, и где захоронены ее предки. В то же время связь с предками, согласно традиционным представлениям, обеспечивала благополучное существование коллектива. Варианты сохранения связи с предками могли быть различны. По-видимому, не следует пренебрегать достаточно отдаленными этнографическими параллелями, так как они могут оказаться вполне работающими. Представляет интерес этнографическое описание Шатобриана об исходе начезов со своих старых племенных территорий под давлением ирокезов. Шествие открывали воины, несшие костные останки предков, а замыкали процессию женщины с новорожденными на руках [Топоров, 1997, с. 144]. Это этнографическое свидетельство позволяет по-новому взглянуть на некоторые археологические факты.

Во-первых, некоторые погребения, возможно, нарушались не только противниками, но и соплеменниками при переселении на новые территории.

Во-вторых, предки составляли неотъемлемую часть коллектива, возможно, наиболее значимую. Поэтому, когда происходило переселение коллектива на новые территории (по разным причинам), то в этом мероприятии непосредственное участие принимали и предки. Более того, кости предков не просто извлекались из могил и транспортировались на новое место где-то в обозе; предки торжественно шествовали впереди, а весь коллектив шел следом за своими предками.

В связи с вышеизложенными положениями представляют интерес вторичные погребения эпохи бронзы. Под вторичными погребениями подразумевается обычно перезахоронение костей скелета с полностью или частично разложившимися органическими связками. Существовали различные способы укладки перезахороненных костей, однако в данной работе рассматривается преимущественно тот вариант, когда кости были сложены компактно – «пакетом». В эпоху бронзы на территории степей такие погребения известны в ямной, катакомбной, бабинской, срубной, андроновской и других культурах. Для изучения этого вопроса значительный интерес представляют материалы ямной и катакомбной культур степной зоны Восточной Европы.

Кости, уложенные в виде «пакета», являлись удобным способом для транспортировки на дальние расстояния. Положение костей в ряде катакомбных погребений позволяет предположить, что останки находились в мешках из кожи или ткани. Так, в погребении из Дубовой Могилы удалось зафиксировать тлен от кожаного мешка с завязками в области черепа [Ковалева и др., 2003, с. 82–83]. В погребении 7 кургана 2 из Константиновки (Северо-Западное Приазовье) кости одного из трех погребенных были погребены в мешке из грубых ниток [Болтрик, Левченко, Фиалко, 1991, с. 71]. Учитывая, что органические материалы сохраняются крайне редко, рассчитывать на массовость подобных находок не приходится.

В-третьих, переселение на новую территорию требовало не только ее практического, но и ритуального освоения. По-видимому, на новой территории, в первую очередь, предавались земле кости предков. Своим присутствием они восстанавливали модель существования коллектива как во времени (от предков к потомкам), так и в пространстве, но уже на новом месте.

В этой связи представляют интерес некоторые наблюдения за расположением вторичных погребений. С. Г. Небрат, в ходе рассмотрения вопроса о вторичных погребениях катакомбной культуры, отмечал следующую особенность: «Бросается в глаза то обстоятельство, что, не смотря на сравнительную редкость вторичных захоронений, они могут встречаться в пределах одной курганной группы, и даже в одном кургане» [Небрат, 2013, с. 11]. Та же закономерность, по его мнению, прослеживается и на материалах ямной культуры [Там же, с. 16].

Одним из наиболее ярких примеров является картина, зафиксированная в кургане 3 у г. Тирасполь (левобережье Днестра), где было обнаружено 31 захоронение. Сооружение первоначальной курганной насыпи было связано с основными погребениями периода позднего энеолита – ранней бронзы – усатовской культуры. Десять впускных погребений относились к ямной культурной общности, из которых в пяти (№№ 9, 12, 13, 22, 25) зафиксированы следы применения реингумации в ритуале захоронения. Особенностью данных погребений, как отмечают исследователи, является наличие деталей, не характерных для общей массы ямных комплексов региона [Агульников, Попович, 2010, с. 324, 341].

Наибольший интерес представляют погребения 12 и 13, которые имеют значительное сходство между собой и, в тоже время, выделяются своей неординарностью. Они имеют практически одинаковую ориентацию (ЮЮЗ-ССВ), размеры (2,15×1,7 м и 2,10×1,7 м, соответственно), глубину (1,0 и 1,05 м от уровня фиксации). С ними связан достаточно редкий для ямных погребений региона обряд – вторичные коллективные захоронения. В погребении 12 на дне камеры обнаружены 3 расчлененных скелета. Кости были компактно сложены «пакетом» с имитацией анатомического порядка. Все погребенные ориентированы черепами на ЮЗЗ. Костяки, особенно их черепа, обильно окрашены охрой малинового цвета. Под костями и по всему дну ямы прослежены остатки растительной подстилки со следами мела или извести. В погребении 13 на дне находились 2 расчлененных скелета, кости которых были сложены в виде «пакета» с определенной имитацией анатомического порядка. Оба погребенных ориентированы черепами на ЮЮЗ, скелеты обильно окрашены охрой малинового цвета. Под костями обнаружены следы темно-коричневой подстилки со следами мела или извести [Савва, 1988, с. 47–49].

Именно для этих двух погребений была возведена вторая насыпь. Она полностью перекрывала первую, а ее полы лежали на погребенной почве. Вторая насыпь имела овальную в плане форму, в высоту она достигала 3,5 м. Границы второй насыпи были оконтурены двойным рвом. Диаметр рва – 36–42 м, глубина от погребенной почвы – 4,0 м. Основная часть рва сооружена в слое темного грунта и только его дно частично достигало материка. Таким образом, возведение второй насыпи и сооружение двойного рва непосредственно связано с погребениями 12 и 13, которые были впущены одновременно с уровня погребенной почвы за пределами первой насыпи. Эти погребения обнаружены по двум мощным глиняным выбросам, лежавшим на погребенной почве. Наибольшая длина выбросов – 6,5–7,6 м, ширина – 2,5–2,8 м. Мощность южного выброса достигала 40 см, северного – 30 см. Расстояние между выбросами – 9,5 м. Между выбросами на глубине 3,45–3,50 м обнаружены

контуры этих могил. В погребении 12 вокруг ямы зафиксированы следы прямоугольной площадки с сильно закругленными краями размером 6,2×4,24 м. На всей поверхности площадки обнаружены остатки растительной циновки, обмазанной слоем глины-белоглазки (?) с примесью мела (извести). Погребальная камера была перекрыта вдоль 8 бревнами, которые также обмазаны глиной-белоглазкой. На дне ямы по всем 4 углам обнаружены ямки от колышков диаметром 5–7 см, глубиной до 15 см. В погребении 13, как и в погребении 12, вокруг ямы зафиксированы следы подпрямоугольной площадки с сильно закругленными краями размером 5,5×3,5 м и остатки растительной (?) циновки, обмазанной слоем глины-белоглазки (?) с примесью мела и извести. В ЮЗ углу этой площадки хорошо прослеживались контуры прямоугольника размерами 0,47×0,38 м, стенки которого состояли из тонких (до 1 см) прямых полосок из сгоревшего дерева. Погребальная камера была перекрыта вдоль 7 бревнами, которые также обмазаны глиной-белоглазкой. На дне погребальной камеры во всех четырех углах обнаружены ямки от колышков диаметром 5–6 см, глубиной до 15 см [Там же, с. 48–49, 57].

Исследователи считают, что «демембрация, отмечаемая в погребениях ямной культуры региона, является признаком определенной социальной прослойки общества в период ранней бронзы. С другой стороны, не отрицается факт применения ритуала “посещения мертвых”, присущего ряду доисторических образований, и определенных обрядовых действий, связанных с перемещением с первоначального положения и “перемыванием” костей отдельных представителей родоплеменной верхушки, например, жрецов, шаманов и колдунов» [Агульников, Попович, 2010, с. 343–344].

С этим утверждением сложно согласиться. Закономерно возникает вопрос, почему столь уважаемые в обществе люди оказались перезахоронены в одной погребальной камере, а не в индивидуальных, как следовало бы ожидать? Следует предположить, что это следы единого ритуала, возможно, растянутого во времени, где всем перезахороненным костякам предков оказаны одинаковые почести, к тому же более высокие, чем наблюдаются в других погребениях этой культуры, а именно – возведение дополнительной насыпи, окруженной двойным рвом, сооружение специальных погребальных площадок, сложные внутримогильные конструкции, ритуально значимые детали ритуала в виде обильной посыпки охрой, наличием растительных подстилок со следами мела.

Таким образом, часть вторичных погребений, где кости сложены в виде «пакета», могли являться перезахоронением костей предков, транспортированных определенным коллективом в ходе переселения на новые территории. Переселение на новую территорию требовало не только ее практического, но и ритуального освоения. В ходе определенных ритуалов, в число которых входило и предание земле костей предков, коллектив утверждал свое право на существование как во времени, так и в пространстве, но уже на новой территории.

Список источников и литературы

Агульников С. М., Попович С. С. Обряд демембрации в ямной культуре Пруто-Днестровского междуречья // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы. – Луганск, 2010. – С. 324–345.

Болтрик Ю. В., Левченко В. Н., Фиалко Е. Е. О позднем чертах в катакомбном погребальном обряде низовья реки Молочной // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – Киев, 1991. – С. 57–84.

Ковалева И. Ф., Марина З. П., Ромашико В. А., Тесленко Д. Л., Шалобудов В. Н., Векленко В. А. Курганы энеолита-бронзы в криворожском течении Ингульца. – Днепропетровськ : Вид-во Дніпр. ун-ту, 2003. – 131 с.

Небрат С. Г. Вторичные погребения ингульской катакомбной культуры // Донецкий археологический сборник. – 2013. – № 17. – С. 7–23.

Савва Е. Н. Исследования кургана у г. Тирасполь // Археологические исследования в Молдавии в 1983 г. – Кишинев, 1988. – С. 44–60.

Топоров В. Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Из работ московского семиотического круга. – М., 1997. – С. 128–170.

Сотникова С. В. <https://orcid.org/0000-0003-4970-9160>

С. Ф. Татауров

*Россия, Омск, Институт археологии и этнографии СО РАН
Россия, Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского*

**ОТНОШЕНИЯ МОСКВЫ И СИБИРИ В XVII–XVIII ВЕКАХ
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ Г. ТАРА***

Присоединение Западной Сибири к Российскому государству рассматривается с позиции анализа археологических материалов, полученных в ходе многолетних археологических исследований одного из первых русских городов в Западной Сибири – Тары. Археологический источник дополняет письменные свидетельства истории Сибири этого времени. Иллюстрирует изменения в технологиях производств, в строительстве и общей планиграфии городов. Показывает развитие торговых отношений и включение Сибири в общероссийский рынок. Дается разбор отношений метрополии и Сибири. Привлекаются нумизматические коллекции, несущие как непосредственно государственные символы, так и показывающие уровень торговых отношений в городе и в Сибири. Рассматриваются находки, связанные с новациями в европейской России, – с распространением курения, употребления крепких алкогольных напитков, новых видов обуви.

Ключевые слова: Сибирь, Россия, история, археология, присоединение, монеты, торговые пломбы.

S. F. Tataurov

*Russia, Omsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Russia, Omsk, Dostoevsky Omsk State University*

**RELATIONS BETWEEN MOSCOW AND SIBERIA IN THE 17TH–18TH CENTURIES
IN THE ARCHAEOLOGICAL MATERIALS OF THE CITY TARA**

The accession of Western Siberia to the Russian state is considered from the standpoint of the analysis of archaeological materials obtained during long-term archaeological research of one of the first Russian cities in Western Siberia – Tara. The archaeological source complements the written evidence of the history of Siberia at this time. Also the archaeological source illustrates changes in production technologies, in construction and in the general planography of cities. It shows the development of trade relations and the inclusion of Siberia in the all-Russian market. The study provides an analysis of the relations of the metropolis and Siberia. Numismatic collections are attracted, bearing both state symbols directly and showing the level of trade relations in the city and in Siberia. The findings related to innovations in European Russia are considered – with the spread of smoking, the use of strong alcoholic beverages, new types of shoes.

Keywords: Siberia, Russia, history, archeology, accession, coins, trade seals.

Историко-археологические исследования одного из первых русских сибирских городов Тары начались в 2007 г. За 15 полевых сезонов исследовано около двух тысяч кв. м на месте расположения тарской крепости и острога. Изучено более 20 архитектурных объектов – храмов, фортификационных, жилых и производственных комплексов. Собрано, обработано и передано на хранение в музей региона более 7100 предметов, сформировавших базу данных, показывающую практически всю историю города. Сформированная база данных позволяет анализировать процесс развития города: изменения его архитектуры, планиграфии, новаций в материальной и духовной культуре населения и причин их появления. В этом исследовании будет проанализировано (на основе археологических материалов) отношение Российского государства к Сибири: его политика в управлении новыми землями, отношении к аборигенному населению, развитию экономики, регулировании торговых отношений и т. д. Привлечение археологических материалов дополнит и уточнит данные письменных источников, акцентирует внимание на формирование облика русского сибиряка.

В коллекциях, полученных в ходе археологических раскопок, выделяются несколько категорий предметов, которые можно разделить на непосредственно несущие государственную символику и характеризующие политику метрополии в Сибири в целом и на предметные комплексы, опосредованно показывающие происходящие в государстве изменения в жизни населения, в системе социальных институтов, в традиционно-бытовой культуре.

К первой категории следует отнести монеты, как предметы, несущие на себе двойную нагрузку – государственную символику (государя) и денежную систему государства, обеспеченную его инсти-

тутами власти. В настоящий момент нумизматическая коллекция насчитывает более 300 экземпляров для всей истории существования города. Анализ находок по векам и по правлениям государей позволяет сделать несколько интересных выводов.

Для XVII в. в культурном слое города найдено полтора десятка монет; немного их и в местном краеведческом музее, в котором собрана представительная нумизматическая коллекция. При этом практически все мужское население города было служилым и получало жалование 5–7 рублей, поэтому на руках у населения должно было быть в наличии значительное количество монет. Об этом свидетельствуют весьма высокие цены на местном рынке, например, фарфоровая посуда в первой трети XVII в. стоила до двух рублей за предмет [Вилков, 1990, с. 46–48]. Казалось бы, слои этого века должны быть насыщены мелкими серебряными монетами, но этого нет. Через Тару проходила караванная торговля со Средней Азией, но ни одного дирхема на данный момент в коллекциях раскопок нет. Если добавить такой факт, что среди аборигенного населения в качестве платежного средства распространялись европейские жетоны [Милиценко, 2005, с. 68] (в коллекциях раскопок Тары представлены единичной находкой), то становится очевидной ситуация – рынок в XVII в. существовал практически без денежного обращения.

Политика Москвы и местной администрации не была направлена на увеличение денежного обращения. Налоговая система для инородцев (ясак) была полностью построена на пушнине – единственным эквивалентом выступал соболь. В период истощения ценного зверя допускался перерасчет на другую пушнину. В тех случаях, когда мы находим стоимость ясака в денежном исчислении, все равно налог привязан к шкуркам. Татары, проживавшие в Тарском Прииртышье в Таксай-ауле (Юрты-Таксайские) платят лишь незначительную дань, стоимостью до 50 копеек с головы, а именно – шкуру лисицы или 5 горностаев [Колесников, 1994–1995, с. 17.]. Таким образом, можно констатировать, что монеты в XVII в. в Таре и Тарском Прииртышье были не столько свидетельствами денежной системы и торговых отношений в городе, сколько маркерами российской государственности.

Увеличение количества монет в культурном слое города происходит только ближе к середине XVIII в. и приходится на время правления Елизаветы I. Это связано с несколькими факторами. В первую очередь – с серьезным уменьшением пушного зверя – ценные шкурки перестают быть денежным эквивалентом. Во-вторых – Тара превращается в ремесленный город, и с увеличением ассортимента и количества производимой продукции это приводит к увеличению денежного обращения. В-третьих – город становится одним из сибирских центров транзитной торговли на Чайном пути из Китая в Москву. Сибирь постепенно входит в российский рынок, что приводит к увеличению товарооборота.

В период правления Екатерины II Тара достигает своего расцвета как торговый и ремесленный город. Нумизматическая коллекция подтверждает это – она превышает 100 монет. Выделяются сибирские монеты – во многом благодаря их чеканке в Сибири удалось существенно увеличить сибирский рынок. Следует отметить и существенное расширение номинала денег, что свидетельствует об углублении торговых отношений, увеличении ассортимента товаров.

Павел I провел у власти немногим больше трех лет, но коллекция его монет уступает только Екатерине II – без малого 100 экземпляров. По всей вероятности, это связано с проводимыми им реформами, по которым существенно расширилось количество служащих в российских городах. Можно сделать вывод, что этот государь во многом ликвидировал разночтения в денежном обращении в России и Сибири.

В культурных слоях XVII–XVIII в. символика Российского государства нигде, кроме как на монетах, не зафиксирована. Пуговицы европейского типа входят в обиход в России при Петре I, и есть мнение о нанесении уже в это время на них гербового орла, но подобные предметы не найдены. Ситуация начинает меняться в XIX в. Есть находки гербовых пуговиц периода Николая I – как от гражданской формы чиновников, так и от военных мундиров. Но это уже следующий век.

Значительно больше предметов свидетельствует об изменениях в жизни населения Тары, которые происходили по указаниям верховной власти или под влиянием новых веяний, происходивших в Российском государстве. Наиболее масштабные изменения произошли в период правления Петра I. Серьезнейшие изменения коснулись практически всех сторон жизни. В корне изменилась система и механизмы управления, реформировалась армия, серьезно изменилась материальная культура населения.

Петровское время стало во многом переломным в судьбе города. С основанием Омска военное противостояние отодвинулось на юг, и Тарское Прииртышье стало быстро развиваться, превращаясь в один из основных земледельческих районов Западной Сибири. Стало постепенно развиваться собственное производство. Строительство и развитие Московско-Сибирского тракта сделало Тару одним из ключевых пунктов в торговых отношениях с восточными и юго-восточными территориями.

В самом городе изменений было не так много. Реформы Петра I требовали денег, а на что-то новое в фортификации или переустройстве города просто не было финансов. Впрочем, строительство определенных «учреждений» велось весьма интенсивно – в конце XVII – первой половине XVIII века в Таре, в острожной части, было открыто несколько винных лавок. Один комплекс был исследован нами в 2017–2019 гг. Лавка была расположена к северу от крепостной стены и примыкала к укреплениям острога, неоднократно перестраивалась и просуществовала почти до конца XIX в., правда уже в виде богадельни.

Большую неприязнь тарчан вызвали действия Петра I и администрации по распространению табакокурения. В XVII в. курильщиков население еще «терпело» – они могли курить на задворках своих домов, о чем говорят находки в межжилищных пространствах примитивных трубок, рассчитанных в основном на китайский шар. Не поощряли курение и местные власти – нередко злостных курильщиков пороли на площадях города, усылали на длительные сроки в отдаленные караулы. В редких случаях дело ограничивалось штрафом и обещанием больше не курить табак [Татаурова, Татауров, 2018, с. 311]. В конце века государство стало способствовать торговле табаком. Распространение табакокурения по протекции императора представлено целой серией «московских» трубок. С начала XVIII в. все большее место на сибирском рынке начинает занимать табак российского производства. Он отличался по качественным характеристикам от «китайского шара», прежде всего тем, что он был крупно резанным. И курить его нужно было совершенно иначе. Об этом свидетельствуют изменившиеся формы курительных трубок. Головки трубок приобретают бочкообразную форму и становятся гораздо крупнее. Все они – ремесленного производства, украшены орнаментом, имеют элементы декора. Есть на них и клейма производителей. Данная форма трубок восходит к турецким трубкам «тахта-чубук». В Москве и в Подмоскovie к рассматриваемому нами периоду производство таких трубок было весьма распространено [Федорова, Ткаченко, Федоров, 2015]. Концентрируются находки трубок, на месте расположения исследованной в 2017–2019 гг. питейной лавки в острожной части города.

Категорией находок, хорошо маркирующей петровскую эпоху, является китайский фарфор. По своей численности и четкому делению, как по хронологии производства, связанной с периодами правления династий китайских императоров, так и по технике изготовления и цветовой гамме отдельных школ, фарфор является лучшим репером для культурных слоев сибирского русского города. Больше всего находок китайского фарфора, сделанных при раскопках Тары, можно отнести к периодам правления императора Канси (1662–1722). Цветовая гамма эмалей этого периода, кроме распространенных ранее синих и голубых цветов, начинает включать в себя зеленые тона разной насыщенности и оттенка, полученные на основе химических соединений меди. Высокое качество работы китайских мастеров проявляется в тонкости линий рисунка, обилии мелких деталей [Татауров, Татауров, 2019, с. 1419]. Фарфор массово стал распространяться в Российском государстве после поездки тарского боярского сына Ивана Перфильева, в 1659 году возглавившего одно из первых русских посольств в Китае.

При раскопках питейной лавки было зафиксировано значительное количество – около 100 прямоугольных бутылок зеленого стекла – штофов. Для XVII в. для Тары и других сибирских городов были характерны немногочисленные бутылки из цветного венецианского стекла. Нововведения Петра I привели к массовому открытию питейных лавок и серьезному увеличению употребления крепких алкогольных напитков. Основной емкостью для них стал зеленый прямоугольный штоф. Впервые годы бутылки вместе с содержимым завозились в Тару, а впоследствии и то, и другое стали производить на месте.

В конце XVII в. получает распространение еще одно нововведение в культуре питания тарчан – горожане стали есть двузубыми вилками. Первыми в городе появляются бронзовые приборы, миниатюрные и достаточно изящные. У таких вилок практически отсутствует ручка, а зубцы могут быть дополнительно оформлены в виде стрелочек или небольшими шариками. По всей вероятности они использовались городской элитой. Простые горожане быстро переняли этот столовый прибор и наладили его производство. Вилки стали железными с костяными ручками и длинными – до 8 см зубцами. Такие вилки просуществовали до конца XVIII в., когда при Павле I получили распространение трехзубые вилки.

Военно-административный статус города долгое время препятствовал развитию ремесленного производства. Только к концу первой четверти XVIII в. Тара в какой-то мере смогла обеспечить себя продукцией собственных мастеров. В связи с развитием производства расширяется ассортимент европейских инструментов различного назначения: напильники, щипцы для снятия нагара со свечей,

медицинские и ювелирные пинцеты и др. Все они отличаются качеством металла и технологией изготовления, нередко на них есть клеймо мастерской.

Хорошая сохранность кожи в культурном слое Тары предопределила особую роль изделий из этого материала. Петровское время принесло в Сибирь несколько видов обуви как элемента формы военных и гражданских служащих. Туфли с зауженным квадратным носом и довольно высоким каблуком пришлось носить всем чиновникам и офицерам. За годы раскопок была собрана значительная коллекция супинаторов для наборных каблуков, максимальная высота составляет – 7,5 см, как у сапог самого Петра I (хранящихся в оружейной палате). В 2009 г. была найдена уникальная находка – чехол для такой обуви из валяной шерсти (через 150 лет в России такие чехлы превратятся в валенки), который одевали зимой на туфли, пока ехали от дома к месту службы [Богомолов, Татауров, 2010, с. 95–96]. На настоящий момент в Таре найдено уже 4 ольстры (ружейное нагалище) – кобуры для короткоствольного кавалерийского ружья. Появляются новые виды женской обуви – туфли на достаточно высоком (до 7 см) каблуке. Можно сказать, что тарское общество «переобулось» при Петре I.

Серьезные изменения в Таре произошли во второй половине XVIII в.; связаны они с преобразованиями в Российском государстве, проводимыми Екатериной II. В первую очередь преобразился город – прошла масштабная перепланировка, расширились улицы, было построено несколько каменных церквей, проведено благоустройство [Татауров, Тихонов, 2017, с. 47]. Это период расцвета Тары как торгового города. Свидетельством этого является появление в культурном слое новой категории предметов – торговых пломб. Они наглядно демонстрируют направления торговых связей тарских купцов с Санкт-Петербургом, Москвой, Нижним Новгородом, городами Урала [Татауров, 2017, с. 106]. В основном это связано с развитием торговли с Китаем (Чайного пути).

Строительство каменных храмов, вместе с запретами «мягкой кровли» (соломы и драни) на домах, стало определенной революцией в строительстве и плотницком деле. В Таре появляются кирпичные заводы, постепенно местное купечество переселяется в каменные особняки. Строятся лесопилки – доска входит в широкий оборот у тарчан, а вместе с ней широкое распространение получают гвозди. Исчезает целая культура деревянных креплений. На смену слюдяным окнам приходят стеклянные. Тара становится ощутимо ближе к облику европейского города.

Археологические источники позволяют создать образ города и облик его жителей, проследить смену технологий и материалов; заметить все, что приводит к изменению образа жителей: переход от отопления жилищ «по-черному» к печам с кирпичной трубой, от волоковых и слюдяных окон – к стеклянным, от употребления квасов и медов – к крепким алкогольным напиткам.

В действительности археологические материалы свидетельствуют о включении Сибири в экономику Российского государства – от поставщика сырья, в первую очередь – пушнины, в торгового и промышленного партнера. На это указывает неуклонное увеличение монет в культурных слоях города – сибирские города становятся частью общероссийского рынка. Изменяется облик городов, а с реформами Екатерины II они становятся идентичными по муниципальному управлению с городами в европейской части страны. Постепенно развиваются производства – от традиционных отраслей по переработке сельхозпродукции – к стеклоплавильным, деревообрабатывающим, писчебумажным и др. Изменился и облик горожан – появляется европейская обувь, новые ткани и детали костюма. Сибирь стремилась выйти из статуса колонии.

Список источников и литературы

Богомолов В. Б., Татауров С. Ф. Коллекция обуви из раскопок города Тары в 2009 году // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 2010. – С. 91–96.

Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII вв. – Новосибирск : Наука, 1990. – 308 с.

Колесников А. Д. История в чертежах // Омская старина. – Омск. – 1994–1995. – № 3. – С. 6–17.

Милищенко О. А. Монеты и жетоны как датирующий инвентарь позднесредневековых поселений и могильников (На примере бассейна реки Тары) – Омск : Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2005. – 148 с.

Татауров С. Ф. Археологические свидетельства торговых отношений в г. Таре в XVII–XIX вв. // Вестн. ТГУ. – Сер.: История. – Томск. – 2017. – № 46. – С. 103–109.

Татауров С. Ф., Татауров Ф. С. Фарфор и фаянс в культурном слое города Тары // *Bylye Gody*. – 2019. – Vol. 54. – Is. 4. – P. 1418–1428.

Татауров С. Ф., Тихонов С. С. Особенности планиграфии и благоустройства сибирского города в XVI–XVIII вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 3 (38). – С. 41–50.

Татаурова Л. В., Татауров Ф. С. Социальные маркеры русского служилого населения Западной Сибири XVII–XVIII вв. по археологическим материалам: Табак и трубки // *Stratum plus*. – 2018. – № 6. – С. 309–318.

Федорова Л. И., Ткаченко В. А., Федоров В. В. Местные особенности бытования курительных трубок в Калуге и окрестностях // *Археология Подмосковья : материалы науч. семинара.* – М., 2015. – Вып. 11. – С. 539–546.

Татауров С. Ф. <https://orcid.org/ORCID 0000-0003-4829-7619>

Примечания

*Работа выполнена по гранту «Тара и Тарский уезд на западносибирском фронтире Российского государства в XVI–XVIII вв.: история и археология» № 22-28-20179, <https://rscf.ru/project/22-28-20179/> и гранта в форме субсидии, предоставленного из бюджета Омской области

Л. В. Татаурова

*Россия, Омск, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского
Россия, Омск, Институт археологии и этнографии СО РАН*

**ЛОШАДЬ В ХОЗЯЙСТВЕ РУССКОГО СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ
ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ: АРХЕОЛОГИЯ И ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ***

В среде служилого населения Тарского Прииртышья лошадь имела большое значение, как с точки зрения несения службы, так и использования ее в хозяйственной деятельности. Однако археологические материалы и результаты археозоологических исследований на их основе показывают незначительный процент использования лошади в хозяйственной деятельности населения, причем в деревне он в 10 раз выше, чем городе. Привлечение письменных источников, наоборот, показало значительную роль лошади в хозяйстве. Все служилое и гражданское население, как города, так и деревни, содержало минимум одно животное, обеспечивало его кормами, имея скотские выпасы и сенные покосы. Некоторые служилые имели табуны более 10 особей. Лошадь использовали как основное транспортное средство, тягловое животное. С постройкой Московско-Сибирского тракта роль лошади еще больше возрастает.

Ключевые слова: археология, русские, Тарское Прииртышье, Новое время, лошадь.

L.V. Tataurova

*Russia, Omsk, Dostoevsky Omsk State University
Russia, Omsk, Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS*

**THE HORSE IN THE FARM OF RUSSIAN MILITARY POPULATION
OF THE TARA IRTYSH REGION: ARCHAEOLOGY AND WRITTEN SOURCES**

Among the military population of the Tara Irtysh region, the horse had a great importance, both in terms of military service and its use in economic activities. However, archaeological materials and the results of archaeozoological studies based on its show an insignificant percentage of the use of horses in the economic activities of the population, and in the countryside it is 10 times higher than in the town. The involvement of written sources, on the contrary, showed the significant role of the horse in the economy. The entire military man and civilian population, both town and villages, kept at least one animal, provided it with feed from livestock pastures and hay mowing. Some military man had herds of more than 10 individuals. The horse was used as the main vehicle, draft animal. With the construction of the Moscow-Siberian tract, the role of the horse increases even more.

Keywords: archaeology, Russians, Tara Irtysh area, New time, horse.

Лошадь в хозяйстве служилого населения Тарского Прииртышья XVII–XVIII вв. играла особую роль. Она была основным средством передвижения в военных походах, поездках в Москву, Тобольск, на Ямыш-озеро с различными целями, а, кроме того, как тягловое животное использовалась в полевых работах, лесозаготовках, строительстве.

Археологические исследования Тары, Бергамакского острога, деревень Ананьино и Изюк в Тарском Прииртышье, а также изучение письменных документов XVII–XVIII вв. позволили проанализировать информацию о роли этого животного в экономике региона.

Археозоологические материалы, при весомой насыщенности ими культурных слоев на всех памятниках, свидетельствуют о небольшом проценте костей лошади. Так, в общем объеме костных остатков млекопитающих в Таре ей соответствует 1,5 % [Бондарев, Татаурова, Татауров, 2020, с. 294], в Ананьино – 4 %, Бергамаке – 5,9 %, Изюке – 3,3 %. Малый процент объясняется тем, что конину в мясном рационе служилые не использовали, хотя, возможно, употребляли в очень крайнем случае или небольшом количестве (в Таре, скорее всего, это тюркское население). Более высокий процент костей лошади в составе коллекции Бергамака объясняется наличием уникального объекта (погребя), неясного назначения, заполненного черепами и конечностями лошади, всего 29 особей жеребцов в возрасте старше 4 лет¹.

В XVII–XIX вв. в Западной Сибири была распространена приобская порода лошадей, характеризующаяся небольшим ростом в холке (132–145 см), выносливостью, неприхотливостью к кормам, в том числе – способных к тебеневке, продолжительностью жизни 20–25 лет [Историческая экология..., 2013, с. 225, 226].

В Таре, согласно письменным источникам, в XVII–XVIII вв. использовались лошади различных мастей: бурые, рыжие, гнедые, вороные, серые, саврасые (желтая или светло-желтая шерсть, черные грива, хвост, нижняя часть ног) [Служилые люди Сибири..., 2019, с. 26, 36, 48, 63, 101 и др.].

Безусловно, в городе, который в первые два века своего существования был сугубо военным [Татаурова, Татауров, 2019], значение и количество лошадей более весомо, нежели это отражают археозоологические материалы.

К концу XVII в. в тарском гарнизоне служил 331 конный казак [Тара в XVI–XIX веках..., 2014, с. 102], у которых, естественно, были лошади.

Другие слои тарского населения: стрельцы, подьячие, сыны боярские, служилые, десятники, рейтары и другие категории, а также гражданские жители, судя по сделкам купли-продажи, тоже имели коней [Служилые люди Сибири ..., 2019, с. 114, 155, 169 и др.].

Анализ документов показал не только наличие разных мастей, но и представил торговые операции с участием лошадей. Примечательно, что купля / продажа осуществлялась осенью (сентябрь – ноябрь), зимой (декабрь – февраль), весной (март, апрель – и не позднее 10 мая) и (в единичных случаях) летом: «Григорьев Федор, тарский конный казак, купил двух вороных коней у бухаретинина 6 августа 1648 г.» [Там же, с. 234]. И это вполне объяснимо – в мае, особенно после ледохода на Иртыше, хозяйственная деятельность населения активизировалась: начинались полевые работы, охотничий сезон, особенно на перелетных птиц, увеличивалось количество военных операций и других поездок.

Доподлинно неизвестно, как согласовывали торговые операции. Есть упоминания «купил-продал-сменял». Цена тоже была различной. Так, в первой трети XVII в. конь / кобыла стоили 6 / 4 рубля («Архипов Богдан, тарский стрелец в 1630 году купил кобылу за 6 рублей, коня за 4 рубля» [Там же, с. 48]; «В 1635 г. Антипин Харитон, тарский конный казак, продал кобылу за 2 рубля 26 алтын, 4 деньги», а «Антипин Костя, тарский стрелец, а с 1636 г. конный казак в 1636 г. продал коня за 3 рубля, и купил коня за 5 рублей» [Там же, с. 36]). В середине XVII в. тот же Костя Антипин в 1648 г. продал бурого коня за 3 рубля, и купил рыжего коня за 5 рублей. По другим расценкам в 1647 / 1648 гг. лошадь можно было продать по цене от 2 рублей, 26 алтын, 4 деньги – 2,55 рублей до 4–5 рублей [Там же, с. 30, 48, 216 и др.]. В конце XVII в. конь стоил 2–3 рубля [Там же, с. 66, 169 и др.]. Жеребят (вероятно, разного возраста или особой масти) продавали за 8 гривен или 7 рублей [Там же, с. 14, 224, 66 и др.]. Покупка / продажа имела место как среди служилых и гражданских, так и между русскими и бухаретининами, русскими и татарами.

В отличие от других уездов Тобольского разряда, у тарских служилых было лидирующее положение в земледелии. На одно хозяйство в среднем имелось 2,1 лошади (у конных казаков – 2,7, у остальных категорий населения – 1,4) [Тара в XVI–XIX веках, 2014, с. 103]. Хотя встречались и весьма состоятельные служилые, обладавшие целыми табунами. Это семейный клан Чередовых, имевший в середине XVII в. близ Тары сенокосы на 1700 копен. В начале XVIII в. – 68 лошадей и других животных, для содержания которых у них было 50 десятин покосов, дающих 1330 копен и других земель, с которых получали 3150 копен, 33 десятины скотского выпуска [Крих, 2016, 31–33]. Стрелецкий сотник Влас Черкашенинов в 1701 г. содержал 10 лошадей [Тара в XVI–XIX веках, 2014, с. 103].

Представленные материалы характеризуют городскую среду, которая имеет опосредованное отношение к деревенской жизни, потому что часть служилого населения Тары для обеспечения себя хлебом имела отъездные пашни, займки, близ которых со временем появлялись деревни. Например, «братья Герасимки Иванова Попова – тарские конные казаки Аврамка и Микитка, – имели “подле Онаньина озера в луку” наезжую пашню (две чети засеянной земли и 12 четей перелогу в трех полях), но проживал совместно во дворе, построенном на территории Тарского острога» [Татаурова, Крих, 2015, с. 481]. Согласно Дозорной книге, Тарского уезда 1701 года у служилых людей Ананьино (конные казаки, стрельцы, пешие казаки) в хозяйстве, кроме другого скота, было по две лошади [Дозорная книга..., 2021, с. 288–293].

Роль лошади в составе мясного рациона в Ананьино в 10 раз больше, чем в Таре, и составляет 15,5 % [Бондарев, Татаурова, Татауров, 2020, с. 294].

Тарские служилые основали деревню Изюк (она же – Евгашино). Семья Обросима Евгаштина в 1686 г. проживала в Таре, а после пожара в этом же году переехала в сельскую местность [Крих, 2016, с. 53] (деревню Евгашино – *авт.*). Сын же Обросима, сын боярский Иван, остался в Таре, держал там скот, в том числе – четыре лошади, а пашнями, совместно с братьями, владел в д. Евгашино, расположенной на правом берегу Иртыша [Там же]. Сенокосы, размещенные возле деревни, и наличие скотского выпуска обусловили занятие скотоводством. В хозяйстве четырех семей Евгаштиных в начале XVIII в., кроме другого скота, значилось 13 лошадей [Там же, с. 55].

Бергамакский острог построен на границе с барабинскими татарскими волостями. Его основателями были служилые из разных мест Московской Руси и Тары. Из 75 человек, учтенных в Дозорной книге Тарского уезда 1701 г. [Дозорная книга..., 2021, с. 358–379], принадлежащих к казакам,

пушкарям, затинщикам, стрельцам, беломестным казакам, священникам, крестьянам, лошадей не было только у четырех крестьян, один из них кормился работой. В среднем держали 1–4 лошади. Лишь три крестьянских сына в начале XVIII в. владели табунами из 10 (Ивашко Васильев, сын Чермново, Ивашко Кнутников, его сын Матюшки и братья) и 17 лошадей (Александричко Лисин) [Там же, с. 371, 372, 374].

Проведенный анализ показывает, что в формировании населения всех деревень (археологические комплексы Ананьино-I, Бергамак-I, Изюк-I) участвовали тарские служилые, а это значит, что многие черты хозяйства жителей города и села были схожими.

Возвращаясь к археологическому материалу, обратим внимание на предметы из культурных слоев, относящиеся к содержанию лошадей. Как в городе, так и в деревенских памятниках, среди вещественных комплексов можно отметить наличие уздечных наборов: удила, псалии, ременных пряжек, а также стремян и пясика (приспособление из кости, которое использовали для стреноживания лошади) [Татаурова, 2017, с. 102, 103]. В Таре, в исследованной кузнице, зафиксировано более 50 подков разных временных периодов, в том числе – XVII–XVIII вв. [Татауров, 2021]. На всех памятниках в большом количестве найдены ухналы для крепления подков к копытам. Подковывать лошадь требовало развитие военного дела: для перемещения пушек и припасов к ним; в кавалерии – при атаке для набора максимальной скорости за предельно короткое время [Там же, с. 130]; для полевых караулов, несших службу в непростых погодных условиях. Подкованные животные нужны были и в гражданской сфере – в трудоемких производствах, связанных с перемещением тяжелых грузов, особенно – в зимний период.

Вероятно, в связи с особым отношением к лошади, сложившимся еще в период формирования славянской культуры [Славянская мифология..., 1995, с. 288, 289], в Сибири сакрально-мифологическое значение имели металлические гребни с изображением коней [Татауров и др., 2019, с. 358], а найденная подкова считалась предметом, притягивающим удачу. Поэтому поместить ее в доме до сих пор является хорошей приметой.

Постройка в начале XVIII в. Московско-Сибирского тракта и выведение в конце XVIII в. орловской быстроходной породы лошадей открыло новую страницу «лошадиной» истории в Сибири.

Список источников и литературы

Бондарев А. А., Татаурова Л. В., Татауров С. Ф. Животноводство и охота в экономике русских Тарского Прииртышья: опыт сравнительного исследования города и деревни // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень, 2020. – Вып. 6. – С. 292–295.

Дозорная книга Тарского уезда 1701 года : в 3 т. – Омск : Издательский дом «Наука», 2021. – Т. 1. Текст. – 656 с.

Историческая экология населения севера Западной Сибири / Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Косинцев П. А., Лобанова Т. В. – Нефтеюганск ; Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2013. – 376 с.

Крих А. А. Русское население Тарского Прииртышья: историко-генеалогические очерки (XVII – начало XX в.). – Омск : Издательский дом «Наука», 2016. – 263 с.

Славянская мифология : энцикл. слов. – М. : Эллис Лак, 1995 – 416 с.

Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII в. : энцикл. слов. / отв. ред. И. Н. Каменецкий. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2019. – 1006 с.

Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. – Омск : Амфора, 2014. – 332 с.

Татауров С. Ф. Коллекция подков из раскопок исторического центра города Тары // Вестн. НГУ. – Сер.: История, филология. – Новосибирск. – 2021. – Т. 20. – № 5. – С. 129–141.

Татауров С. Ф., Татауров Ф. С., Татаурова Л. В., Тихонов С. С. Археологическая летопись земли Тарской. – Омск : Издатель-Полиграфист, 2019. – 398 с.

Татаурова Л. В. Историческая экология русского населения деревни Ананьино в XVII–XVIII вв. // Вестн. Ом. ун-та. – Сер.: «Исторические науки». – 2017. – № 3 (15). – С. 100–106.

Татаурова Л. В., Крих А. А. Система жизнеобеспечения сибирской деревни Ананьино в XVII–XVIII вв. (по археологическим и письменным источникам) // Былые годы. – 2015. – Т. 37. – Вып. 3. – С. 479–490.

Татаурова Л. В., Татауров С. Ф. Вооружение и боевой запас русских Тарского Прииртышья в XVII–XVIII вв.: история и археология // Stratum plus. – 2019. – № 6. – С. 353–365.

Татаурова Л. В. <https://orcid.org/0000-0003-4829-7619>

Примечания

1. Палеозоологические определения в разные годы выполнены А. А. Бондаревым и сотрудниками Института экологии растений и животных УрО РАН: Н. Е. Бобковской, Т. В. Лобановой, Д. А. Явшевой.

*Работа выполнена по гранту РНФ №22-28-20179 «Тара и Тарский уезд на западносибирском фронтире Российского государства в XVI–XVIII вв.: история и археология», <https://rscf.ru/project/22-28-20179/> и гранта в форме субсидии, предоставленного из бюджета Омской области

К. Н. Тихомиров^{1,2}, М. Н. Тихомирова¹

*Россия, Омск, ¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Россия, Омск, ²Омский научный центр СО РАН*

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО И АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ТАТАР В ТАРСКОМ РАЙОНЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Работа написана на полевых этнографических и археологических материалах, полученных авторами летом 2019 г. в с. Большие Туралы и д. Малые Туралы Тарского района Омской области. В этих материалах содержится следующая информация: об обстоятельствах возникновения поселений, об их структуре, о жителях.

В результате археологического изучения культурного слоя данного поселения была локализована старая часть с. Большие Туралы, предварительно исследован культурный слой и получено небольшое число фрагментов предметов татарского быта ориентировочно конца XIX – первой половины XX вв.

Ключевые слова: этнография, археология, Среднее Прииртышье, татары, поселения, история, устные сведения, археологическая разведка, XIX – первая половина XX вв.

K. N. Tikhomirov^{1,2}, M. N. Tikhomirova¹

*Russia, Omsk, ¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Russia, Omsk, ²Omsk Scientific Center SB RAS*

SOME RESULTS OF THE ETHNOGRAPHICAL AND ARCHAEOLOGICAL SURVEY OF TATAR SETTLEMENTS IN THE TARA DISTRICT OF THE OMSK REGION

The work was written on the basis of field ethnographic and archaeological materials obtained by the authors in the summer of 2019 in the village Bolshie Turaly and the village of Malye Turaly Tara district Omsk region. These materials contain information: about the circumstances of the emergence of settlements, about their structure, about the inhabitants.

As a result of the archaeological study of the cultural layer of this settlement, the old part of the village was localized. Bolshie Turaly, the cultural layer was preliminarily studied and a small number of fragments of objects of Tatar everyday life were obtained approximately from the end of the 19th – the first half of the 20th century.

Keywords: ethnography, archeology, Middle Irtysh region, Tatars, settlements, history, oral information, archaeological exploration, 19th – first half of 20th centuries.

Сельские поселения западносибирских татар являются важной темой изучения, так как жизненное пространство данной этнической общности преимущественно формировалась на сельских территориях. В частности, на территории Омской области сеть прежде всего из сельских поселений с хозяйственными угодьями образует этническую территорию данной общности.

В исторических дисциплинах за годы изучения западносибирских татар сформировалась историография, освещающая разные аспекты изучения поселений, а также их систему расселения. История поселений и система расселения рассматривались в работах С. Н. Корусенко, С. С. Тихонова, Н. А. Томилова и др. [Корусенко, 2006; Тихонов, 2004; Томилов, 1996]. Некоторые поселенческие комплексы тарских татар, изучаемые этнографическими методами, представлены и проанализированы в работах Е. В. Титова, А. Г. Селезева и И. А. Селезневой и др. [Титов, 2007; Селезнев, Селезнева, Бельгибаев, 2006, с. 179–180, 243–246]. На территории Омской области в нижнем течении р. Тара и по р. Иртыш омскими археологами проводилось изучение археологическими методами поселенческих комплексов позднего Средневековья и Нового времени, соотносимых исследователями с сибирскими татарами и их предками [Герасимов, Здор, Корусенко, 2016, с. 140; Татауров, Тихонов, 2002; Бережнова и др., 2014, с. 138–139].

Однако изучению культурных слоев XIX – первой половины XX в. археологическими методами ныне действующих сельских поселений западносибирских татар или недавно разъехавшихся деревень уделялось мало внимания, так как этот период не входит в сферу интересов археологии. Отметим единичные работы на заброшенных поселениях К. Н. Тихомирова, В. А. Ерохина и др. [Бережнова и др., 2014, с. 139; Мельников, 1996; Тихомиров, 2009; Тихомиров, Тихомирова, 2021]. Исследование подобных комплексов, непрерывно функционировавших на протяжении длительного периода, позволяет получать прямую связь археологических и этнографических материалов, про-

следить трансформацию материальной культуры от традиционной к современной, реконструировать этнографо-археологические комплексы. Одним из таких комплексов можно признать с. Большие Туралы Тарского района Омской области, так как, согласно источникам и литературе, это довольно старое поселение, уже существовавшее во время создания Дозорной книги Тарского уезда 1701 г. (далее – ДК) [Дозорная книга..., 2021, с. 577–582; Корусенко, 2006, с. 41–42].

Целью этой работы является введение в научный оборот археологических и этнографических полевых материалов, полученных авторами летом 2019 г. в с. Большие Туралы и д. Малые Туралы Тарского района Омской области. Этнографические данные, изложенные в этой работе, дополняют сведения, собранные в данном кусте поселений участниками этнографической экспедиции ОмГУ в 2001 г. Они были проанализированы Е. В. Титовым в ряде научных работ [Титов, 2007]. Новизной данной работы являются материалы, полученные археологическими методами (шурфовкой) при изучении культурных слоев с. Большие Туралы, относимых к концу XIX – первой половине XX вв.

Выше мы уже писали, что с. Большие Туралы, как «деревня Туралинских юрт», впервые упоминаются в ДК, в которой описываются средства существования ее жителей, – служилых татар и их захребетников (обедневших сородичей, которые не вошли в состав служилых), а также одной семьи ясаших татар [Дозорная книга..., 2021, с. 577–582]. Информация о служилых татарах в какой-то степени подтверждается немногочисленными устными свидетельствами, которые мы собрали в ходе опросов жителей. Правда, остались не выяснены истоки знаний о служилых татарах (*туралинцах*) – являются ли они переосмыслением прочитанных книг и публицистики или сведениями, полученными как устная традиция. По мнению одного из местных жителей, здесь раньше «...жила знать. Они были служилые. Выходить замуж до 1900 г. в другие поселения не разрешалось, чтобы богатство не ушло». Поэтому в с. Большие Туралы существовали браки между троюродными и двоюродными родственниками [Тихомирова, П. О. Т-101, л. 11, 69]. Добавим, что жители других поселений, в частности, д. Сеитово, также рассказывали, что в окрестностях их деревни жили *туролинцы*, которые потом куда-то переселились. А сам термин, по их мнению, происходит от татарского слова «служить» <сообщение было получено К. Н. Тихомировым в 2014 г. от жителя д. Сеитова Р. Р. Агафурова. – Авт.>.

Согласно сведениям ДК, татары с. Большие Туралы владели в этом районе земельными угодьями «истари и по выписи 206 г.» <1698 г.> [Дозорная книга..., 2021, с. 581], то есть можно предположить, что данное поселение было здесь основано еще ранее.

Рис. 1. Старая школа в с. Большие Туралы. Ранее – бывшая мечеть. Здание было перестроено (убран минарет)

Зеленая и Интернациональная) считалось непригодным для проживания и стало застраиваться лишь после 1960 г. Основу застройки составили общественные здания (школа, клуб и т. д.) и усадьбы, построенные на свободных землях совхозом. В настоящее время часть домов на ул. Интернациональная пустуют, так как из-за обильных половодий с 2007, 2015–2016, 2019 гг. это место затоплялось. Поэтому часть домов на этой улице пустовала в 2019 г. Жители уезжали в расположенную неподалеку на высоком левом берегу р. Оша д. Малые Туралы или переселялись на другие улицы в с. Большие Туралы.

С. Большие Туралы (*Оллы Уыш*) расположено на левом берегу р. Иртыш в среднем течении его левого притока – р. Оша. Оно находится на террасе и частично в пойме правого берега р. Оша. Самая старая часть, по информации местных жителей, располагалась на террасе в районе современных улиц Туралинская и Габдуллы Тукая. В этом же районе располагается современное деревенское кладбище. Наиболее высокий участок террасы (ул. Мусы Джалиля и Центральная), по словам местных жителей, заселялся позднее. А самое низкое место в пойме (ул. Школьная, Береговая,

В неофициальных наименованиях частей поселения прослеживается, видимо, довольно распространенная, по материалам других деревень, черта в формировании их структуры. Группы родственников – кланы проживали рядом, поэтому улицы нередко имели названия, связанные с этими семьями. Так улицу Муса Джалиля называют *Цөлә*, так как на ней жило много представителей крупного клана Сулеймановых. Сейчас *Цөлә* называют также их родственников с другими фамилиями. По местным преданиям семья приехала из Казани. У родителей было шесть дочерей, от которых пошло шесть линий клана Сулеймановых [Тихомирова, П. О. Т-101, л. 1, об. 34]. На улице Габдуллы Тукая жило много Ураевых и эту улицу называли Ураевской (*Урайлар урам*) [Титов, 2007, с. 209; Тихомирова, П. О. Т-101, л. 33 об. – 34]. Также отметим, что в окрестностях села существует Ураевская грива (*Урай кыр*), названная так, потому что там были сенокосы и пашни этой семьи [Тихомирова, П. О. Т-101, л. 25 об., 76 об.]. По данным экспедиции ОмГУ 2001 г. Туралинскую улицу еще называли *Урталалар урам* (Серединная улица), а улицу Мусы Джалиля – *Канаваллар урам* [Титов, 2007, с. 209]. По нашим сведениям, был еще один местный топоним – *Аширляр*; возможно, так называли улицу Туралинскую [Тихомирова, П. О. Т-102, л. 4 об.].

Добавим, что более позднюю по появлению улицу Интернациональную жители называют *Шанхай*, потому что на этой улице жили представители разных народов, так как квартиры здесь давал совхоз [Там же, П. О. Т-102, л. 12 об.].

С целью выяснения перспективности дальнейших археологических исследований были проведены: обследование местности вокруг поселения, осмотр современного кладбища, жилого пространства поселения. В поселении, в нескольких местах, в том числе – и на самом высоком участке, – улице Туралинская – было произведено исследование культурного слоя, включая шурфовку и зондирование.

Рис. 2. Фрагменты тонкой керамики из культурного слоя с. Большие Туралы

вое здание мечети. Согласно источникам, мечеть в юртах Туралинских была и ранее – как минимум в 1868–1869 гг. [Списки населенных мест..., 1871, с. 101].

Судя по рассказам местных жителей, мечеть располагалась поперек правобережной террасы р. Оша и была на сваях, что подтверждает упомянутое фото. Обследование ее предполагаемого места расположения выявило ряд остатков деревянных столбов – частично под дерном, частично на поверхности. Они были расположены в ряд, поперек бровки террасы. Вероятно, это остатки свай, на которых стояла мечеть. Эта информация также совпадает с рассказом местных жителей о том, что сруб мечети ставили на чурки. По их мнению, бревна для здания возили зимой из-за Иртыша [Тихомирова, П. О. Т-102, л. 16 об.].

Недалеко от остатков свай был заложен шурф. Мощность культурного слоя, сильно насыщенного органикой, составила 1,35 м. В результате были обнаружены материалы конца XIX – начала XX в.:

В старой части на улице Туралинская в районе дома № 22, недалеко от бровки правобережной террасы р. Оша была произведена шурфовка. По сведениям местных жителей, в этом месте в прошлом располагалась старая мечеть, а потом в этом здании была школа, в которой учились некоторые жители села старшего возраста. Ее вид представлен на любительском фото, с которого нам позволили сделать копию (рис. 1). По рассказам местных жителей, здание было построено около 1916 г. [Там же, П. О. Т-102, л. 16 об.]. Если жители не ошибаются в дате постройки, то укажем, что это не пер-

вая и ранее – как минимум

обломки фаянсовой чашки с ручной росписью кобальтовой краской и покрытой над глазурью люстром с фрагментом печати: «...ныхЪ» (возможно Барминых) (рис. 2); железное кольцевидное стремя, восьмизубая острога ручной работы, стамеска, клещи, гаечные ключи, штукатурка и др. Еще были зафиксированы остатки крыльца здания.

Возвращаясь назад, к более ранней истории данного поселения, нужно сказать, что, согласно архивным документам, кроме ясачных татар, в районе данного поселения землями также владели бухарцы. До революции землепользование здесь осуществлялось в двух дачах (дача – от слова «давать»). Первая дача включала земельные владения ясачных татар и бухарцев. Вторая – отхожая дача Бухарской волости бухарцев семей Ахуновых и Зелеевых. Она принадлежала им с 1694 г. В последующем на ее землях было образовано второе поселение – Малые Туралы [ГИАОО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 230, л. 24–25].

По рассказам жителей с. Большие Туралы, сначала бухарцы (*сортлар*) жили рядом с современным кладбищем д. Большие Туралы, так как в деревне им не разрешали селиться. Их уголья были за р. Оша. По рассказам информаторов, с течением времени, рядом с их угольями стали селиться русские. Опасаясь потерять свои земли, бухарцы основали новое поселение на территории дачи [Тихомирова, П. О. Т-101, л. 47 об., 51 об. – 52]. Ориентировочно их переселение происходило около 1908 г. В источниках тех лет новое поселение называлось «юрты Ново-Туралинские» [Андроников, 1911, с. 361]. Новое поселение было основано в 2 км от Туралинских юрт на левом берегу р. Оша на гриве «Домашняя». На ней же располагается современное кладбище деревни.

Среди жителей д. Малые Туралы старожилами с бухарскими корнями считаются семьи Ахуновых, Айтыкиных, Курмановых, Башировых, Шугуровых. По рассказам, часть из них занималась торговлей [Тихомирова П. О. Т-101, л. 48, 51 об., 58 об.].

Еще из примечательных мест в данном кусте поселений отметим могильник, расположенный на гриве в пойме р. Оша, в ее меандре между Большими и Малыми Туралами. По устной информации, впервые этот могильник был обследован М. А. Корусенко.

Жители называют это место *Оргац авыл*. Его считают старым кладбищем, на котором хоронили умерших. Рассказывают, что оно когда-то было огорожено изгородью. Те жители, которые знают, что в этом месте было кладбище, стараются не собирать ягоды боярышника, произрастающего там в большом количестве. Также они негативно относятся к тому, что современная дорога была проложена по территории этого некрополя [Там же, П. О. Т-101, л. 28, 46 об.; Т-102, л. 17 об.].

Итак, в данной работе авторами были собрана и проанализирована информация, касающаяся следующих вопросов: обстоятельства возникновения д. Малые Туралы, планировка с. Большие Туралы, семейные истории жителей поселений. Также археологическими методами была локализована старая часть с. Большие Туралы, предварительно исследован культурный слой и получено небольшое число фрагментов предметов татарского быта ориентировочно конца XIX – первой половины XX вв. Вообще, изучение этого периода археологическими методами дает конкретный вещественный материал, который дополняет знания по локальной истории указанного периода, так как обычно история отдельных поселений недостаточно представлена в архивных документах и обрывочно сохраняется в памяти жителей.

Список источников и литературы

Андроников И. А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии: исследование чиновника особых поручений при Переселенческом управлении И. А. Андроникова (при участии чинов Тобольской переселенческой организации В. М. Егорова, К. К. Иванова, М. К. Колпакова и др.). – Тобольск : Губернская тип., 1911. – 395 с.

Бережнова М. Л., Корусенко С. Н., Матвеев А. В., Татауров С. Ф., Татаурова Л. В., Тихомиров К. Н., Тихонов С. С., Томилов Н. А. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этносы, источники. – Омск : Издательский дом «Наука», 2014. – 192 с. – (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума ; т. 13).

Герасимов Ю. В., Здор М. Ю., Корусенко М. А. К изучению адаптационных стратегий коренного населения Тарского Прииртышья (на основе материалов раскопок и разведок сезонных поселений) // Вестн. Ом. ун-та. – Сер.: «Исторические науки». – 2016. – № 3 (11). – С. 135–141.

ГИАОО. – Ф. 183. – Оп. 1. – Д. 230.

Дозорная книга Тарского уезда 1701 года : в 3 т. – Омск : Издательский дом «Наука», 2021. – Т. 1. Текст. – 656 с.

Корусенко С. Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках. – Омск : Издательский дом «Наука», 2006. – 218 с.

- Мельников Б. В.* Поселение Бергамак III (предварительное сообщение) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1. Культура тарских татар. – С. 84–91.
- Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Бельгибаев Е. А.* Мир таежных культур юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). – Омск : Издательский дом «Наука», 2006. – 260 с.
- Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. – СПб. : Изд. Центрального стат. ком-та МВД, 1871. – Вып. 60 : Тобольская губерния... по сведениям 1868–1869 гг. – 196 с.
- Татауров С. Ф., Тихонов С. С.* Тарское Прииртышье в XIV–XVI вв. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 2002. – Т. 5. – С. 122–133.
- Титов Е. В.* Поселенческий комплекс татар Тарского Прииртышья Большие Туралы // История и культура Сибири : сб. науч. тр. – Омск, 2007. – С. 205–218.
- Тихомиров К. Н.* Поселения XIX–XX веков в Среднем Прииртышье как объект этнографо-археологических исследований // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2009. – Т. 9. – С. 256–264.
- Тихомиров К. Н., Тихомирова М. Н.* Освоения территорий Среднего Прииртышья татарами в XVIII – начале XX века (по материалам археологических исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2021. – Т. XXVII. – С. 685–689.
- Тихомирова М. Н.* П. О. Т-101, Т-102. С. Большие Туралы, д. Малые Туралы Тарского района Омской области, 2019 г.
- Тихонов С. С.* Расселение сибирских татар и русских в Среднем Прииртышье в первой трети XVIII в. (по материалам Г.Ф. Миллера) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2004. – Т. 8. – С. 200–233.
- Томилов Н. А.* Поселения тарских татар бассейна Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1. Культура тарских татар. – С. 188–197.

Тихомиров К. Н. <https://orcid.org/0000-0003-1159-1603>

Тихомирова М. Н. <https://orcid.org/0000-0001-8271-8451>

**А. А. Ткачев¹, Ал. Ал. Ткачев², К. Г. Гюрджоян²,
М. О. Филатова³, М. В. Уткин³**

*Россия, Тюмень, ¹Тюменский научный центр СО РАН
Россия, Тюмень, ²Тюменский государственный университет
Россия, Новосибирск, ³Институт археологии и этнографии СО РАН*

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ДАТИРОВАНИЕ РАННЕХРИСТИАНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ТАЗОВСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

В результате археологических работ на территории Тазовского района ЯНАО был открыт новый археологический объект: могильник Нум-хибья-сихэри (НХС) VIa. При раскопках памятника было выявлено большое количество археологической древесины высокой степени сохранности, что дало возможность провести дендрохронологический анализ, позволяющий определить время заготовки древесины для сооружения данных археологических объектов с точностью до года / сезона.

В результате дендрохронологического анализа было установлено, что: могила 2-го памятника НХС VIa датируется не ранее 1840-х гг.; могила 4-го памятника НХС VIa – не ранее 1909 г.; могила 5-го памятника НХС VIa датируется 1890–1900 гг.; могила 7-го памятника НХС VIa – не ранее второй половины XVIII в.; могила 9-го памятника НХС VIa – не ранее второй четверти XIX в.

Данная работа вносит вклад в решение научной проблемы, связанной с хронологическими рамками функционирования могильника Нум-хибья-сихэри VIa, а также подготавливает базу для дальнейших исследований, связанных с анализом особенностей погребального обряда и вещевого инвентаря, найденного в них.

Ключевые слова: археология, дендрохронология, христианские погребения, Тазовский район ЯНАО.

**A. A. Tkachev¹, Al. Al. Tkachev², K. G. Gyurdzhoyan²,
M. O. Filatova³, M. V. Utkin³**

*Russia, Tyumen, ¹Tyumen Scientific Centre SB RAS
Russia, Tyumen, ²Tyumen State University
Russia, Novosibirsk, ³Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS*

DENDROCHRONOLOGICAL DATING OF EARLY CHRISTIAN BURIALS IN THE TAZ ARCTIC: PRELIMINARY DATA

As a result of archeological work on the territory of the Tazovsky District of the YNAO, it was discovered the new archaeological object: the burial ground of Num-khibia-sikheri (NKhS) VIa. During the excavations it was revealed a large amount of archaeological timber of a high degree of preservation, which made possible to carry out a dendrochronological analysis in order to determine the time of timber harvesting for the construction of these archaeological sites with an accuracy of a year / season.

The conducted analysis showed that: grave 2 of the NKhS VIa burial ground is dated no earlier than the 1840s; Grave 4 of the NKhS VIa – not earlier than 1909; Grave 5 of the NKhS VIa burial is dated between 1890–1900s; Grave 7 of the NKhS VIa burial – not earlier than the 2nd half of the 18th century; Grave 9 of the NKhS VIa – not earlier than the second quarter of the 19th century.

This paper contributes to the solution of the scientific problem associated with the chronological framework of Num-khibia-sikheri VIa burial ground's functioning, and also prepares the basis for further research related to the analysis of the funeral rite's features and the items found in them.

Keywords: archeology, dendrochronology, christian burials, Tazovsky district of YaNAO.

Одной из фундаментальных проблем современной археологии является датирование найденных объектов. Наличие привязанной к календарным датам хронологии позволяет делать выводы о формировании и изменении материальной культуры, тем самым – об эволюции социальных отношений [Клейн, 2015, с. 11].

Для определения точного календарного возраста археологической древесины активно применяется широкий спектр различных естественно-научных методов (радиоуглеродный, археомагнитный, термолюминесцентный, спорово-пыльцевой и др.), однако, в связи с имеющимися ограничениями, получаемые календарные датировки располагаются в довольно широком временном интервале [Вагнер, 2006, с. 28–33]. В этом случае при наличии на памятнике хорошо сохранившейся дре-

веса существует возможность провести дендрохронологический анализ, который позволяет определить время сооружения археологических памятников (заготовки древесины) с точностью до года / сезона [Шиятов и др., 2000, с. 7].

Археологические исследования в крайних северных широтах, как правило, довольно немногочисленны, а полномасштабные раскопки поселений и могильных комплексов – редкость. Небольшое количество памятников, раскопанных на севере Западной Сибири, определяет большое значение каждого нового археологического комплекса для изучения древней истории арктических и субарктических регионов [Косинская, Федорова, 1994].

В ходе проведенных в 2016 г. поисково-разведочных работ на территории Мамеевского археологического микрорайона открыто поселение Нум-хибья-сихэри VI, расположенное в 12,5 км юго-восточнее поселка Тазовский Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО). В 2017 г. в центральной части мысовидной площадки был заложен раскоп, в котором были частично изучены позднесредневековая наземная постройка и 3 погребальных конструкции, выделенные в отдельный археологический объект, – могильник Нум-хибья-сихэри VIa. Предварительный анализ погребальной обрядности могильника с принципами захоронений умерших у коренных народов Севера показал их наиболее близкое сходство с погребальными обрядами селькупов, проживавших в XVIII–XX вв. в верховьях р. Таз и периодически проникавших на территорию Тазовского Заполярья с мест своего постоянного обитания [Ткачев, 2018, с. 239–242]. Ранний этап христианизации маркирует появление крестов-тельников в захоронениях коренных народов Сибири [Боброва, 2004, с. 107–115]. Работы были продолжены в 2018 г. Всего на территории могильника изучено 8 могил, соотносимых с захоронениями селькупской группы.

Особенности погребальной обрядности свидетельствуют о захоронении детей в весенне-летний период, когда на деревьях уже распускались листья, использовавшиеся в погребальном обряде для посыпания умерших. Могильные конструкции сооружались из бревен и досок лиственницы, которые, вероятно, доставлялись из отдаленных южных районов, скорее всего, с верховий р. Таз, так как в пределах заполярной тундры деревья подобного размера и диаметра не встречаются. Кроме того, перед захоронением верхняя часть земли была еще промерзшей, и люди, чтобы выкопать могильные ямы, вынуждены были ее оттаивать с помощью поверхностных костров. После создания внутри могильных деревянных конструкций и размещения в них погребенных, внутреннее пространство ям перекрывали толстыми, плотно подогнанными лиственничными досками. В ногах или в области таза с левой стороны устанавливался поминальный столб, возможно, с перекрестьем – столб-крест. Верхняя часть ямы поверх перекрытия засыпалась землей, смешанной с древесными углями, образовавшимися при оттаивании земли и подготовки ямы к захоронению.

Для проведения дендрохронологического анализа было отобрано в общей сложности 38 образцов археологической древесины, которые в 2021 году были обработаны в лаборатории естественно-научных исследований в археологии «PaleoData» ИАЭТ СО РАН. Древесно-кольцевой анализ образцов был проведен по стандартной методике [Мыглан, Жарников, 2014, с. 112–117].

В лабораторных условиях все древесные спилы были отшлифованы и зачищены, а также обработаны специальным составом для повышения контрастности границы колец. Измерение ширины древесных колец производилось на полуавтоматической установке «Lintab», с точностью 0.01 мм. Для сравнения полученных древесно-кольцевых рядов был применен метод перекрестной датировки с помощью визуального сопоставления кривых изменчивости радиального прироста в программном пакете «TSAPsystemV3.5», а также кросс-корреляционного анализа в специализированном программном пакете DPL [Holmes, 1983, p. 69–78]. Время формирования каждого годичного кольца и выявление выпавших колец определялось графически перекрестной датировкой, а затем проверялось с помощью программы COFESHA. Затем все хронологии были стандартизированы сплайном в 2/3 от длины каждой серии в программе ARSTAN [Cook, Krusic, 2008].

До этапа измерения ширины годичных колец из коллекции были удалены образцы с очень плохой сохранностью (10 образцов), а также образцы, содержащие менее 10 колец (4 образца). Таким образом, успешные древесно-кольцевые серии были созданы для 24 образцов, однако, в конечном итоге, лишь 18 из них успешно прошли процедуру перекрестной датировки и сведения. Общий коэффициент корреляции для собранных в хронологию древесно-кольцевых серий – 0.66.

Таблица 1. Общая характеристика образцов из археологических памятников Нум-хибья-сихэри VI и VIa

№	Лабораторный №	Кол-во лет	п. к.	пр. к.	R	Примечание	Место отбора образца	Тип
Нум-хибья-сихэри VI могила 4								
1	nhs12	53	1760	1812	0,431	отсутствует более 10 периферийных колец	фрагмент могильной конструкции	плаха
2	nhs24	208	1679	1886	0,627	отсутствует более 10 периферийных колец	бревна перекрытия над могилой	бревно
3	nhs47	67	1734	1800	0,369	отсутствует более 10 периферийных колец	фрагмент могильной конструкции	плаха
4	nhs49	88	1809	1896	0,672	отсутствует менее 10 периферийных колец	фрагмент могильной конструкции	плаха
5	nhs50	99	1811	1909	0,672	подкорковое кольцо	фрагмент могильной конструкции	плаха
6	nhs51	92	1817	1908	0,698	отсутствует менее 10 периферийных колец	фрагмент могильной конструкции	плаха
Нум-хибья-сихэри VI могила 5								
7	nhs06	67	1827	1893	0,763	отсутствует менее 10 периферийных колец	фрагмент могильной конструкции	доска
Нум-хибья-сихэри VI могила 7								
8	nhs9	57	1684	1740	0,793	отсутствует более 10 периферийных колец	ящик	плаха
Нум-хибья-сихэри VIa могила 2								
9	nhs29	84	1756	1839	0,753	отсутствует менее 10 периферийных колец	фрагмент могильной конструкции	бревно
10	nhs30	64	1753	1816	0,852	отсутствует более 10 периферийных колец	фрагмент могильной конструкции	бревно
11	nhs31	72	1758	1829	0,784	отсутствует более 10 периферийных колец	фрагмент могильной конструкции	бревно
12	nhs33	47	1771	1817	0,852	отсутствует более 10 периферийных колец	фрагмент могильной конструкции	бревно
Нум-хибья-сихэри VIa могила 3								
13	nhs14	236	1639	1874	0,565	отсутствует более 10 периферийных колец	фрагмент могильной конструкции	бревно
Нум-хибья-сихэри VIa могила 4								
14	nhs15a	42	1769	1810	0,724	отсутствует менее 10 периферийных колец	фрагмент могильной конструкции	бревно
15	nhs15b	72	1756	1827	0,806	отсутствует менее 10 периферийных колец	фрагмент могильной конструкции	бревно
16	nhs52	113	1788	1900	0,606	подкорковое кольцо	жертвенный столб	бревно
Нум-хибья-сихэри VIa могила 9								
17	nhs34	63	1753	1815	0,44	отсутствует более 10 периферийных колец	фрагмент могильной конструкции	плаха

Примечание: п. к. – год формирования первого кольца на образце; пр. к. – год формирования периферийного кольца; R – межсерийный коэффициент корреляции стандартизированных серий прироста.

Полученные результаты дендрохронологического исследования материалов с памятника Нум-хибья-сихэри VIa (табл. 1):

Нум-хибья-сихэри VIa, могила 2:

Из 6 образцов датировалось 4. Среднее значение межсерийного коэффициента корреляции составило 0.81. Время формирования самых поздних периферийных колец на образцах приходится на 1839 г. Учитывая, что на образцах отсутствует несколько периферийных колец, можно предположить, что древесина для изготовления гроба была заготовлена в 1840-е гг.

Нум-хибья-сихэри VIa, могила 3:

Из 3 образцов датирован один. Среднее значение межсерийного коэффициента корреляции – 0.56. Исходя из времени формирования даты последнего периферийного кольца, можно предположить, что древесина для изготовления гроба была изготовлена не ранее 1874 г.

Нум-хибья-сихэри VIa, могила 4:

Из 13 образцов успешно датировалось 6. Среднее значение межсерийного коэффициента корреляции составило 0.58. Время формирования поздних дат периферийных колец приходится на 1908 и 1909 гг. В этом случае, исходя из наиболее поздней даты периферийного кольца, можно предположить, что древесина для изготовления гроба была изготовлена не ранее 1909 г.

Нум-хибья-сихэри VIa, могила 5:

Из 3 образцов датировался один. Значение межсерийного коэффициента корреляции – 0.76. Время формирования последнего периферийного кольца приходится на 1893 г., однако на образце отсутствует несколько внешних колец, из чего можно предположить, что древесина для изготовления гроба была заготовлена в последнее десятилетие XIX – первое десятилетие XX вв.

Нум-хибья-сихэри VIa, могила 7:

Успешно датирован 1 образец, коэффициент корреляции которого составил 0.79. Время формирования периферийного кольца приходится на 1740 г. Учитывая, что на периферийной части образца отсутствует более 10 годичных колец, это не позволяет датировать его с точностью до года. Исходя из данного факта, можно предположить, что древесина для изготовления гроба была изготовлена не ранее второй половины XVIII в.

Нум-хибья-сихэри VIa, могила 8:

Из 4 образцов не датировался ни один. Дата заготовки древесины для создания могилы остается неизвестной.

Нум-хибья-сихэри VIa, могила 9:

Успешно датирован 1 образец, коэффициент корреляции которого составил 0.44. Время формирования последнего периферийного кольца приходится на 1815 г., однако на образце отсутствует более 10 внешних колец, из чего можно предположить, что древесина для изготовления гроба была заготовлена не ранее второй четверти XIX в.

Проведенный анализ подтверждает ранее выдвинутые хронологические рамки функционирования данных памятников, а также дает конкретные даты для практически каждой из могил, которые могут существенно облегчить дальнейшее изучение особенностей погребального обряда и вещевого инвентаря раннехристианских захоронений севера Западной Сибири.

Список источников и литературы

Боброва А. И. Нательные кресты с Тискинского могильника // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2004. – № 4 (20). – С. 107–115.

Вагнер Г. А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. – М. : Техносфера, 2006. – 575 с.

Клейн Л. С. Время в археологии. – СПб. : Евразия, 2015. – 383 с.

Косинская Л. Л., Федорова Н. В. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. – Екатеринбург : УрО РАН, 1994. – 113 с.

Мыглан В. С., Жарников З. Ю. Датирование исторических памятников Сибири дендрохронологическим методом. Методический аспект // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. I. – С. 112–117.

Ткачев А. А. К вопросу о культурной принадлежности детских захоронений могильника Нум-хибья-сихэри VIa // Человек и Север: антропология, археология, экология : материалы Всерос. науч. конф. – Тюмень, 2018. – Вып. 4. – С. 239–242.

Шиятов С. Г., Ваганов Е. А., Кирдянов А. В., Круглов В. Б., Мазена В.С., Наурзбаев М. М., Хантемиров Р. М. Методы дендрохронологии. Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации : учебно-методическое пособие. – Красноярск : Красноярский гос. ун-т, 2000. – Ч. I. – 80 с.

Cook R., Krusic P. J. A Tree-Ring Standardization Program Based on Detrending and Autoregressive Time Series Modeling, with Interactive Graphics (ARSTAN) [Электронный ресурс] // Columbia Climate School. Lamont-Doherty Earth Observatory: [сайт]. – URL: <http://www.ldeo.columbia.edu/treering-laboratory/resources/software> – 2008 (дата обращения: 01.02.2022). (на англ. яз.).

Holmes R. L. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement // TreeRing bulletin. – 1983. – Vol. 44. – P. 69–78. (на англ. яз.).

Ткачев А. А. <https://orcid.org/0000-0002-4072-2724>

Ткачев Ал. Ал. <https://orcid.org/0000-0001-8797-0648>

Гюрджоян К. Г. <https://orcid.org/0000-0002-2662-727X>

Филатова М. О. <https://orcid.org/0000-0001-5828-4809>

Уткин М. В. <https://orcid.org/0000-0003-2603-7728>

Е. К. Тушева

Казахстан, Павлодар, Margulan Centre Павлодарского педагогического университета

К ВОПРОСУ ГЕНЕЗИСА ОДНОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ В ОЛЕНТИНСКО–ШИДЕРТИНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Автором статьи ставится вопрос о вотивном происхождении одного из местонахождений каменных орудий эпохи энеолита Северо-Восточной Сарыарки в междуречье Оленты и Шидерты, топографически расположенном на естественной возвышенности окружающего историко-культурного ландшафта. Традиционно топография памятников каменного века связана с наличием водных источников, удобными укрытиями либо выходами сырьевых каменных пород; изученное местонахождение выделяется из данной системы как по своей топографии, так и сырьем для производства каменных орудий. Косвенно о вотивной функции данного местонахождения свидетельствует также крайне малый компонент готовых орудий со следами утилизации, что зафиксировано методом трасологического анализа.

Ключевые слова: энеолит, Северо-Восточный Казахстан, Сарыарка, каменные орудия, трасология, топография.

E. K. Tusheva

Kazakhstan, Pavlodar, Margulan Centre of Pavlodar Pedagogical University

TO THE QUESTION OF THE GENESIS OF ONE LOCATION OF STONE TOOLS IN THE OLENTY–SHIDERTY INTERFLUVE

The author of the article raises the question of the votive origin of one of the locations of stone tools of the Eneolithic age of the North-eastern Saryarka in the interfluve of Olenty and Shiderty topographically located on the natural elevation of the surrounding historical and cultural landscape. Traditionally, the topography of Stone Age monuments is associated with the presence of water sources, convenient shelters or exits of raw stone rocks, the studied location stands out from this system both in its topography and raw materials for the production of stone tools. Indirectly, the votive function of this location is also evidenced by an extremely small component of finished tools with traces of use, which is recorded by the method of traceological analysis.

Keywords: Neolithic, North-Eastern Kazakhstan, Saryarka, stone tools, traceology, topography.

В ходе мониторинга земельного участка, отведенного под производственные нужды медного рудника открытого типа в Торткудукском сельском округе Павлодарской области в 2020 г. отрядом Иртышской экспедиции под руководством Т. Н. Смагулова и автора был зафиксирован и обследован ряд археологических объектов, относящихся к периоду от эпохи камня до XVIII–XIX вв. н. э. Территория обследования располагалась в междуречье двух крупных для северо-западной Сарыарки речных систем – Оленты и Шидерты, на участке между двумя озерными котловинами горько-соленых озер Бозшаколь и Карасор, преимущественно по территории прилегающей к ныне пересохшему руслу р. Темирастау, некогда питавшей озеро Карасор. В ландшафтном плане указанный участок представляет собой сильно уплощенную долину, пересекаемую тянущимися с севера на юг грядами слабозадренованных каменных сопков, высота которых в некоторых местах достигает более 250 м над уровнем моря; они ощутимо выступают в окружающем ландшафте. Вся обследованная территория покрыта сетью сезонных пересыхающих стоковых потоков и пересыхающих озер (соров) и в настоящее время покрыта полынно-типчачковой растительностью.

На обследованной территории выявлено 5 новых погребальных объектов, представленных курганными могильниками и 1 местонахождение каменных орудий; все они приурочены к вершинам, либо хребтам сопков.

Местонахождение каменных орудий Темирастау 4 (N51°49'16,79"; E74°09'25,28") расположено аналогичным образом, на наивысшей точке окружающего ландшафта, представленной сдвоенной вершиной сопочных хребтов, на высоте 251–255 м над уровнем моря; для сравнения – высотное падение в западном, южном и северном направлениях составляет порядка 10 м (до 246–244 м над уровнем моря), и лишь в восточном направлении идет постепенное повышение средних высот до 270 м над уровнем моря.

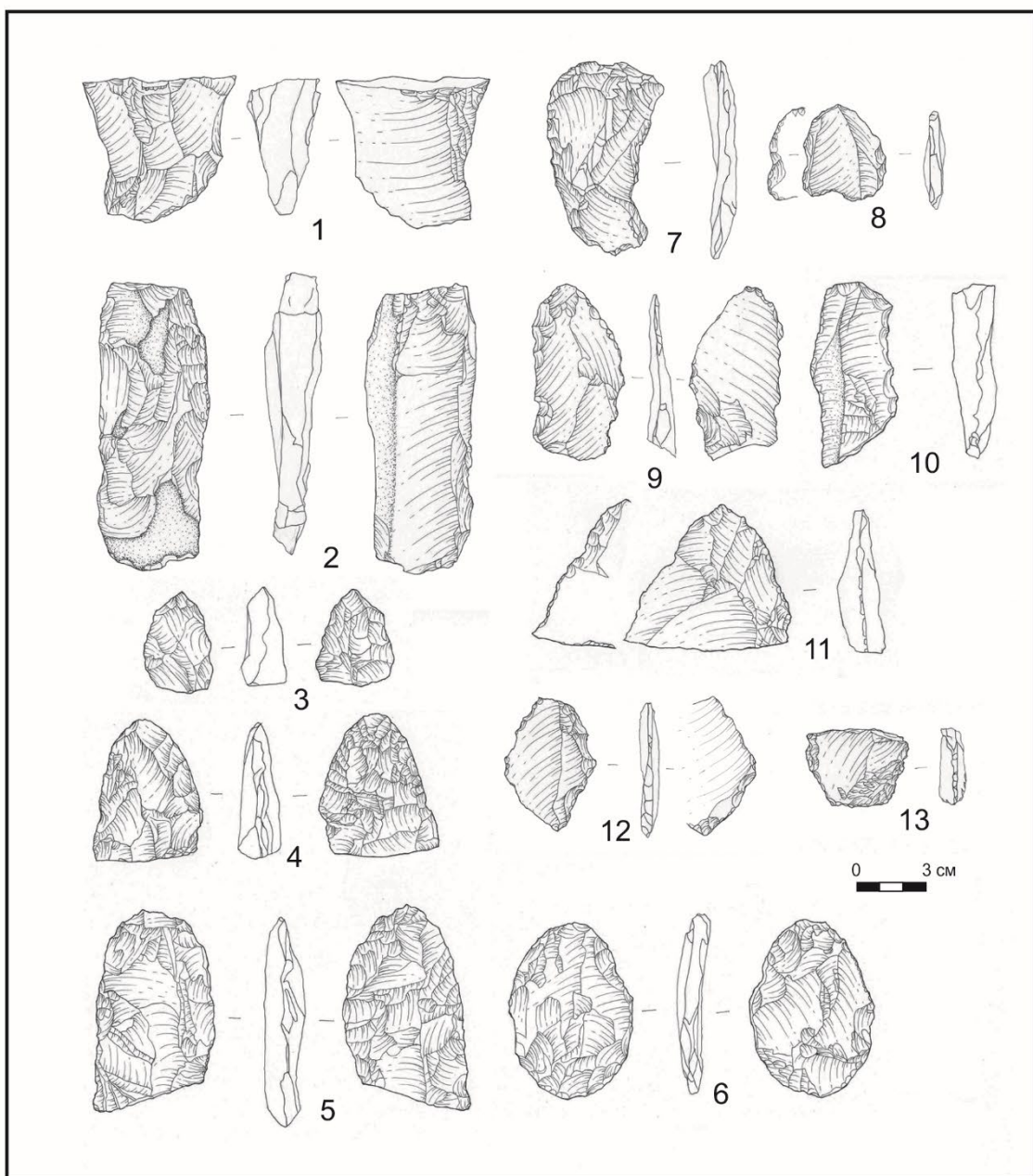
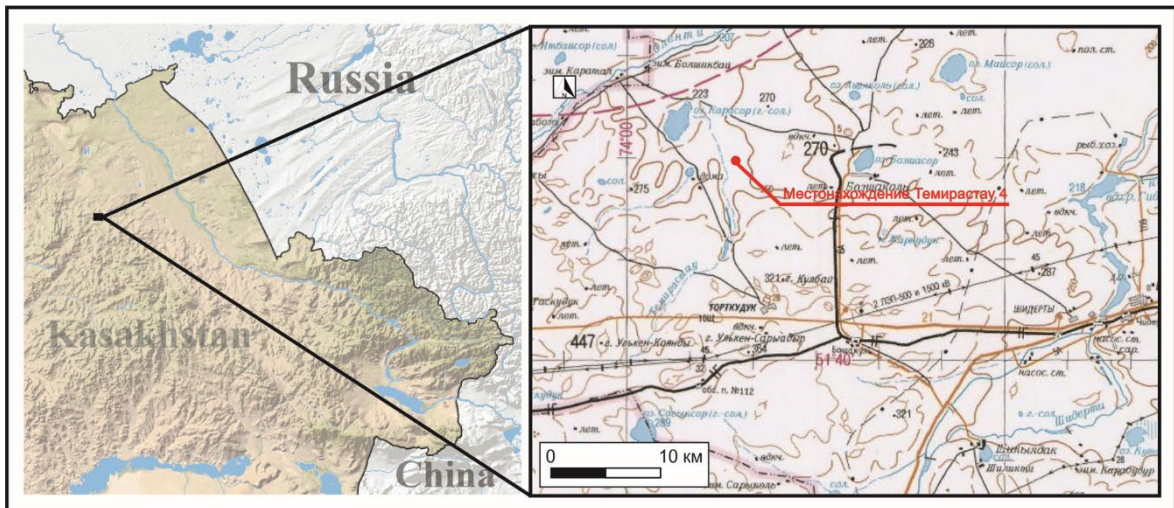

Рис. 1. Расположение и каменный инвентарь местонахождения Темирастау 4. 1 – скол с нуклеуса; 2 – долотовидное орудие; 3-6 – бифасы; 7-13 – скребла и скребки

Местонахождение представляет собой памятник открытого типа, без сколько-нибудь визуализированных почвенных напластований. Артефакты располагались очень кучно на уплощенной вершине этой возвышенности, на площади 84 кв. м; в ходе обследования местонахождения зафиксировано небольшое «стекание» культурного слоя в виде мелкого размера технологических отходов расщепления на расстояние 5–7 м вниз по склону. Вся площадка была устлана большим количеством технологических отходов в виде обломков, сколов, крупного и среднего размера отщепов, чешуек. Среди них небольшой процент (12,8 %) составляют готовые орудия, оставшуюся часть – их фрагменты и производственный брак. В сырьевом качестве собранная коллекция однородна и представлена материалом из плотного полосчатого аргиллита темно-вишневого, зеленовато-серого и темно-серого цветов (рис. 1).

Коллекция каменных артефактов, собранных в пределах данного местонахождения, исследовалась с помощью сравнительно-типологического анализа и трасологическим методом на предмет функционального использования последних. Каменная индустрия представлена следующими категориями инвентаря: среди инвентаря присутствует отщеп, по-видимому с нуклеуса, плоскостного типа, который имеет уплощенную форму и участок ударной площадки, однако, характер снятий на его поверхности указывает на деградацию техники расщепления камня, так как последнее характеризуется производством широких отщепов с аморфными краями с большим количеством заломов. Негативы отщепов расходятся радиально от ударной площадки, что подтверждает использование при раскалывании твердого отбойника без посредника. Данное наблюдение во многом объясняет большое количество обломков, отщепов и прочих отходов камнеобрабатывающего производства без следов использования.

Бифасы представлены как целыми экземплярами, так и их фрагментами; имеют симметричную листовидную форму, за исключением одного изделия. Данное долотовидное орудие имеет клиновидную форму, выделенный обух и приостренную рабочую часть. Прямоугольно-клиновидная форма изделия сформирована серией перпендикулярных продольной оси предмета, уплощающих снятий с дорсальной стороны; противоположная плоскость имеет следы аналогичного процесса обработки в области обуха и рабочей части. По продольным краям расположены мелкие фасетки ретуши, наносимые с целью подправки формы орудия; все они имеют сильную заполировку и сглаженность. Рабочий край орудия, по-видимому, подламывался в ходе использования и на сохранившейся части имеет следы приостряющей ретуши. Все бифасы коллекции обработаны в единой технике, имеют достаточно ровные ретушированные края. Функциональное определение данных изделий в силу слабого утилизационного износа не представляется возможным, что относит их к полифункциональным изделиям в качестве ножей, скребел, микроскребок.

Орудия на отщепах представлены боковыми скреблами и скребками поперечным, конвергентным или с противоположающимися в разных плоскостях рабочими краями. Первая категория скребел изготовлена на пластинчатых отщепах и не имеет следов обработки на вентральной части; вторая категория отличается большим разнообразием, продольные части отщепов покрыты нерегулярной ретушью; зафиксировано два варианта оформления рабочей части: конвергентный и дивергентный, в первом случае – ретушь приостряющая, во втором – притупляющая под углом в 75–85°. В первом случае скребок имеет еще один рабочий край на вентральной стороне в месте своего наибольшего утолщения, оформленной аналогично приостряющей ретушью. Ближайшие аналогии данной коллекции встречаются в материалах поселения Шокпартас [Варфоломеев, Мерц, Мерц, 2021, с. 37–40, рис. 2–3], стоянки Экибастуз – 17 [Мерц, 2005, с. 136–138] и в энеолитическом слое многослойной стоянки Шидерты – 3 [Мерц, 2002, с. 98–100], а также других энеолитических памятниках Северного Казахстана [Калиева, Логвин, 1997; Зайберт, 1993, 2009], что позволяет датировать данное местонахождение в пределах второй половины VI – рубежа VI–III тысячелетий до н. э.

Безусловно, на качество и характер обработки изделий оказал влияние выбор более плотного сырья, из которого изготавливались орудия. Использование данной породы не характерно для изготовления орудий в среде местных неолитических и энеолитических племен; многолетние исследования на Шидертинском, Экибастузском, Бозшакольском [Байпаков и др., 2010, с. 62–63] и ряде других археологических комплексов показывают использование более «популярных» сырьевых баз с выходами серого палеогенового кварцита, желтого и красного яшмокварцита и др., с более однородной и менее плотной структурой, отличающихся от неолитического времени только менее качественным отбором заготовок с прожилками кварцевых включений или трещиноватых конгломератов.

Как следует из всего вышесказанного, набор орудий данного местонахождения имеет сугубо охотничье-промысловый характер, однако в коллекции полностью отсутствуют характерные для этого времени наконечники стрел. Все орудия представлены набором, использующимся для разделки

и переработки продуктов охотничьей деятельности – разделки туш и обработки шкур. Возникает вопрос о целесообразности нахождения данного набора на вершине каменной сопки, куда данное сырье было доставлено для изготовления орудий из озерных котловин, расположенных за 10,8 км к северо-западу. По всей видимости, это результат процесса адаптации охотников энеолита к окружающей ландшафтной среде.

Эти места характеризуются широкой обзорностью окружающей территории, они крайне удобны для ведения наблюдения за стадами диких промысловых животных, пасущихся и приходящих отдыхать в небольшие кустарниковые заросли на обширной равнине вдоль течения реки, простирающейся у подножия этой возвышенности. На местонахождении не выявлены следы добычи камня для его расщепления, не фиксируется следов активной хозяйственной деятельности, нет близко расположенных водных источников или укрытия. Таким образом, это специфическое местонахождение каменных орудий стоит рассматривать с точки зрения памятника, оставленного группой охотников в процессе преследования добычи, не исключая его вотивной функции. Однако, обе точки зрения требуют дальнейшего исследования, что связано напрямую с крайне малой изученностью энеолита Северо-Восточной Сарыарки.

Список источников и литературы

Байтаков К. М., Воякин Д. А., Амиров Е. Ш., Мерц В. К., Сорокин Д. В. Научный отчет AR-12/57 о выполненных научно-исследовательских работах на памятниках археологии. Основной раздел. – Павлодарская область, Экибастузский район, пос. Торткудук, 2010. – Т. 1. – 100 с.

Варфоломеев В. В., Мерц В. К., Мерц И. В. Шокпартас – новый энеолитический памятник Центральной Сарыарки // Вестн. Евразийского нац. ун-та им. Л. Н. Гумилева. – Сер.: «Исторические науки. Философия. Религиоведение». – 2021. – № 1 (134). – С. 36–48.

Зайберт В. Ф. Ботайская культура. – Алматы : КазАқпарат, 2009. – 576 с.

Зайберт В. Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск : Наука, 1993. – 244 с.

Калиева С. С., Логвин В. Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. – Костанай : АО Кустанайский печатный двор, 1997. – 180 с.

Мерц В. К. Охранные раскопки стоянки Экибастуз 17 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая : сб. науч. ст. – Барнаул, 2005. – Вып. XIV. – С. 131–138.

Мерц В. К. Погребение каменного века и энеолитический комплекс стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья : сб. ст. – Павлодар, 2002. – Вып. 1. – С. 75–102.

Тушева Е. К. <https://orcid.org/0000-0003-1866-2574>

О. А. Федорук

Барнаул, Алтайский государственный университет

**КЕРАМИКА РУССКОГО ПЕРИОДА С ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
(ОПЫТ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ)**

В статье производится обобщение результатов технико-технологического анализа русской керамики, происходящей из девяти как существующих, так и ныне исчезнувших сел Алтайского края. Установлено, что большинство сосудов из исследованных коллекций было изготовлено из среднежелезистых пластичных глин. Выявлено четыре различных рецепта формовочных масс. Получены сведения о способах обжига керамических изделий и их дополнительной (защитно-декоративной) обработке.

Ключевые слова: гончарство, русская керамика, технико-технологический анализ, Алтайский край.

O. A. Fedoruk

Barnaul, Altai State University

**CERAMICS OF THE RUSSIAN PERIOD FROM THE TERRITORY
OF THE ALTAI TERRITORY
(EXPERIENCE OF TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL STUDY)**

The article summarizes the results of a technical and technological analysis of Russian ceramics originating from nine existing and now disappeared villages in the Altai Territory. It has been established that most of the vessels from the studied collections were made of medium-ferrous plastic clays. Four different recipes for molding masses have been identified. Also it was obtained information about the methods of firing ceramic products and their additional (protective and decorative) processing.

Keywords: pottery, Russian ceramics, technical and technological analysis, Altai Territory.

При проведении археологических исследований на территории Алтайского края довольно часто специалистами обнаруживаются фрагменты керамической посуды XVIII – первой половины XX вв. Традиционно эта категория находок именуется «русской» керамикой. Так сложилось, что в силу ряда причин, для исследователей древней истории региона, эта категория находок не представляет особого интереса и зачастую игнорируется при проведении дальнейших научных изысканий. Вместе с тем, наряду с древней керамикой, «русская» посуда является важным историческим источником, способным дать информацию о традициях населения, его контактах, миграциях и особенностях хозяйствования.

В 2020–2022 годах автором был выполнен технико-технологический анализ коллекции «русской» керамики, происходящей со сборов в различных населенных пунктах Алтайского края [Федорук и др., 2020; Федорук, Головченко, 2021; Федорук, Федорук, 2021; 2022].

Изученные коллекции представляют различные части Алтайского края. Села Крутиха (Крутихинский район, 11 образцов), Повалиха (Первомайский район, 5 образцов), Рогозиха (Павловский район, 10 образцов) располагаются в восточной части края (Лесостепное Приобье); ныне не существующие села Егоровка (28 образцов), Ямки (12 образцов), Петропавловка (12 образцов), Славянка (9 образцов), Ольшанка (7 образцов) и поселок Григорьевка (2 образца), располагались на территории западной части края (Табунский район, Степная Кулунда). В общей сложности удалось исследовать 96 фрагментов, происходящих от различных сосудов.

Исследования керамики производилось с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10. Изучались свежие изломы и поверхности образцов по методике, разработанной А. А. Бобринским [1978; 1999]. В связи с небольшим размером большинства найденных в ходе сборов фрагментов, анализ был направлен на выявление культурных традиций на двух ступенях производственного процесса: навыках отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс, относящихся к подготовительной стадии изготовления керамики [Бобринский, 1978, с. 15]. При исследовании особенностей исходного сырья устанавливались степень ожелезненности глин (для этого они дополнительно нагревались в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °С); пластичность, характер содержащихся

в них грубых примесей; случаи использования одной или двух глин. Также были получены сведения о способах обжига керамических изделий и их дополнительной (защитно-декоративной) обработке.

Обобщая все полученные данные, можно подвести некоторые предварительные итоги. Большинство изученных сосудов было изготовлено из среднежелезненного сырья (58 % образцов), также довольно часто использовалась сильножелезненная глина (33 %). В коллекциях из населенных пунктов Егоровка, Славянка, Ямки, Повалиха из сильножелезненной глины оказалась изготовлена большая часть экземпляров. Три сосуда было изготовлено из нежелезненной глины (села Егоровка и Славянка), два – из слабожелезненной (села Ямки, Рогозиха). Для производства керамики использовалась в основном пластичная глина (70 %). Интересно отметить, что использование средне- и низкопластичной глины зафиксировано только в коллекциях из сел Табунского района.

При исследовании состава формовочных масс было зафиксировано использование четырех различных рецептов. Абсолютное большинство керамики изготавливалось из одного вида глины, без введения искусственных добавок (92,7 %). В двух случаях зафиксировано использование смеси двух глин (разной степени железненности) (с. Егоровка). Три сосуда из изученной коллекции были изготовлены по рецепту глина+органика (с. Егоровка, Ямки), два – по рецепту глина+навоз (с. Рогозиха).

Обжиг большинства изученных керамических изделий производился в окислительной среде при воздействии высоких температур (69 %). Зафиксированы также изделия, обожженные при низких температурах, либо в восстановительной среде, без доступа кислорода.

В качестве дополнительной обработки поверхности сосудов отмечено использование глазури различных цветов: зеленая, коричневая, бесцветная (всего 38 % экземпляров). Также на некоторых изделиях был нанесен орнамент в виде одной-нескольких прочерченных прямых или волнистых линий.

Сопоставление полученных результатов с опубликованными этнографическими данными и письменными источниками позволило выявить, что в изученной керамической коллекции присутствуют сосуды, изготовленные по двум из трех наиболее популярных на Алтае видов формовочных масс: использование одного вида глины, смесь двух глин, смесь глины и песка [Мамонтова, 2015, с. 18]. Что касается еще двух выявленных рецептов – глина+органика и глина+навоз, то данные рецепты не были зафиксированы в ходе этнографических исследований на территории края. Однако по данным соседних регионов установлено использование органики (навоза) при изготовлении лепной посуды в домашнем керамическом производстве русского населения Сибири [Татаурова, 1997, с. 11].

Обжиг изделий мог производиться в печи или горне, применялись также более примитивные костровой и очажной виды обжига [Мамонтова, 2015, с. 20]. Костровой, очажной и печной обжиг были характерны для домашнего производства; горны использовались в гончарных мастерских [Татаурова, 1997, с. 12; Володина, 2012, с. 116–117]. Зафиксированные в исследуемой коллекции виды глазури и орнаментация также являлись одними из наиболее распространенных на Алтае [Мамонтова, 2014, с. 119].

Таким образом, полученные в результате технико-технологического анализа данные хорошо соотносятся с письменными и этнографическими источниками. Дальнейшая работа по технико-технологическому анализу русской керамики, а также проведение археолого-этнографических исследований могут дать более полную информацию об уровне развития гончарного производства на Алтае, а также выявить его специфику и локальные особенности.

Список источников и литературы

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара, 1999. – С. 5–109.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – Москва : Наука, 1978. – 272 с.

Володина В. С. Русское гончарное производство в Томской губернии XVII – начала XX в. по материалам письменных источников // Вестн. ТГУ. – Сер.: История. – Томск. – 2012. – № 2 (18). – С. 111–118.

Мамонтова О. С. Гончарство русского населения Алтая в конце XIX – первой половине XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2014. – 258 с.

Мамонтова О. С. Гончарство русского населения Алтая в конце XIX – первой половине XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2015. – 25 с.

Татаурова Л. В. Керамическое производство Нижней Тары в XVII–XX веках (по данным археологии и этнографии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1997. – 17 с.

Федорук О. А. Федорук А. С., Головченко Н. Н., Назаров К. А. Технико-технологический анализ керамики русского периода с территории Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье

и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2019 г. – Барнаул, 2020. – Вып. 15. – С. 107–112.

Федорук О. А., Головченко Н. Н. Новые результаты исследования русской керамики с территории Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2020–2021 гг. : сб. науч. тр. – Барнаул, 2021. – Вып. 16. – С. 163–166.

Федорук О. А., Федорук А. С. Изучение керамики первой половины XX века с территории Табунского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : сб. науч. тр. – Барнаул, 2022. – Вып. XXVIII. – С. 377–382.

Федорук О. А., Федорук А. С. Техничко-технологическое изучение керамики 1-й половины XX в. с территории Табунского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : сб. науч. тр. – Барнаул, 2021. – Вып. XXVII. – С. 331–336.

Федорук О. А. <https://orcid.org/0000-0002-1861-6781>

А. В. Харинский^{1,2}

*Россия, Иркутск, ¹Иркутский национальный исследовательский технический университет
Россия, Иркутск, ²Иркутский государственный университет*

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ХУЖУРА 4 (ПРИОЛЬХОНЬЕ)

В 2013 г. в Приольхонье, на юго-западном берегу пролива Малое море озера Байкал, в ходе спасательных археологических работ было раскопано несколько искусственных конструкций из камня, расположенных в северной части погребально-поминального комплекса Хужур 4. Среди исследованных конструкций большинство составляли объекты, датировавшиеся XIX в. Они включали 4 детских погребения и 8 поминальных сооружений. Для захоронения использовались конструкции двух типов – наземные, в виде четырехугольных каменных ящиков, пристроенные к скальному выходу с юго-восточной стороны (хагунский тип) (комплекс № 3), и грунтовые, перекрытые сверху круглой или овальной каменной кладкой (куркутский тип) (комплексы № 5, 13 и 15). В комплексах № 13 и 15 отмечены фрагменты деревянных жердей, перекрывавших яму. Погребенные располагались вытянуто на спине головой на северо-восток. Сопроводительный инвентарь обнаружен только в погребении девочки 7–8 лет (комплекс № 3). Он включал бусины, бисер, перстень-печатку и цепь. В остальных захоронениях вещи отсутствовали.

Детский могильник был сооружен жителями Хужур-Ногуйского улуса, принадлежавшими к эхиритскому роду шоно. Как и представители других бурятских родов, они хоронили своих покойников к северу от поселения, на склоне возвышенности, ориентируя умерших головой на север – северо-восток, по направлению к «стране мертвых». Наличие отдельного могильника для детей, а также отсутствие в большинстве захоронений сопроводительного инвентаря, свидетельствовало об их особом положении в обществе, что нашло отражение и в погребальном ритуале.

Ключевые слова: Приольхонье, погребально-поминальный комплекс, детские захоронения, надмогильная конструкция, останки погребенного, сопроводительный инвентарь, погребальный обряд, буряты.

A. V. Kharinskii^{1,2}

*Russian Federation, Irkutsk, ¹Irkutsk National Research Technical University
Russian Federation, Irkutsk, ²Irkutsk State University*

CHILDREN'S BURIALS OF HUZHUR 4 (PRIOLKHONYE)

During the 2013 archaeological excavations in the Olkhon region, on the southwestern shore of the Maloye More Strait in Lake Baikal, several artificial stone structures were discovered. They were located in the northern part of the funeral site Khuzhur 4 funeral site. Most of them (four child burials and eight memorial structures) date back to the 19th century. Two types of structures were found: the ground-based type was in the form of quadrangular stone boxes attached to the rock outcrop in the southeast (Khagun type) (complex 3), and the ground one covered with a round or oval construction (Kurkut type) (complexes 5, 13 and 15). At complexes 13 and 15, there were fragments of wooden poles covering the pit. The buried were placed on their backs with their heads towards the north-east. Accompanying items were found only in the burial of a 7–8-year-old girl (complex 3). Beads, one ring and one chain were found in her grave. In other burials, there were no items.

The child burial ground was built by Khuzhur-Nogui inhabitants, who belonged to the Shono Ekhirit family. Like representatives of other Buryat clans, they buried their dead to the north of their settlements, on hillsides, orienting their heads to the north – northeast, towards the «land of the dead». Separate child burials and no accompanying items in most of them indicate a special role of children in society.

Keywords: Priolkhonye, funeral and memorial complex, children's burials, tombstone structure, remains of the buried, accompanying inventory, funeral rite, buryats.

В связи с активным хозяйственным освоением новых территорий, объем спасательных археологических работ, проводившихся на древних могильниках, в последнее время значительно увеличился. В их число вошел и археологический объект Хужур 4, большая часть которого была вскрыта в 2013 г. Он находится в центральной части Ольхонского района Иркутской области, в 2,24–2,27 км к ЮЗЗ от д. Сарма, среди межрядовых понижений верхней части северного склона пади Хужир-Нугэ. Вскрытые на Хужуре 4 искусственные каменные конструкции можно разделить на две группы: погребальные и поминальные сооружения. К первой категории отнесены каменные кладки, под которыми обнаружены человеческие останки. Во вторую категорию попали конструкции, под

которыми не были найдены человеческие останки. Без проведения раскопок определить функцию каждого искусственного сооружения бывает сложно, поэтому предварительно для их обозначения использован термин «комплекс». Среди исследованных комплексов большинство составляли объекты, датировавшиеся XIX в. Они включали 4 бурятских детских погребения (комплексы № 3, 5, 13, 15) и 8 бурятских детских кенотафа или захоронения последа – комплексы № 4, 6–12, ориентированные по линии юго-запад – северо-восток.

Комплекс № 3 находился в западной части археологического объекта, у юго-восточного подножия гряды скальных выходов. Погребальная конструкция комплекса выполнена в виде четырехугольного каменного ящика, пристроенного к расщелившемуся на несколько вертикальных плит скальному выходу (рис. 1/ 1). Снаружи каменный ящик подпирался наклонно и горизонтально уложенными плитами. Размер кладки – 3,0х2,5 м. Она ориентирована по линии с азимутом 55°. Юго-восточная стенка погребальной конструкции образована двумя вертикальными каменными плитами, установленными параллельно скальной гряде, на расстоянии 30 см от нее. Юго-восточная стенка погребальной камеры подпиралась каменными плитами меньших размеров. В нижней части крепились горизонтально уложенные плиты. Выше них была установлена серия каменных плит, расположенных под углом 75° к стенке. Их нижний край упирался в стенку, а верхний был обращен наружу. В общей сложности внешняя крепида юго-восточной стенки включала 2–3 слоя горизонтально уложенных в основание каменных плит и 3–4 слоя наклонных плит, перекрывавших их.

Северо-восточная стенка погребальной камеры состояла из трех каменных плит. Юго-западная (внутренняя) из них наклонена верхним краем в сторону камеры. Угол наклона составляет 65°. Размер внутренней плиты – 25х36 см, средней – 36х40 см, внешней – 45х78 см. Юго-западная стенка погребальной камеры образована пятью рядами каменных плит, наклоненных внутрь конструкции под углом 60°. Плиты установлены на боковую грань, их размеры составляли от 32х50 см до 40х110 см. Камни, образовавшие юго-западную стенку, сверху перекрывали внешний край горизонтальных плит, расположенных в верхней части погребальной камеры. Большая часть плит перекрытия камеры к моменту раскопок отсутствовала, что свидетельствовало о нарушении целостности захоронения (рис 1/ 2, 3).

После зачистки погребальной камеры на одном из камней, перекрывавших ее, был обнаружен бронзовый перстень-печатка с растительным орнаментом (рис. 1/ 9). В верхней части погребальной камеры ниже уровня плит перекрытия найдены 42 бусины. Белая шаровидная бусина из стекла диаметром 1,1 см (рис. 1/ 4) обнаружена в северной части камеры. В 20 см к юго-западу от нее найдено скопление бусин, состоящее из одной темно-синей шаровидной поперечно сжатой стеклянной бусины диаметром 8 мм, высотой 6 мм (рис. 1/ 5) и 8 оловянных серых цилиндрических поперечно сжатых диаметром 7–8 мм и высотой 4 мм (рис. 1/ 6, 7). В 23 см к юго-западу от этого скопления бусин обнаружено еще одно скопление, состоящее из 5 оловянных бусин и бисера. Бисер округлый бочковидный диаметром 3–4 мм и высотой 2–3 мм (рис. 1/ 8). Шесть бисерин красных, одна белая, две синих и семнадцать желтых. В 7 см к юго-западу от второго скопления бус найдена одна темно-синяя шаровидная бусина, схожая с бусиной из северо-восточного скопления. Бусины и бисер находились на одном уровне. Сразу под находками на дне погребальной камеры были обнаружены останки погребенного. Большая часть костей отсутствовала. Сохранились лишь левая бедренная и большеберцовая кости, принадлежащие ребенку в возрасте 7–8 лет¹, которые не утратили свой анатомический порядок. Судя по ним, умерший лежал вытянуто, на спине, головой на северо-восток. Возле внутренней стороны эпифиза бедренной кости погребенного найден фрагмент железной цепи длиной 4 см, состоящий из 12 круглых звеньев диаметром 6 мм, шириной 2 мм и толщиной 1 мм (рис. 1/ 10). Состав погребального инвентаря позволяет считать, что в комплексе № 3 захоронена девочка. Останки умершей располагались в яме размером 0,25х1,90 м и глубиной 30 см, выкопанной у подножия скальной гряды. По краям ямы были установлены плиты погребальной камеры. Ее размеры составили 30х160 см, высота 40 см.

Комплекс № 5 располагался в 2 м к северо-востоку от комплекса № 4, к юго-востоку от гряды скальных выходов. Кладка комплекса – овальной формы, размером 2,5х3,5 м, ориентирована по линии с азимутом 60°. Размер самых маленьких камней – 20х17 см, крупных – 37х118 см. В северо-восточной части кладки камни располагались более плотно, чем в юго-западной. Возможно, это связано со склоновыми процессами, в результате которых часть камней сместилась вниз по склону. В основании конструкции зафиксировано 4 камня – один большой и три поменьше. Большой камень размером 40х110 см, толщиной 4–9 см. Он ориентирован длинной осью вдоль гряды скальных выходов. Под камнем располагалась могильная яма овальной формы, размером 25х55 см, глубиной 10 см, ориентированная по азимуту 40°.

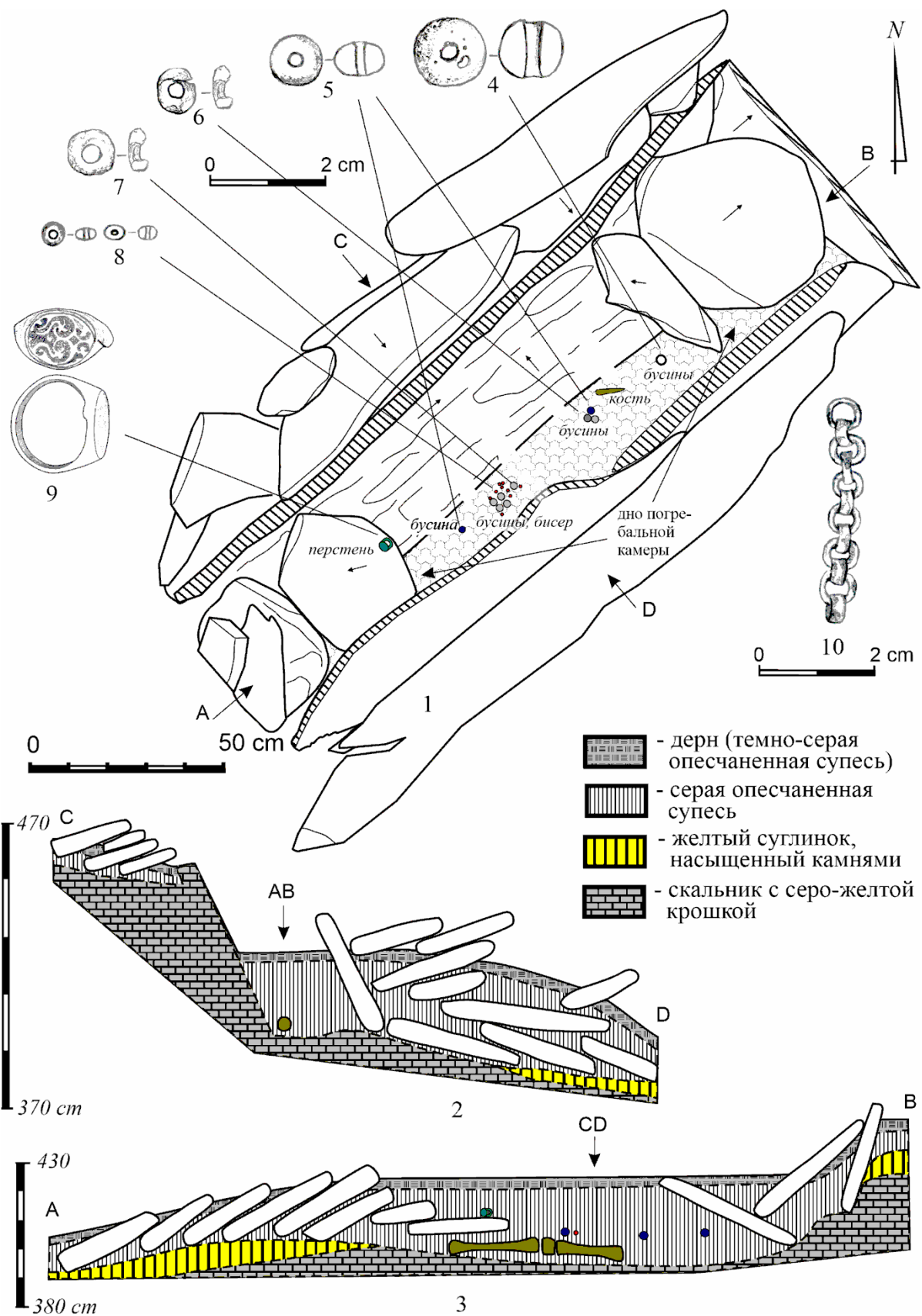

Рис. 1. Хужур 4, комплекс № 3.

1 - погребальная камера после зачистки; 2 - поперечный разрез захоронения; 3 - продольный разрез захоронения; 4 - белая стеклянная бусина; 5 - синяя стеклянная бусина; 6 - оловянная серая бусина; 7 - оловянная бусина; 8 - бисер; 9 - бронзовый перстень-печатка; 10 - железная цепь

В яме находился костяк ребенка в возрасте 1 год $\pm$ 4 месяца. Лобная кость не срослась, нижняя челюсть срослась, резцы на нижней челюсти только прорезались. Кости располагались на двух уровнях. В верхней части ямы находились плечевая и локтевая кости, утратившие свое первоначальное положение, лобные кости, большая берцовая и бедренная кости. На 10–15 см ниже них находились остальные кости погребенного. Судя по ним умерший располагался вытянуто на спине, головой ориентирован по азимуту 40°. Никаких находок с костяком обнаружено не было.

Комплекс № 12 располагался в 4 м к юго-востоку от комплекса № 11. Кладка комплекса – овальной формы, размером 1,5х2,6 м, ориентирована по линии север – юг. Кладка сложена в 1–3 слоя из камней, недостаточно плотно прилегающих друг к другу. Камни располагались горизонтально. Мощность конструкции в центре составляла 20 см. Размер камней – от 10х10 см до 32х70 см. С востока и с запада к кладке примыкало по одному крупному камню, ориентированному по линии запад – восток. В основании конструкции под центром кладки располагалось восемь камней, образующих овал. К северу от камней зафиксирована яма овальной формы размером 18х56 см и глубиной 15 см, ориентированная по линии с азимутом 20°. В центральной и южной частях ямы, а также к юго-востоку от нее, располагались камни, образующие круглую выкладку диаметром 50 см. На дне ямы располагалось еще два камня. Один – размером 25х33 см в северной части и другой – размером 13х23 см в южной части. Под камнями обнаружены остатки двух жердей диаметром 3 см, уложенные вдоль ямы. Остатков человеческих костей в яме не зафиксировано, как и других находок.

Комплекс № 13 располагался в 2 м к востоку от комплекса № 12. Кладка комплекса – овальной формы, размером 1,6х2,0 м, ориентирована по линии север – юг. Кладка плотная, сложена в 1–2 слоя горизонтально уложенными камнями. Ее толщина в центре составляет 15 см. Размер камней – от 10х14 см до 44х92 см. В основании конструкции под центром кладки располагалась крупная плита размером 60х93 см, толщиной 3–7 см. С восточной стороны под камнем зафиксированы остатки жерди толщиной около 5 см, ориентированной по линии с азимутом 20°. В 13 см от жерди, под северо-западной частью плиты обнаружена могильная яма овальной формы. Ее размеры – 32х77 см, глубина – 12 см, ориентировка по линии юго-запад – северо-восток.

В яме обнаружен костяк ребенка в возрасте 0–0,5 месяцев. Кости находились в анатомическом порядке. Погребенный располагался на спине, вытянуто, череп развернут лицевым отделом вправо, руки вдоль туловища. Ноги согнуты в коленях и отведены влево. Ориентировка погребенного головой по азимуту 40°. Никаких находок с костяком обнаружено не было.

Комплекс № 15 располагался в 23 м к северо-востоку от комплекса № 11, у юго-восточного подножия гряды скальных выходов. Кладка комплекса – круглой курганообразной формы, диаметром 2,5 м. Камни располагались плотно в 2–3 слоя. В центре – высота конструкции составляла 30 см. Размеры камней – от 10х18 см до 23х52 см. Большая их часть укладывалась горизонтально. Камни, находящиеся по периметру кладки, установлены наклонно к центру конструкции под углом около 80–40°. С северо-западной стороны к кладке подходил скальный выход.

Нижний слой кладки образован плотно уложенными камнями, образующими овал размер 1,2х2,0 м, ориентированный по линии с азимутом 45°. У северо-восточного конца кладки зафиксировано скопление древесных углей. Под камнями кладки между выходами скальника зафиксирована могильная яма четырехугольной формы, размером 38х110 см. Ее глубина – 10 см, она ориентирована по линии с азимутом 65°. На дне ямы располагались костные останки ребенка в возрасте около 18 месяцев. Сохранились фрагменты его бедренных и большеберцовых костей. Судя по ним, погребенный располагался вытянуто на спине и был ориентирован головой на северо-восток.

Все захоронения, исследованные на могильнике Хужур 4, принадлежали детям, возраст которых составлял от 0,5 месяца до 8 лет. Для захоронения использовались погребальные конструкции двух типов – наземные в виде четырехугольных каменных ящиков, пристроенные к скальному выходу с юго-восточной стороны (комплекс № 3), и грунтовые, перекрытые сверху круглой или овальной каменной кладкой (комплексы № 5, 13 и 15). Погребенные располагались на спине, головой на северо-восток. У большинства из них ноги вытянуты, лишь в комплексе № 13 они согнуты в коленях и отведены влево. В комплексах № 13 и 15 отмечены фрагменты деревянных жердей, перекрывавших яму. Только в погребении девочки 7–8 лет (комплекс № 3) обнаружен сопроводительный инвентарь, представленный бусинами, бисером, перстнем-печаткой и цепью. В остальных захоронениях вещи отсутствовали.

Отсутствие в детских погребениях инвентаря свидетельствует о достаточно стойких представлениях, связанных с социальным и имущественным статусом детей. Вероятно, такое отношение к детям было предопределено отсутствием у них собственного имущества. Если в жизни они ничем не владели, то и в потустороннем мире им не полагалось никаких вещей. Лишь после перехода

в следующий возрастной класс («юношей» или «девушек») положение подростков изменялось. В их захоронения начинали укладывать отдельные предметы. Отсутствие вещей в детских захоронениях свидетельствует о том, что они не стали еще полноправными представителями общества, которые могут обладать имуществом. Специфика их положения в мире живых отражалась и на их положении в «потустороннем мире», полноправными представителями которого они или не становились, или не попадали туда вовсе.

Харинский А. В. <https://orcid.org/0000-0002-4815-6069>

Примечания

1. Антропологические определения сделаны заведующей кабинетом антропологии исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета Мариной Петровной Рыкун.

А. Ю. Худавердян, С. Г. Амаякян, Н. Г. Тирацян, М. С. Амаякян

Армения, Ереван, Институт археологии и этнографии НАН РА

**СПОСОБЫ ОБРАЩЕНИЯ С ТЕЛАМИ УМЕРШИХ И СЛУЧАЙ ТРЕПАНАЦИИ
В ПАМЯТНИКЕ VII В. ДО Н. Э. ИЗ НОР АРМАВИРА (АРМЕНИЯ):
ПО ДАННЫМ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ**

Анализируются несколько способов обращения с телами у населения эпохи позднего железного века на территории Армении: расчленение, кремация, трепанация. Проведенное исследование позволяет решить широкий круг экспертных вопросов, связанных с прижизненными и посмертными нарушениями, а также идентификацией видов орудия. Тщательное рассмотрение «нестандартных» древних объектов может дать чрезвычайно важную информацию об особенностях жизни и смерти древнего населения, которые нельзя установить по «стандартным» погребениям.

Ключевые слова: археология, этнография, антропология, палеопатология, интеграция.

A. Yu. Khudaverdyan, S. G. Hmayakyan, N. G. Tiratsyan, M. S. Hmayakyan

*Armenia, Yerevan, Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Science,
Republic of Armenia*

**METHODS OF TREATING DEAD BODIES AND A CASE OF TREPANATION
AT THE 7th CENTURY BC FROM NOR ARMAVIR (ARMENIA):
AFTER PALEOANTHROPOLOGICAL DATA**

Subject to examination being several methods of treating buried remains of the Late Iron Age on the territory of the Armenian upland, such as: body dissection, cremation, trepanation. The conducted research allows to solve wide range of expert issues associated with intravital disorders and postmortem, as well as identification of types of guns. Authors comes to the conclusion that specific types of burials reflect poorly studied in Armenian archeology specific forms of treatment of the deceased's body and its bone remains.

Keywords: archaeology, ethnography, anthropology, paleopathology, integration.

В данной работе приводятся антропологические данные трех индивидов из могильника Нор Армавир, представленные сборами 2020 г. и происходящие из погребений VII в. до н. э. Могильник находится в провинции Армавир (Республика Армения), а село Нор Армавир располагается на северо-западе «крепости святого Давида». В программу исследования были включены признаки краниоскопии, одонтологии, учтены некоторые патологические особенности. Задача данной работы состоит в освещении традиций обращения с телами умерших в позднем железном веке, а также в описании нового случая хирургического вмешательства в своде черепа.

Останки **индивидуума 1** представлены фрагментами черепа и посткраниального скелета. Они принадлежали ребенку возрастной категории от 6–8 лет (рис. 1/ *a*). Из 31 дискретно-варьирующего признака на черепе обнаружены всего 7 (*foramen supraorbitale*, *foramen infraorbitale*, *spina processus frontalis ossis zygomatici* (*выступ*), *ossa wormiana sut. squamosae*, *foramina mastoidea* (*вне шва*), *sutura incisive* (*след*), *sutura mendoza*). Вестибулярный бугорок на верхнем P1 несколько больше лингвального, но размеры бугорков сравнимы. Наблюдаются бугорок Карабелли (*Cara M¹*) небольшого размера с отдельно стоящей вершиной (3 балла) и форма 3 первой борозды эконуса на первом верхнем моляре (1eo). Область лингвального бугорка на левом клыке плоская, довольно слабо выделяющаяся на общем фоне лингвальной поверхности. Форма первого нижнего моляра – пятибугорковая, тип узора Y. Коленчатая складка метаконида фиксируется на первом нижнем моляре (DW). Форма второго нижнего моляра – четырехбугорковая, тип узора X. На втором моляре имеются вариант «2» второй борозды метаконида и центральный окклюзионный бугорок. Межкорневой затек эмали (M1) описывается 5 баллами, конец затека не уходит между корнями и виден на вестибулярной поверхности.

Новый случай – возможной трепанации – обнаружен у ребенка на сагитальном шве (рис. 1/ *b*). Однако процедура краниотомии не была завершена. Трепанация была проведена методом надреза.

Отверстие – неправильной, овальной формы (размеры 14,2×9?мм). Признаков заживления или воспаления не обнаружено. Вероятно, смерть индивидуума наступила в середине процедуры.

Пальцевидные вдавления обнаружены на эндокраниальной поверхности черепа. Пальцевидные вдавления называют одним из признаков развития гипертензионного синдрома и повышенного

внутричерепного давления. К причинам их развития относятся краниосиностозы, инфекции, опухоли, абсцессы, гематомы, паразитарные кисты, гидроцефалия и т. д.

У ребенка пористость и пороз костей наблюдается на костях посткраниального скелета (в частности, области эпифизов бедренных и берцовых костей). Дифференциальная диагностика данной палеопатологии может включать инфекционное заболевание или витаминную недостаточность.

Наблюдается измененность и разрушение (wedge-shape vertebra) тел грудных и поясничных позвонков, что связано с симптомами туберкулеза.

На всех зубах примерно на одинаковом расстоянии от эмалево-цементной границы локализуется линейная гипоплазия эмали в средней форме. Такое положение дефектов свидетельствует о наличии в организме погребенного физиологического сбоя, следствием которого стали системные нарушения процессов кальцификации [Goodman et al., 1984].

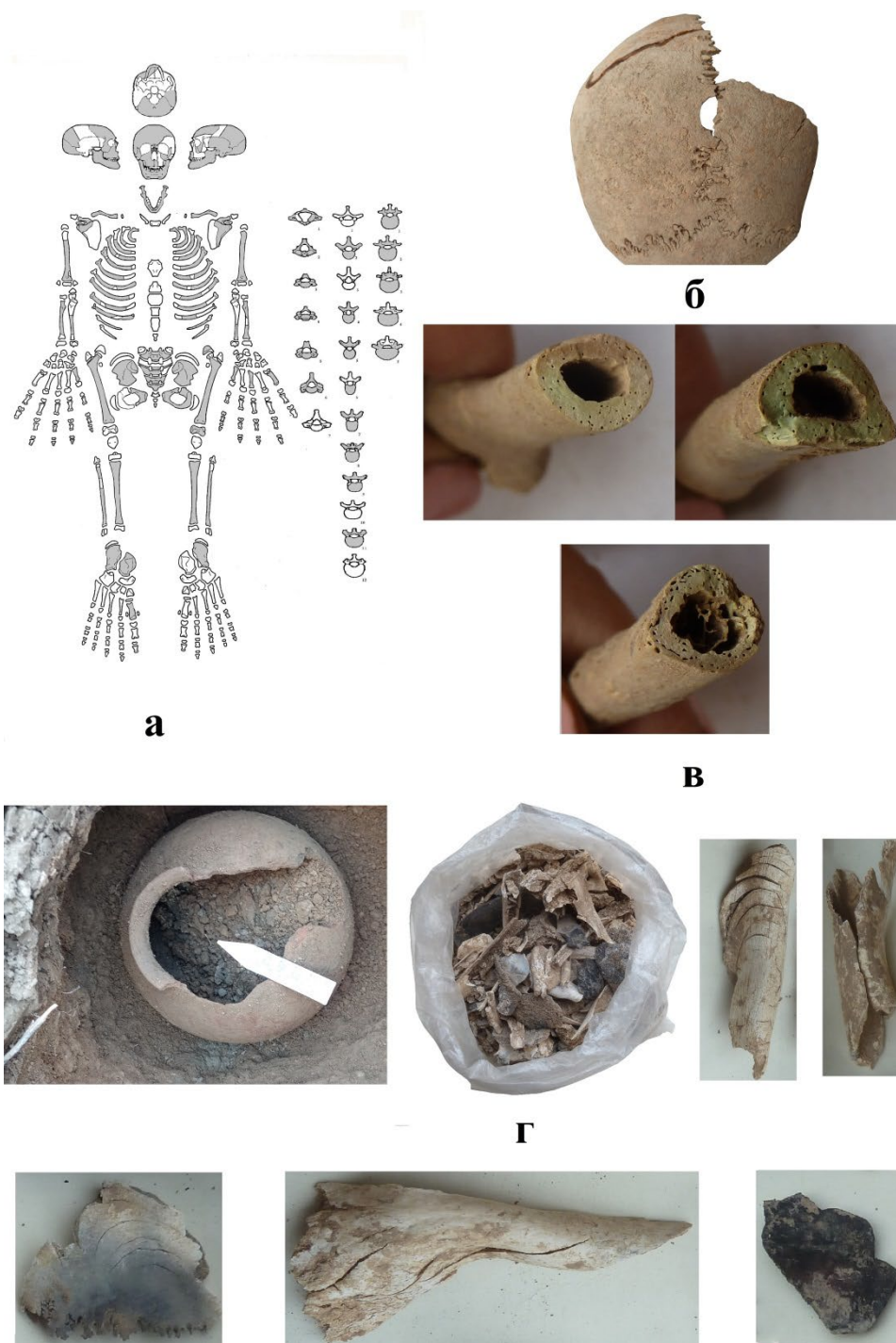

Рис. 1. Антропологический материал из памятника Нор Армавир. а – сохранность материала, б – трепанация на левой теменной кости, в – расчленение локтевой и лучевой костей, г – кремация

Наиболее распространенным способом обращения с телом покойного является обряд расчленения. У ребенка следы расчленения выявлены на правых локтевой и лучевой костях (рис. 1/ в). Расчленение проводили в то время, когда кости были связаны с мягкими тканями.

Впервые на норармавирском кладбище были обнаружены кремированные человеческие останки в керамическом сосуде (рис. 1/ г). Исследования показали, что в сосуде обнаружены останки **2 индивидуумов**. Предположительно – двух женщин (18–19 лет и 20–21 года). Среди сожженных останков

костей животных не найдено. Вес кремированных костей равен 1865 г. Использована методика определения цветности для реконструкции процессов горения и воздействия высоких температур на костную ткань [Walker, Miller, 2005, p. 216–217; Wahl, 1982]. Диапазон цветов: черный – белый. Сожжение было проведено на стороне, при достаточно высокой температуре (400°C–800°C). На костях наличествуют деформационные трещины. Последние, полученные в результате сожжения тела с мягкими тканями (т. е. вскоре после кончины), можно наблюдать на большинстве костей. Множественные деформационные параболические и сеточные растрескивания на поверхности, а также изменение формы кости вследствие резкой потери влаги при воздействии огня [Добровольская, 2010, с. 92; Schutkowski, 1991, s. 206–218; Wahl, Kokabi, 1988]. Мы не исключаем, что погребение с трупосожжением – это результат проведения обряда с жертвоприношением [Антонова, 1990, с. 82].

Описанные выше костные останки позволяют впервые зафиксировать несколько способов обращения с телами умерших в могильнике Нор Армавир. На костях верхних конечностей у ребенка из Нор Армавира отчетливо видны следы рубленых дефектов, часть из которых нанесена сверху вниз. Исходя из характера повреждений, рубящий предмет был с «острым» лезвием (края и стенки дефектов ровные, приконцевые изменения незначительные). Захоронения расчлененных трупов в Армении обнаружены в погребениях могильников Калаван, Арени I (куро-аракская культура) и Лори Берд (поздняя бронза и VI–V вв. до н. э.) [Худавердян, Деведжян, Еганян, 2013]. Как известно, первыми расчленили тела умерших homo erectus 500–300 тыс. лет назад [Ullrich, 1989]. Расчленение тел – характерная черта ранних мустьерских погребений [Rosos et al., 2012, p. 61]. Расчленения встречаются в комплексах ямной [Агульников, 2010, с. 184], катакомбной [Мельник, 1991, с. 114], белозерской [Агульников, 2010, с. 184], срубной [Усачук и др., 2009–2010, с. 197–198] культур. Ритуальное расчленение умерших известно и в скифское время [Гречко, 2014–2015, с. 194–195]. Под расчленением мы понимаем помещение в погребении преднамеренно расчлененного после смерти (или же непосредственно в момент смерти) тела умершего. Его могли хоронить как полностью, так и частично, как в одном месте, так и в различных местах. Расчленение покойника имеет древние корни и широко засвидетельствовано в мировом фольклоре [Пропт, 1998, с. 186]. Расчленение способствует возрождению, так же, как и кремация означает освобождение души от оков телесности и является способом перевода в иное состояние [Там же]. Существовали и представления о расчленении как препятствии к возрождению [Худавердян, Деведжян, Еганян, 2013, с. 85–87].

Обряд кремации является продолжением ритуальных действий, совершаемых с телами умерших. Нами зафиксированы в кувшине останки 2 индивидуумов, предположительно женщин. У более раннего населения эпохи поздней бронзы бассейна р. Шнох Лорийской области обряд кремации составляет 7,5 % от общего числа захоронений (могильник Бовер). Тело умерших сжигали вне погребения, так как в них следов прокала не обнаружено, и предметы не подвергнуты воздействию огня. Большинство погребальных кремаций представляют собой относительно небольшие скопления костей. Очевидно, что большая часть останков с погребального костра не попадала в захоронения. Наиболее ранние погребальные памятники, в которых можно предполагать следы преднамеренного использования огня, относятся к среднему палеолиту [Смирнов, 1997, с. 119]. Особенности проведения кремации известны нам по античным текстам, например, по сценам погребения Патрокла и Гектора в «Илиаде» Гомера [Гомер, 1949, с. 115–257]. Практика огненных жертвоприношений, сформировавшаяся в раннеземледельческих культурах Ближнего Востока, была призвана обеспечить благосклонность богов. На Ближнем Востоке кремация тел считалась привилегированным способом погребения умершего [Rosen, 2004, p. 127].

Новый случай трепанации обнаружен в могильнике Нор Армавир. Традиция краниотомии в позднем железном веке носила единичный характер. Ранее нами было описано на правой части теменной кости мужчины старческого возраста из могильника Ширикаван (погребение 9) отверстие с гладкими контурами, со следами выраженной репаративной регенерации. У погребенного также обнаружены отчетливые следы линейных надрезов. На теменной кости у индивидуума наблюдалось более 8 насечек, все они расположены параллельно друг другу. У индивидуума было проведено неполное скальпирование – сделаны надрезы и лишь частично отделена кожа с волосами от головы (скальпирование, вероятно, было связано с трепанацией и травмой головы). Феномен трепанации был весьма распространенным явлением и встречается как в хронологически более ранних памятниках, так и в поздних памятниках на территории Армении [Khudaverdyan, 2021].

Проведенное исследование позволило получить новые факты обращения с телами умерших в памятнике Нор Армавир. Новые данные существенно дополнили имеющуюся информацию об этой археологической культуре. В изучении погребального обряда в памятнике Нор Армавир

внедрение методов физической антропологии, судебной медицины, археологии и этнографии представляется весьма перспективным.

Список источников и литературы

- Агульников С. М.* Некоторые особенности погребального обряда Белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья // *Индоевропейская история в свете новых исследований.* – М., 2010. – С. 183–192.
- Антонова Е. В.* Обряды и верования первобытных земледельцев востока. – М.: Наука, 1990. – 287 с.
- Гомер.* Илиада / пер. В. Вересаева. – М.; Л.: Гослитиздат, 1949. – 551 с.
- Гречко Д. С.* Об особых видах погребений у населения восточноевропейской Лесостепи VII–IV вв. до н. э. // *Древности.* – 2014–2015. – Вып. 13. – С. 181–200.
- Добровольская М. В.* К методике изучения материалов кремации // *Краткие сообщения Института археологии* – 2010. – С. 85–97. – (КСИА ; вып. 224).
- Мельник В. И.* Особые виды погребений катакомбной общности. – М.: Наука, 1991. – 136 с.
- Пропп В.* Морфология сказки. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 1998. – 512 с.
- Смирнов Ю. А.* Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. – М.: Восточная литература, 1997. – 280 с.
- Усачук А. Н., Подобед В. А., Полидович Ю. Б., Цимиданов В. В.* Раскопки кургана срубной культуры на территории аэропорта г. Донецка // *Донецкий археологичний збірник.* – 2009–2010. – № 13/14. – С. 185–202.
- Худавердян А. Ю., Деведжян С. Г., Еганян Л. Г.* Способы обращения с телами умерших в памятниках Ширакаван и Лори Берд (Армения): по данным палеоантропологии // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии.* – 2013. – № 4 (23). – С. 80–93.
- Goodman A. H., Martin D. L., Armelagos G. J.* Indications of stress from bone and teeth // *Paleopathology at the Origin of Agriculture* / Eds. M. N. Cohen, G. J. Armelagos. – L.; Orlando: Academic Press, 1984. – P. 13–44. (на англ. яз.).
- Khudaverdyan A. Yu.* A Review of Trepanations in Armenian Highland with New Cases // *Archaeology of Armenia in regional context. Proceedings of the International Conference dedicated to the 60th Anniversary of the Institute of Archaeology and Ethnography.* – Yerevan, 2021. – P. 257–271. (на англ. яз.).
- Rosos A., Estalrich A., Garía-Taberner A., Bastir M., Garía-Vargas S., Sánches-Mesegner A., Huguet R., Lalueza-Fox C., Peña-Melán A., Kranioti E.F., Santamaria D., de la Rasilla M., Fortea J.* Les Néandertaliens d'El Sidron (Asturies, Espagne). Actualisation d'un nouvel échantillon // *L'anthropologie.* – 2012. – Vol. – 116. – Is 1. – P. 57–76. (на фр. яз.).
- Schutzowski H.* Experimentelle Befunde an Brandknochen und ihre Bedeutung für die Diagnose von Leichenbränden // *Archäologische Informationen.* – 1991. – Br. 14. – № 2. – S. 206–218. (на нем. яз.).
- Ullrich H.* Kannibalismus im Paläolithikum // *Religion und Kult* / F. Schlette, D. Kaufmann (eds.). – Berlin, w. p., 1989. – S. 51–71. (на нем. яз.).
- Wahl J.* Leichenbranduntersuchungen Ein Überblick über die Bearbeitungs- und Aussagemöglichkeiten von Brandgräbern. *Prähistorische Zeitschrift.* – Berlin: Institut für Prähistorische Archäologie, 1982. – 125 s. (на нем. яз.).
- Wahl J., Kokabi M.* Das römische Gräberfeld von Stettfeld I: Osteologische Untersuchung der Knochenreste aus dem Gräberfeld. – Stuttgart: Konrad Theiss, 1988. – S. 46–223. (на нем. яз.).
- Walker P. L., Miller K. P.* Time, temperature, and oxygen availability: an experimental study of the effect of environmental condition on color and organic content of cremated bone // *American Journal of Physical Anthropology.* – 2005. – Vol. 40. – Supplement, 2005. – 216–217 p. (на англ. яз.).

Худавердян А. Ю. <https://orcid.org/0000-0002-1458-783X>

Амаякян С. Г. <https://orcid.org/0000-0003-0191-5395>

Тирацян Н. Г. <https://orcid.org/0000-0003-3019-8145>

Амаякян М. С. <https://orcid.org/0000-0002-7875-828X>

Н. Б. Щербаков¹, А. А. Гольева², И. А. Шутелева¹

*Россия, Уфа, ¹ Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Россия, Москва, ² Институт географии РАН*

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МУЛЬТИ-ПРОКСИ АНАЛИЗОВ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛУ КАРСТОВЫХ ОЗЕР ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Впервые объектом комплексного археологического исследования с применением мульти-прокси анализов на Южном Приуралье стала территория бывшего озера карстово-эрозионного происхождения, примыкающая к памятнику археологии. Полученный археологический материал палеоозера у Глумилино-1, селища оказался многообразным в культурно-хронологическом отношении. Само селище соотносится с кара-абызской культурой эпохи раннего железного века и романовским типом имениковской культурной группы, а также с Новым временем. В свою очередь, артефакты, найденные на площадке, ранее занятой палеоозером, кроме материалов раннего железного века и раннего Средневековья, также включают в себя находки, соотносимые с неолитом и поздним бронзовым веком. Результаты проведенных морфологического и химического почвенных анализов, несмотря на наличие отдельных археологических материалов, признаков культурного слоя на площадке, ранее занимаемой палеоозером, не выявили. Вместе с тем, выполненные комплексные исследования позволяют сделать ряд выводов, во-первых, о необходимости выявления археологических объектов, материалы которых были найдены в зоне палеоозера; во-вторых, были получены сведения о формировании ландшафта археологических объектов в зоне карста и изменениях климата в период функционирования палеоозера.

Ключевые слова: археология, почвоведение, Южное Приуралье, мульти-прокси методы.

N. B. Shcherbakov¹, A. A. Golyeva², I. A. Shuteleva¹

*Russia, Ufa, ¹ Bashkir State Pedagogical University. M. Aknulla
Russia, Moscow, ² Institute of Geography RAS*

EXPERIENCE OF APPLICATION OF MULTI-PROXY ANALYSIS TO THE ARCHAEOLOGICAL MATERIAL OF THE KARST LAKES OF THE SOUTH CISURALS

For the first time, the territory of a former lake of karst-erosion origin, adjacent to an archeological site, became the object of a comprehensive archaeological study using multi-proxy analyzes in the Southern Urals. The obtained archaeological material of the paleolake near Glumilino-1, settlement, turned out to be culturally and chronologically diverse. The settlement itself correlates with the Kara-Abyz culture of the early Iron Age and the Romanov type of the Imenkovo cultural group, as well as with the New Age. In turn, the artifacts found at the site previously occupied by the paleo lake, in addition to the materials of the Early Iron Age and the Early Middle Ages, also include finds correlated with the Neolithic and the Late Bronze Age. The results of the morphological and chemical soil analyzes, despite the presence of individual archaeological materials, did not reveal signs of a cultural layer on the site previously occupied by the paleolake. At the same time, the complex studies performed allow us to draw a number of conclusions, firstly, about the need to identify archaeological sites, the materials of which were found in the paleolake zone; secondly, information was obtained on the formation of the landscape of archaeological sites in the karst zone and climate changes during the functioning of the paleolake.

Keywords: archeology, soil science, Southern Urals, multi-proxy methods.

В настоящее время наибольший фокус внимания археологов направлен на исследование памятников археологии. Примыкающие к ним территории не всегда изучаются с применением комплексных естественно-научных методов как сам объект наследия. Применение такого же спектра анализов фронтальных территорий памятника археологии позволяет значительно расширить его характеристики. Объектом исследования являлась зона, примыкающая к Глумилино-1, селищу, расположенная на территории города Уфы, на высоком правом берегу р. Уфа, территориально соотносимой с лесостепной зоной Южного Приуралья. Глумилино-1, селище культурно-хронологически соотносится с кара-абызской культурой эпохи раннего железного века и романовским типом имениковской культурной группы. Методы исследования мульти-прокси связываются со взаимодействием археологических и независимых от археологии методов исследования, таких, как почвоведение, остеология, геология и др.

Территория исследования расположена на Уфимском плато, в зоне восточной окраины Русской равнины, на расстоянии в пределах ста километров от западной части Уральских гор. Глумилино-1, селище расположено на возвышенности Бельско-Уфимского междуречья, на Уфимском плато. Фронтальное положение зоны исследования определяется нахождением между степными пространствами и Средней Азией, с одной стороны, и лесными пространствами Южного Приуралья, с другой стороны, вхождения рек Белая и Уфа (место нахождения памятника археологии) в бассейн Каспия. Для Южного Приуралья, в том числе и Уфимского плато, характерны многочисленные карстовые явления, изученные еще с 80-х гг. XIX в. [Яковлев, 1916], в том числе и выщелачивание гипсов, что происходило на территории Глумилино-1, селища. Карст на территории Уфимского полуострова в основном связан с кунгурскими гипсами, гипсоносными породами соликамского и шешминского горизонтов уфимского яруса. В прибортовых частях палеодолин и палеоврагов, на участке примыкания к коренным склонам, заполняющих их глинисто-суглинистых образований неоген четвертичного возраста. В районе исследования были выявлены формы с запрокидыванием кровли шешминских образований на контакте вертикальных подвижек иренского горизонта. Вскрылось блоковое дробление отложений уфимского комплекса. Основная часть «полуострова» расположена на одном из крупных блоков останцов архипелага пермских образований (Глумилинского блока), который находится в тектоническом узле с центростремительно-сходящимися, линейными структурно-тектоническими зонами (долины рек Белая, Уфа, Дема, Уршак, Юрмаш, Шугуровка). Рельеф этой территории определяется крутыми склонами, уступами высотой 50–100 м, обращенными к рекам Уфе и Белой, изрезанными глубокими оврагами с сезонными и пересыхающими ручьями. Бельско-Уфимское междуречье в климатическом отношении связывается с континентальным климатом, расположено в лесостепной зоне, с доминированием широколиственных лесов.

Глумилино-1, селище расположено на склоне коренной террасы правого берега р. Уфы, на расстоянии 1,2 км к северо-северо-западу от современного русла реки. Территория исследования расположена между тремя деревнями (XVI–XX вв.) и хуторами, в настоящее время включенными в состав города Уфы; это Гумилино, Дубовка и Тужиловка. Исторически за территорией исследования закрепилось название Кошкин лес (по имени одного из владельцев имений И. Д. Кошкина, начало XX в.), который примыкает к Тужилковской горе. В 1930–1940-е гг. площадка Глумилино-1, селища начинает использоваться под посадку фруктовых деревьев, а затем садового товарищества, к которому примыкал карьер по добыче гипса. В ходе этой антропогенной деятельности естественный ландшафт был полностью изменен. Все данные факторы объясняют нахождение на Глумилино-1, селище артефактов конца XVIII – XX вв., включая место для содержания лошадей (о чем свидетельствуют находки подков разных типов).

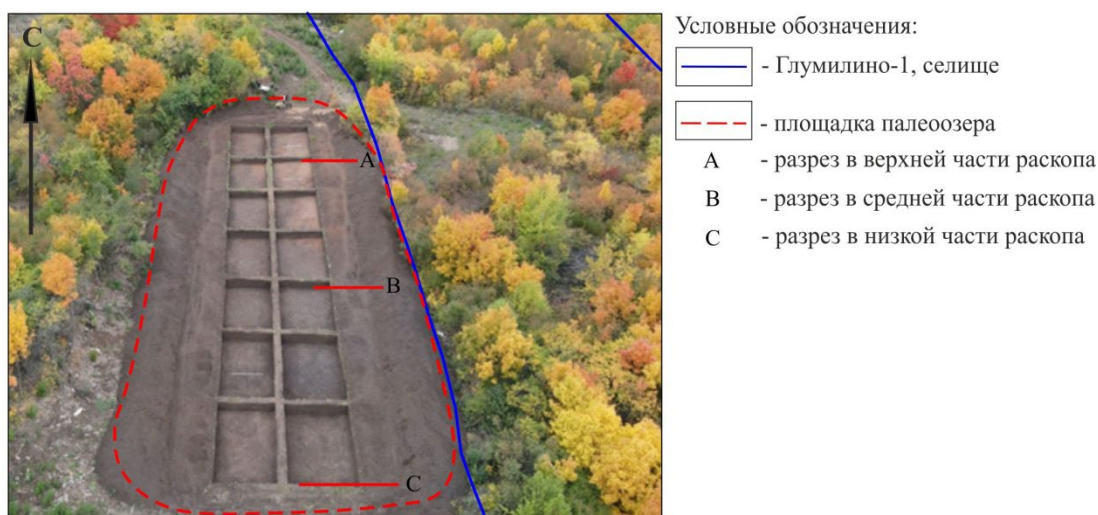
В ходе исследования примыкающей к Глумилино-1, селищу территории, была обнаружена и изучена в археологическом отношении площадка с разнообразным археологическим материалом, ранее занимаемая древним карстовым озером. Это явление характерно для территории Южного Приуралья, зоны распространения карста, где озера карстово-эрозионного происхождения почти так же часто встречаются, как и озера старичного типа. В геологическом отношении это тип неглубоких, до 10 м, озер, сформированных на месте карстовых воронок, заполненных водами подземных источников. Характерным для водоемов подобного типа является периодическое образование на дне карстовых воронок понор, через которые вода уходит на низлежащие слои, затем дно заиливается, и озеро заполняется водой вновь. В настоящее время на Глумилинском месторождении гипсов были обнаружены древние карстовые провалы и закарстованные зоны, целиком заполненные глиной; часто такие провалы захватывают весь комплекс перекрывающих пород и всю гипсоносную толщу. Погребенные формы карста фиксируются на многих участках склонов рек Уфы и Белой [Абдрахманов и др., 2002, с. 140].

Изученная в 2021 г. территория Глумилино-1, селища соотносится с озером глубиной около трех метров. Однако образовалось оно не в карстовой воронке, а в продольно вытянутой вдоль коренной террасы карстовой трещине. В ходе почвенного анализа был установлен одномоментный уход воды, что характеризуется тем, что процесс погребения почвы был резким, одномоментным. Исторический картографический материал, материалы межевания, содержащие информацию об исследованном участке, начиная с 1755 г., уже не фиксируют озера у Глумилино-1, селища. Памятник археологии расположен на правом берегу сезонного, пересыхающего ручья, протекающего по дну глубокого оврага, этот объект присутствует на подробных картах начала XX в. [Карта окрестностей города Уфы..., 1919; Карта Уфимской провинции..., 1880]. Возможно, этот археологический объект связан с ранее функционировавшим озером.

Таблица 1. Содержание валового фосфора в образцах

п/п	Объект	Глубина, см	P ₂ O ₅ вал., %	Заключение
	Колонка 1, кв В5, южная ст.	0–10	0,22	Современный гумусированный огородный горизонт. В качестве удобрения вносились навоз и / или зола. За счет перемешивания и бокового сноса обогащенный органикой слой оказался ниже обычного гумусового горизонта
		10–20	0,24	
		20–30	0,16	Содержание валового фосфора типично для органо-минеральных горизонтов почв
		30–40	0,18	
		40–50	0,15	
		50–60	0,15	
		60–70	0,11	Минеральный горизонт
	Колонка 2, кв В15, южная ст	0–20	0,29	Современный огородный горизонт
		20–40	0,19	Погребенные, переотложенные гумусовые горизонты
0		40–50	0,20	
1		50–60	0,16	Содержание валового фосфора типично для органо-минеральных горизонтов почв
2		60–70	0,18	
3		70–80	0,18	
4		80–90	0,16	
5		90–100	0,15	
6		100–110	0,14	
7		110–120	0,11	Минеральный горизонт
8	Колонка 3, кв С40, северная ст	190–170	0,18	Органо-минеральные горизонты
9		170–150	0,18	
0		150–130	0,21	Погребенные поверхностные горизонты почвы
1		130–110	0,22	
2		110–100	0,20	
3		100–90	0,19	Органо-минеральные горизонты
4		90–70	0,18	
5		70–50	0,19	
6		50–30	0,18	
7		30–10	0,15	
8	10–0	0,18		

Археологические раскопки территории палеозера выявили нестратифицированные объекты периодов неолита, позднего бронзового века, раннего железного века и эпохи раннего Средневековья. Фрагменты керамики и каменного инвентаря эпохи неолита и позднего бронзового века, а также вещевой комплекс эпохи раннего железного века и эпохи раннего средневековья, представленные фрагментами керамики, изделиями из черного металла, залегают на различной глубине и единого слоя не образуют. Вероятно, отдельные артефакты попадали в палеозеро с тальми водами или были выброшены в него древним населением. Таким образом, синхронными с палеозером были объекты, вещевой материал которых находился в нем на различной глубине. Это делает возможным предположить существование водоема (вероятно, непостоянной глубины и размера), хронологически связанного с периодами неолита, позднего бронзового и раннего железного веков. Прекратило свое существование палеозеро после второй половины первого тысячелетия нашей эры. В ходе проведения разведочных работ 2020 г. было выявлено Глумилино-1, селище (связанное с кара-абызской культурой эпохи раннего железного века и романовским типом именьковской культурной группы) (Чаплыгин, 2020, с. 45), предположительно, расположенное на берегу палеозера. Объекты неолита и позднего бронзового века обнаружены не были, что требует проведения дополнительных разведочных работ на территории, примыкающей к ранее существовавшему водному объекту.

А - разрез в верхней части раскопа

С - разрез в низкой части раскопа

В - разрез в средней части раскопа

Рис. 1. Почвенные разрезы Глумилино-1

Почвенные исследования площадки, примыкающей к собственно Глумилино-1, селищу были проведены с целью определения возможного культурного слоя в зоне проведения археологических раскопок [Гольева, Шутелева, Щербаков, 2018, с. 49]. Для достижения этой цели были проведены

морфологический анализ стенок раскопа на трех участках (рис. 1) непосредственно в полевых условиях, а также определение содержания валового фосфора (табл. 1), расположенных на разных геоморфологических позициях. Были отобраны три вертикальные колонки образцов в верхней, средней и низкой части раскопа. В каждом из них были выявлены современный гумусированный огородный горизонт, с удобрениями в виде навоза или золы, погребенные, переотложенные гумусовые горизонты, минеральный и органо-минеральные горизонты. В морфологическом отношении наиболее показателен участок, расположенный в одной из наиболее низких частей раскопа (глубина, от современной поверхности раскопа – 3,20 м), в разрезе хорошо прослеживается перекрывающая погребенную почву делювиальная склоновая толща, в этой части раскопа она максимальна по мощности. Погребенный темно-серый гумусовый горизонт выявлен на расстоянии 90–130 см от основания раскопа. Нижняя граница гумусового горизонта диффузна, постепенна. Для нижней границы подобный характер перехода нормален и свидетельствует о природном генезисе погребенной почвы. Верхняя граница между гумусовым горизонтом и перекрывшим его буром наносе – более резкая, практически линейная. Это указывает на то, что процесс погребения почвы был резким, одномоментным, что может свидетельствовать об одновременном «закрытии» поверхности палеоозера. Ни в одном из исследованных разрезов морфологические признаки культурного слоя не обнаружены. Кроме верхних современных горизонтов (10–20 см в колонке 1 и 0–20 см в колонке 2), содержание валового фосфора не превышает значений, требуемых для естественных почв (0,20–0,22 %).

Таким образом, каких-либо слоев, которые можно было бы отнести к культурным слоям, не обнаружено. Проведенные независимо морфологический и химический анализы подтвердили друг друга.

Аллювиальные слои палеоозера чрезвычайно информативны не только по сохранившимся фрагментам древних артефактов, оказавшихся под зеркалом озера по разным причинам, но и по содержанию химического состава грунта, который иллюстрирует изменение палеоклимата на данной территории.

Список источников и литературы

Абдрахманов Р. Ф., Мартин В. И., Попов В. Г., Рождественский А. П., Смирнов А. И., Травкин А. И. Карст Башкортостана. – Уфа : Ин-т геологии Уфимского научного центра РАН, 2002. – 383 с.

Гольева А. А., Шутелева И. А., Щербаков Н. Б. Проблематика палеоэкологических реконструкций экспонированных культурных слоев длительного постселитебного функционирования (на примере памятников эпохи поздней бронзы Республики Башкортостан) // Поволжская археология. – 2018. – № 3 (25). – С. 45–56.

Карта окрестностей города Уфы, Уфимского уезда, квадрат LXV-127. – М. : Литогр. картографического оттиска 1919 г. Отдела корпуса военной типографии Уфимского уезда, 1919. – Масштаб: в 1 дюйме 1 верста.

Карта Уфимской провинции Казанской и Осинской дорог 1755 года // Оренбургская губерния с принадлежащими к ней местами, по «Ландкартам» Красильникова и «Топографии» П. И. Рычкова 1755 года [Карты] – [Репродукция]. – Оренбург : Отдел РГО, 1880. – 1 атл. (28 л.).

Чаплыгин М. С. Раздел обеспечения сохранности объекта культурного наследия «Глумилино-1, селище» по объекту «Многоэтажные жилые дома с помещениями общественного назначения и паркингами на пересечении улиц Рудольфа Нуреева и Шайхзады Бабича г. Уфы» – 2 очереди строительства по проекту «Жилой комплекс с помещениями общественного назначения и подземным паркингом на территории, ограниченной бульваром Давлеткильдеева, улицами Рудольфа Нуреева, Сипайловской, Северным проездом и улицей Новогорная в Октябрьском районе городского округа г. Уфа РБ (1 и 2 очереди строительства)» в Октябрьском районе городского округа г. Уфа РБ в 2020 г. // Архив лаборатории Методологии и методов гуманитарных исследований ФГБОУ ВО БГПУ им. М. Акмуллы.

Яковлев Н. Н. О геологическом строении г. Уфы и ее ближайших окрестностей // Изв. Геологического ком. – Петроград, 1916. – Т. 35. – № 6. – С. 599–613.

Щербаков Н. Б. <https://orcid.org/0000-0001-7731-7178>

Гольева А. А. <https://orcid.org/0000-0002-3436-6460>

Шутелева И. А. <https://orcid.org/0000-0002-6852-5415>

Этноархеологические исследования: теория, методика, источники этноархеологии, исследовательское поле этноархеолога, понятийный аппарат этноархеологии

УДК 39

В. Н. Адаев

Россия, Тюмень, Тюменский научный центр СО РАН

ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА КОНСТРУКТИВНОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ДИАЛОГА

К настоящему моменту можно констатировать, что ожидания масштабного развития этноархеологии не оправдались, должная степень интеграции двух составляющих направление дисциплин не произошла. Отечественные и зарубежные специалисты отмечают недостаточное теоретико-методологическое развитие этноархеологии, качественное снижение научного уровня профильных исследований. Распространенной практикой стало проведение подобных работ без участия этнографов. Среди причин создавшегося положения – объективные трудности междисциплинарного взаимодействия и отсутствие у большинства этнографов собственного интереса в этноархеологических проектах. Интеграция двух дисциплин не может оставаться стихийным процессом. Первоочередную важность приобретает целенаправленная отладка взаимопонимания между археологом и этнографом, чтобы междисциплинарный диалог был максимально продуктивным и взаимно заинтересованным. Нарботки в этом направлении осуществлены в последние годы на базе Тюменского научного центра СО РАН.

Ключевые слова: методологические подходы, археологические реконструкции, интерпретация археологических артефактов, этнографический интерес.

V. N. Adaev

Russia, Tyumen, Tyumen Scientific Centre SB RAS

ETHNOARCHAEOLOGY: THE PROBLEM OF CONSTRUCTIBILITY OF THE INTERDISCIPLINARY DIALOGUE

Currently, it can be stated that expectations of a large-scale development of ethnoarchaeology have not been fulfilled and the proper degree of integration of the two constituent disciplines, archaeology and ethnography, has not been achieved. Both Russian and foreign experts note the insufficient theoretical and methodological development of ethnoarchaeology, the marked decline in the scientific quality of related studies. It has become a common practice to conduct such studies without the participation of ethnographers. The objective difficulties of interdisciplinary communication and the lack of personal interest in most ethnographers in ethnoarchaeological projects: are among the reasons for the current situation. The integration of the two disciplines cannot remain a spontaneous process. Purposeful amelioration of mutual understanding between an archaeologist and ethnographer is of paramount importance in order for the interdisciplinary dialogue to be as productive and mutually interested as possible. In recent years, developments in this direction have been carried out in the Tyumen Scientific Center SB RAS.

Keywords: methodological approaches, archaeological reconstructions, interpretation of archaeological data, ethnographic interest.

В последние десятилетия все громче и настойчивее звучит позиция о кризисных тенденциях в развитии этноархеологии. Некоторые их проявления в отечественной науке были раскрыты в недавней публикации членов оргкомитета нашей конференции [Корусенко, Тихонов, 2020]. Авторы отметили произошедшую несколько лет назад «смену тенденции» и «пробуксовку» российской этноархеологической дисциплины, что выразилось в исчезновении теоретико-методологических разработок, отсутствии «реально стратегических исследовательских целей», переключении ведущих специалистов на иные научные направления или разработку «личных тем». В качестве причин / предпосылок произошедшего были указаны сложная финансовая и организационная ситуация в отечественной науке, смена поколений в ученом коллективе и – что следует из контекста статьи – частичная выработка ресурса того теоретического базиса, который был заложен омскими специалистами Н. А. Томиловым и В. Б. Богомолловым в 1980-е гг. [Богомоллов, Томилов, 1981;

Томилов, 1996]. Настоятельная необходимость пересмотра теоретических основ этноархеологических исследований отмечалась и на других научных форумах. Характерный пример – круглый стол «Этничность в археологии или археология этничности?» [Этничность в археологии..., 2013].

Если в отечественной науке мы слышим по поводу перспектив этноархеологии лишь некие тревожные нотки, то некоторые западные коллеги констатируют едва ли не системный кризис направления. Знаменательным событием последнего десятилетия стала публикация бельгийского археолога О. Госселайна «К черту этноархеологию!» («To hell with ethnoarchaeology!»). Как понятно из названия, работа написана в провокативном стиле. Она действительно наполнена жесткой и саркастичной критикой. Автор указывает, что спустя полвека своего развития этноархеология осталась по-прежнему субдисциплиной, представители которой имеют лишь смутные представления о своих методах и подходах к исследованию. Главными причинами названы отсутствие специальной образовательной подготовки и сложившаяся практика работы, когда для археологов стало обычным поверхностное и тенденциозное отношение к этнографическому материалу (игнорирование нюансов, противоречий и прочего «фонового шума», подача частных случаев в качестве универсалий) [Gosselain, 2016, p. 216–221]. Прямым следствием публикации стала жаркая дискуссия, отголоски которой слышны до сих пор [Roux, 2017; Lyons, David, 2019]. Более сдержанную критику современной этноархеологической методике можно встретить в работах других западных авторов [Cunningham, McGeough, 2018; David, Kramer, 2001, p. 5; Roux, 2007 и др.].

Даже если отбросить наиболее радикальные критические суждения, очевидно, что и у нас, и за рубежом ожидания масштабного развития этноархеологии не оправдались. Из этого следует еще один важный вывод: **к настоящему моменту не произошла должная степень интеграции двух основополагающих дисциплин этноархеологии**. На первый взгляд это кажется парадоксальным, ведь одновременно у археологов наработан успешный опыт самого тесного сотрудничества с представителями естественных наук, физическими антропологами и лингвистами, а с коллегами своего же исторического профиля взаимодействие такого глубокого уровня удается организовать редко. Рассматривать это взаимодействие, конечно, нужно именно с позиции археологии, так как в этноархеологическом исследовании реализуются, прежде всего, ее проблемы и задачи. И в целом нужно признать, что в археологии этнографические данные востребованы в гораздо большей степени, чем археологические в этнографии. Неравнозначная заинтересованность в сотрудничестве – весьма важный аспект, к которому я еще вернусь.

Сначала нужно перечислить то, что изначально затрудняет междисциплинарный диалог: разная источниковая база, разная проблематика и методология работы, существенно различающийся научный язык. К этому нужно добавить непрерывно нарастающую массу контекстного материала (теоретического и фактологического), которым должен владеть специалист, чтобы полноценно ориентироваться в своей дисциплине. Если для первой половины XX в. известен целый ряд ученых, достигших одновременного признания сразу в обеих исторических науках, то в настоящее время – это редчайшее исключение из правил. Не имея большого количества медиаторов, мы плохо слышим друг друга, существуем как бы в параллельных пространствах. Здесь и кроется то разрушительное начало, которое подвигло О. Госселайна «бить в набат». Использование археологами для обоснования своих реконструкций и интерпретаций неких самостоятельно отобранных этнографических параллелей (обнаруженных подчас в ходе собственных полевых изысканий) – это благодатное поле для научных спекуляций и благовидного прикрытия безосновательных гипотез. Ведь коллеги-археологи чаще всего не владеют этнографическим материалом настолько, чтобы подвергнуть его полноценному критическому анализу, а профильные специалисты такие работы обычно не читают, да и прочитав, мягко говоря, не все бы там поняли.

Я не случайно упомянул о попытках археологов самостоятельно вести сбор этнографических полевых материалов – о таких примерах приходится слышать все чаще. Подоплека происходящего вполне тривиальна: опубликованные этнографические материалы обычно предстают в неадаптированной к археологическим потребностям форме – в них по-иному расставлены смысловые акценты, критически недостает внимания к мелким деталям. При этом основная масса этнографов не видит масштабных задач для своей дисциплины, которые бы реализовывались в рамках этноархеологического сотрудничества – у них нет там собственного научного интереса. Как следствие, исследователи древних культур, которые не находят нужные им ответы в этнографических публикациях и не могут полноценно донести свой запрос до полевикув-этнографов, берут дело в собственные руки. При всей привлекательности такого подхода и периодическом получении положительных результатов необходимо предостеречь коллег-археологов от его широкого применения. При отсутствии надлежащего опыта и контекстных знаний это еще более скользкая дорога, нежели выборка нужных

сведений из этнографической литературы, учитывая, насколько легко на ней получить «удобные» ответы даже для взаимоисключающих гипотез. С другой стороны, контрпродуктивным является, на мой взгляд, и вариант полного игнорирования этнографических параллелей при интерпретации объектов и явлений древних сообществ. В таком случае исследователь опирается прежде всего на собственный опыт, вкус и способности к логическому мышлению, создавая подчас нерабочие модели и вычурные конструкции. Ценность этнографии состоит в том, что она демонстрирует широкое разнообразие реально существующих или существовавших культурных феноменов в системе их внешних и внутренних взаимосвязей. Чтобы корректно интерпретировать и привлекать такой сложный ресурс для археологических исследований, требуется специалист с большой «насмотренностью» материала – им может быть только этнограф.

Таким образом, мы возвращаемся к стартовой позиции: этноархеология является перспективным научным направлением, но выход ее на новый качественный уровень возможен лишь в ходе глубокого междисциплинарного взаимодействия, которое затруднено объективными причинами. Ключевой вывод, к которому я подвожу: интеграция не может оставаться стихийным процессом. Первоочередную важность приобретает целенаправленная отладка взаимопонимания между археологом и этнографом, чтобы диалог представителей двух дисциплин был максимально продуктивным и взаимно заинтересованным.

Определенные наработки в этом направлении осуществлены в последние годы на базе Тюменского научного центра СО РАН. Для создания оптимальных условий междисциплинарной интеграции были определены следующие важные параметры:

1. Привлечение к работе тех категорий этнографов, которые изначально наиболее адаптированы к этноархеологическому сотрудничеству. Прежде всего – специалистов по этнической экологии (за основу берется экосистемное направление, самое близкое задачам комплексной реконструкции моделей жизнеобеспечения древних обществ). Также востребованными являются исследователи материальной культуры и этнографы с опытом изучения ранних архивных источников. Уже на первом этапе принципиально важно определить собственный научный интерес этнографа в этноархеологическом проекте.

2. Локализация междисциплинарных исследований в северных ареалах Западной Сибири. Выбор продиктован относительной простотой местных экосистем, жесткой детерминированностью жизни человека природно-климатическими условиями, малочисленностью населения, существенным консерватизмом его культуры и нередкой однослойностью археологических памятников. Акцент делается на наиболее удобных ареалах – относительных изолятах, где практикуются формы хозяйства, близкие к натуральному.

3. Поступательное введение археологов и этнологов в полевую работу смежной дисциплины. Включает сбор этнографических сведений через «археологическую оптику»: совместные полевые работы, экспериментальная этнография, совместная разработка опросников и пр. И обратный процесс – археологические исследования старых и руинированных этнографических объектов вместе с этнографами и представителями местного населения (важное триединство).

Список источников и литературы

Богомолов В. Б., Томилов Н. А. Теоретические и методические аспекты археолого-этнографических исследований // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири : сб. науч. тр. – Томск, 1981. – С. 125–128.

Корусенко М. А., Тихонов С. С. Тенденции в интеграции археологии и этнографии в конце XX – начале XXI века (на примере деятельности омской группы этноархеологов) // Вестн. Алт. гос. пед. ун-та. – 2020. – № 4. – С. 108–114.

Томилов Н. А. Этноархеология и этнографо-археологический комплекс // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1. Культура тарских татар. – С. 10–25.

Этничность в археологии или археология этничности? : материалы круглого стола / отв. ред. В. С. Мосин, Л. Т. Яблонский. – Челябинск : ЦИКР Рифей, 2013. – 136 с.

Cunningham J. J., McGeough K. M. The perils of ethnographic analogy. Parallel logics in ethnoarchaeology and Victorian Bible customs books // Archaeological Dialogues. – 2018. – № 25 (2). – P. 161–189. (на англ. яз.).

David N., Kramer C. Ethnoarchaeology in action. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 476 p. (на англ. яз.).

Gosselain O. P. To hell with ethnoarchaeology! // Archaeological Dialogues. – 2016. – № 23 (2). – P. 215–228. (на англ. яз.).

Lyons D., David N. To hell with ethnoarchaeology ... and back! // *Ethnoarchaeology*. – 2019. – № 11 (2). – P. 99–133. (на англ. яз.).

Roux V. Ethnoarchaeology. A non-historical science of reference necessary for interpreting the past // *Journal of Archaeological Method and Theory*. – 2007. – № 14 (2). – P. 153–78. (на англ. яз.).

Roux V. Not to throw the baby out with the bathwater. A response to Gosselain's article // *Archaeological Dialogues*. – 2017. – № 24 (2). – P. 225–229. (на англ. яз.).

Адаев В. Н. <https://orcid.org/0000-0001-7355-2007>

В. В. Бобров^{1,2}

Россия, Кемерово, ¹Институт экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН

Россия, Кемерово, ²Кемеровский государственный университет

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ ИНТЕГРАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ
РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ**

Работа содержит теоретический сюжет, связанный с интеграцией археологических и этнографических исследований в области реконструкции религиозно-мифологических представлений древних и средневековых обществ. Современные знания об иррациональных воззрениях таежных народов Западной Сибири, их религиозно-обрядовой практике и особенно об атрибутике предполагают более корректный подход к реконструкции. Он основан не столько на внешнем сходстве образов, сколько на их содержании, которое было узнаваемым и понимаемым архаичным сознанием. Так, изображения персонажей библейских сюжетов обские угры осознавали в качестве образов, свойственных их религиозно-мифологической системе. Семантика культовой металлопластики раннего железа и средневековья таежной зоны не нуждается в реконструктивной интерпретации: это сделано коренными народами, использовавшими древние изделия в своей религиозно-обрядовой практике.

Ключевые слова: миф, ритуал, иррациональные представления, обские угры, семантика.

V. V. Bobrov^{1,2}

Russia, Kemerovo, ¹Institute of Human Ecology, The Federal Research Center of Coal and Coal-Chemistry SB RAS

Russia, Kemerovo, ²Kemerovo State University

**THE THEORETICAL PLOT OF THE INTEGRATION OF ARCHAEOLOGICAL
AND ETHNOGRAPHIC RESEARCH IN THE FIELD OF RECONSTRUCTION
OF RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL IDEAS**

The work contains a theoretical plot related to the integration of archaeological and ethnographic research in the field of reconstruction of religious and mythological representations of ancient and medieval societies. Modern knowledge about the irrational views of the taiga peoples of Western Siberia, their religious and ceremonial practices, and especially about attributes suggest a more correct approach to reconstruction. It is based not so much on the external similarity of images, as on their content, which was recognizable and understood by the archaic consciousness. Thus, the Ob Ugrians realized the images of the characters of biblical plots as images peculiar to their religious and mythological system. The semantics of the cult metalplastics of early Iron and the Middle Ages of the taiga zone does not need a reconstructive interpretation. This was done by indigenous peoples who used ancient products in their religious and ceremonial practice.

Keywords: myth, ritual, irrational ideas, Ob Ugrian, semantics.

Международную конференцию «Интеграция археологических и этнографических исследований» по праву можно рассматривать как значительное событие в развитии отечественной гуманитарной науки последних трех десятилетий. На мой взгляд, историки науки и историографы научных направлений еще недостаточно уделили внимания проблемам методики и методологии интеграции двух важнейших и сопряженных исторических наук, интеграции в решении таких проблем дописьменного периода истории, как социальное в погребальном обряде, рациональное и иррациональное в познании человека, общества и природы и многие другие. Интеграционный научный форум, организованный специалистами Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН (до 2018 г., позже – Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН) и Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского по инициативе Н. А. Томилова, отвечает хрестоматийному принципу археологии, без которого она вряд ли смогла бы достигнуть в исследованиях исторического содержания и влиться в когорту гуманитарных наук. Новый импульс таким исследованиям придало широкое внедрение в археологию методов естественных и точных наук, а также IT- и цифровых технологий. Это не могло не вызвать

повышения потребности или обращения к археолого-этнографическим параллелям. Современная научная литература достаточно наглядно иллюстрирует этот процесс.

Однако существуют сферы жизнедеятельности человека археологических периодов древности и средневековья, которые пока неподвластны исследованию естественнонаучными методами и методами точных наук. В этнографической среде они также остаются в области традиционных подходов к познанию. Возможно, в будущем использование технологий, основанных на искусственном интеллекте, изменит ситуацию в этнографических исследованиях. Этой сферой является духовная культура, а точнее – иррациональная ее часть. Она воплощена в мифах, сказках, легендах; отражена в религиозно-обрядовой практике. Соответственно, для реконструкции религиозно-мифологических представлений населения древних периодов и раннего средневековья дописьменной истории ведущим подходом является обращение к этнографическим источникам. Что касается процедуры научного исследования в аспекте археолого-этнографических сопоставлений, то можно проследить как прямолинейный их характер, так и критический анализ морфологических признаков сравниваемых объектов. Это же наблюдается в реконструкции содержания религиозно-мифологических представлений.

Познания духовной культуры коренных народов азиатской части России, особенно таежной зоны Западной Сибири, в последние десятилетия не только обогатили этнографическую науку, но и внесли существенные коррективы в понимание вещественного мира, отражающего религиозно-мифологическое содержание. В этой связи обратим внимание на исследования А. В. Бауло, который целенаправленно изучает атрибуты в религиозно-мифологической и обрядовой практике угорских народов Северо-Западной Сибири [Бауло, 2002; 2004; 2011]. Значительное место среди них уделено иноэтничным предметам и произведениям искусства, включенным в цикл автохтонных иррациональных воззрений. В их арсенале – прежде всего высокохудожественные серебряные изделия сасанидского времени (III–VII вв. н. э.) и бляхи болгарского производства или их реплики (XII–XIII вв.). Особо следует выделить предметы пластического искусства усть-полуйской и кулайской культур. Но если группа импортных предметов из Передней Азии, Поволжья и Прикамья, а на раннем этапе освоения русскими Сибири – и из других районов Восточной Европы, содержит сложные многофигурные композиции и сюжеты, вероятнее всего, экзотичные для зрительного восприятия местным населением, то образы мелкой пластики эпохи раннего железа были изготовлены в той же привычной географической среде и были узнаваемы современным коренным населением. Более того, эти бронзовые предметы найдены самими хантами и манси в ареале их обитания и, вероятнее всего, могли вызывать ассоциацию сопричастности им. В качестве примера для первой группы предметов приведем широко тиражированные в научной литературе Аниковское и Нильдинское серебряные блюда [Маршак, 1971; Гемуев, 1988].

С точки зрения интеграции археологических и этнографических исследований, в первую очередь, обратим внимание на иноэтничные предметы – импортные, происхождение которых связано с ранними государствами Азии и Восточной Европы. Запечатленные на них сцены, в том числе – по библейским сюжетам, нашли почитание в чужеродной религиозной среде. А. В. Бауло очень точно обозначил два фактора. Во-первых, в этих сценах обские угры находили узнаваемые или понимаемые образы сквозь призму местных религиозно-мифологических представлений. Во-вторых, происходило заимствование иконографических элементов, что в конечном итоге приводило к формированию новых эталонов [Бауло, 2004, с. 115–116]. С моей точки зрения, в археолого-этнографических реконструкциях наиболее важное место занимает первый фактор. Здесь следует поставить вопрос: что позволяло узнавать или понимать образ? По сути, это практически то же самое, когда археолог, рассматривая изображенную на скальной плоскости сцену скифского времени, пытается интерпретировать ее с привлечением этнографических данных о религиозно-мифологических представлениях народов Сибири, возможно даже обских угров. Механизмом этого является узнаваемость в сопоставлении изображения и мифологического образа, но не по внешнему сходству, а по содержанию. В качестве примера к поставленному вопросу можно привести понимание антропоморфного изображения с луком или кинжалом. Осознание образа может быть отражено в таких понятиях, как: человек с оружием – воин – герой – богатырь. Такое осознание могло сопровождаться местом нахождения образа в сцене, в частности вверху или внизу. В любом случае ответить на поставленный вопрос без участия этнографа, специалиста в области архаичной духовной культуры вряд ли удастся.

Вторая группа предметов так называемого автохтонного производства, истоки которого уходят в I тыс. до н. э., занимает особое место прежде всего в религиозно-обрядовой практике. По общепринятому мнению, в угорской этнической среде они воспринимались как семейные духи-покровители, реже – как небесные божества. В аспекте тематики интеграционных процессов исследования предметы древней металлопластики в составе семейных святилищ современных коренных народов Западной

Сибири открывают перспективу изучения истоков формирования конкретных иррациональных представлений в среде охотников и рыболовов таежных ландшафтов. Несмотря на то, что эти предметы вне археологического контекста затрудняют их датировку, все же удастся определить время их существования в широких хронологических пределах и соотнести с археологической культурой.

В значительной степени этому способствуют активные археологические исследования в таежной зоне Западной Сибири в последние два десятилетия. Именно с ними связаны исследования уникальных погребальных памятников I тыс. н. э. в Сургутском Приобье [Кардаш, Слесаренко, Родин, 2021] и в Северном Приобье недалеко от Салехарда [Алексащенко и др., 2005]. Археологические исследования в ареале обитания этносов с традиционным укладом стимулируют междисциплинарную коллаборацию.

Примером является исследование, посвященное использованию древней бронзы в обрядах манси. Но определив время существования бронзового комплекса периодом раннего железа, авторы связывают формирование религиозных идей со всеми обитателями таежной зоны, а не с конкретным этносом [Гемуев, Молодин, Сагалаев, 1984]. Небезынтересно, что угры создали собственное производство культовой металлопластики из олова, свинца и меди. Напоминает так называемое импортозамещение, но в своеобразном варианте. Автохтонную тенденцию можно выразить формулой: религиозно-мифологические воззрения древних народов реконструировали коренные обитатели тайги Западной Сибири. Ее принципы и механизмы могут быть использованы в изучении духовной сферы древних и средневековых народов других ландшафтных зон.

Список источников и литературы

Алексащенко Н. А., Брусницина А. Г., Литвиненко М. Н., Косинцев П. А., Перевалова Е. В., Ражев Д. И., Федорова Н. В. Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в северном Приобье. – Екатеринбург ; Салехард : Изд-во УрО РАН, 2005. – 368 с.

Бауло А. В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 160 с.

Бауло А. В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 260 с.

Бауло А. В. Обские угры: атрибутика и миф (металл в религиозно-обрядовой практике XVIII–XX вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2002. – 46 с.

Гемуев И. Н. Еще одно серебряное блюдо из Северного Приобья // Изв. СО АН СССР. – Сер.: История, филология и философия. – 1988. – № 3. – Вып. 1. – С. 39–48.

Гемуев И. Н., Молодин В. И., Сагалаев А. М. Древняя бронза в обрядности манси // Проблемы реконструкций в этнографии. – Новосибирск, 1984. – С. 62–80.

Кардаш О. В., Слесаренко И. В., Родин С. О. Священная Кедровая Роща: формирование и развитие религии Салымских хантов в IV–XX веках. – Ханты-Мансийск ; Нефтеюганск ; Сургут : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2021. – 170 с. – (Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого ; вып. 19).

Маршак Б. И. Согдийское серебро. – М. : Наука, 1971. – 157 с.

Бобров В. В. <https://orcid.org/0000-0002-9195-7275>

В. А. Кисель

*Россия, Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН*

**МОТИВ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ЛИНИЙ НА ОЛЕННЫХ КАМНЯХ
И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АНАЛОГИ**

На оленных камнях (преимущественно саяно-алтайского и евразийского типов) устойчивым признаком выступает мотив наклонных параллельных линий, расположенных в верхней части памятника. Наиболее характерны две или три черты. Для их нанесения применялись выбивка с шлифовкой, барельеф, роспись. По распространенному мнению, мотив передавал татуировку, раскраску или скарификацию лица воина. Исследователи расшифровывали его значение как символ пояса в созвездии Орион, отражение культа Неба и Земли, идеограмму потусторонних сфер, магический знак, запирающий проход в иной мир. Используя этнографические материалы, можно высказать и другое предположение. В африканских и американских культурах полосы на лице индивидуума обозначали его этнос, клан, социальную и половую группу. В воинской среде линии часто указывали на число сражений и убитых врагов или же играли роль оберега. Нередко нанесение линий использовалось в обрядах перехода, например, инициации. Инициация имела тесную связь со смертью. По всей видимости, данный мотив на оленных камнях передавал метку, появлявшуюся на лице подростка во время инициации, служа маркером полноправного воина.

Ключевые слова: археология, этнография, оленные камни, погребальный обряд, инициация, знаковая символика.

V. A. Kisel

*Russia, St. Petersburg,
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS*

**MOTIF OF PARALLEL LINES ON DEER STONES AND ETHNOGRAPHIC
ANALOGUES**

On deer stones (mainly of the Sayan-Altai and Eurasian types), a stable feature is the motif of inclined parallel lines located in the upper part of the site. Two or three lines are most characteristic. Embossing with polishing, bas-relief, and painting were used for their application. It is believed that the motif conveyed a tattoo, coloring or scarification of the face of a warrior. The researchers deciphered its meaning as a symbol of the belt in the constellation Orion, a reflection of the cult of Heaven and Earth, an ideogram of otherworldly spheres, a magical sign that blocks the passage to another world. Based on ethnographic materials, another assumption can be made. The stripes on a person's face signified their ethnic, clan, social, and gender group in African and American cultures. In a military environment, lines often indicated the number of battles and killed enemies, or they played the role of a talisman. Drawing lines was often used in rites of passage, such as initiation. Initiation had a close relationship with death. Apparently, this motif on deer stones conveyed the mark that appeared on the face of a teenager during initiation. It marked a full-fledged warrior.

Keywords: archeology, ethnography, deer stones, funeral rite, initiation, iconic symbolism.

Оленные камни – интереснейшие памятники степной Евразии, относящиеся к эпохе поздней бронзы – раннему железному веку. На большинстве из них изображены предметы вооружения, детали костюмов, фигуры животных. Одним из элементов декора выступает мотив параллельных линий, расположенный сверху лицевой части мегалитов. Линии от одной до пяти (чаще две–три) обычно имеют наклон в правую или левую сторону. Для их нанесения использовались выбивка с шлифовкой, барельеф, роспись. Исследователи считают, что мотив имитировал татуировку, раскраску либо скарификацию лица воина. Думается, он служил заменой маски. Как показывает анализ, параллельные линии наиболее часто встречаются на оленных камнях общеевразийского и саяно-алтайского типов [Волков, 2002, с. 19].

Исследователи неоднократно пытались установить исходный иконографический вариант. Согласно Д. Г. Савинову, изначально фигурировало три черты, а их количественные изменения произошли в результате проникновения оленных камней на новые территории [Савинов, 1994, с. 91]. По мнению А. А. Ковалева, для европейских оленных камней и их азиатских прототипов первичной схемой служили две черты [Ковалев, 2000, с. 165]. В свою очередь, Ю. Н. Есин высказал предполо-

жение об одинарной линии как наиболее раннем образце [Есин, 2018, с. 105]. Однако в научной литературе возобладала точка зрения о двух-трехлинейной основе мотива.

Различное количество полос, разнообразие расположений, несхожесть способов изготовления можно объяснить предпочтениями того или иного коллектива, создававшего оленные камни. Преобладание памятников с двумя-тремя линиями, должно быть, указывает на доминирование одного или двух племенных объединений в евразийских степях, а широта распространения этого варианта – модой, захлестнувшей зависимые племена.

До сих пор ученые не пришли к единому мнению относительно интерпретации мотива. По Г. Н. Потанину, линии символизировали группу из трех звезд в созвездии Орион (пояс Ориона) [Потанин, 1885, с. 52–53, прим. 1]. Однако в таком случае создатели оленных камней изображали звезды в абсолютно оригинальной манере, отличной от мировой традиции, по которой небесные тела обозначались точками, кругами, лучевидными фигурами.

В. Д. Кубарев сравнил мотив с метками из трех черточек, процарапанных на деревянных вещах пазырыкской культуры Алтая [Кубарев, 1979, с. 44]. Но пазырыкские знаки включали также кресты, тройные лучи, N-образные и дуговидные фигуры. Наносились они обычно на тыльную сторону предмета и часто были едва заметны. По всей видимости, метки служили символами количественных и порядковых систем [Полторацкая, 1962, с. 88–89]. Кроме того, В. Д. Кубарев отождествил линии оленных камней с китайской триграммой Цянь и рисунками алтайских шаманов, отнеся их к символам культа Неба и Земли [Кубарев, 1979, с. 44–45].

Шаманскую тему развили Ж. Магай [Magail, 2005, p. 178] и В. С. Ольховский, причем у последнего она приобрела всеобъемлющий характер. На его взгляд, линии «обозначали количество сфер (миров), на которые распространялось “влияние” конкретной стелы». Пятью же чертами подчеркивалась «особая “мощь” изваяния, влиявшего “на все четыре стороны” горизонтального мира, находясь в его сакральном центре» [Ольховский, 1989, с. 58]. С этим трудно согласиться, поскольку приведенная для примера «сверхсильная» стела с пятью линиями из Тувы имеет на удивление небольшие размеры (высота менее 1 м) и очень скромную отделку [Плотников, Худяков, 1987, с. 109, рис. 1/ 3].

М. Е. Килуновская и Вл. А. Семенов усмотрели в оленных камнях отголосок культа богатого громовика. На их взгляд, линии обозначали «некую иную, не вполне человеческую, природу изображенного в камне персонажа». Предположение базировалось на присутствии у некоторых стел изображения гипертрофированной ладони [Килуновская, Семенов, 1999, с. 141–142; Килуновская, Семенов, 2018, с. 55, 57]. Правда, исследователи не привели доказательств гипертрофии, тем более, что на оленных камнях реальные предметы представлены в произвольных пропорциях. К тому же символ руки не замыкался на образе божества и часто выступал графической метафорой человека (героя или убитого врага) [Дюмезиль, 1990, с. 192; Кисель, 2018, с. 109; Стукалин, 2008, с. 260, 262].

Д. Г. Савинов, исследуя мотив, обратил внимание на похоронный ритуал тувинцев, при котором шаман чертил на земле три параллельные полосы, «чтобы покойник не смог вернуться домой». Ученый увидел в этом символическую границу с загробным миром и допустил обозначение на оленных камнях лица мертвеца, в частности, посмертной маски [Савинов, 1977, с. 128; Савинов, 1994, с. 91; Савинов, 2016, с. 137]. Заметим, что в тувинском обряде использовалась и одна черта [Кисель, 2009, с. 32]. А оба варианта были известны не только тувинцам. Например, чукчи, покидая совершенное захоронение, проводили поперек дороги полосу, а селькупы в той же ситуации рисовали волнистые линии или зигзаги [Жорницкая, 1980, с. 206; Лебедев, 1980, с. 157].

Версию об отношении знака из трех параллельных черт к символике мира мертвых поддержала М. А. Дэвлет. В качестве аргумента она привела петроглифы из Внутренней Монголии и Северной Азии – череповидные личины с тремя линиями на лбу – и заключила, что мотив отражал обычай нанесения полос на лицо покойного [Дэвлет, 1989, с. 67–68]. Доказательную базу М. А. Дэвлет можно расширить за счет изображений других мифических антропоморфных существ с прямыми и волнистыми линиями на лицах. С древности и практически до наших дней они встречались в Евразии (осиповская, одиновская, окуневская, самусьская, сяохэ, кулайская, релкинская археологические культуры, самодийцы, племена Нуристана), Африке (йоруба, бамбара), Америке (глинкиты, эскимосы).

Что касается раскраски трупов, аналогий также немало. Для эпохи бронзы примером служат раскрашенные черепа с р. Черновой в Хакасско-Минусинской котловине и татуированные, раскрашенные мумии из Синьцзяна [Вадецкая, 1967, с. 35; Bingham Wang et al., 1999, p. 75, 81, 89, 90]. Впрочем, в обоих случаях знаки отличались вычурностью: на черепахах – пятно на лбу, полосы на подбородке, под глазами и носом, на мумиях – волнистые линии, дуги, спирали, овалы. В скифское время возобладала более простая раскраска – извилистые и прямые параллельные линии, дуги. Она была зафиксирована на черепахах из курганов Приднепровья, Приуралья и Центральной Азии.

На гунно-сарматском этапе возродилась замысловатость лицевой окраски, что продемонстрировали черепа, погребальные маски, бюсты из Верхнего Приобья и Хакасско-Минусинской котловины [Бородовский, 1998, с. 64, 66–68, 70, рис. 1/ 1, 3, 7–10, 2/ 3]. В этнографическое время окраску лиц и тел покойников применяли айны и североамериканские индейцы [Морган, 1983, с. 95; Осипова, 2016, с. 103; Таиров, Бушмакин, 2001, с. 73].

Линейными знаками маркировались также места захоронений и могильных конструкций. С их помощью запирался проход в иной мир, открытый смертью человека. Так, снаружи каменной гробницы в Адыгее (Клады, к. 28) (вторая треть IV тыс. до н. э.) были проведены три горизонтальные полосы, а сверху погребальных каменных ящиков на Алтае (Школьный 1, погр. 4; Каракол, к. 2, погр. 2; Каракол, погр. 6) (первая половина II тыс. до н. э.) проходила продольная черта [Большаков, 2015, с. 46; Кубарев, 2009, рис. 13/ 1, 3, 58, 111].

Этот обычай в несколько измененном виде дошел до современности. Украинцы после выноса трупа из дома перевязывали ворота кушаком или полотенцем [Зеленин, 1991, с. 350]. Кыргызы при кончине супругов после удаления тел из юрты перекрывали вход двумя нитками, привязанными к столбам дверной рамы [Орозбекова, 2011, с. 373]. Нивхи и нанайцы, проводив покойного, обвязывали веревкой весь дом [Смоляк, 1980, с. 178].

Приведенные аналогии убеждают в правильности предположения о присутствии на оленных камнях символа смерти. Впрочем, оно нуждается в существенной корректировке.

Знаки из параллельных линий встречались на протяжении всей истории человечества и имели разное содержание. В настоящее время они большей частью представляют независимые символы: от триграммы в даосизме и трипундры в индуизме до обозначения равенства, тождества и параллельности в математике. Но для объяснения мотива оленных камней следует обратить внимание на обычаи традиционных обществ и, в частности, воинских коллективов.

Как свидетельствует этнография, в Африке и Америке полосы, нанесенные на лицо индивидуума, обозначали его этнос, клан, социальную и половую группу [Оля, 1976, с. 122, 128–129; Стукалин, 2008, с. 258–259, 261; Шуриц, 1907, с. 400, вклейка]¹. В воинской среде горизонтальные и вертикальные линии часто указывали на число сражений и убитых врагов. Таким способом отмечали свои подвиги сиу, шайены, осейджи, понки, шошоны. В то же время ассинибойны, команчи и ото расчерчивали лицо лишь эпизодически, непосредственно перед битвой [Стукалин, 2008, с. 257–259]².

Особое место знак занимал в обрядах перехода – церемониях изменения социального положения. Именно поэтому требовалась раскраска лиц покойников. Среди обрядов перехода выделяется инициация, тесно связанная со смертью. Нередко инициация сопровождалась татуировкой, скарификацией или раскраской. Например, алава в Австралии наносили краской линии на лица иницируемых, а шингу в Бразилии делали мальчикам надрезы на лицах и руках [Локвуд, 1971, с. 26–27; Шуриц, 1907, с. 384]. Нуэры в Восточной Африке несколько раз разрезали подросткам лбы от уха до уха [Эванс-Причард, 1985, с. 216]. Нельзя не вспомнить и обряд усыновления пленников (аналог инициации) осейджей в Северной Америке, когда тело усыновляемого «вымазывали бизоньим жиром, а на лицо черной краской наносили две полосы наискось от левой брови к нижней части правой скулы» [Стукалин, 2008, с. 635].

Одной из главных причин, побуждавших к татуированию, надрезанию и рисованию линий на теле человека, было их апотропическое значение. Это совпадало с той ролью, которую играли полосы, запиравшие границу потустороннего мира. В качестве параллели можно привести знак креста в христианских культурах. До сих пор он служит эмблемой не только смерти, но и возрождения, бессмертия. Знак активно используется в обрядах перехода, в частности, при крещении и хиротонии, когда неопиту миром или елеем чертится крест на лбу, ушах, груди, спине, руках, ногах. В православном погребальном ритуале, чтобы закрыть выход мертвецу, священник сыплет крестообразно землю на гроб и «запечатывает» могилу, рисуя крест на могильном холме. Широко распространен обычай установки на кладбищах памятников в виде крестов или стел с изображениями креста.

Приведенные примеры позволяют заключить, что линии на оленных камнях передавали знак, нанесившийся во время инициации на лицо подростка. Возможно, в реальности полосы рисовались краской одним движением руки (аналогично действиям народов Северной Америки и Индии). Одним пальцем проводилась одна черта, двумя пальцами – две и т. д. Очевидно, знак являлся апотропеем и имитировал следы когтей или зубов мифического существа. Показательны представления ряда этнических групп Западной и Центральной Африки, воспринимавших шрамы у иницируемых как следы от зубов или когтей Великого Духа леса, леопарда, хищной птицы. Кроме того, у ассинибойнов в Северной Америке подготовка к бою включала полную окраску лица с протира-

нием вертикальных полос, символизировавших рану от удара медвежьей лапой [Гэсо, 1979, с. 105; Оля, 1976, с. 121–122, 144; Стукалин, 2008, с. 257]³.

Таким образом, параллельные линии на вершинах оленных камней, скорее всего, являлись маркером инициации. Они должны были засвидетельствовать полноправный статус воина, которому был посвящен памятник.

Список источников и литературы

Большаков А. О. Расписная гробница Новосвободненской культуры в могильнике Клады, иераконпольская гробница № 100 и феномен двухкамерности // *Aegyptiaca Rossica*. – 2015. – Вып. 3. – С. 44–62.

Бородовский А. П. Раскраска тела погребенных в гунно-сарматское время на Верхней Оби (по материалам Быстровского некрополя) // *Сибирь в панораме тысячелетий : материалы междунар. симпозиума*. – Новосибирск, 1998. – Т. 1. – С. 64–72.

Вадецкая Э. Б. Древние идолы Енисея. – Л. : Наука, 1967. – 79 с.

Волков В. В. Оленные камни Монголии. – М. : Научный мир, 2002. – 248 с.

Гэсо П. Д. Священный лес. – М. : Наука, 1979. – 192 с.

Дэвлет М. А. О семантике загадочных изображений на оленных камнях // *Скифо-сибирский мир : тез. всесоюзной археологической конф.* – Кемерово, 1989. – Ч. II. – С. 66–68.

Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. – М. : Наука, 1990. – 229 с.

Есин Ю. Н. Об истоках иконографии оленных камней // *Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая : материалы IX междунар. науч. конф.* – Улан-Удэ, 2018. – Т. I. – С. 103–108.

Жорницкая М. Я. Чукчи // *Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения*. – М. : Наука, 1980. – С. 202–207.

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. – М. : Наука, 1991. – 511 с.

Килуновская М. Е., Семенов В. А. Антропоморфные элементы на оленных камнях Тувы и Монголии // *Записки ИИМК РАН*. – 2018. – № 18. – С. 50–59.

Килуновская М. Е., Семенов В. А. Оленные камни Тувы // *Археологические вести*. – 1999. – № 6. – С. 130–145.

Кисель В. А. Поездка за красной солью. Погребальные обряды Тувы. XVIII – начало XXI в. – СПб. : Наука, 2009. – 142 с.

Кисель В. А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве // *Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей*. – 2018. – С. 106–112. – (Тр. ИИМК РАН ; т. 47).

Ковалев А. А. О происхождении оленных камней западного региона // *Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии : сб. ст.* – М., 2000. – С. 138–180.

Котляр Е. С. Миф и сказка Африки. – М. : Наука, 1975. – 244 с.

Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). – Новосибирск : Наука, 1979. – 120 с.

Кубарев В. Д. Памятники каракольской культуры Алтая. – Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2009. – 264 с.

Лебедев В. В. Селькупы // *Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения*. – М. : Наука, 1980. – С. 154–158.

Локвуд Д. Я – абориген. – М. : Наука, 1971. – 223 с.

Морган Л. Г. Лига ходеносауни, или прокезов. – М. : Наука, 1983. – 301 с.

Ольховский В. С. Оленные камни (к семантике образа) // *Советская археология*. – 1989. – № 1. – С. 48–62.

Оля Б. Боги Тропической Африки. – М. : Наука, 1976. – 286 с.

Орозбекова Ж. Роль юрты в погребальном обряде у кыргызов Тянь-Шаня и Алая // *Этническая история и культура тюркских народов Евразии : сб. науч. тр.* – Омск, 2011. – С. 372–375.

Осипова М. В. Декоративно-прикладное искусство айнов: от прошлого к настоящему. (Очерки о духовной культуре айнов). – Хабаровск : Хабаровский краев. музей им. Н. И. Гродекова, 2016. – 216 с.

Плотников Ю. А., Худяков Ю. С. Оленные камни Южной Тувы // *Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология*. – Новосибирск, 1987. – С. 108–112.

Полторацкая В. Н. Знаки на предметах из курганов эпохи ранних клчевников в Горном Алтае // *АСГЭ*. – 1962. – № 5. – С. 76–90.

Потанин Г. Н. Памятники древности в северозападной Монголии, замеченные во время поездки в 1879 г. // *Древности, 1885*. – С. 50–57. – (Тр. ИМАО ; т. 10).

Савинов Д. Г. Некоторые актуальные аспекты изучения проблемы оленных камней // *Алтай в кругу евразийских древностей*. – Новосибирск, 2016. – С. 123–143.

Савинов Д. Г. О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков // *Проблемы археологии Евразии и Северной Америки*. – М., 1977. – С. 123–129.

Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб. : СПбГУ, 1994. – 208 с.

Смоляк А. В. Нанайцы // *Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения*. – М. : Наука, 1980. – С. 177–182.

Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. – М. : Искусство, 1985. – 298 с.

Стукалин Ю. В. Энциклопедия военного искусства индейцев Дикого Запада. – М. : Яуза ; ЭКСМО, 2008. – 688 с.

Таиров А. Д., Бушмакин А. Ф. Минеральные порошки из курганов Южного Урала и Северного Казахстана и их возможное использование // Российская археология. – 2001. – № 1. – С. 66–75.

Шурц Г. История первобытной культуры. – СПб. : Просвещение, 1907. – 688 с.

Эванс-Причард Э. Э. Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. – М.: Наука, 1985. – 236 с.

Binghua Wang, Ji Xianlin, Ahmat Rashid, Hes Duxiu, Li Wenying, Lu Enguo, Yu Wanli, Xu Wenkan, Han Kangxin. The Ancient Corpses of Xinjiung: The Peoples of Ancient Xinjiung and their Culture. – in China. : б. г. without a city : СIP. – 1999. – 245 p. (на англ. яз.).

Magail J. L'art des «pierres à cerfs» de Mongolie // Arts Asiatiques. – 2005. – Т. 60. – Р. 172–180. (на фр. яз.).

Кисель В. А. <https://orcid.org/0000-0002-7498-4837>

Примечания

1. В одном из мифов бамбара говорится: «В то время люди были бессмертны, они не знали языка и одежды. Чтобы узнавать друг друга, они по совету Мусо Корони (женщина-культурный герой. – В. К.) нанесли на свои лица в зависимости от пола три или четыре насечки. Три было символом мужского начала, четыре – женского» [Котляр, 1975, с. 89].

2. Разумеется, главной причиной была магическая сила знака, но определенную роль играло и маскировочное свойство полос. Именно поэтому к линейной раскраске лиц прибегают бойцы современных специальных подразделений.

3. А. Д. Столяр определял параллельные линии в татуировке верхнего палеолита как «обрядовое отображение наиболее типичных увечий, наносимых зверем» [Столяр, 1985, с. 131].

Н. В. Кабакова¹, С. Н. Корусенко²

¹Россия, Омск, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет

²Россия, Омск, Институт археологии и этнографии СО РАН

**ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К ДОЗОРНОЙ КНИГЕ ТАРСКОГО УЕЗДА
1701 ГОДА: ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ОСВОЕНИЯ
ТЕРРИТОРИИ И ПОИСКА ПОЗДНИХ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ***

В статье проанализированы материалы географического указателя к Дозорной книге Тарского уезда 1701 г. Географический указатель упорядочивает огромный пласт информации и позволяет выявить объекты жизнедеятельности в прошлом и сопоставить их с современной картой описываемой территории. Он включает обширные данные о географических объектах как природного, так и рукотворного характера, которые обрисовывают имевшиеся возможности и перспективы взаимодействия человека и окружающей среды в Тарском уезде. Все это позволяет использовать географический указатель для археологического изучения остатков прошлого на территории региона.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Тарский уезд, дозорная книга, географический указатель.

N. V. Kabakova¹, S. N. Korusenko²

¹Russia, Omsk, Siberian State Automobile and Highway University

²Russia, Omsk, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS

**THE GEOGRAPHICAL INDEX TO THE PATROL BOOK OF TARSK DISTRICT OF 1701: IN-
FORMATION RESOURCE FOR STUDYING THE DEVELOPMENT OF THE TERRITORY
AND SEARCHING FOR LATER MONUMENTS OF ARCHEOLOGY**

The article analyzes the materials of the geographic index to the Patrol book of the Tara district of 1701. The geographic index organizes a huge layer of information and allows you to identify objects of life in the past and compare them with the modern map of the described territory. It includes extensive data on geographical objects, both natural and man-made, which outline the existing opportunities and prospects for interaction between man and the environment in the Tara district. All this makes it possible to use the geographic index for the archaeological study of the remains of the past in the region.

Keywords: Western Siberia, Tara district, sentinel book, geographic index.

Территория Тарского Прииртышья является базовой для проведения этноархеологических исследований омской группой археологов и этнографов начиная с 1993 г., с момента организационного оформления и создания межведомственной группы этноархеологов в Омске и проведения I научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований». За почти тридцатилетний временной отрезок собрано большое количество этнографической информации, осуществлен поиск и продолжается исследование поздних археологических памятников русских и татар. На этапе научного сравнительного анализа материалов выявлены основные тенденции динамики многих компонентов культуры населения региона, изменения в его этносоциальной структуре. Значительным подспорьем в данных исследованиях являются письменные источники XVII–XIX вв., хранящиеся в центральных и местных архивах. Наиболее полноценным документом рубежа XVII–XVIII вв. представляется Дозорная книга Тарского уезда 1701 г., оригинал которой хранится в Российском государственном архиве древних актов [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182] и включает 425 листов с оборотами, т. е. 850 страниц. Это действительно уникальный источник, содержащий огромное количество сведений о населении и пространственном освоении данной территории. Омские историки приступили к его изучению 20 лет назад. За пройденный период осуществлены разноплановые исследования, построенные на материалах этого документа. А поддержка Российским фондом фундаментальных исследований научного проекта «Статика перемен как тренд развития окраин Российской империи в Петровскую эпоху (на примере Тарского Прииртышья)» в рамках конкурса «Петровская эпоха» позволила осуществить давнюю мечту работающей над Дозорной книгой группы – обнародовать ее для научной общественности.

В 2020–2021 гг. были опубликованы два тома Дозорной книги Тарского уезда 1701 года – оригинал и его аналог, воспроизведенный современным гражданским алфавитом [Дозорная книга...,

2020; 2021]. В настоящее время подготовлен к изданию макет еще одного тома, включающий статью, посвященную истории изучения данного источника и характеристике полученных результатов, а также научно-справочный аппарат, состоящий из указателей, справочников, фотоиллюстраций, способствующих восприятию текста источника [Дозорная книга..., 2022].

Географический указатель позволил систематизировать огромный информационный ресурс для изучения освоения пространства Тарского уезда, который встречается на страницах Дозорной книги. Он вмещает обширные сведения об объектах как природного, так и рукотворного происхождения. Одной из иллюстраций для понимания степени насыщенности данного документа географической терминологией может стать описание земельных владений татарского головы Василия Козьмина сына Заливина: «А та у него пашня и сенные покосы в опщих межах з братом ево с Степаном Заливиным. А кругом того *Ичкитовского острова* обошло *болото* от пашенные *заимки конного казака Савки Ефтина*, по нижнюю сторону от *заимки Пронки Пичюгина* по *гумнице Ералгашево*, да по старой чертеж, да по сторону *Ичкитовки речки*, от пашенные *заимки отставного конного казака Якушка Емцова* по черные рокитовые кусты и до *Ичкитовской большой дороги*, а по другую сторону по *малую Ичкитовскую ж дорогу*» (выделено курсивом авторами. – Н. К., С. К.) [Дозорная книга..., 2021, с. 15–16].

К номинациям природного плана относятся многочисленные гидронимы. В первую очередь это реки (речки, речечки) и объекты, с ними связанные. Среди последних: вершины (исток реки), например, Каратальская, Кузина, Ибейская; водовороты, например, Лучкина, Тулубаева; курьи (старицы), например, Кульметева, Кура Биреня; переузы (наиболее узкое место реки), например, Чебаклинская переузь; устья (Изюцкое, Курманское, Танатовское); заостовки (рукав реки, отделенный от русла островом), например, Тамышева; плесы (Котьяк) и пр. Всего же в географическом указателе перечислено 4 реки (самая крупная – Иртыш («Иртиш»), а также Тара, Оша и Аев) и более 150 речек и речушек [Кабакова, 2021б]. В черед гидронимов географического указателя Дозорной книги изобилуют озера от достаточно крупных (Петрово, Изюцкое) до мелких (Глухое Карасье, Уайтуй малое озерко, Чиялы и др.). В целом на страницах Дозорной книги встречаются более 150 различных озер. Наконец, в границах Тарского уезда было множество крупных и небольших болот, всего их было более 120, и в указателе они перечислены как болота, болотца или болотечки (Чистое, Моховое и Антастовское болота, Малое Круглое и Сухое болотца, Кочковатое и Осинное малое болотечки). Также в тексте книги упоминаются заливы (Каргинской), омуты (Большой), протоки (до Карасьих озерок), которые могли относиться к различным водоемам, как к рекам, так и озерам. Названо 6 бродов («бородов»), например, Богачанов брод, Мишкин брод, брод по речке Ибейке.

Географический указатель содержит объекты, созданные людьми на водоемах и связанные с их жизнедеятельностью на территории Тарского уезда. Это и запоры как приспособления для рыбной ловли из кольев и жердей, которые вколачивались в дно реки или другого водоема, и переволоки, являвшиеся местами перемещения судов и грузов с одного водного пути на другой. Среди подобных объектов – Еиртишский запор, Уйская переволока. К рукотворным сооружениям, непосредственно связанным с гидронимами, относятся мосты (всего их в указателе названо 8, например, Бухарский и Онисимов мосты, рубленный мост через речку Аркарку).

В географическом указателе имеется значительное число терминов, характеризующих сухопутные объекты. Среди них – многочисленные разновидности леса: березники, боры, дубровы, ельники, липняги, лиственничники, осинники, сосняги, урманы. Некоторые из лесов имели собственные наименования: Чистый березник, Толстый березник, Чекменберик березник, Темиряцкий бор, Авлейский сосняк, Балашов сосняк. Нередко другие географические объекты получали свои наименования от близлежащих лесных мест (Липняговское болото, Березовой мыс, Сосновое озеро).

Немаловажно, что построенный на материалах Дозорной книги указатель вместил наименования, характеризующие особенности форм рельефа. Среди них встречаются луга (лужки), острова (островки), урочища, ялани («елани») – ровные, безлесные, незаболоченные места. Другие объекты обозначают возвышенные места – горы, гривы, увалы, курганы, яры (ярки). Одни из них получили наименования (Красный яр, Водопьяная Высокая грива, Дубровный увал), другие их не имели и оказались «привязаны» к иным географическим топонимам. Такова, к примеру, гора, на которой расположился город Тара: «Город Тара на горе над речкою Аркаркою, вверх по Иртышу реке, на правой стороне от реки Иртыша в трех десятинах и болщи. А речка Аркарка з западной стороны обошла кругом около той горы» [Дозорная книга..., 2021, с. 12]. Ряд объектов, имеющих в указателе, обозначают «низкие» особенности рельефа местности. Это 37 буераков («баяраков») – небольших оврагов, которые упомянуты в тексте Дозорной книги (среди них – Атыр, Тундроватый, Чюлак). К подобного рода объектам относятся 6 логов (логовин) – широких оврагов с пологими

склонами (Большой лог под Кильметевы выпаша, лог Юшки Терехова). Имеются в указателе и «розвилины» – места соединения двух оврагов, логов в один (например, Нюхоловские розвилины).

Названы составителями Дозорной книги и те местности на суше, что располагались рядом с водными ресурсами: алапы – заливные поймы рек, топкие места (их упомянуто 10, среди которых Агатовский, Тиеский, Дальний Большой); тюпы – полуострова, мысы, заливы (Силчинский Малый, Чагынский); луки – дугообразные повороты, излучины рек или мысы, огибаемые реками (их 16, например, Багильдеева, Большая Ошинская, Киргапская). Упомянуты в указателе мысы – выдающиеся углом, клином части чего-либо, которые могли располагаться не только в близости к водоемам, но и без отношения к последним. Всего мысов более 10, среди которых – Березовый, Вострый, Галчиков, Сухой, Суслов.

Перечисленные природные объекты являлись естественными и зачастую неизменными, а то, что подавляющее их большинство приобрели собственные наименования, свидетельствовало о востребованности, важности в организации жизни местного населения.

Следующий блок наименований, упомянутых в географическом указателе, непосредственно связан с разнообразной деятельностью людей. Безусловно, это названия территорий (уездов, волостей) и населенных мест (городов, сел, слобод, деревень), причем не только расположенных в пределах описываемого Тарского уезда, но и иных сибирских и российских земель. Во многом подобное обстоятельство было обусловлено разворачиванием миграционных и колонизационных процессов на рубеже XVII–XVIII вв. [*Бережнова, 2021; Кабакова, 2021a*]. Названы также небольшие населенные пункты, в которых размещались как русские жители (остроги, станы, заимки), так и представители тюркоязычных народов (юрты, летники (летовья), зимники).

Географический указатель вместил рукотворные объекты, построенные людьми в пределах населенных пунктов: рвы, надолбы, башни, ворота, земляные валы, ограды, столбы. Часто такие сооружения приобретали оборонительное значение. Так, в остроге Биргамацкой слободы упомянуты ворота «проезжая» к Таре реке, около дворов острога Татмыцкой слободы – «вал земляной да ров с надолобы», в селе Изюцком в столбы была забрана ограда около церкви. Среди наименований подобного рода в географическом указателе названы отдельные строения (дворы, избы, «анбары», кузницы, лавки, мельницы). Все они были связаны с реализацией определенных функций представителями администрации и хозяйственными занятиями местных жителей. Наибольшее количество таких сооружений относились к крупным населенным пунктам – городу Таре, Аевской, Биргамацкой и Татмыцкой слободам. В географическом указателе нашли отражение объекты, являвшиеся следствием необходимости отправления религиозных культов русскими жителями. Это 6 монастырей, но только 2 из них относились непосредственно к Тарскому уезду, остальные располагались в иных частях Тобольского разряда и страны. К объектам религиозного характера относятся также церкви (их в городе Таре, селах и слободах Тарского уезда насчитывалось 10), часовни, многие из которых были возведены в деревнях (всего 20). Отметим, что в тексте Дозорной книги были упомянуты отдельные погосты («повосты») – Спаской, Изюцкой, кладбища (татарские), «могилища» (подле озера Кибей, у Большой деревни).

Значительное место в тексте Дозорной книги занимали описания возделанных земельных участков – покотин, гумен («гумнищ»), «овсищ», пашен, «овинищ», распашей, пустошей, непаханых земель, сенных покосов, «скоцких» выпусков. Это является свидетельством особой важности таких видов деятельности для жителей Тарского уезда, как земледелие и скотоводство. Некоторые из земельных участков были поименованы: покотина Андрюшкина Ставского и покотина деревни Свидерской, Малофеевская пашня, Бабаево гумнище и пр. Однако многие из этих земель не нашли отражения в терминологии географического указателя, поскольку чаще всего не имели собственных названий, но все они могут идентифицироваться, так как были привязаны к природным объектам – гидронимам, крупным лесам и небольшим колкам, особенностям рельефа местности или отдельным отметинам (гряням, крестам, отдельно стоявшим растениям – одиноким или «розвиловатым» березам, таловым кустам), селениям, дорогам и пр. Так, черкасской сотни казак Петрушка Степанов сын Ивановской из деревни Коюрлинской (Носковой), что раскинулась над озером Коюрлинским и над рекою Ошею, владел сенными покосами «подле озеро Кибей, к могилищам» [Дозорная книга..., 2021, с. 270]. Пашня десятника Андрюшки Матвеева сына Бородихина из Тары была в межах «против покотины отца ево Матюшки, и от сенного покосу, и по черной таловой куст, и по Татарскую дорогу, и по березовые колки, а от тех колков по баярак, и по озерки, и по розвиловатую березу, и на усть гор по мост, которой мост под двором отца ево Матюшки на речке Ибейке» [Там же, с. 36].

В географический указатель вошли сведения, демонстрирующие распространение других разнообразных видов хозяйственной деятельности у жителей Тарского уезда. Так, о наличии «звериных

промыслов» говорят наименования «Медвежий яр», Зверовая и Туралинская Дальняя Зверовая, Медвежья дороги. О развитии «рыбных ловель» свидетельствуют учтенные неводы и бредники, что ставили на водоемах, в самих названиях которых содержались порой наименования сортов рыбы, вылавливаемой в данной местности (Карасье озерко, Чебаклинское озеро). Местные жители собирали дикоросы (Малиновая лука, Черемхова лука, Моховое болото и Моховая дорога, Липовская дорога). Свидетельством развития ремесел и торговли являются перечисленные в географическом указателе 24 кузницы и 7 мельниц, большинство из которых сосредоточились в городе, 11 лавок (в Таре).

Описания Дозорной книги включают дороги, служившие привязками между населенными пунктами, хозяйственными объектами внутри самого Тарского уезда, магистралями, связующими регион с различными другими территориями и ставшие путями для многочисленных миграций. Обилие дорог свидетельствует о неуклонном расширении колонизационных процессов в данном регионе. Всего в географическом указателе названо более 90 крупных (Городовая, Посольская) и небольших дорог (дорога Тимошки Уткина, дорога «прохожая к озеру Богданову»). Кроме того, в указателе имеются объекты, дополняющие картину развития дорожной сети: упомянуты «Зимней взвоз» (взвоз, дорога в гору от реки или перевоза), «Каратальская рытвина» (углубление, выбитое колесами или промытое дождем).

В целом географический указатель упорядочивает огромный пласт информации, содержащейся в тексте Дозорной книги, и позволяет выявить объекты жизнедеятельности в прошлом и сопоставить их с современной картой описываемой территории. Он включает обширные материалы о географических объектах как природного, так и рукотворного характера, которые обрисовывают имевшиеся возможности и перспективы взаимодействия человека и окружающей среды в Тарском уезде. Все это позволяет использовать данные географического указателя для археологического изучения остатков прошлого на территории региона.

Список источников и литературы

Бережнова М. Л. Количественные методы исследования Дозорной книги Тарского уезда 1701 года: проблемы и результаты // Былые годы. – 2021. – № 16 (2). – С. 471–482.

Дозорная книга Тарского уезда 1701 года : в 3 т. / отв. ред. Н. А. Томилов ; подгот. к изданию М. Л. Бережнова, Н. В. Кабакова, С. Н. Корусенко, Т. П. Рогожникова, М. В. Хоменко. – Омск : Издательский дом «Наука», 2021. – Т. 1. Дозорная книга Тарского уезда 1701 года [текст]. – 656 с.

Дозорная книга Тарского уезда 1701 года : в 3 т. / отв. ред. Н. А. Томилов ; подгот. к изданию М. Л. Бережнова, Н. В. Кабакова, С. Н. Корусенко, Т. П. Рогожникова, М. В. Хоменко. – Омск : Издательский дом «Наука», 2022. – Т. 2. Дозорная книга Тарского уезда 1701 года [научно-справочный аппарат]. – 288 с.

Дозорная книга Тарского уезда 1701 года : в 3 т. – Омск : Издательский дом «Наука», 2020. – Т. 3. Дозорная книга Тарского уезда 1701 года (оригинал). – 862 с.

Кабакова Н. В. «Переписать всяких чинов людей и пришлых из русских и поморских городов»: миграции в Тарском уезде в конце XVII века // Научный диалог. – 2021а. – № 9. – С. 292–308.

Кабакова Н. В. Реки и дороги: роль в жизнедеятельности населения Тарского Прииртышья в конце XVII века // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии. – Омск : Издательский дом «Наука», 2021б. – С. 158–163.

РГАДА. Ф. 214. – Оп. 1. – Д. 1182.

Кабакова Н. В. <https://orcid.org/0000-0002-5133-1286>

Корусенко С. Н. <https://orcid.org/0000-0002-9369-5272>

Примечания

*Работа выполнена в рамках реализации проекта РФФИ № 20-09-42054 «Статика перемен как тренд развития окраин Российской империи в Петровскую эпоху (на примере Тарского Прииртышья)».

С. С. Тихонов¹, М. А. Корусенко^{1,2}

*Россия, Омск, ¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Россия, Омск, ²Омский научный центр СО РАН*

**НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
ЭТНО / ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ)**

В статье авторы рассматривают новые направления исследований культуры населения Западной Сибири, появившиеся в рамках исследований этнографо-археологических комплексов (ЭАК) сибирских татар и русских Сибири, проводимых поисковой группой ученых Омска под общим руководством Н. А. Томилова. Все они основаны на комплексном изучении археологических, этнографических, письменных, географических, естественно-научных и прочих источников. Мы полагаем, что они имеют отношение не только к этно / этнографо-археологическим исследованиям и изучению поздних археологических памятников, но и развитию теории, методологии, источниковедения и практических исследований в разных областях наук о прошлом и современном состоянии культуры этносов, ведущих / ведущих традиционный образ жизни: археологии, этнографии, истории, культурологии.

Ключевые слова: этнографо-археологические комплексы, этноархеология, теория, методология, источники.

S. S. Tikhonov¹, M. A. Korusenko^{1,2}

*Russia, Omsk, ¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Russia, Omsk, ²Omsk Scientific Center SB RAS*

**SOME DIRECTIONS OF DEVELOPMENT
OF ETHNO / ETHNOARCHAEOLOGICAL RESEARCH
(BASED ON THE MATERIALS OF WEST SIBERIAN ARCHEOLOGY
AND ETHNOGRAPHY)**

In the article the authors consider new directions of research of the culture of the population of Western Siberia, which appeared as part of the research of ethnographic and archaeological complexes (EAC) of Siberian Tatars and Russians of Siberia, conducted by a search group of Omsk scientists under the general leadership of N. A. Tomilov. All of it are based on a comprehensive study of archaeological, ethnographic, written, geographical, natural-scientific and other sources. We believe that they are relevant not only to ethno / ethnographic-archaeological research and the study of late archaeological sites, but also to the development of theory, methodology, source studies and practical research in various fields of sciences about the past and present state of culture of ethnic groups leading / leading a traditional way of life: archaeology, ethnography, history, cultural studies.

Keywords: ethnographic and archaeological complexes, ethnoarchaeology, theory, methodology, sources.

В данной статье мы рассмотрим некоторые направления работ омских ученых, появившихся после начала работ по исследованию ЭАК. Интерес к ним связан с введением в научный оборот новых источников, развитием методологии исследований, с изменением научных интересов членов группы, что совершенно естественно. К сожалению, объемы статьи не позволяют привести полный список публикаций наших коллег. Поэтому мы ограничимся приведением нескольких изданий, где означенные направления работ в той или иной степени затронуты [Жук, Тихонов, Томилов, 2009, с. 79–125; Бережнова и др., 2014; Бережнова и др., 2016 и др.].

Методологические аспекты исследований этнографо-археологических комплексов. Пальма первенства в разработке этого направления исследований принадлежит Н. А. Томилову, который еще в 1981 г. на Западно-Сибирском археолого-этнографическом совещании выступил с идеей изучения ЭАК, а затем обосновал теоретические и методологические вопросы их изучения. Так или иначе этих проблем касались все его омские коллеги, но наиболее активен в этом отношении был С. С. Тихонов, пытающийся адаптировать методологии европейских и американских ученых к изучению ЭАК. По нашему мнению, в настоящее время при анализе ЭАК наиболее возможны следующие подходы:

- системный подход в варианте Л. фон Берталанфи и его последователей. Есть исследователи, которые считают, что он устарел. Однако для классификации элементов системы (а ЭАК именно ей

и является), их ранжирования, изучение связей элементов и подсистем, а также изучения ЭАК на макро-, мезо- и миниуровнях он очень удобен;

- синергетика или теория саморазвивающихся систем, разрабатывавшаяся Г. Хакеном и его коллегами, позволяет понять флуктуации ЭАК, определить точки его бифуркации и рассмотреть результаты сильных и слабых воздействий на культуру населения, формировавшего ЭАК;

- мир-системный анализ, разработку которого начали Ф. Бродель, И. Валлерстайн, А. Франк и другие ученые, обосновывает включение ЭАК в один из вариантов мир-системы, позволяет рассмотреть их центр, периферию и полупериферию и тем самым показать место ЭАК в политических, экономических и прочих процессах во время его функционирования;

- теорема о неполноте К. Гёделя была доказана им для аксиоматических наук. Мы предпринимаем попытки ее адаптации к исследованиям в области изучения ЭАК, этноархеологии, археолого-этнографических сопоставлений, реконструкций в археологии. Ее использование позволит верифицировать результаты вышеуказанных работ, а также обосновать необходимость привлечения источников других наук в сфере этнографо-археологических исследований;

- ветвящиеся марковские процессы – та их часть, которую называют ветвящимися процессами с взаимодействием частиц. Суть их в том, что возникновение новых частиц возможно не только при их делении, но в результате взаимодействия. Применительно к гуманитарным наукам это может объяснить (предсказать?) появление новых направлений исследований при интеграции или дифференциации дисциплин. В настоящее время мы говорим не о решении проблемы, что может потребовать значительного времени, а о ее постановке.

Источники для изучения этнографо-археологических комплексов. В отечественной исторической науке преобладает концепция деления источников по способу кодирования информации, знакомая ученым еще со студенческой скамьи. При изучении ЭАК русских и татар в Среднем Прииртышье были высказаны мнения о специфике источников XVII–XVIII вв., которые называют и этноархеологическими и этнографо-археологическими. Наиболее активны в этой области были Л. В. Татаурова, М. А. Корусенко и М. Л. Бережнова. Первое, на чем мы заострим внимание, это то, что археологические и этнографические источники по-разному осмысливаются теоретически и иначе обрабатываются и анализируются практически. Сюда же добавим разные по количеству и качеству выборки материалов.

Это позволяет рассмотреть минимум два подхода к источнику в этноархеологических исследованиях. Исходная позиция – археологические и этнографические материалы – суть разные по происхождению. Стандартный подход к их совмещению / интеграции таков: археологический источник, поскольку он отчасти утратил связь со средой бытования, существенно деформирован и т. д., а данные этнографии его дополняют и делают более информативным. В то же время временная лагуна между группами источников иногда делает подобные построения умозрительными.

С другой точки зрения ученый в ситуации интеграции источников имеет дело с особым типом источника – назовем его условно этно / этнографо-археологическим. Здесь речь может пойти об иерархии таксономических уровней всех названных источников. Вернее, выявленные новые свойства археологического и этнографического источника позволяют их совместить в этно / этнографоархеологическом источнике.

В рамках данного подхода можно сразу наметить несколько направлений методических разработок. Например, при ситуации когда археологические предметы «доживают» до современности и могут быть дополнительно отражены в письменных, графических и прочих источниках, в некоторых случаях – они не утратили связь со средой бытования (факты, зафиксированные в этнографической источнике). Возможно включение археологических данных в этноархеологический источник без дополнительных процедур интеграции.

В других случаях эту связь можно достоверно реконструировать. Но в рамках создания этноархеологического источника эту связь можно достоверно реконструировать.

Необходимо отметить еще одну особенность этноархеологического источника – в связи с тем, что он «работает» с одинаковыми свойствами источников более низкого таксономического уровня, последние могут быть подвергнуты одинаковым исследовательским процедурам, что придаст комплексному анализу групп таких источников необходимую достоверность. Полагаем, что мы находимся только на начальном этапе работ и надеемся на внимание и помощь коллег.

«Некротифа традиционной культуры русского и сибирско-татарского населения Прииртышья XVII–XX вв.» Некротифа традиционной культуры – понятие, введенное в область интеграции источников и методов археологии и этнографии, которое позволяет непротиворечиво вклю-

чить в исследовательское поле и археологические, и этнографические материалы, и их производные (данные естественно-научных анализов, анализ антропологических материалов и др.); новый исследовательский подход, который апробируется на серии могильников позднего средневековья – Нового времени Тарского Прииртышья.

Развивая теоретические положения, М. А. Корусенко и А. В. Полеводов выступили с концепцией исследования некросферы традиционной культуры, т. е. части социокультурной системы, отражающей все проявления контактов живых с миром мертвых и состоящей из некросфер пространства, вещей и ритуалов. В каждой из них есть мировоззренческий и практический уровни. Фактически это апробация варианта построения многоуровневой и многоплановой системы исследования и реконструкции погребального обряда, в основе которой лежат археологические, этнографические, социологические, антропологические и т. д. материалы.

Отметим, что не все наши коллеги присоединились к этой концепции, продолжая исследование погребального обряда и некрополей в этнографии и следов этого обряда на могильниках в археологии в стандартной схеме научных изысканий. Эта процедура хорошо разработана и включает фиксацию действий до, во время и после похорон, анализ особенностей погребальных конструкций, социальной и половозрастной структуры населения по данным могильников и т. д.

Социокультурная система ЭАК сибирских татар и русских в свете новых источников – это базовая составляющая исследований, включающая анализ его компонентов и формирование источниковой базы работ. Большое внимание этому вопросу, в частности – истории формирования концепции ЭАК, его теории и методологии, уделяет Н. А. Томилов. С. Н. Корусенко вводит в научный оборот новые источники, такие, как «Дозорная книга Тарского уезда» 1701 года, и обобщает сведения по генеалогии иртышских и барабинских татар. Интересную работу выполняют М. Н. и К. Н. Тихомировы, ведя полевые исследования в удаленных от Иртыша татарских населенных пунктах, большое внимание уделяя природопользованию, системе расселения, традиционному хозяйству сибирских татар и их пище.

Два направления исследований стали практически самостоятельными научными проектами:

1) Проект «Ранние государственные образования на территории Западной Сибири»¹, под которыми понимались чаще всего Тюменское и Сибирское ханства, преимущественно изучался по материалам письменных источников, хотя был и стык с археологией, поскольку ученым известны результаты раскопок некоторых исторических городищ (например, Искер, Тон-Тура, Бицык-Тура) и другие археологические памятники этого времени.

Продолжая и развивая работы В. И. Соболева, активно работает в этом направлении С. Ф. Татауров. Он же занимается раскопками и выявлением памятников времен Сибирского юрта, обобщением материалов по этой проблеме, поиском и анализом маркеров – символов государственной власти. Он полагает, что крупные объекты (ханский город, пограничные городки, астана), серия предметов (оружие, одежда, перстни) – все это является бесспорными свидетельствами существования государственных образований с системой пограничной стражи, путями сообщения, сложной социальной структурой. Интересно, что С. Ф. Татаурову удалось найти археологические подтверждения одного из конкретных событий этого времени – штурма Тунусского городка весной 1595 г. Борисом Доможировым и Своитином Рупосовым. Этот городок находится в пойме р. Тунуска (левый приток Тары, Муромцевский район Омской области), исследовался в течение трех лет.

Для объединения усилий ученых Д. Н. Маслюженко (Курган) и С. Ф. Татауров проводят регулярную конференцию «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири», в изданных материалах которой размещены новые археологические материалы, письменные источники и научные концепции.

2) Проект «Культура русских в археологических исследованиях», развиваемый Л. В. Татауровой, из этнографо-археологической проблемы практически стал особым направлением поздней археологии и обретает глобальный всероссийский масштаб. Очень активно в нем работают сама Л. В. Татаурова, раскапывающая русские деревни в Среднем Прииртышье, и С. Ф. Татауров, занимающийся раскопками Тарской крепости. Много сил тратят на изучение русских памятников Сибири сибирские археологи (например, А. А. Адамов, О. М. Аношко, А. П. Бородовский, Г. П. Визгалов, С. В. Горохов, А. В. Матвеев, С. Г. Пархимович, Г. Х. Самигулов, Ф. С. Татауров, С. С. Тихонов, М. П. Черная и др.).

Для объединения усилий специалистов Л. В. Татаурова регулярно организывает и проводит в разных сибирских городах научную конференцию «Культура русских в археологических исследованиях», в которой принимают участие отечественные ученые из центральных и региональных научных и учебных учреждений, а также специалисты из ближнего и дальнего зарубежья.

Что касается конкретных результатов работ омских ученых, то в результате долговременных раскопок Бергамацкой слободы, деревень Изюк, Ананьино (Большереченский, Муромцевский, Тарский районы Омской области) и Тарской крепости с использованием новых данных и современных методов обработки информации появилась возможность выйти на новый уровень обобщений и интерпретаций в русской археологии Сибири – от Архангельска в России до Новоархангельска на Аляске, а также выделять региональные особенности русской культуры на этих территориях. Отрадно, что археологические материалы существенно дополняют сведения письменных источников по домостроительству, оборонительным сооружениям, хозяйству, быту и культуре русских сибиряков. Археологические коллекции позволяют изучать торговлю сибирских городов с Китаем, Бухарой, Западной Европой.

В заключение скажем, что за тридцать лет работ над концепцией ЭАК появились новые направления их исследований, каждое из которых требует отдельного анализа.

Список источников и литературы

Бережнова М. Л., Корусенко М. А., Полеводов А. В., Татауров С. Ф., Тихомиров К. Н., Тихонов С. С. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: могилы, могильники, погребальный обряд и мир мертвых в свете этноархеологических работ. – Омск : Издательский дом «Наука», 2016. – 294 с. – (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума ; т. 14).

Бережнова М. Л., Корусенко С. Н., Матвеев А. В., Татауров С. Ф., Татаурова Л. В., Тихомиров К. Н., Тихонов С. С., Томилов Н. А. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этносы, источники. – Омск : Издательский дом «Наука», 2014. – 192 с. – (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума ; т. 13).

Жук А. В., Тихонов С. С., Томилов Н. А. Введение в этноархеологию. Учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск : Наука, 2009. – Т. 11. – С. 79–125.

Тихонов С. С. <https://orcid.org/0000-0001-6909-0727>

Корусенко М. А. <https://orcid.org/0000-0001-7004-1287>

Примечания

1. Название условно и дано авторами статьи, поскольку официального утверждения его не было. Сам же С. Ф. Татауров использует и другие названия, например: «Государственные институты Сибирского ханства», «Сибирская государственность Шибанидов», «Средневековая сибирская государственность».

Е. Г. Шалахов

*Россия, Юрино, Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Марий Эл
«Замок Шереметева»*

**СИБИРСКИЙ ШАМАНИЗМ И ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье рассматриваются уникальные изображения на керамическом сосуде из погребения под курганом № 13 Кухмарского могильника эпохи бронзы. Элементы прочерченного рисунка – рыба, пораженная гарпуном, рыболовная верша (вентерь), гарпун с пятью шипами и три рыбообразных существа, очевидно, связаны с культовой практикой древнего населения. Судя по многочисленным фактам из этнографических источников, изображения на кухмарской посуде соотносятся с атрибутикой сибирского шаманизма.

Ключевые слова: археология, керамика, могильник, эпоха бронзы, сосуд, гарпун, амулет, шаман, шаманизм.

E. G. Shalakhov

*Russia, Yurino, State Budgetary Institution of Culture
of the Republic of Mari El «Sheremetev Castle»*

**SIBERIAN SHAMANISM AND THE ANTIQUITIES OF EASTERN EUROPE:
ETHNOARCHAEOLOGICAL ASPECT**

The article discusses the unique images on a ceramic vessel from the burial under the burial mound No. 13 of the Kukhmar burial ground of the Bronze Age. The elements of the drawn drawing – a fish struck by a harpoon, a fishing top (venter), a harpoon with five spikes and three fish-like creatures are obviously connected with the cult practice of the ancient population. Judging by numerous facts from ethnographic sources, the images on the cookware correlate with the attributes of Siberian shamanism.

Keywords: archeology, ceramics, burial ground, Bronze Age, vessel, harpoon, amulet, shaman, shamanism.

Появление носителей уникальных сейминско-турбинских бронз в лесной полосе Восточной Европы, вероятно, неким образом повлияло на культовую практику местных племен, вступивших в соприкосновение с воинственными пришельцами. В первую очередь это фиксируется в керамических комплексах памятников с так называемой «фатьяноидной» керамикой [Жульников, 2011, с. 30]. Наибольшего внимания, на мой взгляд, заслуживает находка из Кухмарского курганного могильника, открытого Ярославской археологической экспедицией (Я. В. Станкевич) в конце 30-х гг. прошлого века [Крайнов, 1962, с. 51].

Погребальный памятник абашевского типа расположен на холмообразном песчано-гравийном возвышении коренного берега Плещеева озера, в 7 км к северо-востоку от исторического центра г. Переславля-Залесского – в излучине ручья Кухмарь [Крайнов, Уткин, 1991, с. 147]. Первыми стационарными раскопками могильника в 1939 г. руководили П. Н. Третьяков и Я. В. Станкевич. Наиболее масштабные работы на Кухмаре были предприняты в 1959–1960, 1971 и в 1973 гг. Д. А. Крайновым [Там же, с. 147, 155, рис. 1].

В коллекции Кухмарского могильника есть оригинальный сосуд, который мог иметь ритуальное значение в эпоху бронзы. Речь идет о находке из кургана № 13. Сосуд с шаровидным туловом и резко отогнутой наружу раструбообразной шейкой, расчищенный в погребении № 1 упомянутого кургана, имел богато орнаментированную внешнюю поверхность с «отпечатками мелкозубчатого штампа в виде косо-вертикальных насечек (7 рядов), разграниченных зигзагообразными линиями из насечек того же штампа» [Крайнов, 1962, с. 59, рис. 13].

Как справедливо отмечал основной исследователь Кухмарского могильника Д. А. Крайнов, рассматриваемая находка интересна «еще и тем, что на внутренней стороне шейки нанесен крайне сложный рисунок» [Там же, с. 60, рис. 14/ 5].

Кроме орнаментации в виде косых насечек, Д. А. Крайновым зафиксировано шесть довольно условных изображений представителей речной ихтиофауны и орудий рыболовства, которые интерпретируются исследователем как рисунок пиктографического характера [Там же, с. 59].

Прямых аналогий кухмарской композиции нет, но изображения «рыбы, пораженной гарпуном» [Там же], рыболовной верши или вентера, гарпуна с пятью шипами и трех рыбообразных существ, на мой взгляд, передают некое сакральное действо, сопряженное с шаманскими ритуалами эпохи палеометалла.

Чтобы выяснить смысловую нагрузку образа рыбы (рыб) в обрядовой практике эпохи, оставившей после себя, например, ритуально-культурный (шаманский) комплект бронз Галичского клада [Студзицкая, Кузьминых, 2001, с. 140–155; Шалахов, 2021, с. 44–46], обратимся к опубликованным этнографическим источникам.

Любопытные свидетельства об использовании шаманских фетишей в виде рыб приводит в одной из своих статей Д. К. Зеленин: «Тунгусский шаман, приступая к лечению больного, также велит наделать идолов в виде зверей и рыб, которыми и обкладывают больного. <...> У енисейских тунгусов при шаманском камлании от болезней употребляются духи – деревянные изображения человека на налеме, две деревянные сросшиеся хвостами рыбы-мамонты, плот из девяти антропоморфных онгонов и т. д.» [Зеленин, 2011, с. 158–159].

По якутским верованиям, духи-помощники шамана могли являться в образе рыб [Там же, с. 165]. Костюм якутского шамана, по описанию исследователей XIX в., имел железные нашивки-амулеты, изображавшие рыб [Там же, с. 170].

Изображения рыб на сосуде из Кухмарского могильника полностью соотносятся с атрибутикой сибирского шаманизма, получившего мощный импульс к становлению в бронзовом веке Северной Азии [Окладников, 1973, с. 24].

То же можно сказать про изображения гарпуна и пронзенной им рыбы, запечатленные на кухмарском сосуде. Они у нас ассоциируются со стрелами-оберегами, которые в шаманской мифоритуальной практике призваны были запугивать или даже убивать демонов [Зеленин, 2011, с. 150].

Таким образом, символические духи-помощники и обереги кухмарского «шамана», запечатленные на внутренней стороне шейки сосуда из абашевского (?) погребения под курганом № 13, позволяют нам судить о проникновении в духовную жизнь племен лесной полосы Восточной Европы некоторых зауральских культовых традиций, сложившихся, полагаю, накануне сейминско-турбинской экспансии на запад.

Список источников и литературы

Жульников А. М. Плоскостные изображения на керамике в контексте взаимодействия древнего населения Восточной Европы и Зауралья // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2011. – № 7. – С. 23–36.

Зеленин Д. К. Культ онгонов в Сибири // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв. : хрестоматия : в 2 т. – СПб., 2011. – Т. 1. – С. 123–175.

Крайнов Д. А. Кухмарский курганный могильник // Памятники первобытной культуры. М., 1962. – С. 51–63. – (КСИА ; № 88).

Крайнов Д. А., Уткин А. В. Курганный могильник у ручья Кухмарь на Плещеевом озере // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. – Йошкар-Ола, 1991. – С. 147–159. – (АЭМК ; вып. 19).

Окладников А. П. Проблема связи между племенами Западной Сибири и Прибайкалья (на материалах петроглифов) в раннем бронзовом веке // Из истории Сибири. – Томск, 1973. – Вып. 7. – С. 20–25.

Студзицкая С. В., Кузьминых С. В. Галичский «клад»: (К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М., 2001. – С. 123–165.

Шалахов Е. Г. Сейминско-турбинские бронзы в абашевском горшке (к 185-летию со дня обнаружения Галичского клада) // Материалы и исследования по истории России : сб. науч. тр. – Нижневартовск, 2021. – С. 44–48.

Шалахов Е. Г. <https://orcid.org/0000-0002-8145-9889>

Список сокращений

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан (Казань)
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АСГЭ – Археологический сборник. Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)
АУ ЦОКН – автономное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр охраны культурного наследия» (Ханты-Мансийск)
АЭМК – Археология и этнография Марийского края (Йошкар-Ола)
Б. – большой
в. – век
ГАКК – Государственный архив Красноярского Края (Красноярск)
ГБУТО ГАТ – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ГРВЛ – Главная редакция Восточной литературы (Москва)
ГЭ – Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)
д. – деревня
ЗСО РГО – Западносибирский отдел Русского географического общества (Омск)
ЗСОИРГО – Западносибирский отдел Императорского Русского географического общества (Омск)
ИАК – Императорская археологическая комиссия (Санкт-Петербург)
ИАН – Императорская академия наук (Санкт-Петербург)
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск)
Изв. СО АН СССР – Известия Сибирского отделения Академии наук Союза Советских Социалистических Республик (Новосибирск)
ИИАЭ ДВО РАН – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток)
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ИМАО – Императорское Московское Археологическое общество
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИОЛЕАЭ – Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (Санкт-Петербург)
ИРГО – Императорское Русское Географическое Общество (Санкт-Петербург)
КазГУКИ – Казанский государственный университет культуры и искусств
КАЭ ЛОИА АН СССР – Кольская археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук Союза Советских Социалистических Республик (Москва)
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук Союза Советских Социалистических Республик (Ленинград)
ЛИКЭ ОНЦ СО РАН – Лаборатория историко-культурной экспертизы Омского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук
М. – малый
МАР – Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией (Санкт-Петербург)
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии Союза Советских Социалистических Республик (Москва)
НГУ – Новосибирский государственный университет
НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан (Казань)
НППП – Научно-производственное многопрофильное предприятие (Екатеринбург)
НЭБ – Национальная электронная библиотека Российской Федерации (Москва)
ОГИЗ – Объединение государственных книжно-журнальных издательств (Москва)
ООО – Общество с ограниченной ответственностью
П(К)ФУ – Приволжский (Казанский) федеральный университет
пгт – посёлок городского типа

ПМ – полевые материалы

р. – река

РА ИИМК РАН – рукописный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург)

РБ – Республика Башкортостан

РГО – Русское географическое общество (Москва)

РЭМ – Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

с. – село

САИ – Свод археологических источников (Москва)

Сб. МАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии (Санкт-Петербург)

ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков

ТАТГОСИЗДАТ – Татарское книжное издательство (Казань)

ТГПУ – Томский государственный педагогический университет

ТГУ – Томский государственный университет

ТИЭ – Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук Союза Советских Социалистических Республик (Москва)

ТИЭ. Новая серия – Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук Союза Советских Социалистических Республик АН СССР. Новая серия (Москва)

Тр. – Труды

Тр. ТКАЭЭ – Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии Академии наук Союза Советских Социалистических Республик

УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск)

ФГБОУ ВО БГПУ им. М. Акмуллы – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы» (Уфа)

ЦУХиП МФ МК им. И. Я. Словцова – Центр учета хранения и популяризации музейных фондов Музейного комплекса им. И. Я. Словцова (Тюмень)

ЯФ СО АН СССР – Якутский филиал Сибирского отделения Академии наук Союза Советских Социалистических Республик (Якутск)

Содержание

Историографические аспекты взаимодействия археологии и этнографии в реконструкции древней и средневековой истории, в том числе – личности, авторские подходы, исследовательские проблемы

Арзыбаев Т. К. Этнические основы древних кыргызов	3
Вртанесян Г. С. Вариации «основного» мифа индоевропейцев в Западной Сибири	8
Жук А. В. С. У. Ремезов: первые в России интерпретации этнографо-археологического материала	13
Корусенко М. А., Тихонов С. С. XXII симпозиум «Интеграция археологических и этнографических исследований» в Республике Казахстан (сентябрь 2018 г.)	17
Марсадолов Л. С. Признаки сакральности на древних святилищах (интегральный подход)	21
Медведев В. Е. От первого знакомства – до последних дней жизни: к 40-летию со дня кончины Алексея Павловича Окладникова (1908–1981)	27
Молодин В. И. Опыт археологических исследований памятников периода позднего Средневековья – Нового времени в Обь-Иртышской лесостепи	32
Павлова А. Н. Работы Т. А. Крюковой по этнографии финно-угров как основа для реконструкции семантики древнего костюма	37
Руденко К. А. Опыт взаимодействия археологии и этнографии в деятельности профессора Б. Ф. Адлера (казанский период: 1911–1922)	41
Семенова В. И. Тюмень на чертежах С. У. Ремезова	44
Собольникова Т. Н., Кузина А. В. Материалы экспедиций С. К. Патканова к южным хантам как источник для археолого-этнографических исследований	48
Старков О. Г. К вопросу оценки достоверности письменного источника на примере Краткой Сибирской летописи (Кунгурской)	53
Степанова О. Б. Вера Павловна Дьяконова – сотрудник отдела Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН	57
Томилов Н. А. А. В. Жук как историограф археологических, этнографических и этноархеологических исследований	61
Томилов Н. А. История и историография этноархеологии в серии «Интеграция археологических и этнографических исследований»	72
Томилов Н. А. 25 лет издательскому делу И. А. Кольца и масштабу изданий омских археологов и этнографов	78
Хлахула И. Кочевники железного века: рефлексии алтайских пейзажей	81
Шумкин В. Я. Историографические аспекты взаимодействия археологии и этнографии в реконструкции древней истории населения Кольского полуострова	90

Результаты практических работ в области интеграции исторических дисциплин, в том числе – археологии, этнографии, а также других гуманитарных и естественных наук и исторические реконструкции

Абеуова Е. К. Культовые объекты Бескарагая	94
Адаев В. Н., Карась П. Л. Ландшафтная приуроченность священных мест ненцев в свете проблем этноархеологии	98
Ахметова Ш. К., Толпеко И. В. Следы археологизации надмогильных сооружений на казахских кладбищах Среднего Прииртышья	102
Бондарев А. А., Здор М. Ю., Герасимов Ю. В., Корусенко М. А. Остеологические коллекции поселения Черталы-1	106
Варенов А. В., Пан Т. А. Об использовании средневековых китайских картин в археолого-этнографических реконструкциях (к атрибуции картины «Кочевники» из музея Гугун в Пекине)	112
Герасимов Ю. В., Загородникова Д. П., Корусенко М. А. Захоронения черепов из средневекового могильника Черталы в Тарском Прииртышье	117

Донина Л. Н., Сулова С. В. Диахронный этноархеологический анализ казанской филиграни: на примере «татар сыргасы»	121
Жукова Л. Н. Фольклорные тексты лесных юкагиров о предметах вооружения и быта	127
Зах В. А. Тарханский острог и его окрестности в конце XVII – начале XVIII века	131
Здор М. Ю., Павлов Д. Н., Черенкова С. В. Коллекция крестов-тельников, полученных при аварийно-спасательных раскопках грунтового могильника «Бывшее кладбище Бутырского форштадта Омской крепости» в г. Омске в 2018–2019 гг.	136
Зенин В. Н., Коровушкин Д. Г. Охота на медведя в культуре древнего и современного населения Северного Приангарья (предварительное сообщение)	141
Кокшаров С. Ф., Парганов Н. К. Этноархеологическое исследование городища Вежакоры	144
Кустова Ю. Г. Традиционные детские амулеты в культуре народов Саяно-Алтая	147
Мальцева Н. В., Белокопытова В. А. Интеграция этноанимации в культурно-просветительную практику краеведческого музея	152
Машарипова А. Х. Опыт привлечения архивных материалов для атрибуции селькупских погребений XVIII–XIX веков	156
Ожередова А. Ю., Ожередов Ю. И. К вопросу о китайском фарфоре в Западной Монголии (эпоха Цин)	160
Рыкун М. П., Смердина Л. Н., Смердина Ю. Г. Краниологические коллекции народов Южной и Западной Сибири, их значение при изучении стоматологического статуса алтае-саянских популяций	167
Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С. Основные аспекты социальной интерпретации объектов сянбийского времени комплекса Карбан-1 (Северный Алтай)	172
Смирнова Т. Б. Обрядовые венки по археологическим и этнографическим источникам Германии и России	176
Сопова К. О., Татауров Ф. С. Керамическая посуда русского населения Омского Прииртышья конца XIX – начала XX века: археолого-этнографический срез	180
Сотникова С. В. О проявлении культа предков в погребальном обряде эпохи бронзы: вторичные погребения в свете этнографических параллелей	184
Татауров С. Ф. Отношения Москвы и Сибири в XVII–XVIII веках в археологических материалах г. Тара	187
Татаурова Л. В. Лошадь в хозяйстве русского служилого населения Тарского Прииртышья: археология и письменные источники	192
Тихомиров К. Н., Тихомирова М. Н. Некоторые результаты этнографического и археологического обследования поселений татар в Тарском районе Омской области	195
Ткачев А. А., Ткачев Ал. Ал., Гюрджоян К. Г., Филатова М. О., Уткин М. В. Дендрохронологическое датирование раннехристианских погребений Тазовского Заполярья: предварительные данные	200
Тушева Е. К. К вопросу генезиса одного местонахождения каменных орудий в Олентинско-Шидертинском междуречье	205
Федорук О. А. Керамика русского периода с территории Алтайского края (опыт технико-технологического изучения)	209
Харинский А. В. Детские погребения Хужура 4 (Приольхонье)	212
Худавердян А. Ю., Амаякян С. Г., Тирацян Н. Г., Амаякян М. С. Способы обращения с телами умерших и случай трепанации в памятнике VII в. до н. э. из Нор Армавира (Армения): по данным палеоантропологии	217
Щербаков Н. Б., Гольева А. А., Шутелева И. А. Опыт применения мульти-прокси анализов к археологическому материалу карстовых озер Южного Приуралья	221

Этноархеологические исследования: теория, методика, источники этноархеологии, исследовательское поле этноархеолога, понятийный аппарат этноархеологии

Адаев В. Н. Этноархеология: проблема конструктивности междисциплинарного диалога	226
Бобров В. В. Теоретический сюжет интеграции археологических и этнографических исследований в области реконструкции религиозно-мифологических воззрений	230

Кисель В. А. Мотив параллельных линий на оленных камнях и этнографические аналоги	233
Кабакова Н. В., Корусенко С. Н. Географический указатель к Дозорной книге Тарского уезда 1701 года: информационный ресурс для изучения освоения территории и поиска поздних памятников археологии	238
Тихонов С. С., Корусенко М. А. Некоторые направления развития этно / этнографо-археологических исследований (по материалам западносибирской археологии и этнографии)	242
Шалахов Е. Г. Сибирский шаманизм и древности Восточной Европы: этноархеологический аспект	246
Список сокращений	248

Научное издание

Интеграция археологических и этнографических исследований

Сборник научных трудов

Кроме особо оговоренных случаев, в статьях использованы фотографии авторов
или из их личных архивов

Редактор К. А. Ожерельев
Технический редактор К. И. Кольц
Подписано в печать 19.09.2022. Формат 60 × 84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 31,75. Уч.-изд. л. 32,2.
Тираж 50 экз. Заказ В-6.

Издательство ООО «Издатель–Полиграфист».
Омск, ул. Герцена, 158 тел./факс: +7 (3812) 47-11-66